

Т.В. БЛАВАТСКАЯ
Е.С. ГОЛУБЦОВА
А.И. ПАВЛОВСКАЯ

**РАБСТВО
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ
В III-I ВВ. ДО Н.Э.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ РАБСТВА
В АНТИЧНОМ МИРЕ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*К. К. Зельин, С. Л. Утченко,
Е. М. Штаерман*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

Москва 1969

Т. В. БЛАВАТСКАЯ, Е. С. ГОЛУБЦОВА,
А. И. ПАВЛОВСКАЯ

**РАБСТВО
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ
В III—I вв. до н. э.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“

Москва 1969

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник, входящий в серию работ по истории рабства, подготовливаемую сектором древней истории Института всеобщей истории АН СССР, раскрывает перед читателем интересную и характерную картину социально-экономической жизни эллинистического мира.

Статьи книги посвящены рабовладельческим отношениям эллинистической эпохи в Северо-Западной Греции, Македонии, Малой Азии и птолемеевском Египте. На обширном археологическом, эпиграфическом и папирологическом материале авторы изучают соотношение и взаимодействие разнообразных местных форм эксплуатации рабов и зависимого населения.

Рабство в государствах эллинистического мира — один из наиболее острых и спорных вопросов античности. В нем, как в фокусе, отражаются все важнейшие социологические и общеисторические проблемы этого периода. Полностью отрицать наличие античных форм рабства в эллинистических государствах никто из исследователей не решится, так как это означало бы игнорирование или искажение материала источников. Но признание данного факта само по себе порождает целый ряд вопросов. Какое место занимало античное рабство в социальной структуре эллинистических государств? Было ли оно принесено греко-македонскими завоевателями или аналогичные формы уже существовали в странах Передней Азии? Какое влияние оказали греческие формы рабства на местные формы зависимости и эксплуатации? Привело ли греко-македонское завоевание к дальнейшему развитию античного рабства или под влиянием местных традиционных форм эксплуатации греческие формы рабства модифицировались либо даже утратили свое значение?

Эти вопросы влекут за собой еще более сложные и широкие: как определить в социологическом плане общественную структуру эллинистических государств? Были ли однородными или неоднородными производственные отношения в Греции и странах Передней Азии или это кардинально иные типы, определяющие различную формационную принадлежность данных обществ? Была ли эпоха эллинизма определенным прогрессивным этапом в развитии рабовладельческой формации, а следовательно, и всего древнего мира в целом или лишь временным отклонением от присущего странам Древнего Востока способа производства («азиатского», по мнению одних, или феодального, по мнению других)?

Эти вопросы неоднократно ставились и ставятся в нашей и зарубежной историографии и, вероятно, еще долго будут оставаться спорными, так как дошедшая до нас информация — сообщения древних авторов, папирусы, надписи, острака, клинописные таблички, памятники материальной культуры — очень скудна,

отрывочна, случайна, а методы исследования и обработки далеко не совершенны, чтобы давать в любом случае однозначный ответ. Наиболее характерными и частыми приемами обработки скудных и фрагментарных источников являются суммарное использование данных, относящихся к разным районам эллинистического мира и разным векам его истории, и генерализация единичных фактов и документов. Но эти методы, естественно, налагают отпечаток субъективности на результаты исследования.

Все эти сложные методологические и методические вопросы встали перед авторским коллективом, приступившем к работе над историей античного рабства в эллинистических государствах. Авторы книги не ставили себе целью дать исчерпывающую картину развития рабовладельческих отношений во всех странах эллинистического мира.

Задача была более скромной: исследовать все документы, в той или иной мере касающиеся рабовладельческих отношений, в нескольких относительно компактных районах эллинистического мира. В качестве объектов были избраны три таких района: Северо-Западная Греция и Македония, Малая Азия, Египет.

В Северной Греции расположено одно из важнейших эллинистических государств — Македония. Но так как источники по социально-экономической истории Македонии эллинистического периода очень скудны, то для понимания процесса развития рабства в этом районе Греции необходимо было изучить развитие рабовладельческих отношений в соседних с Македонией областях — Эпире, Аккарнии, Локриде, сходных по социально-экономическим условиям и историческим путям развития. Этот материал позволяет проследить развитие античных форм рабства в районах, отстававших в классическую эпоху от передовых греческих полисов и сохранивших ко времени завоеваний Александра Македонского ряд патриархальных элементов социально-экономического устройства.

Особый интерес в плане развития социально-экономических отношений в эпоху эллинизма представляет Малая Азия, где издавна сосуществовали греческие полисы, персидская монархия и местные племена, сохранявшие в значительной мере элементы первобытнообщинного устройства. Это исконное многообразие социальной структуры определило и многообразие путей развития эллинистических государств Малой Азии.

Материал малоазийских надписей и литературные источники при всей скудости позволяют проследить весьма характерное сочетание дальнейшего развития классических форм рабства в полисах и модификацию форм эксплуатации местного сельского населения, так называемых «царских людей».

Наконец, на материале греческих папирусов птолемеевского Египта весьма интересно рассмотреть роль греческих форм рабства в развитии страны со специфическими, тысячелетиями раз-

вивавшимися местными формами социально-экономического устройства.

Едва ли здесь нужно пересказывать выводы, к которым пришли авторы в результате исследования источников: они достаточно четко изложены в соответствующих разделах книги. Отметим лишь, что, хотя каждый из очерков, входящих в эту книгу, посвящен локальному материалу, в своей совокупности, как нам кажется, они позволяют выявить некоторые общие черты в развитии рабства в эллинистическую эпоху и в какой-то мере способствуют разрешению тех больших и спорных вопросов о социально-экономической структуре эллинистического общества, которые дебатировались в настоящее время в исторической литературе.

Т. В. Блаватская

ИЗ ИСТОРИИ РАБОВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЛЯХ ГРЕЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Судьбы западных областей Центральной и Северной Эллады представляют один из важных разделов истории греческого народа в древности. Обычно исследователи нового времени подчеркивают замедленный темп развития таких земель, как Локрида, Этолия, Акарнания, Эпир¹. Отсталость их по сравнению со Спартой VI—V вв. или Атикой V—IV вв. настолько очевидна, что иногда она отодвигает в тень такие особенности социальной и политической жизни западных эллинов, которые, несомненно, заслуживают пристального внимания. Ведь сложение общественных установлений здесь шло теми же путями, что и в юго-восточной части страны, но замедленность этих процессов придавала им черты особого своеобразия, усугубившегося в период эллинизма благодаря новым внешнеполитическим условиям. Например, сопротивление этолян македонскому владычеству, соперничество их с Ахейским союзом, дружба и борьба с Римом — все эти события III—II вв. оказывали огромное воздействие на внутреннюю жизнь полисов Западной Греции. В этой сложной обстановке проявились такие силы полисного строя, которые гораздо слабее выступали в истории восточных эллинов. Так, если обратиться к истории Этолийского союза, то можно найти в этой симполитии черты столь реальной сплоченности и равноправия ее членов, каких никогда не могла достичь знаменитая Делосско-Афинская архэ.

В экономической жизни названных областей Эллады очень много неясного и неизученного. Между тем здесь в эллинисти-

¹ Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии. — ИГАИМК, вып. 101, 1934, стр. 75.

ческий период отчетливо выступают черты хозяйственного расцвета полисов, имевшего своим следствием зажиточность среднего слоя их свободного населения. Это указывает на существование особых ресурсов античного способа производства. Возможно, что немалую роль играли гораздо лучшие материальные условия, в которых находились северо-западные эллинские общины по сравнению с полисами Аттики или Пелопоннеса. Но решающее значение имели местные формы организации общественного производства, локальные особенности в положении основных групп производителей материальных благ. В связи с этим вопрос об удельном весе труда рабов, о его количестве и качестве, о типичных и атипичных формах рабства в западных областях континентальной Греции представляет несомненный интерес. Было бы весьма важно проследить те мутации античного рабства, которые возникали в немногочисленных городах горной Этолии (жители ее славилась грубостью и любовью к роскоши) или еще менее цивилизованных эпиротов, населявших обширные и плодородные долины, по общей площади намного превосходившие весь Пелопоннес. Столь же поучительным представляется изучение рабовладельческих институтов и у локров озольских, также долгое время сохранявших много черт старинного быта. В III—II вв. экономика северо-западных эллинских государств испытала глубокие потрясения из-за той быстроты, с которой эти земли были вовлечены в большую политику Центрального Средиземноморья. Происходившая тогда нивелировка местных институтов захватила и область рабовладения.

Однако изучение названного круга вопросов чрезвычайно затруднено недостаточностью источников. Редкость упоминаний авторов и ограниченное количество довольно однотипных эпиграфических документов² являются весьма серьезными препятствиями. Поэтому в современной историографии нельзя найти специальных исследований о рабовладении в северо-западной части Эллады, хотя отдельные акты об отпуске рабов на свободу или серии манумиссий из разных полисов Локриды, Этолии, Акарнании и Эпира, а также из полисов Иллирии были подробно опубликованы. Но эти исследования носят преимущественно эпиграфический характер. Действительно, анализ надписей из мелких полисов, история которых почти не известна, потребовал много труда таких крупных исследователей как А. В. Никитский, В. Диттенбергер, А. Вильхельм, Ж. До, Г. Клаффенбах и др. Историки еще мало пользовались результатами эпиграфических исследований, обратив главное внимание на вопросы хронологии, госу-

² Только города Локриды Озольской доставили более или менее достаточное количество рабских отпускных. Из Акарнании и Эпира происходят лишь единичные документы этого рода, несколько больше актов дали города Этолии.

дарственного устройства, религиозных воззрений. Что касается изучения рабского населения западных земель Греции по данным отпускных, то этой области истории уделено еще недостаточно внимания. В качестве примера назовем солидное двухтомное исследование Л. Лера о западных локрах, вышедшее в 1952 г.; автор проходит мимо данных о рабах Локриды, хотя сам публикует много новых надписей об освобождении.

Исключения составляют специальные работы В. Л. Уэстермана³ и Ф. Бёмера⁴. Но в труде Уэстермана данные о рабовладении в названных частях Эллады почти совсем не привлечены, за исключением некоторых сведений литературной традиции. Достоин сожаления и то обстоятельство, что, при сравнительно подробном рассмотрении дельфийских манумиссий, автор счел возможным пройти мимо вопроса о роли выходцев из полисов Средней и Северной Греции, совершавших сделки в храме Аполлона в Дельфах. Таким образом, специфика использования подневольного труда в Локриде, Этолии, Акарнании и Эпире осталась вне поля зрения Уэстермана. Должно признать, что указанный пробел представляет большое упущение при изложении системы греческого рабовладения, поскольку изучение локальных вариантов этого сложного социального института совершенно необходимо для проникновения в его сущность. Заметим также, что краткость очерка о рабовладении в Греции (этой проблеме в книге отведено лишь 57 страниц) привела к исключению из него многих важных сторон рабовладельческой системы. Поэтому работа Уэстермана даже в области фактического изучения греческого рабства⁵ дает не так много для интересующей нас проблемы в истории западных земель материковой Греции в III—II вв. до н. э.

Гораздо больше внимания уделено сведениям о рабстве в названных территориях в труде Ф. Бёмера. Но сама тема автора — изучение сакральных отпускных — ограничивает его исследование лишь одной группой источников. Правда, сакральная форма манумиссий преобладала на практике, и благодаря этому в поле зрения Бёмера попало огромное количество документов. Все известные ему акты автор перечислил в первой части своей работы (стр. 18—111), представляющей исключительно полный свод. Здесь не только простое упоминание документов: во многих случаях Бёмер убедительно уточнил и дополнил чтение ранее изданных надписей. Отмечая эрудицию и знание источников, которые так украшают труд Бёмера, мы не можем не возразить ему по некоторым общим вопросам. Так, например, неприемлемо объединение документов эллинистической и римской эпох. Оно продикто-

вано формальным сходством актов, но за одинаковыми формулировками скрывались весьма различные условия рабовладения. К сожалению, Бёмер вообще не склонен уделять большое внимание конкретным условиям применения рабского труда, все его внимание обращено на изучение формальной стороны манумиссий. Поэтому он тщательно разграничивает сакральные и гражданские отпускные. Основные усилия исследователя направлены на то, чтобы доказать первичность гражданской формы отпускного акта. По мнению Бёмера, светская формулировка манумиссии была изначальной, лишь впоследствии появилась сакральная разновидность записи об отпуске рабов. Нам представляется, что такое резкое разграничение между сакральными и гражданскими документами искажает действительное положение вещей. В мировоззрении античной Греции не было резкого противопоставления гражданского и религиозного начал, как это полагает Бёмер, видимо, под воздействием той огромной пропасти между духовным и светским началами, которую мы видим в современном обществе. Но перенесение этого разрыва в античность является неприемлемой для нас модернизацией. Рассматривая рабовладельческое общество Греции, не следует забывать того, что на той ступени развития человечества в его мировоззрении не могло быть принципиального разрыва между гражданскими и религиозными институтами. С этим вынужден считаться и Бёмер, когда на стр. 141 он признает, что в ранней Греции существовала слабо развитая и мало распространенная форма так называемого сакрального отпуска, состоявшая в том, что светские формы получали дополнительное религиозное утверждение благодаря сакральным санкциям. Однако автор не останавливается на подробном изучении ранних форм эллинской сакральной манумиссии, равно как и на общем вопросе о месте этого акта в общей системе греческого права. Решение вопроса Бёмер ищет в том, что развитая сакральная форма отпуска рабов посредством фиктивной продажи божеству была принесена в Элладу извне, вместе с чуждыми культами. Воспринятая дельфийским жречеством, рассматриваемая форма манумиссии получила широкое распространение в Греции. Изложенный вывод Бёмера покоится на шатком основании: автор совершенно произвольно вырвал сакральные манумиссионные акты из системы юридических установлений греческого полиса. Тем самым исследователь не только оставил без внимания истоки рассматриваемой правовой практики, но и отказался от изучения внутренних связей этого частного явления с общим развитием государственных форм в раннеэллинистическое время. Следует отметить, что слабость построений Бёмера во многом порождена недооценкой им греческого права, которое в действительности представляло обширную систему. Сила правовых воззрений греков достаточно ясно сказалась в их повсеместном распространении в эллинистических странах.

³ W. L. Westermann. SSGRA.

⁴ Börner. Freilassung.

⁵ См. подробный анализ концепции Уэстермана в рецензии А. Р. Корсунского, В. И. Кузицина, Я. А. Ленцмана, А. И. Павловской, И. С. Свенцицкой (ВДИ, 1958, № 4, стр. 136-158).

Сведения об особенностях рабовладения¹ в эллинистический период в Локриде Озольской заслуживают самого пристального рассмотрения².

¹ В изучении Западной Локриды очень многое сделано одним из крупнейших русских исследователей конца прошлого—начала нынешнего века А. В. Никитским, профессором университета в Юрьеве. Предприняв критико-методологические опыты переисследования многих эпиграфических источников из Дельфы и полисов Локриды Озольской, А. В. Никитский ввел в употребление в нашу отечественную литературу ряд терминов, несколько архаически звучащих ныне, но очень точно передающих значение того или иного частного-правового термина древних греков. Поэтому мы сочли необходимым следовать его терминологии и употреблять такие слова, как «отпуститель», «парамонарий», «отпущение-продажа» и т. д.

Никитский. ДЭЭ — А. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды, I—IV. Одесса, 1894.

Никитский. Исследования — А. Никитский. Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901.

Никитский. НИЗ Л — А. В. Никитский. Надписи из Западной Локриды. — ЖМНП, 1884, декабрь, стр. 47—50.

Никитский. ОЗЛН — А. В. Никитский. О западнолокридских надписях. — ЖМНП, 1911, январь—март, стр. 28—154.

AE, 1955, p. 51—89, № 1—3, 6—8 — E. Mastro-Loucas. Ἐπιγραφαὶ Ἑσπερίας Αοχρίδος, Αιτωλίας, Φωκίδος. — *Ἐφ. Αρχ.*, 1955 (1961), σ. 51—89.

Ca., p. 354—361 — E. Cahen. Inscriptions de Locride et d'Étolie. — *BGH*, XXII, 1898, p. 354—361.

Daux. Delphes — G. Daux. Delphes au IIe et I^e siècle. Paris, 1936.

Lerat. Locr. — L. Lerat. Les Locriens de l'Ouest, vol. I—II. Paris, 1952 (при ссылках на надписи — Ler.).

Mas., — E. Mastrokostas. Inscriptions de Locride et de Thessalie. — «Revue des etudes anciennes», v. LXVI, 1964, № 3—4, p. 291—319.

Na., 1—30 — E. Nachmanson. Freilassungsurkunden aus Locris. — *AM*, XXXII, 1907, S. 1—70, № 1—30.

Wilhelm — A. Wilhelm. Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien, 1909, S. 128—136, A5 119—123.

тропы не смогли быть проложены через них за более чем четыре тысячи лет постоянного обитания человека в этих местах. Населенные пункты Западной Локриды сосредоточены поэтому в прибрежной части, внутри страны лишь в ее восточной части лежали города Фиск, Амфисса и Миания. Скудость естественных ресурсов ставила локров озольских даже в более трудные условия существования, чем население Этолии или Акарнании. Земельная теснота играла немалую роль в экономическом развитии Локриды; этот фактор накладывал большой отпечаток на историю и общественные институты жителей области.

Конкретные особенности производственной жизни локров озольских сказались и на характере рабовладения. В этом разделе социальной жизни обитателей Западной Локриды можно заметить достаточно рано очень большие отличия от соответствующих установлений у этолян или акарнанов. Вместе с тем в эллинистическую эпоху наблюдается возрастающее уподобление рабовладельческих институтов локрян озольских практике рабовладения в Фокиде, Беотии, Аттике. Иными словами, в IV—II вв. в Западной Локриде происходило как бы нивелирование условий эксплуатации рабов, приближение к соответствующим установлениям областей с более развитым рабовладельческим хозяйством.

Объяснение отмеченным особенностям нужно искать в своеобразии общественного развития населения Локриды Озольской. Если обратиться в глубь веков, то можно заметить достаточно раннее сложение рабовладельческого государства в изучаемой части Средней Греции.

Примечательно то обстоятельство, что локрские общины довольно рано приступили к выработке юридических норм, определявших гражданские права и обязанности. Попытки законодательства у локров восходят еще к VI в. до н. э., судя по сообщению Аристотеля о локрском законодателе Ономакрите, считавшемся *δενός περί νομοθεσίαν* и жившем во времена Фалеса (Polit., II, 9, 5). Хотя Аристотель не указывает, в какой из Локрид осуществлялась деятельность Ономакрита, однако весьма ошутимое единство юридических норм Локрид, существовавшее еще в первой половине V в., позволяет думать, что и озольские локры хотя бы частично пользовались установлениями этого законодателя.

Уже к 460 г. в полисах Западной Локриды развитие институтов эллинской государственности достигло значительной степени. Знаменитые бронзовые скрижали с постановлением о выводе переселенцев в Навпакт из полисов Локр Гипокнемидских и из Халиея Локриды Озольской (Syll., 47) и с договором Оянфии и Халиея (IG, IX, I¹, 333) рисуют достаточно сложные отношения в экономической, социальной и политической областях жизни.

Доставляемые вторым из названных документов сведения о принципах внутреннего устройства Оянфии позволяют сделать заключения о строе не только этого, но и других локрских поли-

сов, поскольку в источниках V и IV вв. государства Локриды Озольской выступают обычно как социально однородные политические единицы. В Оянфии, судя по IG, IX, I¹, 333, господствовали аристократические порядки, поскольку избрание дополнительных судей должно было быть произведено сообразно благородству (*ἀριστινοῶν*). Примечательно, что при сумме иска выше одной мины полагалось избирать 15 благородных, а при иске ниже одной мины было достаточно лишь 9 «лучших». Видимо, привилегии происхождения уже не пользовались абсолютным авторитетом в денежных делах локрян того времени. Но главным было то, что аристократические принципы лежали в основе всей конституции оянфян. Сколь ни малозначительно приведенное известие, оно приобретает еще большее значение, если сопоставить его с рассказом Аристотеля (излагаемым у Полибия — XII, 5—11) о роли старинной аристократии в колонии локрян в Сицилии — Локрах Эпизефирийских. Проверая правильность версии Аристотеля, Полибий сам узнал у итальянских локров, что их знать происходит от Ста семей, составляющих аристократию в метрополии. Как известно, вопрос о том, Западная Локрида или Восточные Локриды были метрополией, пославшей апойкию в Южную Италию в первой трети VII в., не был ясен ни античным авторам, ни современным³. Предлагаемое Бераром решение, что все Локриды принимали участие в выводе апойкии, представляется нам наиболее отвечающим действительности⁴. При несомненном единстве общественных учреждений полисов Локриды Озольской и Локриды Гипокнемидской, которое демонстрирует постановление о статуте переселенцев в Навпакт (Syll., 47), данное предположение наиболее правдоподобно.

Конечно, известие о Ста аристократических семействах в Локридах таит в себе еще очень много неясного. Однако для локров озольских мы имеем право почерпнуть отсюда еще одно свидетельство в пользу господства аристократии в их полисах, продолжавшегося не только в VII—VI вв., но даже и в первой половине V в.

Сколь Долго продолжалась власть аристократии в Локриде Озольской, сказать в настоящее время трудно. В надписях эллинистического времени политические учреждения локрских полисов обнаруживают черты демократического устройства, хотя реальная сила демократии в этих государствах пока не может быть определена с достаточной ясностью.

³ Вопрос этот освещен весьма обстоятельно Бераром: J. Berard, La colonisation grecque de l'Italie meridionale et de la Sicile dans l'antiquite². Paris, 1957, p. 199—207.

⁴ Следует обратить внимание на традиционно локрский характер, который носит наименование основанного в Италии нового полиса, — это опять Локры, хотя и Эпизефирийские.

⁵ Нам представляется, что Лера необоснованно отказывается от полного признания аристократического характера локрских политий. См.: Lerat. Locr., II, p. 123—124, 137—142.

Длительному сохранению господства аристократии локров способствовали тенденции к консерватизму, проявившиеся в ряде сторон их общественной жизни. Этот консерватизм отмечает еще Фукидид (I, 5), когда рассказывает об общепризнанности обычной грабежей, сохранившейся у локров, этолян, акарнанов и эпигротян с древнейших времен. Как справедливо показал Лера⁶, приведенное замечание Фукидида следует принимать с большой оговоркой, помня о том, с какими развитыми полисами афинский историк сравнивал локрские государства. Добавим, что слова Фукидида следует относить прежде всего к обитателям труднодоступных горных районов Локриды Озольской, в которых конфликты между соседями могли возникать довольно часто из-за пастбищ, водоемов и др. О замедленности темпов развития Западной Локриды можно говорить и на основании сообщения Аристотеля (Polit., II, 7, 6), отмечающего, что у локров разрешено продавать имущество только в случае постигшего гражданина несчастья.

Но сколь ни были прочны позиции аристократов в раннее время, активное участие Локриды Озольской в крупнейших событиях эллинской истории, начиная от эпохи Пелопоннесской войны, должно было сильно способствовать внутреннему развитию локрских общин и вместе с тем смене аристократических форм правления демократическим устройством. Следует полагать, что прибрежные полисы, находившиеся на весьма оживленной морской дороге, вероятно, раньше достигли демократических институтов, поскольку морские и торговые слои имели большой удельный вес среди их населения. Последнее обстоятельство проявлялось с полной силой уже во времена заключения соглашения Ояффии и Халиея, тщательно взаимно оговаривавших в названном документе условия пребывания чужестранцев и граждан союзного полиса. Нет необходимости доказывать, что эти статьи отвечали прежде всего интересам торгово-ремесленных элементов.

Большой сдвиг в сторону демократизации крупнейшего приморского города Локриды Озольской должен был произойти после захвата Навпакта афинянами в 456/5 г. и вселения ими туда побежденных спартанцами мессенян⁷. Но возможно и то, что агрессия Афин по отношению к локрам озольским должна была вызвать враждебную реакцию в среде их аристократии.

Действительно, в начале Пелопоннесской войны локры, судя по известиям Фукидида (II, 9, 2), держали сторону Спарты. То обстоятельство, что Фукидид не именует каждую Локриду в отдельности, позволяет думать о единстве политики локров западных и восточных. Однако утверждение афинского флота в водах Коринфского залива должно было оказать решающее воздействие

на позиции локрских городов, и уже в 426 г. озольские локры названы Фукидидом союзниками афинян (III, 95, 3). Правда, Амфисса вскоре заняла противоположную позицию, да и остальные локрские полисы выдали заложников Спарте лишь при появлении спартанского войска в Дельфах. Исключение составили Ойнеон и Евпалий, оказавшие сопротивление и взятые силой лакедемонским военачальником Еврилохом (Thuc., III, 101—102). В названных городах можно предполагать активную роль демократических проафинских элементов; трудно проследить судьбу локрских полисов в последующие годы афино-спартанского столкновения. Колебания военной фортуны должны были приводить к временным усилениям то аристократических, то демократических группировок в локрских городах. Известие Афиней (V, 216a) о том, что в 424 г. локрская конница выступала вместе с беотийской, позволяет думать, что зажиточное «всадничество» восточных локров последовательно придерживалось аристократической проспартанской политики. Вероятно, и в большинстве полисов озольских локров были сильны подобные тенденции. Недаром спартанцы, изгнав в 401 г. из Навпакта мессенян, отдали этот город именно озолам (Diod., XIV, 34) — следовательно, они рассчитывали на симпатии озольской аристократии или даже уже вознаграждали своих друзей. Па эту же мысль наводит и указание Оксирихского историка в рассказе о событиях 395 г. на то, что локры озольские всегда были дружественны беотянам (XVIII, 4). Эта близость относится еще к периоду господства аристократии, беотийская демократия лишь начинала свой подъем в эти годы.

Внутреннее развитие Локриды Озольской в 1-й половине IV в. испытывало все большее влияние внешнеполитических обстоятельств. Участие локров в конфликте крупнейших политических сил того времени должно было усилить напряжение социальной жизни в этих небольших полисах. Дело шло уже не о столкновениях на пограничных пастбищах; вопрос стоял о борьбе новых демократических сил с лаконофилами в пределах и каждого полиса и всей Средней Греции. Примечательно, что в битве при Немее в 394 г. на стороне беотян выступала легковооруженная пехота локрян озольских (Xen., Hell., IV, 2, 17) — контингента, поставленные из среды самых широких слоев свободного гражданства. Несомненно, что последующий длительный союз с одержавшими

⁹ Перенесение арены борьбы в центральные области Средней Греции заставило Локриду Озольскую быть даже зачинателем в Беотийской войне 395 г., за которой уже последовала Коринфская война 394—387 гг. Правда, античная традиция называет участниками начального столкновения то локров озольских (Hell. Oxyg., XVIII, 2; Pausan., III, 9, 9—11), то опунтских (Xen., Hell., III, 5, 3). Лера полагает более достоверным рассказ Ксенофонта (Legat. Locr., II, p. 42), но нам представляется, что детальный, изобилующий живыми подробностями текст Оксирихского историка содержит более

⁶ Lerat. Locr., II, p. 115—110.
⁷ Thuc., I, 103, 3; Diod., XI, 84, 7.

победу беотийскими демократами должен был усилить позиции демоса и внутри самой Локриды Озольской. Однако процесс этот шел не прямо, как позволяет судить беглое известие Полиена о существовании тирании в Оянии в 370-х годах¹⁰. Произвол тамошнего правителя Фрикодама по отношению к гражданам Оянии обнаруживает черты, свойственные власти многих тиранов IV в. Можно полагать, что возникновение этой тирании было обязано неустойчивому внутреннему положению в Оянии. Несмотря на указанное исключение, демократические силы, видимо, приобретали все большее влияние в Локриде Озольской, которая выступает верным союзником фиванской демократии (Хен., Hell., VI, 5, 23). Профиванская политика локров озольских приносила им иногда большие потери — Навпакт некоторое время был в руках ахейян, державших там гарнизон, и лишь в 367 г. Эпаминонд освободил этот город (Diod., XV, 75). Предполагая укрепление демократии в полисах Западной Локриды в период фиванского возвышения, мы исходим из тех общих направлений, по которым шла полисная жизнь и в V и в IV вв., — в большинстве государств Эллады, особенно мелких, внешние силы часто доставляли решающую поддержку той или иной форме политики.

Сохранение локрами озольскими и после 362 г. союзных отношений с беотянами заставляет думать, что большую роль в этом играли демократические симпатии. В самом деле, во время Священной войны 355—346 гг. Западная Локрида сначала выступает один на один против Фокиды — Лера совершенно справедливо указал на это обстоятельство¹¹. Названный исследователь подчеркивает лишь давние споры локров с фокидянами. Нам представляется необходимым назвать и политическую основу этого столкновения, которая становится понятной благодаря рассказу Диодора (XVI, 25, 1) о составе войска Филомела. Фокидский военачальник собрал под своими знаменами множество наемников и «лучших из фокеев» и выступил против локров¹². Последующая борьба принесла Локриде Озольской много бед — неприятель опустошал поля, убивал и захватывал в плен воинов (Diod., XVI, 28, 3: οἱ οὐλοῦντες δ' ἐξώλησαν...), прежде чем в 354 г. в конфликт вступили другие государства Эллады. Инициатива Локр Озольских в развязывании войны с Фокидой представляется нам еще одним соображением в пользу весьма убедительного предположения Лера о том, что койнон западнолокридских полисов возник в эпоху фиванской гегемонии¹³.

¹⁰ Polyae., Strat., VIII, 46; Lerat. Loci-, II, p. 45—46. К сожалению, Лера не придал должного значения данному известию.

¹¹ Lerat. Locr., II, p. 47—48.

¹² Лера указывает на стратегические соображения, побуждавшие Филомела вести войну с озольцами (Lerat. Locr., II, p. 47), однако нам кажется, что немалую роль должны были играть и идеологические расхождения.

¹³ Lerat. Locr., II, p. 55—58.

Выдержка, монолитность и высокая боеспособность озов в борьбе с Филомелом позволяют думать, что их объединение существовало уже достаточно давно и достигло значительной прочности.

Мы сочли необходимым рассмотреть некоторые события истории Западной Локриды в домакедонский период с тем, чтобы попытаться выяснить характер социальных институтов, выработанных населением этой области к началу эллинистического времени. По-видимому, следует прийти к заключению, что демократические слои к середине IV в. полностью оттеснили локрскую аристократию, что отражало преобладание в экономической жизни двух типов свободных: земледельца (среднего или мелкого) и горожанина, занятиями которого могли быть морское дело, ремесла, промыслы, торговля. Меньшее значение, видимо, составляли две другие группы — свободная беднота и представители старинной землевладельческой аристократии. К этим группам внутри рабовладельческого населения нужно добавить имущих чужестранцев, обитавших в локрских полисах и также владевших рабами. Изучение поставленной нами темы настоятельно требует характеристики типов хозяйств, в которых локрами озольскими применялся рабский труд. Ведущая роль земледелия в экономике небольших городков¹⁴ заставляет назвать прежде всего земледельческие хозяйства. В более крупных приморских городах следует ожидать широкого применения рабов в промыслах, ремесле и торговле. К сожалению, конкретные письменные данные об экономическом потенциале каждого из видов хозяйства в Локриде Озольской до сих пор отсутствуют. Можно привлечь лишь один косвенный источник, который, как нам кажется, способен дать частичный ответ на поставленный вопрос.

Мы имеем в виду остатки оборонительных укреплений локрских городов, которые пока что являются единственным археологическим материалом из Западной Локриды. Каждый из локрских полисов в эллинистическую эпоху был защищен мощными каменными стенами.

Добротность этих укреплений всюду одинакова — будь то крупные или мелкие города. Сравним крепостные стены Амфиссы¹⁵, акрополь которой не смогли взять римляне в 190 г., с укреплениями Миании¹⁶, отстоявшей от первой на расстоянии менее 10 км к югу. Стены Миании возведены из правильных блоков, длина которых нередко превышала 1,5 м. Лишь в тонкости

¹⁴ Соглашение между Халиеем и Тритеей, заключенное в конце IV или начале III в. (Lerat. Locr., II, p. 84), показывает, как тщательно оба полиса заботились об интересах своих земледельцев — хлебопашцев, виноградарей, оливководов.

Lerat. Locr., I, p. 174—178, pl. LIX—LXII, fig. 10.

¹⁶ Ibid., p. 169—173, pl. LIV—LVII, fig. 9.

отделки уступает кладка этих стен укреплениями амфиссян¹⁷. Самая большая башня у последних имеет по фронту 12,5 м, тогда как мианияне для своего гораздо меньшего города (площадью около четверти квадратного километра) возводили башни длиной свыше 8 м (башня III — 8,43 м, башня IV — 8,15 м). Сравнение оборонительных линий обоих полисов наводит на мысль, что материальные средства, вложенные в эти сооружения, пропорционально почти одинаковы. Иными словами, экономический потенциал обеих гражданских общин различался не столь уже сильно. Правда, и Амфисса, и Миания являются полисами с однотипным экономическим профилем, однако размеры их столь различны, что отсутствие резкого контраста между их средствами позволяет поставить вопрос о большой близости имущественного потенциала большинства их граждан. Данное предположение носит, безусловно, предварительный характер. Нет сомнения, что среди обитателей западнолокридских полисов имелись лица с очень большими состояниями¹⁸. Но в общей массе среднее гражданство, видимо, обладало близкими экономическими возможностями и вместе с тем именно оно преобладало в локрских городах. Тем самым следует предположить, что основным типом рабовладельца у локров озольских в IV—III вв. был собственник не очень большого числа рабов. Исключение составлял лишь Навпакт, узловое положение которого давало огромные преимущества морским и торговым кругам его населения, что создавало предпосылки для возникновения там больших состояний, выразившихся в деньгах и имуществе, в том числе и в рабах.

Добротность работы локрских стеностроителей оставляет еще одно впечатление: возводившие крепости гражданские коллективы рассчитывали на длительное сопротивление врагу. Это можно понять как свидетельство достаточной устойчивости общин, как признак того, что демократические слои сохраняли еще большую жизнеспособность в полисах Локриды Озольской.

§ 2. ИСТОЧНИКИ О РАБАХ В ЛОКРИДЕ ОЗОЛЬСКОЙ

Античные авторы не сохранили почти никаких указаний относительно рабовладения эллинистического времени в Локриде. Беглые сведения, которые приводит Полибий о взятии в плен и продаже в рабство жителей некоторых локрских городов, носят настолько общий характер, что извлечь из них точные данные о рабовладельческих институтах у западных локров не представляется возможным. Поэтому особенное значение имеют юриди-

¹⁷ В Амфиссе соблюдалась горизонтальность рядов и даже употреблялась тонкая рустовка.

¹⁸ Ограбленные Марком Ацилием в 190 г. во имя интересов дельфийцев 46 граждан Локриды Озольской (Lerat. Locr., II, p. 74) должны были принадлежать к состоятельным кругам населения своих родных полисов.

ческие документы изучаемого времени — отпускные грамоты, дошедшие в довольно большом количестве. В настоящее время общее количество отдельных документов-манумиссий из Локриды Озольской достигает цифры 110¹⁹. Но локрские манумиссии из Дельфы исключены из круга наших источников полностью (кроме SGDI, № 2097, которая является дубликатом документа, принятого в Фиске), так как дельфийские тексты отражают сделки, заключенные вне Локриды.

Хронологические рамки этой группы источников ограничены периодом от последней четверти III до конца I в. до н. э., причем подавляющее число документов относится ко II в. Географическое распределение изучаемых надписей весьма неравномерно: из Навпакта и его загородного храма Асклепия на Ключах (Круны) происходит 75 отпускных грамот, из Фиска — 21, из Амфиссы и Фестина — по 5, из Ояфии — 2, из Халиея и Толфона — по 1.

Еще в 1884 г. А. В. Никитский отметил, что манумиссии из Локриды Озольской почти не отличаются по форме от аналогичных дельфийских грамот. Изменения в прескриптах надписей зависели обычно от перемен в политическом положении того или иного локрского города. Но весьма важную особенность в языке локрских документов отметил недавно Лера: гаранты в них часто именуются термином *προσπολιτας*. Такое обозначение имело место в одной лишь Локриде Озольской. Более того, граждане ее полисов, составляя манумиссионные акты в Дельфах, сохраняли свой обычный термин *βεβαιωτη*, хотя в Дельфах имело хождение название *βεβαιωτη*, проникшее и в некоторые запродажные грамоты Локриды Озольской²⁰. Данная терминология указывает на то, что в полисах Западной Локриды процедура отпуска раба на волю вырабатывалась не только по дельфийскому образцу²¹, но и в зависимости от местных установлений. Данное обстоятельство подкрепляется и тем, что самые ранние из ныне известных дельфийских манумиссий на несколько лет позже первых локрских (IG, IX, 1 364 и 370 — из Навпакта), а также и тем, что именно локряне были авторами отпускных грамот, ранее всех высеченных на полигональной стене в Дельфах²². Принимая во внимание указанные факты, будет вполне обоснованным ставить вопрос о наличии у локров озольских своей, выработанной за долгое время особой системы отпуска на волю рабов. Элементы сходства локрской и дельфийской формул следует объяснить общностью ряда традиций этих соседних областей Средней Греции.

¹⁹ В это число включены и самые мелкие обломки отпускных, поскольку каждый из них содержит свидетельство о факте отпуска раба.

²⁰ Lerat. Locr., I, p. 22.

²¹ Эта мысль получила слишком большое значение у Бёмера (Bömer. Freilassung, S. 67—71).

²² Lerat. Locr., II, p. 103.

Источники эллинистического времени не доставляют свидетельств о каких-либо особенностях в юридическом состоянии невольников Западной Локриды. Все же следует предполагать, что в обычном праве эллинов этой области могли сохраняться какие-то остатки представлений классической эпохи. Тогда у всех локров, судя по возражению Тимея Аристотелю, существовал запрет пользоваться покупными невольниками для личных услуг: Athen., VI, 264c: Τιμαίος δ' ὁ τοιοῦτον ἐν τῇ ἐνάτῃ τῶν ιστοριῶν «οὐκ ἦν, φησί, πάτριον τοῖς Ἑλλήσιν ὑπὸ ἀργυρονήτων τὸ παλαιὸν διακονεῖσθαι», γράφων οὐδὲς «καθόλου δὲ ἤθιοντο τὸν Ἀριστοτέλη διημαρτηγένοι τῶν Λοκρικῶν ἐθνῶν οὐδὲ γὰρ κερτῆσθαι νόμον εἶναι τοῖς Λοκροῖς, ομοίως δὲ οὐδὲ Φωκεῶσιν, οὐτε θεραπαίνας οὐτε οἰκέτας πλὴν ἐγγόη των χρόνων. Эта мелкая работа возлагалась, видимо, на младших членов семьи, как позволяет понять ссылка Тимея на обычаи в соседней Фокиде. Трудно решить, в какой мере свидетельство Тимея следует применить к порядкам озольских локров. Осторожность в данном вопросе тем более необходима, что в законе о высленцах в Навпакте оговорено, что магистрат, преступивший законы, должен быть наказан лишением гражданских прав и продажей имущества καὶ τὰ χρήματα πωματοφρεῖσθαι. τὸ μέρος μετὰ Φοικιάταιν.

Если в Халиее и в Навпакте около 460 г. производилась продажа ойкиатов вместе с наделом, то это заставляет полагать следующее: у локров озольских к первой половине V в. рабы, ойкаты, рассматривались как один из видов движимого имущества, подлежащего купле-продаже. Перечисление отчуждаемых ойкатов вместе с землей может быть истолковано как свидетельство применения их труда прежде всего в сельском хозяйстве, следовательно — в производственной сфере. Во всяком случае надпись Syll.³, 47 указывает на существование покупных рабов — ἀργυρονήτοι — у локров озольских уже в V в. Весьма правдоподобно, что в этой бедной области Эллады в ранние времена приток невольников на рынок был довольно слаб, что и могло породить запрет использовать покупных рабов для обслуживания хозяев²³. Ведь Тимей говорит именно о личной прислуге, как показывают употребленный им глагол διακονεῖσθαι последующий рассказ о двух рабынях-прислужницах у жены Филомела, захватившего Дельфы.

²³ Образ жизни у локров, видимо, отличался большой простотой и суровостью — условия, способствующие длительной жизнеспособности патриархальных устоев. Вспомним, что Залевк воспретил жителям Локр Эпизефирских напиваться чистым вином без предписания врача, причем карой ослушнику была смертная казнь (Athen., XIV, 625e). Подобная строгость нравов должна была иметь основу в моральных устоях метрополий, в числе которых была и Локрида Озольская. Возможно, что старинные обычаи подчинения и личной службы младших членов семьи старшим содействовали возникновению и консервации закона, запрещавшего пользоваться личными услугами купленных рабов.

В небогатом хозяйстве крестьянина подобное использование рабочей силы невольника, конечно, представлялось вредной роскошью²⁴. Вопрос о положении локрских ойкиатов классического времени остается пока темным. Лера допускает возможность сопоставления их с фессалийскими пенестами²⁵, но полное исчезновение изучаемого термина в последующие столетия позволяет думать, что его применяли к обычным рабам, а не к исконному населению страны, попавшему в рабство к локрам.

Наличие покупных ойкиатов не отрицает использования локрами доморожденных рабов²⁶. Возможно, что в древнейшие времена доморожденные рабы имели какие-то преимущества перед покупными, так как традиция о выселении потомков рабов из метрополий в Локры Эпизефирские должна была основываться на некоей реальной основе.

Отмеченные особенности рабовладельческих отношений более ранних эпох могли сказаться на установлениях о рабах у локров озольских в эллинистическое время. Правда, источники, имеющиеся в настоящее время, почти не дают никаких указаний на этот счет.

Обозначение рабов в западнолокридских текстах не отличается от наименований в других эллинистических полисах. Обычно это σκῆλα ἀνδρῶν или γυναικῶν для взрослых. Дети именуются τὸ παιδάριον, τὸ κοράσιον, τὸ κορίδιον.

Примечательно, однако, то, что локры озольские всегда указывали в запродажных грамотах происхождение раба — иноземец ли он или доморожденный. По-видимому, в повседневной жизни проводилась какая-то разница между этими двумя категориями, возможно, восходящая к упомянутым выше древним установлениям.

Обозначения доморожденных рабов не отличаются от распространенных в те времена терминов. Обычно употребляют τὸ γένος οἰκουμένης, встречается термин ἐνδογνής, в надписи IG, IX, 1, 1072 из Амфиссы упомянута ἡ σύντροφος.

²⁴ Указанное сообщение Тимея не дает оснований утверждать, как это делает Лауффер, что в аграрных Фокиде и Локриде рабский труд был впервые допущен законом лишь в IV в. (S. Lauffer. Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt. — «XIe Congrès Internationale des Sciences Historiques. Rapports II». Uppsala, 1960, p. 85). Здесь же Лауффер делает вывод о том, что рабство при таких условиях не могло быть необходимостью для хозяйства или основополагающим элементом общественного устройства. Нам кажется, что рассказ Тимея о нареканиях фокидян на некоего Мнасона, имевшего 1000 рабов и тем самым лишившего многих граждан необходимого пропитания, как раз и свидетельствует о применении рабского труда, пусть в ограниченных кругах свободного гражданства Фокиды.

²⁵ Legat. Locr., II, p. 141—142.

²⁶ Посвящение Гере Олимпиаде из Фиска (V в. до н. э.) с упоминанием θήλεια (SEG, III, 433) — не следует ли привлечь его к освещению данной темы?

Как использовали локры озольские своих невольников в III—I вв., сказать трудно. Почти полное отсутствие указаний на квалификацию выкупавшихся на волю рабов заставляет думать, что или в Локриде Озольской не придавали значения ремесленным специальностям раба, или таких рабов было сравнительно немного среди отпускаемых. Второе предположение представляется более правдоподобным, как так в отпускной из Навпакта с уважением назван τεχνίτης αὐτοποιός (Leg., I, 92, На), а во многих других документах отпускаемые на волю рабы совершенно очевидно принадлежат к разряду домашней прислуги²⁷.

В качестве предварительного заключения можно говорить о сравнительно небольших количествах рабов, находившихся во владении одного рабовладельца. Действительно, ни в одном из отпускных актов не встречается отпуск на волю более 4 человек одновременно²⁸. Преобладание манумиссий с условием парамонэ заставляет думать, что рабовладельцы в Локриде Озольской стремились удержать в своем хозяйстве отпускаемых, что также говорит о недостаточности контингентов невольников.

Почти полностью отсутствуют и данные о реальных условиях, в которых находились невольники западных локров. Конечно, выросшие в доме хозяина рабы, особенно те, кто именовался σύντροφος или θρεπτός, могли пользоваться какими-то мелкими послаблениями. Но наряду с этим существовали самые жестокие способы обращения с рабами. Так, около 170 г. житель небольшого городка Мистаки в округе Фиска Николай, соглашаясь на выкуп двух своих доморожденных рабынь Архо и Афродисии, записывает в запродажную грамоту свое право «бить и драть» их, если они не будут выполнять порученного им. Данное условие, навязанное отпущенникам, говорит о том, что раб в Локриде Озольской был столь же беспощадно эксплуатируем, как и в прочих областях с развитыми формами рабовладения. Формы принуждения невольника и здесь колебались от самых примитивных (τόπων καὶ δέρων) до достаточно тонкой системы получения от раба наибольшей выгоды, до подкупа его надеждой на освобождение^{28a}.

Примечательно в положении рабов у локров озольских и то, что все документы отпуска на волю имеют форму сакрального акта. Видимо, государственные формы в полисах Западной Локриды

²⁷ Отпущенный после 166 г. в Фиске по документу AE, 1955, р. 60, № 6 раб, очевидно, являлся дядькой сына хозяина, поскольку он получал полную свободу лишь после женитьбы юноши.

²⁸ Четыре доморожденные рабыни выкупились по документу IG, IX, 1, 351.

^{28a} И в Дельфах в ряде документов оговорено право отпущенника применять телесные наказания к отпущенникам-парамонариям (К. К. Зельин. Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в древней Греции. В кн.: К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, стр. 162–163),

не достигли еще такого уровня, при котором состояние вольноотпущенников гарантировалось бы одними светскими законами.

Следует заметить еще и то, что гражданские общины небольших локрских полисов (Фиска, Толфона, Оянии) принимали активное участие в выкупе рабов на свободу: не только сделка часто производилась ἐν ἐνόμῳ ἱερασίᾳ, но иногда даже в качестве свидетелей выступали все граждане²⁹.

Это обстоятельство может быть истолковано как признак осуществления самого тщательного контроля общины свободных над рабским населением полиса. Гарантируя силу выкупного акта одного из немногих освобождавшихся, коллектив рабовладельцев одновременно подкреплял право каждого отдельного хозяина применять любые меры принуждения к принадлежавшим им «телам» мужского и женского пола.

§ 4. ЦЕНЫ НА РАБОВ

Поскольку Западная Локрида в III—I вв. не выделялась особенно развитыми ремеслами и торговлей, постольку и для этой области Средней Греции можно предполагать использование рабов преимущественно недорогих. Здесь трудно ожидать значительного спроса на те категории невольников, которые служили атрибутами роскоши. Также и высококвалифицированные дорогостоящие работники, столь необходимые в крупных рабовладельческих хозяйствах³⁰, вряд ли могли найти сбыт на рабских рынках сравнительно небольших локрских городков. Исключение составлял лишь Навпакт, игравший особо важную роль в период подчинения его этолиям с 270 г. В этом крупном морском городе собирався совет Этолийского союза, и здесь можно предполагать спрос на ряд таких рабских специальностей, применение которых оставалось неизвестным остальным обитателям Локриды Озольской.

До настоящего времени отсутствуют прямые сведения о ценах на рабских рынках Западной Локриды в изучаемый период. Следует лишь предполагать, что в период особо удачных войн этолян и вместе с ними локров в продаже появлялось сразу большое количество поработанных людей, что, несомненно, имело следствием кратковременное падение цен на рабов.

Но, несмотря на колебания рыночных цен, в Западной Локриде все же можно ожидать существование каких-то средних цен на рабов, державшихся более или менее стабильно в течение нескольких лет. Как нам кажется, данные манумиссий сообщают именно

²⁹ В надписях Оянии (SEG, XII, 278 и 279) упомянуты просто μάρτυροι οἱ πολῖται. В Фиске, согласно Syll., 855, свидетелями выступали 3 архонта, 1 казначей καὶ οἱ συνταρόντες ἐν ταῖς ἐκκλησίαις, которых было всего лишь 18 человек.

³⁰ Никий за раба-управляющего заплатил целый талант, т. е. 60 аттических мин (Xen., Mem., II, 5, 2).

эти средние цены, поскольку наиболее вероятно, что выкупавшиеся рабы договаривались со своими отпускителями, исходя из стоявших тогда цен на работников аналогичной силы и квалификации. Поэтому сведения, которые можно почерпнуть в отпускных документах, представляют значительный интерес. Особенно ценны указания манумиссионных актов на чисто денежную форму выкупа, поскольку при таких сделках обе стороны исходили из существовавших тогда рыночных цен на рабов. В данном вопросе мы решительно отвергаем соображения Уэстермана относительно манумиссионных цен, которые он высказывает по поводу дельфийских отпускных записей: что-де цены при выкупе на свободу не могут быть сопоставляемы с ценами при рыночной продаже рабов. Первый аргумент названного исследователя состоит в том, что на манумиссионные цены воздействовал целый ряд малоизвестных нам факторов, в частности личные отношения хозяина и раба. Воздействие указанного обстоятельства имело место в некоторых случаях, но в общей массе выкупов на волю подобных казусов было не так много. Ярким доказательством сказанному является то обстоятельство, что из 110 западнолокридских манумиссий ни в одном документе нет речи о бесплатном отпуске раба на волю. Только среди актов об освобождении локрами озольскими своих рабов в Дельфах имеется ³¹ надпись о даровом посвящении рабыни Аполлону Пифийскому.

Столь незначительное число даровых манумиссий позволяет с уверенностью говорить о том, что фактор личных отношений играл в изучаемой сфере отношений весьма небольшую роль и не мог оказать существенного влияния на общий характер цен из отпускных актов. В подавляющем большинстве случаев выкуп на волю представлял собою чисто коммерческую операцию, и отрывать ее от однородной ей рыночной купли-продажи рабов вряд ли имеет смысл. К тому же, выдвигая фактор личных отношений, Уэстерман не раскрывает его значения в сделках об освобождении рабов. Ниже он приводит еще одно возражение против отождествления манумиссионных и рыночных цен на рабов. Солидаризируясь с Кальдерини, американский исследователь полагает, что манумиссионные цены были выше рыночных потому, что отпускители находились в положении сторож ³², обладающей безусловным перевесом при заключении сделки, и, конечно, пользовались этим для получения наибольшей выгоды. Данная мысль имеет некоторое основание, но не в ней главная суть дела, которую Уэстерман как-то упустил из виду. Дело в том, что рабы в античной экономике представляли собою товар, обращение которого на рынке подчинялось основным законам товарооборота. Известно, что в отдель-

ных случаях монопольное положение продавцов или покупателей позволяло им поднимать цены на свои товары выше существовавших средних рыночных цен. Но такое исключительное положение не могло длиться очень долго, приток товаров вносил поправки в уровень цен. Также было и с живым товаром — стою лишь разницы, что здесь процесс проходил сложнее, так как монопольное положение рабовладельцев наталкивалось на весьма разнородные противодействующие силы. В частности, огромную роль должны были играть расчеты хозяев на то, что раб, получивший отказ в выкупе, станет работать совсем плохо и тем самым практически обесценится. Кроме того, рабовладельцу было выгодно побудить раба к интенсивному труду в течение нескольких лет перед выкупом на волю, так как невольник, лишенный всякой надежды на освобождение, никогда не станет проявлять усердия. В интересах самих рабовладельцев было производить замену пожилых рабов на более сильных молодых, и выкупная цена старого раба служила очень удобным средством для подобной смены рабочей силы.

Мы назвали лишь несколько весомых материальных расчетов, которые должны были изрядно умерять аппетиты рабовладельцев и сокращать их тенденцию использовать преимущества своего положения каким-то исключительным образом. Наличие этих факторов, а вероятно, и других, еще не известных, заставляет думать, что разрыв между манумиссионными и рыночными ценами на рабов не был особенно велик. Поэтому следует внимательно рассмотреть выкупные цены, полагая их более или менее отвечающими ценам на рабских рынках. К тому же в некоторых случаях можно будет произвести сравнение цен при сделках выкупа на волю и продажи на рынке невольников более или менее близкого рабочего потенциала.

Естественно, что различия возраста и пола оказывали большое воздействие на выкупные суммы.

Наиболее ясно локрские источники говорят о ценах на малолетних невольников. По-видимому, ребенок-раб в среднем оценивался в 1 мину серебра — эта цифра записана в обязательстве отпущенницы из Навпакта Сосо, которая должна была выкормить своими средствами одного ребенка, мальчика или девочку безразлично; в случае невыполнения названного условия Сосо платила денежную пеню в 1 мину серебра ³³. Есть все основания полагать, что данная сумма считалась достаточной для покупки на рынке ребенка. Поскольку Сосо должна была выкормить маленького раба за время своей четырехлетней парамонэ, постольку можно думать, что речь идет о цене ребенка 5—6 лет. В другой манумиссии, тоже из Навпакта, говорится о выкупе двух замороженных рабов-мальчиков за 2 мины обоих (Ler., I, 91b). В менее значительном

³¹ Syll. ², 855. Судя по контексту, можно думать, что здесь молодая хозяйка освобождает вырастившую ее рабыню.

³² W. L. Westermann. SSGRA, p. 36, note 30.

³³ Na., 20. См. Никитский. ОЗЛН, стр. 65—69.

центре, Амфиссе, дети-рабы ценились, как кажется, несколько больше — Сосиха, дочь Зоса, отпускала свою невольницу Никострату взамен двух маленьких невольников (IG, IX, 1¹, 1066). Так как средняя цена женщины-рабыни, как мы увидим ниже, составляла 3—4 мины, то возможно, что уже в начале I в. н. э., когда совершалась сделка Сосихи и Никостраты, дети-рабы ценились дороже, по 1,5—2 мины.

Невольники-подростки ценились гораздо дороже и более дифференцированно. Правда, среди манумиссионных актов имеется одна отпускная, называющая весьма низкую цену — 1 мина и 5 статеров³⁴, но состав участников сделки заставляет думать, что в данном случае имело место особое покровительственное отношение отпустительницы Филомеды, гражданки города Каллия, к отпускаемому ею невольнику-подростку Аристею. Остальные источники называют большие суммы. В документе Na., 11 выкупная цена за мальчика (παῖδάριον) достигает 3 мин, столько же стоит хорῖδιον Гистиея (Na., 14), подростки Аристократ и Никасия вместе оценены в 5 мин³⁵.

Приведенные цифры интересны тем, что все названные документы из Крун относятся к сравнительно небольшому периоду в 25—30 лет после 167 г., как указывает Лера³⁶. Следовательно, содержащиеся в этих отпускных цены устойчиво держались на навпактском рынке в середине II в. Размер выкупных сумм рабов-подростков — 2,5—3 мины — позволяет заключить, что эта категория невольников высоко котиновалась.

Переходя к данным о ценах на взрослых рабов у локров озольских, следует сразу оговориться, что и в этом вопросе мы располагаем лишь сведениями из отпускных документов. К сожалению, часть отпускных записей с условием парамонэ нужно сразу исключить: в этих случаях цена рабов выражена не только в деньгах, но и в последующем их труде в качестве вольноотпущенников. Данную трудность уже отметил Уэстерман³⁷, и нам остается лишь согласиться с ним.

Мужчины-рабы оценивались в Западной Локриде от 3 до 14 мин, причем цифры в 4—6 мин преобладают. Поскольку во всех западнолокридских отпускных записях с хорошо читаемой суммой выкупа (за исключением одной) отсутствуют указания на профессию отпускаемого, постольку об основаниях для столь различных оценок можно высказывать лишь предположения.

³⁴ Na., 21. Издатель в строке 8 надписи видел сумму в 0 мин и 1 статер, но это чтение весьма убедительно отверг Никитский, показавший с помощью арифметики странность прибавки 1 статера к 5 минам. По мнению Никитского, наиболее возможно читать здесь цену в 1 мину и 5 статеров (Н и к и т с к и й. ОЗЛН, стр. 112—115).

³⁵ Na., 26. В локрских документах обычно точно указывается, сколько взимается за каждого отпускаемого раба; см., например: Na., 19.

³⁶ Lerat. Locr., II, p. 126, note 2.

³⁷ W. L. Westermann. SSGRA, p. 36.

Самая низкая цена взрослого раба — 3 мины — встречается не столь уж часто. Только в одном документе идет речь о выкупе за 3 мины замороженного раба³⁸, в остальных актах с указанием этой суммы упомянуты рабы, приобретенные на рынке. Манумиссионная грамота из Навпакта³⁹ называет выкупающегося за 3 мины раба Пратиона⁴⁰, возможно, варвара, как показывают остатки его этника. Таковы же размеры выкупной суммы⁴¹, которую внесли в святилище Диониса в Крунах фракиец Косм⁴² и выходец из малоазийского племени тибаренов Офелий⁴³, — видимо, оба, поработанные в результате плена, не обладали ни ценной специальностью, ни особой услужливостью, что могло повысить их цену в глазах хозяев. Примечательно, что в названных отпускных документах нет никаких указаний на парамонэ, — видимо, владельцы не рассчитывали на дальнейшую службу этих вольноотпущенников. В навпактском святилище Диониса после 167 г. за такую же цену получил свободу Либан, родом араб⁴⁴. Однако его отпуститель поставил особое условие, которое значительно увеличивало (пусть не в непосредственной денежной форме) стоимость выкупа для Либана. Некоторые недавно поработанные невольники-мужчины ценились несколько выше — они уплачивали за свободу по 4 мины каждый. Это мидянин Оронт, сирийцы Евбулид и Зопир, македонянин Онисим⁴⁵, фракиец Ник... (Lerat., I, 91a) — все они получили свободу в Навпакте, где часто имело место появление на рабском рынке больших количеств военнопленных⁴⁶. О выкупе замороженного раба за 3 или 4 мины свидетельствует документ из Навпакта, касающийся освобождения Истроса⁴⁷.

Запродажные грамоты на сумму в 5 мин рассказывают об освобождении взрослых мужчин лишь в трех случаях⁴⁸, причем двое из освобождавшихся за эти деньги людей были замороженными рабами.

³⁸ Освобождение в святилище Диониса в Навпакте — IG, IX, 1¹, 377. Возможно, что в данном случае имело место покровительственное отношение отпустителей (их не меньше двух) к отпускаемому.

³⁹ IG., IX, 1¹, 364 = SEG, XII, 291; Lerat. Locr., I, p. 68, note 3.

⁴⁰ Имя его сразу напоминает πρῶτον λίθος — камень, с которого продавали рабов; см.: Lidell—Scott, 1941, s. v.

⁴¹ Na., 15; см. Никитский. ОЗЛН, стр. 62.

⁴² Na., 13; см. Никитский. ОЗЛН, стр. 58—61.

⁴³ IG, IX, 1¹, 374. Предписание μή Ορεψάτω [δέ] γενεάν Αφρωνος остается неясным до сих пор. См., например: Börner. Freilassung, S. 68.

⁴⁴ Na., 2, 6, 23, 16.

⁴⁵ Отпуск рабов-иностранцев на условии одной только денежной компенсации можно проследить и в некоторых документах с утраченной суммой. Так, в Фиске около 170 г. было отпущено сразу не менее двух фессалийцев (Wilhelm, № 119).

⁴⁶ IG, IX, 1¹, 376. Начертанный на том же камне, что и акт IG, IX, 1¹, 377, этот документ может указывать на аналогичные обстоятельства выкупа Истроса и Агафа.

⁴⁷ Lerat. Locr., I, p. 40, note 1; Na., 30 и 31.

Шесть мин уплачивали за свою свободу люди, видимо, недавно порабощенные, но обладавшие какими-то средствами у себя на родине. Таким человеком, несомненно, был амфимолитянин Македон⁴⁸, а также булочник Нумений, родом из Орфосии Сирийской⁴⁹. Последний мог быть высоко оценен и за свою ремесленную квалификацию. Столько же уплатил своему хозяину и некий Асклепиад⁵⁰, имя которого указывает скорее всего на рождение в семье свободных родителей-греков.

Случаи выплаты более высоких выкупных сумм рабами-мужчинами в локрских городах довольно редки. По 7 мин уплатили доморожденные рабы Болос и Филлий (Na., 19, 28), 9 мин потребовал от своего доморожденного раба Харита один из граждан Навпакта (Na., 1). Можно думать, что во всех трех случаях освобождение получили работники высокой квалификации, скопившие нужные для выкупа суммы трудом где-то вне дома хозяев, причем сохранение их рабского состояния не могло принести владельцам дальнейшей выгоды. Видимо, этими же соображениями руководствовался и сын Ламия (имя его не сохранилось), отпустивший своего раба, вероятно, доморожденного, за 10 мин⁵¹. Самая крупная сумма выкупа была внесена Деметрием из Лаодокеи своему владельцу Клеагену из Халиея — он уплатил в храме Аполлона Насиота 1000 драхм⁵², что составляет немногим более 14 дельфийских мин⁵³. Спекулятивный характер названной сделки не требует особых пояснений: корыстолюбивый Клеаген решил нажиться на беде богатого лаодикейца, единоземца, попавшего в неволю в результате плена на войне или захвата пиратами.

Перечисленными выше документами исчерпываются наши сведения о выкупных суммах, которые платили в Западной Локриде рабы-мужчины⁵⁴. Другие цифры доставляют акты об освобождении женщин, хотя этих надписей до нас дошло гораздо меньше — большинству выкупавшихся рабынь было поставлено условием парамонэ в доме хозяина. Примечательно и то, что колебания размеров выкупной суммы при чисто денежных сделках рабынь более резки, чем в случае выкупа рабов-мужчин.

⁴⁸ Освобожден в святилище Асклепия в Крупах (Na., 19).

⁴⁹ Leg., I, 92, Na. После цифры M на камне, как нам кажется, оставалось место лишь для одной M.

⁵⁰ Na., 34. Ту же цифру в 6 мин находим в надписи IG, IX, I¹, 361, но так как неизвестно, один или два раба выкупались за эти деньги, то мы оставляем указанный документ пока без рассмотрения.

⁵¹ Na., 27. Имя и происхождение раба не сохранились, но, судя по количеству утраченных букв в строке 3 надписи, там могли стоять имя в 5—6 букв и слова, определявшие этническую принадлежность.

⁵² IG, IX, I¹, 331.

⁵³ Дельфийская мина заключала 70 драхм.

⁵⁴ Для нас осталась неясной сумма, обозначенная в манумпсии, высеченной в храме Асклепия в Крупах (SEG, XIV, 469).

Минимальную сумму — 2 мины — уплатила лишь одна рабыня, фракиянка Ноэма (Na., 5). Другая рабыня, судя по имени, — гречанка, Дексия из Пиксии, выкупилась за 3 мины 55. Уроженка острова Скирос Пракс⁵⁶ и ее сын Гераклеодор получили свободу за 5 мин оба (IG, IX, I¹, 359): мояшо полагать, что мать оценили в 3 мины, а мальчика — в 2 мины. Данный документ заставляет думать о случайном порабощении Праксо и ее ребенка, по всей вероятности, выпросивших откуп на волю у приобретшей их на невольничьем рынке жительницы Навпакта Эпикратии. Возможно, что Эпикратия, соглашаясь отпустить на волю недавнюю гражданку Скироса, взыскала с нее лишь ту сумму, которую она сама за них заплатила.

Гораздо больше потребовал от своих двух рабынь Евритим из Ояфии, заставивший каждую из них уплатить по 5 мин 56. Житель мелкого городка Акотиея вынудил у своей доморожденной рабыни 8,5 мин за отпуск ее на волю в святилище Асклепия в Крупах в Бутте⁵⁷. Очевидно, корыстолюбие хозяина одержало верх над желанием иметь в своем доме столь ценную рабыню. Доморожденная рабыня Агаро также выкупилась на волю за 9 мин у буттийца Гелланика, сына Ламия⁵⁸.

Упомянутые выше документы ограничивают все известные нам в Западной Локриде случаи полного освобождения рабынь с внесением одной лишь денежной платы. Здесь ясно сказывается разница между возможностями раба и рабыни заработать деньги на освобождение трудом вне дома хозяина, которые существовали в античном обществе. Вместе с тем можно заметить следующую тенденцию: недавно порабощенные невольники, имена которых сопровождалось указанием на происхождение из какой-либо страны или государства, могли цениться или не очень высоко или, напротив, очень дорого, тогда как доморожденные рабы и рабыни в большинстве случаев выкупали себя на свободу за суммы средних и выше средних размеров. Отсюда следует, что рабовладельцы Западной Локриды охотно отпускали на волю человека, ставшего невольником случайно, непригодного к рабскому уделу. В этом случае, как нам кажется, с бедняка взимали только ту сумму, за которую хозяин купил невольника на рынке, или близкую к ней. Но известны и иные сделки, когда размер выкупной суммы определялся имуществом семьи порабощенного, и уж здесь цена освобождения становилась гораздо выше рыночной покупной цены. Более крупные суммы, которые платили доморожденные невольники, позволяют думать, что вообще

⁵⁵ Na., 18. Никитский (ОЗЛЫ, стр. 65) отмечает неясность географического наименования родины Дексии.

⁵⁶ SEG, XII, 278 и 279.

⁵⁷ Leg., I, 95a.

⁵⁸ Na., 19. Примечательно, что отпущенные на волю одновременно с Агафо рабы Македон и Болос ценились гораздо меньше ее (см. выше).

на рынке замороженный раб ценился выше раба, лишь недавно утратившего свободу. Цена свободы замороженного раба могла в какой-то мере зависеть от его отношений с хозяином, как отмечал Уэстерман, но, несмотря на это, в подавляющем большинстве актов ясно проступает умение хозяев получить максимальную сумму с отпускаемого, хотя он и взращен в стенах его дома. Сказанное подтверждают документы II в. из Асклепиейона в Крунах: в 17 текстах сохранилось указание о цене выкупа и происхождения 20 человек. Взрослые замороженные обоего пола платили 9 (Na., 1 и 19), 8,5 (Leg., I, 95a), 8 (Na., 28), 7 (Na., 19), 6 (Na., 21) и 5 **МНН** (Na., 30 и 31). Покупные рабы внесли 4 (Na., 2, 6, 16, 18, 23), 3 (Na., 13 и 15) и 2 мины (Na., 5). Только уроженец Амфиополя оценен в 6 мин (Na., 19).

В пользу изложенных выше соображений мы назовем последнюю из известных нам надписей с полностью сохранившейся выкупной суммой. Это акт об отпуске на волю в святилище Диониса в Навпакте трех людей, которые, по основательному предположению Диттенбергера (IG, IX, 1¹, 375), составляли одну семью. Действительно, в документе перечислены раб Евтихид, родом галат, рабыня Афродисия, родом из Фракии, и замороженная маленькая Сосистрата (**τὸ γένος οἰχογενής**), за которых «всех вместе» хозяин взыскал 35 мин! Алчный Дионисий, сын Евсфения, повысил выкупную сумму до самого верхнего предела.

§ 5. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЛОКРСКИХ РАБОВ в III—I вв. до н. э.

Рабское население Локриды Озольской пополнялось в эллинистическое время за счет тех же двух источников, что и в остальной Элладе, — путем покупки невольников на рынке—или возвращения рабов дома. Какой из названных способов возобновления контингента рабов преобладал у локров, судить по имеющимся источникам трудно, хотя более вероятно предположение, что в изучаемое время покупные рабы количественно намного превышали замороженных рабов. Правда, большинство источников — документы об освобождении рабов — свидетельствует о перемене в положении именно замороженных невольников. Это были выходцы из наиболее привилегированных групп рабского населения, занимавшихся ремеслом и торговлей или выросших в доме хозяина и потому пользовавшихся наибольшими льготами. Последнее содействовало накоплению ими выкупной платы. Действительно, если судить по манумиссиям, то из 65 случаев сохранившихся указаний на происхождение отпускаемого раба 39 человек названо из числа рабов замороженных и 26 рабов-чужеземцев, очевидно, купленных на рынке. Соотношение этих цифр весьма красноречиво, но следует помнить, что из всех

освобожденных в Западной Локриде за 150—200 лет рабов нам известно лишь немногим более 100 человек. Нужно учесть, что общая масса рабов в названной области Средней Греции должна была исчисляться по меньшей мере одной-двумя тысячами единовременно, что может составить не менее 10—20 тысяч на протяжении полутора столетий (если считать продолжительность трудоспособности раба в среднем 15 лет). Сопоставление всей массы невольников со сравнительно небольшим числом выкупившихся на свободу предостерегает от механического перенесения соотношения между замороженными и покупными рабами, которое мы находим в манумиссиях, на все рабское население. Этого следует избегать тем более, что в периоды больших войн количество рабов из военнопленных должно было наверняка превышать контингент замороженных.

Уловить какие-либо закономерности в пополнении разряда замороженных невольников нам пока что не удастся. В Западной Локриде, как и повсюду в Элладе, действовало правило, что общественное положение родителей определяло положение детей и потому дети невольников с момента своего появления на свет становились рабами. Локрские рабовладельцы широко пользовались термином **οἰχογενής**, что, несомненно, отражает повседневность указанного явления. Известен даже случай, когда рабовладелец оговаривает право владения ребенком вольноотпущенницы, хотя по правилу дети, родившиеся после выкупа на волю, считались свободными. Это соглашение об отпуске амфиссиянкой Сосихой на волю ее рабыни Никостраты (IG, IX, 1¹, 1066), причем Никострата должна была доставить взамен себя двоих детей, то ли своих, то ли купленных на рынке [...εἴτε ἐξ ἁθῆς, εἴτε ἀγοράσασα]. Условие, на которое пришлось пойти Никострате во имя свободы, указывает, что среди замороженных рабов Локриды могли быть и такие невольники, которые по закону, как дети отпущенников, должны быть свободными людьми. Сделка Сосихи и Никостраты происходила где-то в начале I в. н. э., но очевидно, что к изучаемому времени данная практика пустила глубокие корни в отношения локрских рабовладельцев и отпущенников, так как иначе Сосиха не решилась бы на упомянутую процедуру; тщательно заботясь о соблюдении материальных интересов своего наследника⁵⁹, она соглашалась, вероятно, лишь на самые верные методы компенсации за отпуск.

⁵⁹ По распоряжению Сосихи Никострата должна была компенсировать некоего Онасифора, сына Никона, которого обычно считают сыном Сосихи (RJJug. Gr., II, p. 284; Börner. Freilassung, S. 68). Однако отсутствие указания на родственные связи Сосихи и Онасифора позволяет думать, что наследник не был сыном рабовладелицы: в отпускных записях Локриды всегда тщательно указывали степень родства лиц, могущих иметь отношение к сделке. Онасифор мог быть кредитором Сосихи — это любезно указала нам Э. Л. Грейс.

Покупные рабы составляли, как нам кажется, подавляющее большинство невольников у локров озольских. Вопрос о том, какими путями попадали эти люди на рынки Локриды, пока остается темным. Конечно, война и пиратство должны быть названы в первую очередь, но какую-то роль играла и специальная работорговля. В самом деле, как мог иначе попасть в Локриду раб из Аравии, которого упоминает надпись IG, IX, 1 1, 374? Наиболее правдоподобно предположить, что он был доставлен сюда при посредничестве работорговцев.

Самый значительный невольничий рынок следует ожидать в Навпакте, куда этоляне, вероятно, не один раз приводили пленных людей на продажу. Но и в Амфиссе было торжище, где совершали куплю-продажу живого товара. Недаром недоверчивая амфиссянка Сосиха специально оговаривает, что отпускаемая ею Никострата может купить на рынке двух маленьких рабов взамен себя (IG, IX, 1 1, 1066). По-видимому, покупка на рынке и последующее воспитание детей для замены отпускаемых рабов были ранними явлениями в рабовладельческом хозяйстве локров озольских. В документе, датированном Лера временем после 167 г., навпактянин Гагесипп с сыновьями отпускают на свободу рабыню Сосо за 2 мины серебра, но с условием, что она вскормит мальчика или девочку и отдаст выкормыша хозяевам⁶⁰. Поскольку за несоблюдение этого условия Сосо должна платить денежную неустойку, постольку можно полагать, что и в данном случае речь идет о ребенке, которого Сосо сама купит на рынке.

Два приведенных случая указывают, что в качестве покупателей на рабских рынках Локриды выступали иногда не только свободные, но и рабы. Какие при этом соблюдались формальности, в чем отличие сделки с участием несвободного покупателя от операции, совершавшейся обеими свободными сторонами, — этого пока что мы выяснить не можем.

Гораздо лучше известен состав выставлявшихся на продажу невольников. Немалое количество этих людей являлось соотечественниками самих рабовладельцев. И для хозяев и для рабов данное обстоятельство не казалось чем-то необычным. Изучаемый период изобиловал войнами, и даже в мирное время опасности в образе разбойников или пиратов подстерегали путников за пределами их государства. Давние представления о рабах, как о варварах в первую очередь, теперь отходили на второй план, так как превратности войны могли сразу сделать граждан побежденного полиса рабами⁶¹. Это приводило к тому, что греки-невольники составляли теперь обычное явление

⁶⁰ Na., 20. Аналогичные условия известны в Дельфах, но лишь с I в. до н. э. (К. К. Зельин. Дельфийские манумиссии..., стр. 169).

⁶¹ H. Volkman. Die Massenversklavungen der Einwohner eroberter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit. Wiesbaden, 1961, S. 12—32.

на рабских рынках, причем в отдельных случаях количество продаваемых пленников выражалось в очень больших цифрах⁶². Попутно заметим, что обитатели городов Западной Локриды сами не один раз подвергались опасности быть поработенными и проданными на рынке. Еще в 353 г. амфиссяне сдались фокидскому стратегу Ономарху, так как они были уstraшены судьбой жителей Фрония (Локрида Эпикнемидская), которых фокидяне обратили в рабство после взятия их города (Diod., XVI, 33, 3). Во времена Союзнической войны, в 217 г., земли Навпакта подверглись опустошению, причем ахейские войска, высаживавшиеся со своих судов, забирали в плен и сразу продавали в рабство захваченных ими людей. Лишь особые заслуги навпактянина Клеоника, который был проксеном ахейян, спасли его от рабства и даже освободили от выкупа (Polyb., V, 95, 11—12). В 190 г., когда Этолийский союз вступил в дружеские отношения с противником римлян Антиохом, жители Локриды вновь ощутили близость опасности порабощения. Угроза нависла главным образом над населением Амфиссы, отчаянно оборонявшейся от осаждавших ее войск Марка Ацилия⁶³. Приведенные факты, перечень которых можно было бы продолжить, достаточно ярко освещают ту сторону изучаемого процесса, о которой мы редко вспоминаем, — весьма частую реальность превращения взятого в плен свободного гражданина в бесправного раба. Таковы были условия тогдашнего времени, поэтому локряне спокойно пользовались подневольным трудом своих сородичей-эллинов, попавших в беду.

Можно думать, что наибольшее число рабов-эллинов попадало на рынки Локриды Озольской в периоды междоусобных войн. Например, в 220 г. в Навпакте бросили якорь 40 судов под главенством иллирийца Скердилаида, возвращавшегося после удачного набега на западное побережье Пелопоннеса (Polyb., IV, 16, 9—10); вероятно, среди добычи иллирия было и некоторое количество живого товара, поступившего на рынок рабов в Навпакте.

Если рассмотреть данные об этническом составе рабов, выкупавшихся на волю в Западной Локриде, то можно найти имена эллинов-рабов, происходивших из разных областей Эллады, в том числе и из государств, временами находившихся в состоянии войны с Локридой Озольской. Так, в Бутте пребывала в рабстве Симак, происходившая из беотийского города Феспий⁶⁴. Видимо, у себя на родине она принадлежала к зажиточному слою гражданства, так как ее выкупная цена — 7 или 8 мин — значительно превышает среднюю цену рабыни. Из соседней Акарнании происходил и раб с красивым именем Филоксен,

⁶² Ibid., S. 110—113.

⁶³ Polyb., XXI, 4—5; Liv., XXXVII, 5—7.
ОЗЛН, стр. 151—152.

родом из области Амфилохип⁶⁵, отпущенный на свободу в святилище Асклепия в Крунах. В самом Навпакте, также в святилище Асклепия, получила свободу рабыня родом из Кипариссии (IG, IX, 1 1, 365). Поскольку Страбон (VIII, 3, 21) указывает две Кипариссии — одну в Трифилии, другую в Мессении, — постольку трудно решить вопрос, из какой области происходила отпускаемая. Довольно неясен вопрос об этнической принадлежности раба по имени Μοῦδών, который происходил из Амфиополя и был отпущен в Крунах (Na., 19). И имя и место рождения казалось бы указывают на македонский этникон. Но то обстоятельство, что Македон назвал своей родиной Амфиполь, позволяет думать, что он был выходцем из сильно эллинизированного слоя местного населения в названном полисе, отказавшимся от общемакедонского этноса и именовавшего себя по принадлежности к городу.

Уроженцы островной Греции также попадали рабами в Западную Локриду, то ли в результате деятельности пиратов-работоторговцев, то ли из-за превратностей войны. В отпускной от 195/4 г. из Навпакта (IG, IX, 1¹, 359) выкупаются на свободу рабыня Праксо и сын ее Гераклеодор, причем оба названы то γένος Σκόριοι. Данное определение позволяет думать, что сын у Праксо родился еще до ее порабощения и потому за ним оставлено наименование скирянца⁶⁶. Вполне допустимо предположить, что потеря свободы Праксо и Гераклеодором произошла вследствие захвата их пиратами.

Весьма типична для эллинистического времени судьба Эпиклеса, Эратонова сына⁶⁷. Отец его, уроженец города Оакса на Крите, отправился на Кипр в военный поход, там женился и имел двух сыновей, Эпиклеса и Евагора. После смерти Эратона на Кипре дети его и их мать попали в число людей, захваченных в качестве военной добычи (αἶχρ, αλώτως γενέσθαι) и проданных в Амфиссу. По-видимому, Эпиклес не потерял связей с родственниками на родине отца, так как он смог внести выкупные деньги (τα λόθρα) и стать свободным. Однако, выкупившись, Эпиклес не уехал в Оакс, но остался в Амфиссе уже в качестве гражданина Оакса и обзавелся здесь семьей. Дети его — два сына и дочь — также являлись гражданами критского города Оакса⁶⁸. Рассказанная в сжатом изложении официальных документов история

⁶⁵ Na., 12. Правда τό γένος Ἀμφίλοχον может указывать и на этолийскую принадлежность Флоксена; ср. Polyb., XVIII, 5, 8.

⁶⁶ Выражение в манумиссии χαί το πατρίδιον αὐτάς, указывающее на родственные отношения, также наводит на мысль о том, что речь идет о недавно порабощенных людях, — такого внимания к родству у рабов обычно локрские юридические тексты не обнаруживают.

⁶⁷ Syll.³, 622; А. В. Никитский. Исследования, стр. XXIV—XXV III.

⁶⁸ В архиве дельфийского храма были высечены декрет властей Этолийского союза, отвечающий на письмо космов города Оакса, запрашивавших

Эратона и его сына Эпиклеса чрезвычайно типична для изучаемой эпохи, когда сплошь и рядом основные атрибуты греческого гражданского состояния молниеносно сводились на нет, так как государство не могло оградить своих граждан от насилия то ли превосходящего силами военного противника, то ли простого пирата.

Судя по имени, греком был и раб Деметрий, о выкупе которого идет речь в отпускном документе из Халиея (IG, IX, 1¹, 331). Деметрий происходил из Лаодикеи — можно думать, что это был полис в Малой Азии, самый значительный из городов данного наименования. Пути Деметрия в Западную Локриду из Лаодикеи, лежавшей внутри страны (в юго-западном краю Фригии) на большой торговой дороге, не поддаются сколь-нибудь точному определению. Все же вероятно, что этот селевкидский подданный попал в рабство где-то вне своей родины. Поскольку он принадлежал к весьма преуспевающим элементам — его выкупная плата в 1000 серебряных драхм относится к разряду высоких выкупов, — постольку можно предполагать причастность его к торговой или ремесленной деятельности. Уроженец другого селевкидского полиса встречен среди навпактских невольников — акт Mas., Ig свидетельствует о выкупе раба с греческим именем Дикий, который происходил из Антиохии. Как известно, это название носили свыше 20 полисов, что затрудняет точное определение родины Дикия. Из пределов селевкидской монархии в Западной Локриде было довольно много рабов. Упомянем невольников-сирийцев⁶⁹, хотя и носивших греческие имена, но, видимо, являющихся представителями местного населения: все они имеют определение τό γένος Σύρον. Интересно, однако, что Нумений наряду с сирийским этником указывает, что он происходит из города Орфосии — по-видимому, остальные сирийцы имели родиной сельские местности. Данное замечание следует отнести и к Плейсту, родом финикийцу⁷⁰, писавшему в документе лишь общее обозначение τό γένος Φοίνικα.

Уроженцы Малой Азии известны пока в несколько меньшем количестве, чем выходцы из Леванта.

о положении своих граждан, и текст письма из Оакса. Диттенбергер датировал эти документы временем от 185 до 175 г., однако Лера (Lerat., Locr., II, p. 83, note 2) на основании наблюдения Ж. До над шрифтом считает необходимым отнести указанные акты к последним годам этолийского владычества над Западной Локридой, т. е. ко времени незадолго до 189 г. до н. э. Таким образом, можно предположить, что изложенные в надписи события происходили где-то между 230—190 гг. до н. э.

⁶⁹ Запродажные грамоты из святилища Асклепия в Крунах: Na., 6 — раб Евбулид; Ler., I, 92, II — раб Нумений; Na., 23 — раб Зопир. Имя Библа в Mas., If также указывает на происхождение из сирийского города.

⁷⁰ Ler., I, 92, I.

Из Фригии в Западную Локриду была привезена Миниада и здесь отпущена на волю при содействии некоего Фарнака ⁷¹.

К древнему индийскому пласту населения Малой Азии принадлежал мидянин Оронт, судя по имени, — выходец из мало еще эллинизированного населения прежней Мидии (Na., 2).

Возможно, что из малоазийской Галатии происходил Евтихид (IG, IX, I¹, 375), хотя и носивший греческое имя в эллинском мире, но указывавший свою племенную принадлежность **τὸ γένος Γαλάταιν**. Правда, этот галат мог иметь родиной кельтские земли в Европе.

Столь же неопределенно происхождение навпактского раба по имени Фрасим. . . , родившегося в Магнесии ⁷². Была ли это фессалийская Магнесия или один из одноименных ей крупных полисов Пергамского царства — решить в настоящее время не представляется возможным. Известно, что Магнесия на Меандре получила от этолян право асиии ⁷³, так что захват ими ее гражданина и его имущества не соответствовал общим тенденциям политики Этолии.

Одна из запродажных грамот из святилища Асклепия в Крунах называет выходца из племени тибаренов (Na., 13), земли которых были подчинены царям Понта. Этот раб по имени Офелион с этником **τὸ γένος Τιβαρών**, видимо, произносил наименование своего племени не так, как оно было известно в греческой литературной традиции (обычно **Τιβαρηνός**), и потому на локридском камне сохранилась иная форма.

Имя уроженки далеких северо-восточных областей Понта Евксинского тоже встречено среди рабского населения Западной Локриды. Это сарматянка Фриния, присутствие которой в маленьком городке Истории, или Хистории, засвидетельствовано запродажной грамотой из крунийского святилища Асклепия ⁷⁴. Если вспомнить, что в Дельфах во II в. до н. э. было отпущено на волю несколько рабов и рабынь родом сарматов ⁷⁵, то пребывание рабыни-сарматянки в Хистории не может нас удивить.

Наибольшую этническую группу среди рабов Западной Локриды составляли фракияне. Распространение вывезенных из

Фракии рабов в эллинистической Греции известно уже давно ⁷⁶, поэтому данные изучаемой области ⁷⁷ не изменяют наши представления.

Обычен и македонский этникон раба Онасима (Na., 16), поскольку пленников из Македонии легко переправляли на рынки Средней Греции.

Весьма примечательно то, что рабов из северо-западных областей Балканского полуострова в Западной Локриде нет почти совсем. Известна лишь одна отпущенная в Навпакте в 193/2 г. рабыня, происшедшая из эпирских или иллирийских земель по реке Аою ⁷⁸.

Также и рабов италийского происхождения обнаружить в локридских актах пока не удалось, что, вероятно, является следствием их общей малочисленности. Единственная надпись, где, возможно, упомянута рабыня родом из Лукании, читается так трудно, что строить на ней какие-либо выводы рискованно ⁷⁹.

Остается назвать еще один этникон из числа упомянутых в локридских отпускных грамотах: навпактийский раб Либан отмечает свое происхождение словами **γένος Ἀραβᾶ** (IG, IX, I¹, 374). Следует ли видеть в нем уроженца юго-западных областей Селевкидской монархии, возможно даже одноименного города, или Либан был захвачен работорговцами в землях самой Аравии — решить пока что трудно. Правда, сложные условия отпуска его на волю (о которых скажем ниже) заставляют полагать, что Либан, обладавший имуществом, на которое претендовал его хозяин, был скорее выходцем из городских слоев.

Итак, сохранившиеся источники указывают на большую этническую пестроту рабского населения Локриды Озольской в III—I вв. до н. э. В этом отношении невольническая масса, работавшая на локрян, сильно отличалась от состава рабов в областях, лежавших к северо-западу. Видимо, Локрида должна быть сопоставляема с такими областями Средней Греции, как Аттика или Фокида, где состав рабского населения в эллинистическую эпоху отличался еще большим этническим разнообразием ⁸⁰.

⁷⁶ Например, в Дельфах преобладание рабов-фракийцев в III—II вв. было отмечено уже А. Валлоном («История рабства в античном мире». М., 1941, стр. 68). См. подробно: В. И. Велков. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. — ВДИ, 1967, № 4, стр. 74—79; В. Велков. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, стр. 38—41.

⁷⁷ В отпускных грамотах из Асклепийона в Крунах встречены фракиянка Ноэма (Na., 5) и фракиец Косм (Na., 15), в Навпакте были отпущены Афродисия (IG, IX, I¹, 375) и фракиец Ник. . . (Leg., I, 91a).

⁷⁸ IG, IX, I¹, 360 — родина отпускаемой, видимо, не была точно известна в Локриде, и потому в документе записано общее определение **ἀπὸ τοῦ Ἀοῦ**.

⁷⁹ Na., 18: рабыня Дексида **ἐξ Πύξιος**. Но и сам издатель не уверен в правильности чтения; см. также: Никитский. ОЗЛН, стр. 65.

⁸⁰ W. L. Westermann. SSGRA, p. 34—35.

⁷¹ Na., 29; Никитский. ОЗЛН, стр. 119—148.

⁷² SEG, XIV, 469. Отпускная может быть датирована 163 или 156 г. до н. э. по стратегии Тейсиппу.

⁷³ Legat. Locr., II, p. 94.

⁷⁴ Na., 3. Точное местоположение Хистории пока неизвестно. Лера помещает ее среди ряда мелких пунктов ближайших к Навпакту земель, то ли локров, то ли этолян (Legat. Locr., I, p. 65—66).

⁷⁵ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — ВДИ, № 3, 1939, стр. 231—315, № 93, 94, 95, 96, 97, 98. Отметим, что Фриния не включена в каталог Б. Н. Гракова.

Положение тех тысяч невольников, которые находились в рабстве у локрян в III—I вв., вероятно, разнилось довольно сильно. Если вспомнить, как возрастала роль рабов в частной жизни эллинов, отражением чему служит эволюция типа раба в греческой комедии от Аристофана до Менандра⁸¹, то следует ожидать значительных отклонений в сторону большего или меньшего подавления личности раба. Эти модуляции на практике приводили к созданию неоднородных условий для рабского населения, следствием чего являлось сложение разных групп внутри контингента невольников. Некоторые признаки этих процессов, происходивших и в Западной Локриде в изучаемое время, можно уловить в имеющихся источниках.

Как нам кажется, этнические различия при сравнительной малочисленности рабов в стенах одного дома не могли играть значительной роли. Можно думать, что общая доля невольника до известной степени даже сглаживала их национальные различия. Отличия в положении рабов в пределах одного хозяйства были продиктованы производственным потенциалом того или иного невольника. Владелец раба, смотревший на него как на более или менее дорогое орудие труда, относился с соответственно разными мерками к принадлежавшим ему работникам. Благодаря этому возникали условия для обособления некоторых категорий невольников и приобретения ими каких-то преимуществ перед остальными сотоварищами по несчастью.

В сравнительно небольших рабовладельческих хозяйствах Локриды Озольской трудно выявить резко очерченные группировки внутри рабского населения. Имеющиеся источники позволяют лишь догадываться о существовании **некоторой** градации в положении невольников. Несомненно, что какие-то отличия разделяли покупных и доморожденных невольников. Но и покупные рабы не составляли полностью **однородную группу**: квалифицированный раб-эллиин был много ценнее для своего **владельца**, чем недавно поработанный чужеземец, иногда даже не знавший греческого языка.

Есть основания полагать, что довольно привилегированное положение в большинстве случаев имели доморожденные рабы. Хорошо зная особенности хозяйства взрастивших их владельцев, эти невольники должны были играть значительную роль в производственной жизни, тем более что они обладали почти такими же трудовыми навыками, как и их хозяева. Расчетливые рабовладельцы даже обучали малолетних доморожденных невольников

нужным для хозяйства профессиям и тем самым выделяли этих работников из общей массы невольников. В Аттике, судя по словам Ксенофонта (Оес., III, 10), специально покупали детей-рабов, чтобы постепенно учить их земледелию. Возможно, что и в Локриде считалось выгодным обучать подневольных работников с детства.

Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что рожденные в доме рабы неизменно отмечали свое происхождение в документах о выкупе на волю. Формальное значение данного сведения о рабе пока остается неизвестным. Возможно, что таких невольников заносяли в особые списки по месту рождения. Встречающееся в трех документах выражение «доморожденный в Навпакте» (IG, IX, I¹, 375=Mas., I c; Mas., V; Mas., I e) подтверждает такое предположение. Наличие какого-то разграничения в статусе доморожденных и покупных рабов как-то влияло на положение отпущенника, хотя главным фактором оставались материальные возможности каждого выкупавшегося. Судя по документам, в эллинистической Локриде встречались невольники, обладавшие каким-то экономическим потенциалом, иногда выражавшимся в довольно крупной сумме. Действительно, рабы, особенно из числа доморожденных, которые сами выкупали себя на свободу, по-видимому, имели возможность скопить нужную сумму работой на стороне, причем этот заработок оставался у самого невольника. Если вспомнить, что выкупные цены на рабов колебались в среднем от 2 до 6 мин⁸², то совершенно очевидно, что покупавшие свободу невольники должны были уже иметь эти значительные суммы. Но капитал выкупавшегося на волю не мог ограничиться деньгами, которые уплачивал уходящий раб своему хозяину. Интересы самого будущего отпущенника требовали немедленного обнародования манумиссионного акта, что также вызывало расходы. Обычно рукописный документ манумиссии писал хозяин, возможно, он делал это бесплатно. Но в случае неграмотности рабовладельца он диктовал текст отпускной специально приглашенному грамотею. Естественно, что услуги такого хейрографа оплачивал сам отпускаемый на волю раб, а не отпуститель. Далее следовало изготовить копии акта. Одна, начертанная на полотне, папирусе или бронзе, вероятно, сопровождала бывшего раба всю его жизнь, другой текст имели официальные хранители. Монументальная копия вы-

⁸¹ С. И. Соболевский. Аристофан и его время. М., 1957, стр. 344—347.

⁸² Интересно вспомнить соотношение выкупных сумм, встречающихся в дельфийских манумиссиях. А. В. Никитский, ссылаясь на Кальдерини, отмечает, что сумма в 2 мины упомянута в 63 документах, 3 мины — в 223, 4 мины — в 195, 5 мин — в 101, 6 мин — в 36 актах, более высокие выкупные суммы встречаются значительно реже (Никитский, ОЗЛН, стр. 114, прим. 2). К. К. Зельин считает цены от 2 до 4 мин основным разрядом («Дельфийские манумиссии...», стр. 142).

секалась на стене или на мраморной или каменной плите для всеобщего обозрения в пределах того святилища,⁸³ божество которого участвовало в акте отпуска на волю. Лапидарная копия обычно изготовлялась профессиональными резчиками по камню, работу которых также оплачивал сам отпускаемый. В выкупной грамоте доморожденных детей-рабов Соса и Сосы (Na., 4) даже сохранилась пометка из трех знаков, которую⁸⁴ очень остроумно понял и расшифровал А. В. Никитский как обозначение резчиком числа букв — 621 — в вырезанной им надписи. Как отметил здесь же исследователь, в Дельфах за 100 букв резчики взимали плату в 1 драхму или в 4 обола. Можно полагать, что соответствующие цены в городах Западной Локриды держались на том же уровне. Таким образом, сравнительно длинная манумиссия Na., 4 должна была стоить от 4 драхм и 1 обола до 6 драхм и 1 обола. Отпускная грамота Na., 5, содержащая всего лишь 309 букв, стоила вдвое дешевле. По-видимому, большая или меньшая лаконичность текста манумиссионного документа в некоторых случаях зависела и от экономического потенциала освобождавшегося раба. Но, уплатив выкупную сумму хозяину и возместив расходы по оформлению манумиссий, новый вольноотпущенник⁸⁵ должен был иметь какую-то сумму для устройства своей жизни хотя бы в первую неделю после освобождения.

Приведенные выше цифры позволяют с уверенностью заключить, что и в Западной Локриде в эллинистическую эпоху сложился обычай, позволявший рабу иметь собственные сбережения. Сколь широко распространялось указанное позволение — сказать трудно, вероятнее всего, что этим послаблением пользовались преимущественно более привилегированные рабы.

Автономия личных средств некоторых рабов допускает предположение о существовании и других льгот, которыми рабовладельцы Западной Локриды отмечали наиболее полезных для них невольников. Можно полагать, что в отдельных случаях хозяева считались с семейными отношениями рабов. Например, когда среди купленных невольников оказались ранее свободные мать и сын, то владелец их, навпактинин, согласился на выкуп обоих, причем за сравнительно умеренную плату (IG, IX, I¹, 359). Другой гражданин Навпакта, Дионисий, также согласился на отпуск рабской семьи, хотя за такое признание человеческих прав у своих невольников он взыскал с них огромную сумму (IG, IX, I¹, 375). Однако приведенные случаи составляют исключения, а не правило: ведь в них отмечен переход рабской семьи

в разряд вольноотпущенников. Поэтому из этих документов нельзя делать какие-либо выводы о поощрении владельцами семейных связей среди массы рабов.

Но все частные льготы и послабления отступали на второй план перед самым сильным способом поощрения трудолюбивого раба — предоставлением ему возможности выкупиться на свободу. Этот путь был доступен, конечно, лишь части порабощенных.

§ 7. ВЫКУП НА ВОЛЮ РАБОВ В III—I вв.

Практика отпуска рабов на волю засвидетельствована специальными документами в Локриде Озольской довольно рано⁸⁶. Эти акты раскрывают ряд черт и особенностей рабовладельческих отношений у локрян в эллинистическое время. Конечно, в результате сделки о выкупе происходило коренное изменение положения отпускаемого, который взамен статуса вещи и части имущества приобретал права человека и юридического лица, пусть с большими ограничениями. Но условия и форма этого качественного перелома в какой-то мере отражали особенности использования рабского труда в том или ином полисе локрян, а также положения самых преуспевавших групп невольников.

Прежде всего надлежит заметить, что сам факт выкупа раба следует рассматривать не только как свидетельство его личного успеха. Освобождение невольника представляло одну из второстепенных форм той непрестанной пассивной борьбы, которую вели угнетенные против своих хозяев. Затаенная и молчаливая вражда рабов была грозной реальностью в греческом обществе V—IV вв. и значение ее хорошо понимали тогдашние теоретики государства⁸⁷. Нужно думать, что в III—II вв. положение могло измениться только в сторону дальнейшего углубления социальной розни. И хотя манумиссий отражали факты легального выхода из рабского состояния, они все же передают безоговорочно отрицательное отношение рабов к своему общественному положению⁸⁸. Поэтому и локрские отпускные документы имеют значение не только как источники по государственному, частному или религиозному праву, как иногда склонны рассматривать манумиссионные акты⁸⁹. Каждая запись говорит о том, что тому или иному рабу в какой-то момент удалось одержать верх в психологическом состязании со своим владельцем и вырвать у него

⁸⁶ Примечательно, что в Дельфах локрские манумиссии встречаются в числе самых ранних записей об освобождении (Lerat. *Locr.*, I, p. 15).

⁸⁷ Plato, *Rep.*, IX, 578d; *idem.* *Leg.*, IV, 777a, c.

⁸⁸ В упомянутой работе В. Уэстермана эта сторона вопроса вопроса совершенно незаслуженно забыта и не получила освещения, см., например: SSGRA, p. 35—37.

⁸⁹ Börner. *Freilassung*, S. 9—17.

⁸³ Поэтому в Дельфах мы встречаем копию манумиссии, совершенной в Фиске, с посвящением рабыни Мнасо богу Аполлону Дельфийскому (Syll.² 855 = SGI, 2097).

⁸⁴ Никитский. ОЗЛН, стр. 46—47.

⁸⁵ Имеем в виду полностью освобожденных, без условий парамонэ.

согласие на свое освобождение. Поскольку от строптивного или открыто саботирующего раба хозяева обычно стремились избавиться, выведя его на рынок, постольку можно предполагать, что обоюдовыгодной сделке о выкупе предшествовала сложная подготовительная деятельность добивавшегося свободы невольника. Можно лишь предположить, сколько нравственных и физических сил требовалось иметь каждому, кто хотел вырваться из рабского статуса⁹¹. Убедить владельца в экономической выгоде выпустить из своих рук уже работающую на него и приносящую доход рабочую силу было, вероятно, не так просто. Можно полагать, что многие владельцы соглашались на сделку о выкупе раба не столь охотно, ожидая для себя от этой операции мало весомых материальных преимуществ. Отсюда тенденция, ясно заметная почти во всех локрских отпускных записях: выкупавшиеся стремились как можно скорее закрепить соглашение с отпустителем юридическим актом.

Часто эти рабы не имели еще достаточных сбережений и поэтому шли на довольно значительные материальные уступки, чем хорошо пользовались их хозяева. Многообразие и значительность экономических обязательств, навязанных отпущенникам в Локриде Озольской, не оставляют сомнений в том, что здешние рабовладельцы высоко ценили труд невольников и реальные выгоды от использования каждого отдельного «тела».

Конечно, какая-то часть отпусков на волю могла быть совершена по инициативе собственников, находивших более выгодным прибегнуть к системе подкупа и задабривания хорошо работающего раба, как это бывало еще в IV в. в Аттике⁸¹.

Подобных случаев в Локриде пока что выделить не удастся. Но вполне возможно, что ряд детских манумиссий явился результатом подобных соображений. Ведь при освобождении маленького невольника хозяин достигал не только повышения производительности труда его поработенной матери (в некоторых случаях и обоих родителей), копившей деньги на выкуп ребенка. Отпуститель получал возможность рассчитывать на старательный труд отпущенника в дальнейшем.

Формулы локрских манумиссий показывают, что здесь, как и в остальных областях эллинистической Греции, рабам было доступно освобождение двумя способами: выкуп на волю с безоговорочным отпуском и выкуп, ограниченный условием оставления, *παράσιον*. Не подлежит сомнению, что в подавляющем большинстве случаев выбор варианта освобождения был определен материальными возможностями того, кто покупал себе свободу.

⁹⁰ Сказанное не может быть приложимо ко всем без исключения случаям выкупа. Например, освобождение попавших в плен и проданных в рабство зажиточных граждан из других эллинских полисов могло основываться лишь на очевидности выгоды при достаточной денежной компенсации хозяев.

⁹¹ Ps. - Aristot., Oec, I, 1344a, 23-b, 18.

Для уяснения экономического потенциала выкупавшихся локрских рабов в III—I вв. было бы весьма полезным определить соотношение между количеством выкупов на волю по первому или второму типу манумиссии. Рассмотрение с этой точки зрения более чем тысячи манумиссионных документов из Дельф позволило Уэстерману сделать вывод о бесспорном преобладании формулы полного отпуска при сделках продажи-отпущения в храме Аполлона Дельфийского⁹². Для полисов Локриды Озольской вывести подобное или противоположное мнение не представляется возможным из-за недостаточности источников. Следует даже заметить, что близость Дельф несколько затрудняет ответ на поставленный вопрос. В самом деле, авторитет этого важнейшего в Средней Греции центра побуждал всех, кто только имел возможность, заключать сделки не в своем полисе, но в дельфийском святилище. Поэтому, например, подавляющее большинство эпиграфических документов⁹³ об освобождении рабов из Амфиссы опубликовано в Дельфах⁹⁴, хотя можно полагать, что некоторые соглашения о выкупе были предварительно выработаны еще в Амфиссе. Жители ближайших к Амфиссе селений или городков — Фалики, Миании и расположенного ближе к Дельфам Ойнеона — также обращались к посредничеству их святилища. Среди дельфийских документов о продаже-отпущении известны акты, совершенные обитателями многих приморских городков Локриды, таких, как Оянфия⁹⁵, видимо, не имевшая достаточно авторитетного святилища⁹⁶, или Халией, местный храм которого лишь изредка выступал посредником в манумиссионных сделках⁹⁷. Соединенная с побережьем хорошей дорогой, Тритей также предпочитала дельфийский храм святилищу в Халиее, находившемуся поблизости⁹⁸. Даже из Фиска, лежавшего во внутренней гористой части страны, многие приезжали со своими манумиссиями в Дельфы, хотя большинство отпускных операций все же происходило в стенах местного храма Афины Илиады⁹⁸.

⁹² W. L. Westermann. SSGRA, p. 35.

⁹³ В самой Амфиссе найдено лишь пять записей об отпуске в местном храме Асклепия, тогда как в Дельфах, судя по подсчетам Лера, в III—I вв. 77 граждан Амфиссы выступали в качестве отпустителей (Lerat. Locg., I, p. 16).

⁹⁴ Лера склонен локализовать Оянфию на месте современной Глифы, хотя допускает возможность, что она находилась на месте Витриницы (Lerat. Locg., I, p. 205—209).

⁹⁵ Оянфийские манумиссии, известные ныне, происходят или из Дельф (SGDI, 2245, 1997, 1908; FD, III, III, 2, 214), или из святилища Аполлона Фестинского (SEG, XII, 278, 279).

⁹⁶ В самом Халиее известна лишь одна манумиссия, тогда как в Дельфах зарегистрировано 19 актов выкупа на волю приезжими халиейцами.

⁹⁷ В Дельфах найдено пять манумиссий из Тритей (Lerat. Locg., I, p. 51—52).

⁹⁸ Известные ныне манумиссии из Фиска составляют 20 актов против 10 сделок, заключенных приезжими из Фиска в дельфийском храме. Упомя-

Совсем иную картину рисуют источники из Навпакта и окрестной территории. Навпактийские храмы Асклепия, Диониса и Сараписа, а также святилище Асклепия в урочище Круны, возле городка Бутта, пользовались большим признанием в качестве блюстителей правовых норм, касавшихся выкупа на волю, — из этих храмов дошло по нашим расчетам 75 документов, тогда как в Дельфах найдено лишь 4 навпактийских манумиссии. Поэтому памятники из Навпактиды могут передать более или менее верное соотношение между случаями полного выкупа и сделками на условии оставления отпускаемого невольника. Эти данные тем более показательны, что они происходят из большого приморского города и из местности, расположенной уже в горах⁹⁹, куда обращалось в основном население ближайших деревень и городков¹⁰⁰.

В самом Навпакте, судя по известным 34 актам о продаже-отпущении, подавляющее большинство выкупов завершалось полным освобождением¹⁰¹. Лишь четыре документа фиксировали условие оставления. Довольно большое количество записей с упоминанием чужеземного происхождения полностью откупавшегося позволяет предположить, что здесь вновь обретали свободу многие недавно попавшие в рабство, видимо, захваченные в плен на войне или во время пиратских набегов. В большом портовом городе такие явления были обычными в полные военных тревог столетия. Примечательно, что 41 запись из святилища Асклепия в Крунах доставляет несколько иные цифры. Отсюда нам известны 23 операции с полным освобождением против 12 актов, где оговорено оставление выкупавшегося. Плохая сохранность текста остальных шести документов не позволяет отнести их с уверенностью к той или иной категории. Поскольку надписи из Крун были высечены главным образом во II в. до н. э., постольку можно полагать, что сообщаемые ими сведения достаточно точно отражают тогдашний состав рабского населения одного из сельских районов Навпактиды. Конечно, скромные размеры приведенной статистики позволяют высказать лишь предварительные суждения.

нем еще две дельфийские манумиссии, совершенные жителями Киры—комы на землях Фиска.

⁹⁹ А. В. Никитский, первым из иностранных ученых посетивший это место, оставил прекрасное описание урочища (А. В. Никитский. Бутта, Круны, Халкида. — ЖМНП, 1896, ноябрь, стр. 58).

¹⁰⁰ При скудости источников, из которых удастся черпать материал, необходимо стремиться к возможно более точному территориальному определению документов. Поэтому вызывает сожаление то обстоятельство, что Ф. Бёмер механически присоединил манумиссии из Крун к актам из самого Навпакта (Bömer. Freilassung, S. 67—68). Два часа ходьбы, отделявшие Круны от Навпакта (Никитский. ОЗЛН, стр. 35), были достаточным временным барьером для занятого хозяйством крестьянина, особенно если его деревня лежала еще несколько дальше в глубь страны.

¹⁰¹ IG, IX, I¹, 368A, 368B; Leg., I, 92, I; Mas., If.

По известным ныне 23 записям о полном освобождении в Асклепийоне в Крунах там выкупилось не менее 26 человек (плохая сохранность текста Na., 10 не позволяет установить количество и пол освобожденных). Из названных актов следует, что число мужчин и мальчиков достигало 18 человек, тогда как женщин и девочек выкупилось лишь 7. Двенадцать человек обоего пола, следовательно, почти половину рассматриваемой группы, составляли доморожденные рабы (Na., 1, 11, 19, 26, 28, 30, 31; Leg., I, 95a, 96b). Имена 10 отпускаемых дополнены указанием на их происхождение по этнической или государственной принадлежности (Na., 2, 5, 6, 13, 15, 16, 18, 19, 23; SEG, XIV, 469). Не указано происхождение лишь двух рабов — девочки Истиаиды в Na., 14 и мужчины Асклапиада в Na., 31.

Полученные сведения небесполезно сравнить с цифрами, которые почерпнул Уэстерман из дельфийских манумиссии периода между 201 и 100 гг. до н. э. Там за указанное столетие было освобождено: доморожденных — 225 человек, рабов из греческих государств или иного чужеземного происхождения — 233 человека, без определенного происхождения — 374 человека¹⁰².

Сопоставляя сведения из захолустного святилища Асклепия в Крунах с данными столь крупного общегреческого центра, каким был храм Аполлона в Дельфах, можно заметить некоторые черты сходства, так же как и ясные отличительные признаки. Примечательна почти одинаковая численность рабов доморожденных и рабов с указанием происхождения. Небольшой перевес доморожденных в Крунах позволяет все же сделать наблюдение, что во II в. во внутренних землях Локриды была широко развита практика выращивания детей рабов в доме их владельцев. Иными словами, некоторое количество рабовладельческих хозяйств в изучаемой области Средней Греции имело возможность вложить часть средств в довольно долговременную, но, несомненно, выгодную операцию, какой было воспитание потомства порабощенных¹⁰³.

Отсутствие данных о происхождении лишь у двух из 25 освобожденных в Крунах составляет большой контраст с источниками из Дельф, где манумиссии этой группы рабов образовали более чем одну треть записей об освобождении, достигая внушительной цифры 374. В настоящее время остаются неизвестными соображения, побуждавшие локрских рабов почти обязательно записывать свое происхождение в манумиссионный акт. Вероятно, в правилах локрян о статусе вольноотпущенников были какие-то установления, делавшие целесообразным указание происхождения

¹⁰² W. L. Westermann. SSGRA, p. 32—33.

¹⁰³ Если совершеннолетним раб считался в 15 лет (например, в эллинистическом Египте — R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 B.C. — 640 A.D. 2nd ed. Warszawa, 1955, p. 610), то, вероятно, малолетних рабов ставили на работу в 8—9 лет.

отпущенника. Иное дело в Дельфах, где покупали свободу многие чужеземные рабы, специально приезжавшие и затем покидавшие пределы этого полиса, — такой вольноотпущенник, особенно достигший известного уровня зажиточности, видимо, не ожидал особых преимуществ от указания своего происхождения. Но и здесь локрские отпущенники, составлявшие, по мнению Ж. До, большую группу в общей массе людей, оставшихся в Дельфах после освобождения¹⁰⁴, обозначали свою первоначальную принадлежность достаточно регулярно¹⁰⁵.

Данные о происхождении того или иного отпущенника позволяют иногда уяснить источник средств для заключения манумиссионной сделки. Также можно попытаться уловить некоторые оттенки в положении различных групп внутри поработанного населения Локриды.

Наиболее обеспеченной прослойкой являлись выкупавшиеся граждане других греческих полисов, особенно в том случае, когда они принадлежали к имущим кругам у себя на родине. Конечно, знаменитое письмо космов критского полиса Оакса¹⁰⁶ к верховным властям Этолийского союза о покровительстве гражданину из Оакса Эпиклему и его семье, которые попали в плен и были проданы в рабство в Амфиссе, затем выкуплены и остались там на какое-то время, и ответ этолян на это послание (Syll.³, 622, A—B) рисуют исключительный случай, но рядом с ним можно поставить документы, повествующие о судьбах менее знатных, но все же достаточно влиятельных чужеземных граждан, оказавшихся в рабстве в Локриде. Видимо, зажиточным лицом был и уроженец Лаодикеи Деметрий, уплативший за свободу 1000 драхм серебром своему хозяину, алейцу, работавшему в Амфиссе. Примечательно то обстоятельство, что сделка о продаже-отпущении была заключена в храме Аполлона Насиота. Святилище это, как основательно показал недавно Лера¹⁰⁷, было главным в городе и служило местом, где выставляли почетные постановления полиса. Насколько нам известно, отпускная Деметрия до сей поры является единственным манумиссионным документом из этого святилища. Обычно халиейцы совершали отпускные операции в Дельфах. Необычность заключения выкупной сделки под защитой Аполлона Насиота подчеркнута в ст. 6—7 строках надписи указание на то, что копию манумиссионной записи хранят не только в Халиее феоклы Аполлона (здесь названы поименно Филоксен Никиев и Евхандрид

Никандров), но и в Амфиссе, где эту обязанность нес некто Аристарх Лаидадов. Отмеченная особенность позволяет видеть в освобождаемом лаодикейце выходца из обеспеченных кругов, сумевшего организовать надежную процедуру своего освобождения¹⁰⁸.

Возможно, что появление в среде рабского населения Локриды лиц со значительными материальными средствами особо содействовало укоренению там практики отпуска рабов в народном собрании. Лера указывает, что довольно часто посвящение или продажа раба были сделаны в экклесии¹⁰⁹. Соглашаясь с приведенным мнением авторитетного исследователя Локриды, заметим все же, что такой способ встречен лишь в небольших восточнолокридских городках — в Толфоне, Фиске, Ояфии, тогда как в документах из западных пределов Локриды формула *ἐν ἐνόρῳ ἐκλήσια* не встречается¹¹⁰. Поскольку в народном собрании производился отпуск лишь части рабов¹¹¹, постольку есть основания поставить вопрос, не отражает ли этот способ какие-то особенности в положении выкупавшихся невольников. Сведения документа SGDI, 2097 позволяют нам настаивать на утвердительном ответе.

Манумиссия SGDI, 2097 представляет высеченную в Дельфах копию документа, принятого «в законной экклесии» Фиска в 137/6 г. до н. э. По этому акту фискьянка Агесибула с согласия родителей посвятила Аполлону Пифийскому рабыню Мнасо с тем, чтобы последняя принадлежала богу и была бы неприкосновенна и свободна. Мнасо не платила ничего в момент освобождения, но ее имущество должна была унаследовать Агесибула — *εἰ δὲ τῇ Μνασῷ λάθῃ σκενὴς ὑπάρχουσα, τὰ καταλειφθέντα ὑπὸ Μνασῆς Ἀγησιβοῦλας ἴστω*. Как уже давно отметил Оссулье, в Дельфах часто встречается наследование манумиссией имущества

¹⁰⁸ Заметим мимоходом, что в данном случае остается неясным вопрос, почему работавший в Амфиссе халиеец Клеоген, сын Андроника, совершил акт продажи-отпущения в Халиее, а не в Амфиссе. Не было ли этому причиной честолюбие — имя его таким образом увековечивалось в каменном архиве родного города, — или лаодикеец собирался после выкупа остаться на некоторое время именно в Халиее и для его последующей деятельности было важно совершение купчей не в Амфиссе, а в полисе прежнего хозяина?

¹⁰⁹ р. 121.

¹¹⁰ Достоин внимания то, что в остальной Элладе отпуск в народном собрании применялся не столь часто. Так, Ф. Бёмер указывает лишь серию манумиссий II в. до н. э. из Эллатеи в соседней Фокиде, где встречена названная формула (Börner. Freilassung, S. 22).

¹¹¹ Отмеченную особенность ярко подчеркивают отпускные документы граждан Ояфии. В соседнем с их городом святилище Аполлона Фестинского они оформляли сделки, проведенные в народном собрании. В Дельфах же ояфийские манумиссии следовали обычной там системе. Также и среди известных актов из Фиска только в одном (Leg., II, 172b) освобождение произошло в экклесии. Дельфийские отпускные фискьяны, которых известно ныне десять, лишь в одном документе (SGDI, 2097) указывают названную процедуру.

¹⁰⁴ Daux. Delphes, p. 458.

¹⁰⁶ Например, SGDI, 2265.

¹⁰⁷ Существенны замечания А. В. Никитского по восстановлению текста данной надписи (Исследования, стр. XXIV—XXVIII). См. также IG, IX, 1^a, 1¹⁰⁷, 178.

IG, IX, 1¹, 331=Syll.³, 1205. См. также: Lerat. Locri, I, p. 159, 205; II, p. 151-152.

отпускаемого ¹¹². Видимо, поэтому аналогичная операция, заключенная в Фиске, была поставлена под защиту дельфийского жречества. Но вместе с тем отпуск-посвящение Мнасо был утвержден в законной экклесии Фиска. Данное обстоятельство заставляет полагать, что отпускаемая была заинтересована в признании ее выхода на волю гражданским коллективом фискиян. Иными словами, вольноотпущенница Мнасо в своей дальнейшей деятельности предполагала поддерживать какие-то связи с городской общиной. Как известно, в греческих полисах жившие отдельно от хозяев рабы и вольноотпущенники выполняли многообразные работы, составляя своим активным трудом иногда значительные состояния ¹¹³. В очень небольшом Фиске, где в 137/6 г. народное собрание имело полную силу при 17 участниках (не считая двух архонтов и казначея), каждая работающая единица, бесспорно, имела определенную ценность для всего общества. Справедливость данного положения в случае с Мнасо подкрепляется уверенностью ее хозяев в том, что она заработает в дальнейшем такую сумму, которая их вполне компенсирует за освобождение «в кредит» этой пожилой рабыни ¹¹⁴. Солидность экономических позиций Мнасо проявилась и в том, что свой выкуп она оформила в двух городах, не остановившись перед дополнительными расходами и хлопотами.

Изложенные соображения побуждают думать, что рабыня Агесибулы не была рядовой невольницей и что деятельность Мнасо в хозяйственной жизни Фиска доставила ей какое-то признание, выразившееся, в частности, в том, что свидетелями в акте об ее освобождении выступили все присутствовавшие в народном собрании граждане ¹¹⁵.

Другой случай отпуска рабов в законной экклесии Фиска известен из документа Leg., II, 172b, от которого сохранилась лишь верхняя часть ¹¹⁶. В названном тексте указано, что фискиянин Ксенодок, сын Хайрея, отдал Афине Илиаде «мужские тела»

¹¹² RIJug. Gr., II, p. 244.

¹¹³ Весьма разнообразные сведения о роли отдельно живущих рабов в хозяйственной жизни Афин в V—IV вв. приводит М. С. Куторга, перечисляя также много профессий, в которых с успехом подвизались рабы (М. С. Куторга. Собрание сочинений, т. I. СПб., 1894, стр. 217).

¹¹⁴ Должно полагать, что Агесибула оговорила бы свое право наследования имущества Мнасо более обстоятельно, если бы существовал риск появления прямых наследников у отпускаемой.

¹¹⁵ Вполне возможно, что Мнасо являлась компаньонкой своей владелицы Агесибулы по какому-либо торговому или ремесленному делу в Фиске. Значительная роль женщин в экономической жизни Средней Греции III—II вв. была давно указана Омолем. Лера, отметив большое число женщин, выступавших продавцами рабов в актах отпущения-продажи, и наличие локрянок — владелиц недвижимостью в Дельфиде в 190 г., полагает, что данное явление было знаменем тогдашнего времени (Lerat. Locr., II, p. 140—141). О больших по сравнению с Атикой имущественных правах женщин в Дельфах см.: Никитский. ДЭЭ, стр. 159.

¹¹⁶ Левая часть акта издана: Wilhelm, S. 131—132, № 120b.

числом не меньше трех. Остатки имен этих невольников позволяют думать, что речь шла об отпуске эллинов.

Итак, поскольку ныне известно не менее 32 манумиссий, где отпустителями выступали граждане Фиска (в самом городе — 20 актов, в Дельфах — 11, в Фестине — 1), постольку можно заключить о сравнительной редкости оформления изучаемой операции в народном собрании (2:32). Видимо, лишь немногие выкупавшиеся рабы имели возможность утвердить свое освобождение в экклесии Фиска.

Менее ясна картина в приморском Толфоне, граждане которого редко отпускали рабов и у себя в городе (один акт), и в Дельфах (две записи). Манумиссия, изданная впервые Лера, сообщает о том, что между 167 и 145 гг. в народном собрании города был продан богине Басилейе в Толфоне раб Агафон. В качестве свидетелей записано много граждан (уцелели имена восьми человек), что, как убедительно объяснил издатель надписи, было обусловлено оформлением манумиссии в экклесии ¹¹⁷. Несмотря на поврежденность текста, он сохранил достаточно ясное указание на то, что свобода Агафона не была ограничена какими-либо частными условиями.

И в Оянии встречены два случая отпуска на волю в народном собрании — записи SEG, XII, 278 и 279, принятые где-то во II в. до н. э., сообщают о выкупе рабынь Евтихии и Ефросинии, каждой за 5 мин. Эти акты интересны указанием на то, что рукописные документы манумиссий здесь хранили архонты города Оянии (в SEG, XII, 278 наряду с властями в качестве хранителя упомянуто и частное лицо — *καὶ ἰδίως Μηρόβοτος*). Еще более важно то, что в качестве свидетелей выступила вся городская община: *μαφτροὶ οἱ πόλῃς*. Эта краткая и выразительная формулировка заставляет полагать, что гражданский коллектив Оянии имел какую-то общую корысть от покровительства новым вольноотпущенницам. Видимо, эти рабыни уже достигли какого-то положения в хозяйственной жизни небольшого городка, не только скопив деньги на выкуп, но и став необходимыми благодаря своей энергичной деятельности ¹¹⁸.

Сведения локрских документов об отпуске в народном собрании станут особенно многозначительными, если дополнительно осветить их богатым параллельным материалом из Дельф. Там в III—II вв. роль вольноотпущенников в восполнении свободного населения была достаточно заметна. Впервые еще в 1901 г. этот

¹¹⁷ Ler. I, 143=SEG, XII, 272. См. также: Lerat. Locr., I, p. 144.

¹¹⁸ Лотце справедливо указывает, сколь далеко заходили самостоятельность и личная ответственность рабов, которые получали возможность работать вне дома хозяина, уплачивая владельцам апофору или оброк (D. Lotze. METAEY EΛEYΘEPΩN KAI ΔOYΛΩN. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. Berlin, 1959, S. 65).

вопрос был поставлен А. В. Никитским¹¹⁹. В дальнейшем обильный эпиграфический материал позволил Ж. До с уверенностью писать о том, что количество вольноотпущенников в Дельфах было не незначительным¹²⁰. Если столь важный центр, как Дельфы, нуждался в пополнении своего производящего населения за счет выкупавшихся на волю рабов, то логично полагать, что и локрские полисы испытывали подобные трудности и находили одинаковые способы их преодоления. Ведь тогда в жизни всей страны остро стояла проблема поддержания количества свободного населения, что было замечено уже Полибием (XXXVI, 17, 5), с горечью писавшим об ослаблении полисов¹²¹.

Пример выкупившейся семьи оаксийских жителей, которые остались жить в Амфиссе (Syll. 3, 622, A), показывает благожелательное отношение локрян к оседанию отпущенников, хорошо обеспеченных в экономическом отношении. Можно полагать, что изредка практиковавшийся способ освобождения рабов в народном собрании был одним из приемов, которыми небольшие полисы Локриды пытались привлечь в свою экономическую жизнь наиболее активных и деятельных отпущенников¹²². Примечательно, что во всех случаях освобождения в законной экклесии свобода отпускаемых не ограничивалась никакими частными условиями в пользу прежних владельцев.

Изучение многочисленных актов об отдаче за деньги «для свободы», происходящих из Навпакта, затруднено очень плохой сохранностью почти двух третей надписей¹²³. Однако и эти документы позволяют составить некоторое представление о характере взаимоотношений полностью выкупавшихся рабов с их владельцами: довольно сухой и сжатый стиль записей подчеркивает коммерческий характер сделок. Это в свою очередь указывает на определенную экономическую самостоятельность добившихся выкупа невольников¹²⁴. Лишь в одном документе отразилась неуверенность вольноотпущенника — в манумиссии IG, IX, 11, 369=Leg., I, 40, I=SEC, XII, 293 особо оговорена действительность продажи богу в случае смерти манумиссора. Видимо, выкупавшийся Нилион опасался посягательств со стороны наследников отпустителя.

¹¹⁹ Никитский А. В. Исследования, стр. XXIX—XXXIII.

¹²⁰ Daub. Delphes, p. 458—461.

¹²¹ М. И. Ростовцев детально анализировал разнообразные экономические причины, ведущие к сокращению населения Эллады в эллинистическое время (SEHNW, p. 623, 1464—1465).

¹²² Это было особенно полезно в тех случаях, когда выкупавшийся раб являлся искусным профессионалом.

¹²³ Из 34 навапактийских текстов лишь четыре надписи читаются от начала и до конца.

¹²⁴ Булочник Нумений (Leg., I, 92, IIa), видимо, был уже столь известен в городе, что это побудило его внести в запись об освобождении наименование своей профессии.

Надлежит особо упомянуть и надпись из святилища Диониса в Навпакте — IG, IX, 1, 374. Это акт о продаже-отпущении за 3 мины взрослого раба по имени Либаний, араба. Освобождение его обусловлено жестким требованием хозяина «пусть не возвращает потомство Либаний», иначе соглашение о продаже будет недействительно и Либаний вновь станет рабом. Уже Оссулье отметил¹²⁵ две особенности изучаемого текста — два рукописных экземпляра соглашения о выкупе Либания будут храниться у частных лиц, тогда как обычно в Навпакте оригинал акта хранится у архонтов или у хреофилакта. Запрещение отпускаемому иметь потомство продиктовано желанием хозяина наследовать имущество отпущенника — в этом мнения Оссулье и Деттенбергера одинаковы¹²⁶. Действительно, поставленное Либанию условие коренным образом ущемляет его права вольноотпущенника. Видимо, в рассматриваемом соглашении экономические позиции выкупавшегося невольника-араба были столь слабы¹²⁷, что ему приходилось идти на такую уступку. Но все же и Либаний был отпущен по формуле *ἐπ' ἐλευθερία*, без оставления у хозяина, чего добивались наиболее привилегированные группы рабов.

Значение выражения *ἐπ' ἐλευθερία* в Локриде Озольской было, несомненно, равнозначно содержанию этой формулы в Дельфах и в других полисах Средней Греции¹²⁸. Там, как отметил Уэстерман, манумиссии с полным отпуском означали полное и безотлагательное отделение прежнего раба от всякого дальнейшего контроля со стороны прежних владельцев¹²⁹. Конечно, такое освобождение было доступно лишь тем невольникам, которые могли получить средства на выкуп из дома, или особо деятельным и деловым рабам, трудившимся в выгодных отраслях хозяйства.

Совсем иного качества был выкуп на волю, обусловленный *παρονοία* — оставлением отпущенника на определенный срок в доме отпустителя. Второразрядность данного вида освобождения совершенно очевидна: соглашаясь продать свое право собственности на личность раба, владелец удерживал право использования его рабочей силы. Оставление обычно должно продолжаться все время жизни отпустителя или специально указанного им лица. Сравнительно редко парамонарий покупал оставление, ограниченное несколькими годами. Таким образом, манумиссия с остав-

¹²⁵ RIJug. Gr., II, p. 287.

¹²⁶ Иное толкование вслед за комментарием к этой надписи в SGDI, 1425 допускает Бёмер: Либаний должен выкормить кого-то чужого (Bömer. Freilassung, S. 68).

¹²⁷ Выкупная цена Либания — 3 мины — принадлежит к числу умеренных не только в Локриде, но и в Дельфах, где средняя цена колебалась от 3 до 5 мин (W. L. Westermann. SSGRA, p. 36).

¹²⁸ Ж. До отмечает, что данное выражение встречается и в некоторых манумиссиях в Дельфах (Daub. Delphes, p. 53).

¹²⁹ W. L. Westermann. SSGRA, p. 35.

лением сводила на нет одну из главных привилегий безусловного выкупа — возможность немедленно порвать с бывшим владельцем и тем самым вырваться из конкретных условий, в которых проходило рабство выкупающегося¹³⁰.

Отмеченное ограничение чрезвычайно отягчало положение парамонария. И хотя юридически и морально выкупившийся с оставлением уже не был рабом (его продали «для свободы»), в действительности он мог подвергаться гнету, сила которого в некоторых случаях не уступала тяготам рабского состояния.

Искать столь неполноценный вид выкупа могли лишь те поработенные, которые не имели особых надежд на быстрое увеличение своих экономических возможностей. Естественное предположить поэтому, что разряд парамонариев пополнялся из такой группы рабов, достатки которых значительно уступали денежному потенциалу выкупавшихся без оставления.

Различные обстоятельства играли определяющую роль в создании исходной обстановки для манумиссии с парамонэ. Надлежит назвать сначала фактор общего характера — степень трудовой отдачи, которую требовал владелец от подготавливавшегося к выкупу раба. «Телу» совершенно необходимы были какие-то резервы физических сил и времени для того, чтобы где-то на стороне заработать требуемые выкупные деньги. Некоторое значение, особенно в сельских местностях, могли иметь трудности чисто внешнего характера — отсутствие возможностей хорошо подработать на стороне. Затем вставляли более частные задачи, например, достичь удовлетворительного соглашения с владельцем о причитающейся самому рабу доле из заработанных им денег.

Часто заключение соглашения о выкупе с оставлением было определено возрастными и половыми особенностями того или иного выходца из рабской массы. Не случайно локрские манумиссии называют среди парамонариев преимущественно женские и детские имена. Эти категории поработенных имели меньше сил, и физических и моральных, для сколачивания суммы, обеспечивавшей выкуп без оставления.

Недостаточность ресурсов выкупавшихся на условии оставления в полной мере использовалась их владельцами. Сухие формулировки манумиссионных актов достаточно подробно раскрывают приниженность положения парамонария. Во многих локрских документах оговорено аннулирование сделки о манумиссии, если

парамонарий нарушит условие и уйдет от хозяина¹³¹. Эта статья молчаливо, но ясно предполагает, что оставление под властью бывшего владельца сопровождалось тяжкими испытаниями для отпущенника-парамонария.

Подтверждением сказанному являются стилистические особенности манумиссии с парамонэ. В Локриде отпускные документы отличаются такой же двойственностью характера изложения, какую очень тонко подметил Уэстерман в дельфийских манумиссиях с условием оставления. Анализируя формы выражений в названных документах, Уэстерман выделил две составные части этих текстов. В начальной, где излагался факт продажи, употреблено изъявительное наклонение, в последующем разделе, где перечислялись обязательства парамонария, происходила ломка грамматического строя — в большинстве случаев тут употреблено повелительное наклонение¹³². Такая же разница стиля присутствует и в локрских записях: по отношению к парамонарию во второй части официального документа бывший владелец почти всегда обращался с приказом¹³³. Исключение составляет лишь документ Na., 29 о выкупе фригийки Минадыт, где употреблено оё с последующим неопределенным наклонением. Сложность условий всей выкупной операции заставляет полагать, что Минада представляла собой личность незаурядную и потому владелец не решился на повелительное наклонение¹³⁴.

Но в отношениях с обычными невольниками фразеология была достаточно пряма и проста.

Как и в Дельфах, в Локриде Озольской оставление при хозяине выкупившегося раба обычно устанавливалось до конца жизни отпустителя или другого особо поименованного лица¹³⁵.

¹³¹ Документ Na., 4 из Асклепиеона в Крунах четко определяет, что в случае ухода отпущенного продажа станет недействительной и гарант не будет выполнять своих обязанностей. Такое же условие в текстах Na., 12, 20 и 33.

¹³² W. L. Westermann. The Paramone. . . , p. 10—11.
¹³³ Картина одинакова всюду — и в Фиске (IG, IX, 1, 349, 350; AE, 1955, 52, № 1), и в Бутте (Na., 3, 4, 7, 9, 20, 22, 24, 25, 33), и в Халие (Ler., I, 25) — документ об отпуске на волю, произведенном в Дельфах).

¹³⁴ Особенность стиля манумиссии Минады заставляет вновь обратиться к вопросу об уплаченной ею сумме. А. В. Никитский отметил необычно высокую цену этой рабыни — 25 мин — и был склонен допустить иное чтение цифры, а именно 1 мину и 25 статов (ОЗЛН, стр. 131—132). Но приведенные выше данные о ценах на рабынь в Локриде заставляют осторожнее относиться к этим сомнениям исследователя. К тому же побуждает и язык документа, резко отличный от обычного стиля выкупных записей. Поэтому представляется истинной цена выкупа Минады, равная 25 минам.

¹³⁵ Так, в Фиске вскоре после 166/5 г. раб выкупился на свободу с условием оставления после смерти хозяина при его сыне до тех пор, пока юноша не женится (AE, 1955, 60, № 6). Видимо, владелец, предвидя близкую кончину, стремился оставить парамонария воспитателем своего несовершеннолетнего сына. Более трудный случай был в том же Фиске, когда три владельца отпускали на волю рабыню Тимо с условием оставления ее до смерти последнего

¹³⁰ Чрезвычайно поучительно наблюдение Ж. До над текстами дельфийских отпускных: если освобожденный на условии парамонэ отпущенник покупал себе тотчас же полную свободу, то он определялся в документе как «тело», *οὐκία* (Daub. Deplphes, p. 57, note 1). Правда, в дальнейшем, при откупе от обязательства оставления, отпущенник лично заключал соглашение с хозяином, имея уже права юридического лица (W. L. Westermann. The Paramone as General Service Contract. — JJP, II, 1948, p. 27).

Лишь немногие документы сообщают о соглашениях, которые предусматривали ограниченную определенным сроком службу парамонария. В Амфиссе известна лишь одна такая запись — плохо сохранившаяся надпись IG, IX, I¹, 1070, чтение которой было недавно пересмотрено Г. Клаффенбахом и Л. Лера¹³⁶.

Из Навпакта также пока дошел только один выкуп со срочной парамонэ — манумиссия IG, IX, I¹, 368 A, в тексте которой оговорено оставление рабыни на несколько лет (цифра не сохранилась).

Рабы в Бутте чаще добивались ограничения срока оставления, как показывают три документа. Отпускная Na., 9 определяет десятилетие оставления раба Асклапиада у отпустившей его Аристوماхи или, буде она умрет до истечения указанного срока, у ее сына Дамоксена. Примечательно то, что десятилетний срок исчислялся с начала следующего по отпущении года¹³⁷ — владелица протянула для выкупавшегося около 6 месяцев рабское состояние.

Акт Na., 20 говорит о четырехлетнем сроке парамонэ рабыни Сосо, которое в случае смерти отпустительницы Агестраты должно завершиться у ее двух сыновей. И Миниада из акта Na., 29 должна была оставаться в доме некоего Фарнака в течение четырех лет после сделки о выкупе со своим хозяином Никократом¹³⁸.

Обязанности парамонариев в локрских документах определялись по большей части обычной формулой «выполнять (беспрекословно) все поручаемое (по мере возможности)», которая широко употреблялась и в Дельфах¹³⁹ и в других полисах Эллады. Невыполнение условия грозило парамонариям разными наказаниями¹⁴⁰, в том числе и мерами физического воздействия, о которых прямо говорится в акте из Фиска об отпуске Архо и Афродисии: если отпущенницы не станут выполнять порученное, то хозяин мог их бить и драть (IG, IX, I¹, 350). Этот документ подтверждает справедливость мнения Ж. До о чрезвычайной трудности свести положение выкупившегося на условия оставления раба к определенной юридической формуле: имеется огромное количество градаций и оттенков между полной свободой вольноотпущенника и жестким суспензивным действием условия парамонэ в крайних случаях¹⁴¹. Общий характер документов о выкупе

из них (AE, 1955, 52, № 1). Оставление до конца жизни одного владельца могло длиться довольно долго — в Дельфах до 29 лет, как отметил Ж. До (Daux. Delphes, p. 56, note 2); в рассматриваемом соглашении этот срок значительно удлинялся.

¹³⁶ Legat. Locg., II, p. 176—177.

¹³⁷ Никитский. ОЗЛН, стр. 52—56.

¹³⁸ Там же, стр. 138—139, 146—147.

¹³⁹ Daux. Delphes, p. 56.

¹⁴⁰ А. В. Никитский подробно перечислил меры воздействия на нерадивых отпущенников, которые применялись в Дельфах (ОЗЛН, стр. 134, прим. 1).

¹⁴¹ Daux. Delphes, p. 57, note 1.

рабов с обязательством оставления делает недостаточным тот несколько абстрактный подход к сделкам с парамонэ, который недавно выдвинул В. Л. Уэстерман. В парамонэ-соглашении названный ученый склонен видеть прежде всего «трудовой договор» — labor contract, определяющий то, что работник должен выполнять работу вообще или неопределенные виды работы (в противовес специальным или точно определенным видам труда)¹⁴². Для парамонария главным было не определение видов выполняемых работ, но тяжелое условие оставления его при хозяине.

§ 8. ПРОДАВЦЫ-ОТПУСТИТЕЛИ РАБОВ

За исключением Навпакта, города Локриды Озольской представляли собою довольно мелкие полисы. Малочисленность этих гражданских общин позволяет яснее заметить внимание, которое уделяли рабовладельческие слои каждому случаю коммерческого или дарового¹⁴³ прекращения состояния рабства. В операции по выкупу участвовали официальные лица, как представители светских властей (архонты — в Амфиссе, Фиске, Халиее, Миании, Толфоне, Навпакте, Ояфии, Бутте; булархи — в Амфиссе), так и члены храмовой администрации, например феоколы и, возможно, феоры¹⁴⁴. Наряду с магистратами выступали (иногда в большом числе) частные лица. Собранный и тщательно проанализированный Л. Лера просопографический материал из локрских городов показывает, что имущие группы свободного населения в каждом городе активно участвовали в соглашениях о выкупах невольников. Картина связей отдельных членов названных пластов населения или целых семей в локрских центрах сильно напоминает аналогичную систему отношений в Дельфах, детально выявленную работами Ж. До и К. К. Зельина¹⁴⁵.

Объяснение отмеченному явлению следует искать в том, что каждая операция с рабом или отпущенником-парамонарием входила в сферу имущественных отношений, она затрагивала материальные интересы не только манумиссора, но и его прямых или потенциальных наследников. В случае отсутствия совершеннолетних владельцев в том или ином доме действия малолетних хозяев ставились полисом под контроль специальных орфанофилов — магистратов по сиротской опеке (например, в Навпакте: Ler., I, 92, IIIa и IIIb).

¹⁴² W. L. Westermann. The Paramone. . . , p. 12—13, 26—27; idem, SSGRA, p. 36.

¹⁴³ Даровый отпуск на волю, но с парамонэ известен только в Фиске (Ca., I, 14b).

¹⁴⁴ Значение коллегии феоров в Навпакте, как отметил Л. Лера, остается пока неясным (Legat. Locg., II, p. 122).

¹⁴⁵ Daux. Delphes, p. 440—472; К. К. Зельин. Дельфийские манумиссии..., стр. 172—187.

Законы локрских городов требовали официально засвидетельствованного согласия на сделку о манумиссии от лиц, имевших по закону прямое право наследовать имущество манумиссора. Эти участники, выполнявшие функции пособников манумиссионного акта, принадлежали к кругу ближайших родственников отпустителя. В записи из Толфона упомянут отец (Ler., I, 143), акты с согласием матери происходят из Оянии (SEG, XII, 278, 279) и Навпакта (IG, IX, I¹, 372). Муж выступает только в буттийской манумиссии Na., 21. Особенно активно действовали сыновья в отпускных соглашениях в Бутте (Na., 2, 20, 23; Ler., I, 96b; Ler., I, 25), тогда как согласие дочери засвидетельствовано лишь в одном документе из Навпакта (IG, IX, I¹, 374).

Социальная характеристика локрских владельцев рабов пока остается достаточно неясной. Просопографические данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство манумиссоров принадлежало к исконному населению полисов¹⁴⁶. Однако некоторое количество имен указывает на то, что носители их могли быть выходцами из слоя вольноотпущенников. Особенно яркой фигурой из числа последних является амфиссянка Сосиха, дочь Зоса, имевшая типично рабское имя. Эта неграмотная отпустительница продиктовала особенно жесткие условия выкупа для своих рабов¹⁴⁷.

Как уже отмечалось выше, данных о размерах рабовладельческих хозяйств в Локриде Озольской нет почти совсем. Все же можно найти указания на ограниченные материальные возможности некоторых рабовладельцев. Манумиссия из Фиска (AE, 1955, p. 52, 1) показывает совместное владение трех лиц, видимо родственников, одной рабыней. Другой отпускной документ, из Бутта (Na., 3), рассказывает о соглашении, которое заключили три брата с отпускаемой ими на условии оставления рабыней-сарматянкой (видимо, чтобы обеспечить уход за больным или старым отцом). Два отпустителя названы в актах Na., 15 и 18, в Na., 16 упомянуты три владельца. В Навпакте одного раба отпускает чета супругов (Mas., II). Эти документы служат достаточно веским свидетельством в пользу мнения И. И. Ростовцева в его полемике с В. Тарном об экономическом состоянии широких кругов свободного населения Греции в эллинистическое время¹⁴⁸.

§ 9. ЛОКРСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЫКУПАХ РАБОВ

Формулы манумиссионных документов из городов Локриды Озольской отличаются неизменной четкостью и точностью своих

¹⁴⁶ Lerat. Locr., II, p. 181—235.

¹⁴⁷ Сосиха выступает в качестве манумиссора где-то в начале I в. н. э., но деятельность ее началась еще лет за 20—30 до опубликования документа IG, IX, II, 1066.

¹⁴⁸ M. Rostovtzeff. SEHWW, p. 626—627.

терминов. Они указывают на то, что рассматриваемая форма юридических сделок возникла на основе глубоко укоренившихся правил и что отражаемые ими нормы права имели повсеместное распространение у локрян. Рассматривая надписи, в которых раскрываются формы и явления, относящиеся к сфере рабовладельческих отношений, следует признать, что локрские законы обеспечивали устойчивую защиту интересам всего общества рабовладельцев в Локриде. Всякая возможность оппозиции поработенных была пресечена детальными законоположениями, как можно полагать, на основе санкций по отношению к ленивым отпущенникам. Номос, согласно которому производилось оформление выкупа на волю, был орудием в руках официальных лиц, строго соблюдавших нормы взаимоотношений между владельцами и выкупавшимися на волю рабами.

Манумиссионные акты по самой своей природе относятся к категории частноправовых документов, входя в раздел договоров о купле-продаже. Стиль их почти одинаков во всех локрских полисах: акт начинается годом правления тех или иных магистратов, причем точно называются магистраты Этолийского или Локрского союзов, и лишь после них — архонты каждого данного полиса. Далее следует протокол с кратким описанием сделки о продаже-отпущении: такой-то продал такому-то богу «тело» такого-то пола, имя которого такое-то, за цену в столько-то мин серебром. К этому присоединяются имена лиц, выступающих поручителями в данном соглашении. Далее названы официальные лица или частные граждане, которые будут хранить манумиссионный документ, и свидетели. В тех случаях, когда выкуп невольника оговорен специальными условиями — оставление или что-либо иное, — эти условия вписывались после указания цены или же после имени поручителя.

В локрских манумиссиях почти никогда не указывается, что продавец получил деньги за продаваемое им «тело». Исключение составляют лишь документы Na., 29 из Бутта и IG, IX, I¹, 331 из Халиея.

Видимо, расписка в получении покупной цены особо не требовалась, так как сделка о выкупе происходила перед официальными лицами, представителями полиса и храма, и при участии в ней многих частных лиц, поручителя и свидетелей. Точное обозначение цены в каждом акте позволяет предположить, что в каждом полисе Локриды, как и в Афинах¹⁴⁹, взимался налог на продажу-покупку рабов, в том числе и на покупку для освобождения.

Ниже мы приводим несколько текстов официальных документов о выкупе поработенных в разных полисах Локриды Озольской. Несмотря на частные отличия, определенные особенностями

¹⁴⁹ W. R. Westermann. SSGRA, p. 16.

каждого соглашения, эти акты доставляют весьма убедительные доказательства единства норм владения рабами не только в локрских городах, но и общности институтов Локриды Озольской в этой области деятельности полисов с правовыми установлениями остальной Греции. Единство греческого права в области самых важных имущественных отношений, в частности в сфере рабовладельческих норм, получило яркое подтверждение и в правосознании эллинистической Локриды Озольской.

Ι. Навпакт: отпуск-продажа Либана, родом араба, первая половина II в. до н. э. (IG, IX, I¹, 374; Lerat. Loc., II, p. 127).

Γραμματεῦντος Θεοφίλου Ἀρίστωνος τοῦ Ἀριστωνύμου, μηνὸς Διονυσίου, ὅτεδοτο Δελφίων Σωπίωνος Νοαυπέπου συνευνοήσαντες
καὶ τοὺς θυγατέρας Κολλιπτώς, τῇ Διονόσῃ τῇ ἐν Νοαυπέπῳ ἐπ' ἐλευθερίᾳ αἰμα ἀνδρῶν, οἱ ὀνομα Αἰρωνος, γένος Ἀραβοῦ, τιμὰς ἀργυρίου] 5 ΜΜΜ. Προσποδὸς κατὰ τὸν νόμον Δομοσθένος Δομοστροφίου. Μὴ θρεψάτω [δὲ] γενεὸν Λιβανος εἰ δὲ θρέψῃ, ἀτελῆς καὶ ἀρενα ὅ (ὥ) γὰρ εἶπω [καὶ ὁ προ-
[σποδὸς μὴ προπωλ(ε)ῖτω, καὶ Αἰρωνος εἴτω Δελφίωνος, μάρτυροι . . .
Σώσανδρος Αἰνίδα, Δομοτέλης, Μένιος Βοΐσιου. [Ἐγγράφα της ἐμπολῆς
οἰσι Σώσανδρος Αἰνίδα.

Перевод: «При секретаре феаров Аристоне, сыне Аристонима, в месяце Дионисии продал Дельфион, сын Сотииона, навпактянин, с доброго согласия его дочери Каллисто Дионису в Навпакте на свободу раба по имени Либаний, родом араба, за цену в 3 мины серебра. Поручитель по закону Дамокл, сын Дамострата. Пусть не возвращает потомство Либаний, если же он будет растить (детей), то да будет несвершенной и отмененной продажа и пусть поручитель не продает, и да будет (тогда) Либаний (рабом) Дельфиона. Свидетели . . . Сосандр, сын Ликида, Дамотел, Микк, сын Войска. Запись о купле пусть хранит Сосандр, сын Ликида».

ΙΙ. Б у т т: отпуск-продажа сарматянки Фрины вскоре после 167 г. до н. э. (Na., 3; Никитский. ОЗЛН, стр. 45).

Γραμματεῦντος Θεοφίλου
ἐν Νοαυπέπῳ Δομοσθένος τοῦ
Δομοστροφίου, μηνὸς Αὐγυρίου,
ὅτεδοτο Ἀριστέας, Νέωνδρος, Ἐπίλοχος
5 οἱ Ξενία Ἰστώριοι τοῖς Ἀσκλησίοις
τοῖς ἐν Κρουσίῳ αἰμα γυναικείον
ἐπ' ἐλευθερίᾳ, ὡς ὀνομα Φρυνέας,
τὸ γένος Σαρματίας, τιμὰς
ἀργυρίου ΜΜΜ. βεβαιωτήρ κατὰ

10 τὸν νόμον Δομοτέλης Φιλόξε-
νου Ἰστώριος. παρομεινόμενῳ δὲ Φρυ-
νέας παρὰ Νέωνδρον καὶ Ἀριστέαν
(καὶ Ἐπίλοχον ποιούσαι τὸ ἐπιποιούμενον
αὐς καὶ ξὶ ὁ πατήρ αὐτῶν Ξενίας.
15 μάρτυροι Ἐπικράτης, Απολλώνιος
Νοαυπέπου, Ξενίας, Ἰωνι-
αῖς, Δομοτέλης, Πυρρονόν-
δος Ἰστώριοι.

Перевод: «При секретаре феаров в Навпакте Дамокле, сыне Дамострата, в месяце Лафрибии продали Аристей, Никандр и Эпилай, сыновья Ксения, из Истории, Асклепию на Родниках рабыню на свободу по имени Фриния, родом сарматянку, за цену в 3 мины серебра. Поручитель по закону Дамотел, сын Филоксена, из Истории. Пусть останется Фриния у Никандра и Аристее и Эпилая, исполняя поручаемое, пока будет жив отец их Ксений. Свидетели: Эпикрат и Аполлоний — навпактяне, Ксенний, Ионий, Дамотел, Пирранонд — из Истории».

ΙΙΙ. Б у т т: отпуск-продажа доморожденного Асклапиада в 155/4 г. до н. э. (Na., 9; Никитский. ОЗЛН, стр. 51—56; Lerat. Loc., II, p. 127).

Στρατηγόντος τὸν Αἰτίτωλ[ων] Αλε-
ξάνδρου τοῦ Νυκία Κολλιδωνίου, ἐν δὲ
Χαυπέπῳ γραμματεῦντος [θεοφίλος
Ἀριστόνου, μηνὸς Ὀμολοίου, ὅτεδοτο
5 Ἀριστομάχα Δομοσθένου [Βουτιά
τοῖς Ἀσκλησίοις τοῖς ἐν Κρουσίῳ αἰμα
ἀνδρείον, ὡς ὀνομα Ἀσκλησιόδους, τὸ γένος
οὐκ ἐγγενή, ἐπ' ἐλευθερίᾳ, [τιμὰς
ἀργυρίου ΜΜΜ. παρομεινόμενῳ δὲ
10 Ἀσκλησιόδους παρὰ Ἀριστομά-
χον ἐπὶ δέκα πικῶν τὸ [ποπιτα-
σόμενον. εἰ δὲ τι πάθῃ [Ἀριστομάχα
πρὸ τοῦ τὰ δέκα ἐπὶ [διελθεῖν, παρομει-
νόμενῳ δὲ Ἀσκλησιόδους [τὸν λοιπὸν
15 χρόνον Δομοσθένου τοῖς [Ἀριστομά-
χα¹] ποιήσῃ τὸ ποπιτασόμενον. εἰ δὲ πα-
ρομεινόμενῳ Ἀσκλησιόδους τὰ δέκα ἐπὶ, καθὼς γέγραπ-
ται, ἐλ[ε]ύθερος [ἴστω καὶ] ὁ ὡς Βέ-
βαιος εἶπω. ἀρενὶ δὲ τὸν δέκα ἐπέων μην
20 Προαγνίος ὁ ἐπὶ Λο[.] προσπο-
δὸς κατὰ τὸν νόμον [Λάμιος
Ἀεοντομένους [Βο]όττιος, μάρτυροι . . .
οἶδος, Λύκος,
Λέων, Φύλων,

25 $\omega\upsilon\upsilon$, 'Αριστεας, 'Αγήμεων N*0-
 πόσποι. τὸν ὥσιν φυλάσονται οἱ ὀφ-
 χοντες 'Αλεξιάδος

Перевод: «При стратеге этолян Александре, сыне Никия, калидонянине, а в Навпакте при секретаре феаров Аристоне в месяце Омолοие продала Аристомаха, дочь Демоксена, буттиянка, Асклепию на Родниках раба по имени Асклапиад, рожденного в доме, на свободу за цену в 3 мины серебра. Да останется Асклапиад у Аристомахи десять лет, исполняя поручаемое. Если что случится с Аристомахой до того, как пройдут десять лет, пусть останется Асклапиад остальное время у сына Аристомахи, исполняя поручаемое. Если останется Асклапиад, как написано, пусть будет он свободен и пусть в силе будет продажа. Пусть начнется десятилетний срок в месяце Прокиклии, который при. . . Поручитель по закону Ламий, сын Леонтомена, буттянин. Свидетели. . . Лик, Леон, Филон. . . Аристей, Агемон. . . навпактяне. Отпускной документ пусть хранят архонты Алексиад . . .».

IV. Бутт: отпуск-продажа подростков
 Сосасы и Сосы около 140 г. до н. э.
 (Na., 4; Никитский. ОЗЛН, стр. 46; Lerat. Locr., I, p. 96).

Ἀγαθοὶ τύχοι . γραμματεῖοντος
 θεαροῖς Φύλωνος τοῦ Σωσίου ἐν
 Ναυπάκτῳ, μὴνός Εὐθυαίου, ὅπε-
 ρστο Σάτυρος Μένος Ναυπάκτιος
 5 τοῦ Ἀσκληπιοῦ τοῦ ἐν Κρουνοῖς παι-
 δόφρον, οἱ ὄνομα Σωσος, καὶ κορό-
 σιον, ὁ ὄνομα Σωσίω, γένος οἰ-
 κογενή, τιμὸς ἀργυρίου ἐνάτε-
 ρα [M]M, ἐπ' ἐλευθερίᾳ . προ-
 10 μαινώμενον δὲ Σωσος
 καὶ Σωσίω παρὰ Σάτυρον καὶ
 Ἀγοῶν τέγ γυναικάα αὐτοῦ πο-
 ῶντες τὸ ἐπιτασσόμενον εἰ
 δὲ μὴ προομαινέουσιν, ὅ τε ὥσιν
 15 ἀτελής ἔστω καὶ ὁ προσποδότης
 μὴ βεβαιούτω . προσποδότης ἐπὶ
 τούτοις κατὰ τὸν νόμον Λάμιος
 Λεοντομένης Βούττιος.
 μάρτυροὶ Δάκρυον, Σωσίος
 20 Τηλέφρου, Σωσίβιος, Εἰδβος, Κάλλιπ-
 πος Ναυπάκτιοι, Λάμιος, Νεοῖος,
 Ἀμύνονδρος, Ἀμεινοκράτης,
 Δομέας, Ἀντίοχος, Πέτρον, Ἀλε-
 ξίδος ὁ ὄρχων . τὸν ὥσιν φυ-

λάσονται Ἀλεξίδος ὁ ὄρχων
 Βούττιος καὶ Σωσίας Τηλέφρου
 Ναυπάκτιος. ΧΚΑ.

Перевод: «В добрый час! При секретаре феаров Филоне, сыне Сосия, в Навпакте в месяце Евфиане продал Сатир, сын Мения, навпактянин, Асклепию на Родниках мальчика по имени Сосас и девочку по имени Сосо, рожденных в доме, за цену в 6 мин серебра за обоих на свободу. Да останутся Сосас и Сосо у Сатира и Агафо, жены его, исполняя поручаемое. Если же они не останутся, то пусть продажа будет несовершившейся и поручитель пусть не поручительствует. Гарант под этим условием по закону Ламий, сын Леонтомена, буттянин. Свидетели: Дафнонт, Сосий, сын Телефа, Сосибий, Евбой, Каллипп — навпактяне, Ламий, Неай, Аминандр, Аминокрот, Дамей Антиох, Петрон, архонт Алексидам. Акт о продаже будут хранить архонт Алексидам, буттянин, и Сосий, сын Телефа, навпактянин. 621.»

V. Бутт: отпуск-продажа мидянина Оронта
 в 140/39 г. до н. э. (Na., 2; Lerat. Locr., I, p. 96).

Γραμματεῖοντος θε-
 αροῖς ἐν Ναυπάκτῳ Φύλω-
 νος τοῦ Σωσίνδρου, μὴνός
 Ὀμολοῖου, ὅπερστο Πολυ-
 5 ξένῳ Προαλείτου Βουττία,
 συνευδοκόντος Ἀλεξιδά-
 μου τοῦ δοῦ, τοῦ Ἀσκληπιοῦ τοῦ
 ἐν Κρουνοῖς ἐπ' ἐλευθερίᾳ
 σαια ἀνδρεῖον, δι δισμα
 10 Ὀρόντας, τὸ γένος Μήδον,
 τιμὸς ἀργυρίου ΜΜΜΜ.
 προσποδότης κατὰ τὸν
 νόμον Δομόξενος Βοό-
 ττιος . μάρτυροὶ • Αἴμιος, Λυά-
 15 σος, Δομόνιος Βοόττιοι,
 Τελέσαρχος, Ξένων, Θρο-
 σῆος Πόριοι . τὸν ὥσιν
 φυλάσσει Δομέας Βοόττιος.

Перевод: «При секретаре феаров в Навпакте Филоне, сыне Сосандра, в месяце Омолοие продала Поликсена, дочь Гераклита, буттиянка, с доброго согласия сына своего Алексйдама Асклепию на Родниках на свободу раба по имени Оронт, родом мидянина, за цену 4 мины серебра. Поручитель по закону Дамоксен, буттянин. Свидетели: Лик, Ликиск, Дамоник — буттяне, Телесарх, Ксенонт, Фрасилай — порияне. Акт о продаже будет хранить Дамей, буттянин».

VI. Бутт: отпуск-продажа Македона, Болоса и Агафо, первая половина II в. до н. э. (Na., 19; Никитский. ОЗЛН, стр.65; Lerat. Locr., II, p. 128).

Γραμματεῦντος θεοροῖς
 ἐν Νοσιπώτοι Πηθοδύρου, μη-
 νός Ερμίου, Ελλάνικος Λο-
 μίου Βούττιος ἀπέδοτο, συνευ-
 5 δαίεσσι καὶ πῶς θυγατρός
 αὐτοῦ Ξενοίας, ἐπ' ἐλευθερί-
 α τῷ Ἀσκληπιοῦ τῷ ἐν Κρου-
 νῶς σάματι ἀνδρεία δύο, οἷς
 10 ὀνόματα Μοαδόν, Βώλος, γέ-
 νος Μοαδόν μὲν Ἀμφιπολί-
 τας, Βώλος δὲ οἰκογενής, καὶ γυ-
 ναικεῖον, ἃ ὄνομα Ἀγαθῶ, γένος
 οἰκογενές, τιμὰς εἰκοσίων
 τύπων Μοαδὸν μὲν ἀργυρί-
 15 ου μινον |M|M, Βώλον δὲ ἀργυρί-
 ου μ(νον) Μ |MM, Ἀγαθῶ δὲ ἀργυρίου
 μινον |M|MMMM . προσποδότης
 κατὰ τὸν νόμον Ἀγήμεον Εὐξε-
 νίδα Βούττιος . μάρτυροι . Λυκί-
 20 σις Θράσωνος, Φυλακίου
 Κολλιίδα, Λάμιος Εὐξενίδα,
 Δομέας, Αἰνῆος Λομίου, Στράτων
 Ἀγήμενος, Λυκόνοχος, Ἀσκληπιό-
 25 δος Βούττιος, Ἀρίσταρχος Εὐθέ-
 νος, Μενέμοχος Μένωνος,
 Δομοκράτης, Μεγιστότιμος,
 Πορμενίδος Νοσιπώτοι . τῶν ὡ-
 νῶν φυλάσσει Λάμιος Εὐξενί-
 30 δα Βούττιος, Κλέωνδρος Δομο-
 κράτης.

Перевод: «При секретаре феаров в Навпакте Пифодоре в месяце Гермии Гелланик, сын Ламия, буттянин, продал с доброго согласия дочери своей Ксенайны на свободу Асклепию на Родниках двух рабов по имени Македон и Болос, родом Македон — амфиполитянин, а Болос, рожденный в доме, и рабыню по имени Агафо, рожденную в доме, по цене за каждого из них — Македона за 6 мин серебра, Болоса за 7 мин серебра, Агафо же за 9 мин. Поручитель по закону Агемон, сын Евксенида, буттянин. Свидетели: Ликиск, сын Фрасона, Фалакрион, сын Каллиада, Ламий, сын Евксенида, Дамей, Ликий, сын Ламия, Стратон, сын Агемона, Ликиск, Асклапиад — буттяне, Аристарх, сын Евсфения, Менемах, сын Менона, Демократ, Мегистотим, Парменид — навпактяне. Документы

о продаже будут хранить Ламий, сын Евксенида, буттянин, и Клеандр, сын Дамократа».

VII. Бутт: отпуск-продажа Миниады, фри-
 гиянки, первая половина II в. до н. э. (Na., 29;
 Никитский, ОЗЛН, стр. 119—148; Lerat. Locr., II, p. 128).

Γραμματεῦ[ν]τος θεοροῖς ἐν Νοσιπώτοι . . . ν[ο]ς, ἐν
 δε (B)(o)[υ](τ)τί<ε>οις ἀρχοντος Ἀλε[ξ]ιάδα τ[ο]ῦ Ν[ι]κ[ι]σκ[ο]υ, μηνός Δίου ἐμ-
 βολίμου, ἀπέδ[ω]κε Νοσιπ[ο]λέτης Οἰνάσιος, συνευδαίον-
 5 τος καὶ τοῦ ὁδ[ο] Λάμιος, τῷ Ἀσκληπιοῦ τῷ ἐν
 Κρούνοῖς ἐπ' ἐλευθερίᾳ σάμα γυναικεῖον, ἃ
 ὄνομα Μηνιάς, το γένος Φρυγίον, τιμὰς ἀργυρί-
 ου μ(νον) ΔΔΠ. προσποδότης κατὰ τὸν νόμον Εὐρύδο-
 10 μος Ἐρμινίωνος Εὐπολιεύς, δεῖ δε πορομεῖναι
 Μηνιάδα παρὰ Φαρνάξῃ ἐτη τέσσαρα ποιούσαν
 τὸ ἐπιποιούμενον. εἰ δὲ μὴ πορομεῖναι, οἱ τῶν
 ὀνῶν φυλάσσοντες ἐχρεώντω κοινεῖον κα-
 τά Μην(ι)άδος, οἱ δεῖ πορομεῖναι ἐν ταῦ τοῦ [Φαρνά-
 ξου] οἰκίαι. εἰ δὲ μὴ, πρόεσταιμι ὅτι οὐκ αὐτῶν καὶ
 15 τῶν ἡμιολίων. ὄρεται πῶς πορομενος ὁ
 μὴν Δῖος ὁ ἐν ταῦ ὄναι. μάρτυροι Ἑλλάνικ-
 ος, Νεοῖος, Λεοντομένης, Ἀμύνονδρος, Ἀγί-
 μων Βούττιος, Τιμόλοχος, Εὐρύδομος, Τ. . .
 ς, Πολέμορχος Εὐπολιεύς. τῶν ὀνῶν φυλάσσει
 Τιμόλοχος Ἐρμινίωνος Εὐπολιεύς, Ἀγήμεον Ε[ῦ]-
 20 ξενίδα Βούττιος.

Перевод: «При секретаре феаров в Навпакте . . . в Бутте же при архонте Алкиаде, сыне Нея, в месяце Дии-вставном продал Никократ, сын Ойнастия, с доброго согласия сына Дамона Асклепию на Родниках на свободу рабыню по имени Миниада, родом фригиянку, за цену в 25 мин серебра. Поручитель по закону Евридам, сын Еримниона, евпалиец. Должно оставаться Миниаде у Фарнака четыре года, исполняя поручаемое. Если же не останется, пусть хранители документов о продаже объявят всенародно против Миниады, что должно оставаться ей в доме Фарнака. Если она этого не сделает, то будет платить штраф. . . Начало оставления — месяц Дий, записанный в продажном документе. Свидетели: Гелланик, Неай, Леонтомен, Аминандр, Агемон — буттяне, Тимолах, Евридам, Т. . . , Полемах — евпалейцы. Продажные документы будут хранить Тимолах, сын Еримниона, евпалеец и Агемон, сын Евксенида, буттянин».

VIII. Бутт: отпуск-продажа Сосо, первая по-
 ловина II в. до н. э. (Na., 20; Никитский, ОЗЛН,
 стр. 65—69).

Στρατοχέοντος τῶν Αἰτω-
 λῶν Φύλακος τῷ ψ, ἐν δε Νοσι-

5 πύχτοι γραμματέας θεοφίλῃς
 Λεωνίδα, μηνός Διονυσίου ἀπ[έ]-
 δοπο Ἀγησίπ[τ]ρα Φυλλάῳ, συν-
 εδικαόντων καὶ τῶν ὧν Ξε-
 νοκράτης, Ἀγεστράτου, τοὶ Ἀ-
 σκλαπ[τ]ιοῖ ἴδι ἐν Κρουνοῖς· ἐπ' ἔλευ-
 θερία σάμα γυναικῶν, αἱ ὄνο-
 μα Σωσώ, οὐκογενή, τιμὰς ἀργυ-
 ρίου ΜΜ. παρορμαινέτω δὲ Σωσώ
 10 ἐτη δ', ὅσον μὲν καὶ χρόνον ζή Ἀγ-
 ησίπ[τ]ρα, παρὰ Ἀγησίπ[τ]ρα, τῶν δὲ λοι-
 πῶν χρόνον τῶν δ' ἔχων μετὰ τὸ
 15 μεταλλάξαι Ἀγησίπ[τ]ρα, παρὰ το-
 υς οὗς τοὺς Ἀγησίπ[τ]ρας Ξενοκράτη
 καὶ Ἀγεστράτον παιδοῦ<ν> τὸ ἐπι-
 ποσούμενον. εἰ δὲ μὴ παρορμαιν[η]
 20 Σωσώ ἢ μὴ ποιῇ τὸ ἐπιποσόμε-
 νον, καθὼς γέγραπται, ὅ τε ὡνά
 <ὅ τε ὡνά> στελής ἔστω καὶ οἱ προσπο-
 δότα μὴ βεβαιούντω. θεοφίλῳ δὲ
 Σωσώ ἐν τῷ χρόνῳ οἱ δβί αὐτῶν πα-
 ρορμαινοὶ παιδάριον ἢ κορίδιον, καὶ τὸ
 25 τραπέν Ἀγησίπ[τ]ρας καὶ τῶν ὧν ἔ-
 στω, εἰ δὲ μὴ τρέφει τὸ παιδίον, κα-
 θὼς γέγραπται, ὅποτευσάτω Ξε-
 νοκράτῃ καὶ Ἀγεστράτῃ ἀργυρί[ου]
 Μ. ὁρξεί τῶν δ' ἔπειν ὁ Διονύσιο-
 30 [ς] μ(ήν) ἐν οἱ<ς> Λέων Ναυπύκτας στρατ(α)ρει.
 μάρτυροι ' Σατυροῖνος, Ἀριστόδομος].

Перевод: «При стратеге этолян Филаке, сыне Филака, а в Нав-
 пакте при секретаре феаров Леониде в месяце Дионисии продала
 Агесиппа, филлаянка, с доброго согласия сыновей ее, Ксенократа
 и Агестрата, Асклепию на Родниках на свободу рабыню по имени
 Сосо, рожденную в доме, за цену в 2 мины серебра. Да останется
 Сосо 4 года, все то время, что проживет Агесиппа, у Агесиппы,
 а после смерти Агесиппы остальное время из четырех лет —
 у сыновей Агесиппы, Ксенократа и Агестрата, исполняя пору-
 чаемое. Если же не останется или не будет делать поручаемое,
 как написано, то продажа будет несовершеннейшей и поручители
 не будут поручительствовать. Да взрастит Сосо в то время, какое
 должно ей оставаться, мальчика или девочку, и вскормленник
 будет принадлежать Агесиппе и ее сыновьям. Если же Сосо
 не вскормит ребенка, как записано, то пусть уплатит Ксенократу
 и Агестрату 1 мину серебра. Начнет четырехлетие месяц Диони-
 сий, в который (будет) стратегом Леон, навпактянин. Свидетели:
 Сатирин и Аристодам».

IX. Бутт: отпуск - продажа Филоксена из
 Амфилохии, первая половина II в. до
 н. э. (Na., 12; Lerat. Locr. II, p. 127).

Στρατογέντος τῶν Αἰτωλῶν Τριχά Στρα-
 τίου β', ἐν δὲ Βουττωῖ ἀρχοντας Λαμίου
 τοῦ Ἀλεξομένου, μηνός Εὐθυαίου, ἀπέ-
 δοπο Μισάων Βούττιος τοῦ Ἀσκληπιοῦ
 5 τοῦ ἐν Κρουνοῖς σάμα ἀνδρεῖον, οἱ ὄνο-
 μα Φιλόξενος, τὸ γένος Ἀμφίλοχον,
 τιμὰς ἀργυρίου ΜΜΜΜ. βεβαιωτήρ
 κατὰ τὸν νόμον Λάμιος Λεοντομένε-
 ρος Βούττιος. παρορμαινέτω δὲ Φιλόξε-
 10 νος παρὰ Μισάωνα ὅς ζή Μισάων
 ποιῶν τὸ ποταποσούμενον. εἰ δὲ μὴ ποέ-
 οἱ, στελής ὁ ὡνά ἔστω. εἰ δὲ τί καὶ πύθη
 Μισάων, τόσα ὁ ὡνά κυρία ἔστω καὶ
 ὁ βεβαιωτὴρ βεβαιούτω τοῦ Ἀσκληπιοῦ.
 15 μάρτυροι Μένων, Φύλων, Νεαῖος,
 [Ξ]ένος, Σκορπιών, Εὐριπίδας, Βούττιοι,
 Σάτυρος, Ἀντικράτης, Πολύξενος,
 Πολύαρχος Ναυπύκται. τῶν ὧν
 20 φιλόσοφον Λάμιος ὁ ἀρχων, Δα-
 μόξενος Βούττιοι.

Перевод: «При стратеге этолян Трихе, сыне Стратия Стратиева,
 а в Бутте при архонте Ламий, сыне Алексомена, в месяце
 Евфиае продал Миккион, буттянин, Асклепию на Родниках
 раба по имени Филоксен, родом амфилоха, за цену в 4 мины
 серебра. Поручитель по закону Ламий, сын Леонтомена, буттянин.
 Да останется Филоксен у Миккиона, пока будет жить Миккион,
 исполняя поручаемое. Если же не станет делать, то продажа
 будет несовершеннейшей. Если же что-нибудь случится с Миккио-
 ном, тогда продажа будет правомочна и поручитель пусть пору-
 чительствует у Асклепия. Свидетели: Менон, Филон, Неай,
 Ксенос, Скорпион, Еврипид — буттяне, Сатир, Антикрат, Поли-
 ксен, Полиарх — навпактяне. Продажные документы будут хра-
 нить архонт Ламий и Дамоксен — буттяне».

X. Алп а: отпуск - продажа Аристолая в
 в 169/8 г. до н. э. (Lerat. Locr., I, p. 117, 3; p. 118-120).

Στ(ρ)οπαγ[έ]λοντος Νεάα Σωσθ(ε)νέως, μηνός [—]
 ου ἀπέδοπο Δαμοφ[έ]τα Ἀνδρωνος Ἀλπαί[α] σάμα ἀν[ι]-
 δρήν ὡς ὄνομα Ἀριστόλαος ἐπ' ἐλευθε[ρί]α[ι] τίδι Ἀπόλ[λ]-
 λων τῶν ἐν Φαι[σ]τείνοι, τιμὰς ἀργυρί[ου] μν[ον] πεν[ν]-
 5 τε" παρορμαινέτω δὲ Ἀριστόλαος; πα(ρά) Δαμοφ[έ]τα
 εως καὶ ζήι, ποιῶν [τά] ἐπιποσούμενα" ἐπεὶ δὲ [καὶ πύθ]-
 η τι, εὐεύτερος ἔστω βεβαιωτὴρ [κατὰ] τὸν νόμον Δα[μ]-

μότιμος Επαγόνου Ἀλποῖος ἃ ὠ[ά ἐν] Φουστίνου [ἐν τού]
[ἱεροῖ τοῦ Ἀπόλλωνος, πῶν ὠν φυλάσσει Ἀλέξον]δρος
10 Λοντ[ρό]νος Ἀλποῖ[ο]ς. μάρτυροι [-³]ος Πολυ—
Δομ[ι]. .ος, Μῆκος.

Перевод: «При стратеге Никие, сыне Сосфена, в месяце . . . продала Дамарета, дочь Андрона, алпаянка, раба по имени Аристолай на свободу Аполлону в Фестине за цену в 5 мин серебра. Да останется Аристолай у Дамареты, пока она будет жить, исполняя поручаемое. Если же что-нибудь случится (с Дамаретой), пусть будет он свободен. Поручитель по закону Дамотим, сын Эпигона, алпаянин. Продажа в Фестине, в храме Аполлона. Продажные документы будет хранить Александр, сын Ланприона, алпаянин. Свидетели: ...Поли Дам..., Мик».

XI. Оя н ф и я : о т п у с к - п р о д а ж а Е в т и х и д ы
в 166/5 г. до н. э. (SEG, XII, 278; Lerat. Locr., II, p. 128).

Ἀγωνοθετόντος Λίκωνος Φυσάος, μηνός ἑβδόμου πεντεκαδε-
[κά]τη, ἐν ἐνόμῳ ἐσθλησίᾳ τῶν Εὐανθέων ὁπάδοιο Εὐρόταμος
Εὐανθεύς
συνευδοκούσας καὶ τὰς ματρός αὐτοῦ Κλεονόκας τῶι Ἀπόλλωνι τῷ ἐμ Φου-
στίνου
[σάμα γυν]αῖον ἃ ὄνομα Εὐτυχίς, ἐπ' ελευθερίᾳ τιμᾶς ἀργυρίου μιν
πέντε. Βεβαιωτήρες
5 [κατὰ τὸν νόμον Ἀγέ]λαος Χαυρελάου πῶν ὠν φυλάσσουν Διοίτας, Καλ-
λίδομος οἱ ἄρχον-
τες καὶ ἰδιώτης Μηνόδοτος μάρτυροι οἱ πολῖται.

Перевод: «При агонοфете Ликоне, фискиянине, в месяце седьмом пятнадцатого числа в законной экклесии города оянфян продал Евритим, оянфянин, с доброго согласия матери его Клеоники Аполлону в Фестине рабыню по имени Евтихида на свободу за цену в 5 мин серебра. Поручители по закону Агелай, сын Хаирелая. Продажные документы должны хранить архонты Диойт и Каллидам и частное лицо Менодот. Свидетели — граждане».

XII. Ф и с к : о т п у с к - п о с в я щ е н и е М н а с о в 137/6 г.
до н. э. (SGDI, 2097 — запись в Дельфах).

Ἀρχοντας Ἰβρία, βουλευόντων πῶν δευτέρου ἐξόμην-
ον Ἀγιωνος τοῦ Κλεοδόμου, Τιμοκλέος τοῦ Πολύωνος,
γρομμματεῦντος δὲ Βαβύλου τοῦ Ἀνδρομένο, ἀνε-
γρόρη ἃ ἀνόθεοις. Ἀγωνοθετόντος Εὐνίου Τριτέος μη-
νός τετάρτου, ἐν δὲ Φυσάοις ἄρχοντας Εὐκλείδα, μηνός
5 Ἀραίου τριακάδι, ἐν ἐνόμῳ ἐσθλησίᾳ, ἀνέθηκε Ἀγη-
σιβούλα Φυσάς, συνευδοκούντων τοῦ τε πατρός αὐτῆς
Λίκωνος καὶ τὰς ματρός Ἀμοσένης, τῶι Ἀπόλλωνι
τῶι Πυθίῳ σάμα γυναικῶν ἃ ὄνομα Μνασά, ὥστε ἱερὸν

10. εἶμεν καὶ ἀνέροσπον καὶ εὐεθέρον Μνασά. Εἰ δὲ τι Μνασά
πῶδοι ἀγενής ὑπάρχουσι, τὰ καπολειφθέντα ὑπὸ
Μνασᾶς Ἀγησιβούλας εἶπω. μάρτυροι- ἄρχοντες Εὐ-
νιος, Εὐκλείδας, Δομοκλείδας, τιμίας Ἀρχέπολις
καὶ οἱ συνπορόντες ἐν τοῖ ἐσθλησίᾳ Ἀριστόλαος, Νι-
15. κόμοχος, Δομοτέλης, Δομοκλείδας, Δομοκρίτος,
Ἀρίστων, Θεόδομος, Ξερόλαος, Μυράνιος, Εὐμηλος,
Ξένων, Λεόντιος Δομιόθεος, Ἀντιγενεΐδας,
Χαυρέδομος, Χαυριδόμος, Ξενοκράτης Πον-
ταινέτου, Ἀριστόλαος.

Перевод: «При архонте Гибрии, при членах совета во второе полугодие Агионе, сыне Клеодама, (и) Тимокле, сыне Полиона, при секретаре Бабиле, сыне Андромена, записано посвящение. При агонοфете Евнике тритеянине, в четвертом месяце, а в Фиске при архонте Евклиде в месяце Аратии тридцатого (числа) в законной экклесии посвятила Агесибула, фискиянка, с доброго согласия отца ее Ликона и матери Армуксены Аполлону Пифийскому рабыню по имени Мнасo, чтобы была священна и неприкосновенна и свободна Мнасo. Если же случится что-нибудь с Мнасo, не имеющей потомства, то да будет оставленное (имущество) Мнасo (принадлежать) Агесибуле. Свидетели: архонты Евник, Евклид (и) Дамоклид, казначей Архепол и присутствующие в экклесии Аристолай, Никомах, Дамотел, Дамоклид, Дамокрит, Аристон, Феосам, Ксенолай, Миккин, Евмел, Ксенон, Леонтий, сын Даманфея, Антигенид, Хайредам, Харидам, Ксенократ, сын Пантайнета, Аристолай».

XIII. Х а л и е й : о т п у с к - п р о д а ж а Д е м е т р и я
из Лаодикеи, около 134—124 г.г. до п. э. (IG^Λ

IX, I¹, 331=Syll³, 1205; Lerat. Locr., II, p. 134).

- Ἀρχον[τος ἐν μέ]γ Χαλείῳ Ἀλεξίνου, μηνός Κορείου, ἐν δὲ Ἀμφύποα
χοντ[ος Ἀριστά]ρχου, μηνός Ἀ[γρ]αστυόνος, ὁπάδοιο Κλεογένης Ἀνορο-
νύου
ἈλεΤος ἐν Ἀμ[φί]σῳ ἐργα[ζ]όμενος σάμα ἀνδρεῖον, ὃ ὄνομα Δημήτριος,
τὸ γέ-
νος Λαοδική, ἐπ' [ἐλευθ]ερίᾳ τῶ Ἀπόλλωνι τῶ Νοσιώτῃ τιμᾶς ἀργυρίου
δραχμῶν χιλιάν πῶν τι-
5. μὴν ἀπέχει πάσον. [β]εβαιωτή[ρ κατὰ τὸ σύμβολον Φίλ]ιος Χαλειεύς
τῶς ὥς τὸ ἀν[τίγρα]-
φον φυλάσσουν οἱ θεοκόλ[οι τοῦ] Ἀπόλλωνος τοῦ Νοσιώτῃ, Φιλόξενος
Νικία, Εὐχονδρίδας
Νικάνδρου Χαλειεῖς, ἐν δὲ Ἀμφισσῳ Ἀριστάρχος Λαϊάδα. μάρτυρες
Φλόξενος, Νικ[ό]-
λαος, Πέ[τα]λος, (Ν)ικόλαος, Θορά[νης], Ξενί[ας], Καλλιτέλης, Πολυξέ-
νιδας, Ἀλεξίν[ος]
Εὐνό[τροπος].

Перевод: «При архонте в Халее Алексине is месяце Карий, а в Амфиссе при архонте Аристархе в месяце Аграсионе продал Клеоген, сын Андроника, халеянин, работающий в Амфиссе, раба по имени Деметрий родом из Лаодикеи на свободу Аполлону Насиоту за цену в 1000 драхм серебра. Цену (бог) получает полностью. Поручитель, согласно договору, Филий, халеянин. Копию продажного документа должны хранить феоколы Аполлона Насиота Филоксен, сын Никия, Евхандрид, сын Никандра, — халеяне, а в Амфиссе — Аристарх, сын Лаиада. Свидетели: Филоксен, Николай, Петал, Николай, Фофан, Ксений, Каллител, Поликсенид, Алексин, сын Ксенострата».

§ 10. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЛОКРСКИХ РАБОВ

В следующем ниже списке помещены имена выкупавшихся рабов, полностью или частично сохранившиеся. Из текстов приведены следующие данные:

σ.α. — мужчина
σ.γ. — женщина
π. — мальчик
κ. — девочка
τ.γ. — родом
οίκ. — доморожденный

В конце списка мы добавили отдельные сведения, которые удалось почерпнуть из трудночитаемых отпускных документов.

"Αγαθός, οίκ., οίκ., IG, XI, I¹, 377
'Αγαθώ, σ.γ., οίκ., Na., 19
'Αγάθων, σ.α., —, Leg., I, 143
Αλέξανδρος, σ.α., οίκ., Na., 31
'Αντίοχος Γ, π., —, Ca., 2
'Αριστέας, π., οίκ., Na., 21
'Αριστείδας, σ.α., —, Leg., II, 172b
Αριστοκράτης, π., οίκ., Na., 26
'Αριστόλαος, σ.α., —, Leg., I, 117, № 3
Αρίων, σ.α., οίκ., IG, IX, I¹, 373
'Αρχω, σ.γ., οίκ., IG, IX, I¹, 350
'Ασκληπιάδας, σ.α., —, Na., 34
'Ασκληπιάδας, σ.α., οίκ., Na., 9
Αφροdisία, σ.γ., τ.γ. θρασσα, IG, IX, I¹, 375
'Αφοdisία, σ.γ., οίκ., AE, 1955, p. 53, 3
A., σ.α., οίκ., IG, IX, I¹, 351
A., σ.α., —, Ber., I, 92, Iia

Βίβλος, σ.α., —, Mas., I f
Βωλος, σ.α., οίκ., Na., 19

Γωνατον, σ.α., —, AE, 1955, p. 53, 2

Δέλμις, σ.α., τ.γ. . . ., Mas., Via
Δέξις, σ.γ., τ.γ. ἐκ Πύξις, Na., 18
Δημήτριος, σ.α., τ.γ. Λαοδική, IG, IX, I¹, 331
Δίκαιος, σ.α., γένος Ἀντιοχή, Mas., Ig

Ἐπικλης, σ.α., Ὀάξις, SvIh* 622B
Ἐπίκτησις, σ.γ., —, IG, IX, I¹, 1067—1069
Εργασίων, σ.α., —, SEG, XII, 283
Εὐβοολίδας, σ.α., τ.γ. Σύρος, Na., 6
Εὐβουλος, σ.α., οίκ., Leg., I, 92, IIb
Εὐπραξίς, κ., —, Ca., 2
Εὐτυχίδας, σ.α., τ.γ. Γαλάτης, IG, IX, I¹, 375
Εὐτυχίς, σ.γ. —, SEG, XII, 278[^]
Ευφρόσυνα, σ.γ., —, SEG, XII, 279
E, σ.γ., —, Никитский. ОЗЛН, 38
E, σ.γ., οίκ., Leg., I, 96b

Ζωπιρίς, σ.γ., οίκ., IG, IX, I¹, 351
Ζώπυρος, σ.α., τ.γ. Σύρος, Na., 23

Ἡρακλειοδώρος, π., τ.γ. Σκύριος, IG, IX, I¹, 359

Θεόκριτος, π., οίκ., Na., 24
θρασυμ. . ., σ.α., τ.γ. Μάγνης, SEG, XIV, 469

Ἰοτιαίς, κ., —, Na., 14
"Ιστρος, σ.α., οίκ., IG, IX, I¹, 376
Κόσμος, σ.α., τ.γ. θραικα, Na., 15

Λεύκιος, σ.α., οίκ., Na., 30
Λίβανος, σ.α., τ.γ. Ἀραβα, IG, IX, I¹, 374
Λυκιάας, σ.α., οίκ., IG, IX, I¹, 372

Μακεδών, σ.α., τ.γ. Ἀμφιπολίτας, Na., 19
Μεν, κ., οίκ., Na., 17
Μηνιάς, σ.γ., τ.γ. Φρυγίαν, Na., 29
Μναώ, σ.γ., —, SGDI, 2097

Νικαγόρα, κ., οίκ., Na., 25
Νικάσιον, κ., οίκ., Na., 26
Νικοστράτα, σ.γ., οίκ., Leg., I, 129, 3
Νικ, σ.α., τ.γ., θραικα, Leg., I, 91a
Νιλίων, σ.α., —, SEG, XII, 293
Νόημα, σ.γ., τ.γ. θρασσα, Na., 5
Νουμήμιος, σ.α., τ.γ. Σύρος Ὀρθοσιή, Leg., I, 92, IIa

Ὀνάσιμος, σ.α., τ.γ. Μακεδόν, Na., 16
Ὀρόντας, σ.α., τ.γ. Μήδον, Na., 2

Πλείστος, *o.a.*, τ.γ. Φοίνικα, *Ler.*, T, 91, I
 Προξώ, *o.γ.*, τ.γ. Σκόρ., IG, IX, I\ 359
 Πραπίων, *o.a.*, τ.γ. . . ., IG, IX, I¹, 364
 Πτολεααίς, *o.γ.*, οίκ., *Ler.*, I, 129, 3

Σιμάκα, *o.γ.*, γ. Βοιωτίαν ἐκ θεσπιδν, *Na.*, 33
 Σωσος, π., οίκ., *Na.*, 4
 Σωσίκληα, *o.γ.*, οίκ., IG, IX, I, 351
 Σωσιστράτα, κ., οίκ., IG, IX, I¹, 375
 Σωσώ, σ.γ., οίκ., *Na.*, 20
 Σωσώ, κ., οίκ., *Na.*, 4
 Σωσώ, σ.γ., οίκ., AE, 1955, 58, 4
 Σωτηρίς, σ.γ., —, *Ler.*, I, 132
 Σωτηρίς, σ.γ., οίκ., IG, IX, I¹, 351
 Σωτηρίχα, κ., οίκ., *Na.*, 22
 Σωτήριχος, π., οίκ., BCH, 1898, 354, 1
 Σωσ. . ., *o.a.*, οίκ., *Na.*, 7

Τιμώ, σ.γ., —, AE, 1955, 52, 1
 Τιμολέον, *o.a.*, —, *her.*, II, 172b

Φάνης, *o.a.*, —, AE, 1955, 60, 7
 Φίλα, σ.γ., —, Wilhelm, № 121
 Φιλέταρος, σ.α., οίκ., AE, 1955, 65, 8
 Φιλλέας, σ.α., οίκ., *Na.*, 28
 Φιλόνικος, π., οίκ., *Ler.*, I, 91b
 Φιλόξενος, σ.α., τ.γ. Ἀμφίλοχον, *Na.*, 12
 Φιλωνίδας, σ.α., τ.γ. θεσσαλ., Wilhelm, № 119
 Φρυνέα, σ.γ., τ.γ. Σαρματίσση, *Na.*, 3
 Φρυνίον, π., οίκ., *Na.*, 22

Χάρις, *o.a.*, οίκ., *Na.*, 1

Ώφελίων, *o.a.*, τ.γ. Τιζερανόν, *Na.*, 13

. . . . δάμος, *o.a.*, —, *Ler.*, II, 172b
 μολαος, π., οίκ., *Na.*, 11
, σ.α., οίκ., IG, IX, I\ 351
, σ.α., τ.γ. θεσσαλ., Wilhelm, № 119
, σ.γ., οίκ., *Ler.*, I, 95a
, σ.α., —, IG, IX, I¹, 357
, σ.γ., τ.γ. ἀπὸ τοῦ Ἀόου, IG, IX, I¹, 360
, σ.γ., τ.γ. Κυπαρισσίαν, IG, IX, I¹, 365
, σ.α., —, IG, IX, I¹, 366
, σ.γ., —, IG, IX, I\ 368
, σ.α., —, IG, IX, I\ 378
, π., οίκ., *Ler.*, I, 91b
, σ.γ., —, IG, IX, I¹, 1070
, σ.α., οίκ. ἐν Ναυπάκτου, Mas., V

Глава II

МАТЕРИАЛЫ О РАБОВЛАДЕНИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЭТОЛИИ

Своеобразие исторических путей Этолии¹ придало некоторые особенности формам рабовладения, существовавшим здесь в III—II вв. до н. э. Должно заметить, что даже в характеристике господствующего класса этолийских полисов можно найти черты его известного отличия. Оно было порождено рядом причин, в числе которых не последнее место занимала обширная военная деятельность этолийского гражданства.

Воинственность этолян складывалась на протяжении многих столетий. Населявшие эту гористую и лесистую землю этолийские племена издавна энергично оберегали свою независимость, действуя весьма сплоченно. Названные черты отчетливо выступили уже во время Пелопоннесской войны. Успешно отбив в 426 г. нападение афинского стратега Демосфена (III, 94—98), обитатели Этолии обнаружили неожиданную для противника военную мощь. Но уже и тогда этоляне были сильны не только оружием: сразу после отражения врага они привлекли на свою сторону коринфян и спартанцев и вместе обрушились на призвавших Демосфена жителей Навпакта. В рассказе Фукидида об изложенных событиях есть одна особенность, на которую, как нам кажется, обращали еще недостаточно внимания. Она заключается в том, что афинский историк передавал сведения, умалявшие значение этолян², не от себя лично, но как слова мессенян из Навпакта, подговаривавших Демосфена к нападению. Сам Фукидид несколько раз оговорил (III, 94, 4—5), что он излагает чужую речь, видимо, историк по-иному смотрел на состояние Этолии.

Деятельность этолян в последующие времена подтвердила обоснованность угадываемого более положительного отношения к ним

¹ Судьбы Этолии в V—II вв. привлекали внимание многих исследователей. В отечественной историографии надлежит особо отметить статьи Ф. Ф. Соколова («Третье столетие до Р. Х.» — ЖМНП, 1886, июль, стр. 1—16; «Этолийское народное собрание». — ЖМНП, 1906, июль, стр. 343—349; «Хариксен». — ЖМНП, 1906, июль, стр. 349—354). Весьма обстоятельный исторический очерк предпослал Г. Клаффенбах своду этолийских надписей (G. Klaffenbach. Fasti Aetolici. — IG, IX, I², 1, p. IX—XLVIII). Могууществу атолян посвящен труд Р. Фласельера (R. Flaceliere. Les Aitoliens à Delphes. Paris, 1937; далее — Flaceliere. Aitoliens).

² Данные мессенян о том, что этолийские деревни отстоят далеко одна от другой и не имеют укреплений, могут быть истолкованы как веские свидетельства большой упорядоченности внутренних отношений обитателей страны. Видимо, население Этолии выработало ко времени Пелопоннесской войны устойчивую систему межплеменных связей, позволявших деревенскому люду не возводить защитных сооружений.

Фукидида. Уже в 402 г. этоляне оказали действенную помощь Элиде, подвергшейся нападению спартанцев (Diod., XIV, 17, 9—10). Однако вскоре, в 389 г., будучи заинтересованными в поддержке Спарты для захвата Навпакта, этоляне пропустили через свою территорию Агесилая, выводившего войско из Акарнании (Xen., Hell., IV, 6, 14). Сближение со Спартой продолжалось недолго³. Консолидация антилакедемонской коалиции в Средней Греции побудила этолян в 370 г. вступить в союз с Фивами (Diod., XV, 57, 1). Благодаря Эпаминонду этоляне получили в свое владение Калидон, захваченный ранее ахейцами (Diod., XV, 75, 2), и тем самым, наконец, подошли к побережью Коринфского залива. Деятельная внешняя политика Этолии сопроваждалась упрочением внутренних связей, и в 367 г. этоляне образовали свой союз⁴, *κοινὸν τῶν Αἰτωλῶν*. В дальнейшем этолийский койнон превратился в значительную силу, оказывавшую решающее влияние на политическую жизнь страны в IV—II вв. Большое количество документов из самой Этолии и из других областей Греции позволяет судить о внутреннем устройстве этого объединения. В него входили все полисы и племена, причем устанавливалось общесоюзное этолийское гражданство для свободных граждан.

Таким образом, союз этолян представлял симполитию. Во главе ее стояли общесоюзные собрание и совет, а также ряд избираемых верховных магистратов. Во внутренних делах каждый из полисов, членов союза, пользовался значительной автономией⁵. Строение союза весьма поучительно тем, что оно с предельной ясностью выявляет тесные генетические связи между племенными и полисными установлениями, двумя последовательными звеньями в развитии политических форм в центральных землях Греции.

Вместе с тем структура Этолийского союза — важный источник для суждения о развитости государственно-правовых норм и о характерных чертах класса свободных в этой части страны. Можно заметить, в частности, что гражданство этолийских полисов длительное время сохраняло большую сплоченность и внутреннюю организованность. Неоднократно во время войн IV—III вв. этолийские полисы осуществляли чрезвычайные защитные меры, проведение которых было возможно при непрерываемом авторитете гражданской общины. Право личного участия и право голоса, которые имел отдельный гражданин каждого полиса

в общих этолийских собраниях⁶, говорят о большой правоспособности свободного населения Этолии. Сила полисных установлений в значительной степени поддерживалась системой поголовной военной службы свободных. Гражданин-воин и в эллинистическое время оставался ведущей фигурой в социальной системе этой части Греции.

Указанное обстоятельство способствовало упрочению и каждого полиса и всего объединения этолян, достигшего выдающихся успехов уже в IV в. Еще большим стал их авторитет в III в., когда произошло распространение гегемонии Этолийского союза на Дориду, Восточную Локриду, часть земель Акарнании и Фессалии, а затем и на некоторые области в Пелопоннесе (Элида, Мессения, часть Аркадии).

Внешняя экспансия этолян не могла не сказаться на процессе внутреннего развития общества, в частности на структуре класса рабовладельцев. Доступные ныне данные указывают на быстрый рост дифференциации свободных. Еще в V в. этолийское войско составляли в основном легковооруженные воины, комплектовавшиеся обычно из не очень зажиточного крестьянства. Совсем иную картину являло войско в 279 г., когда гражданство поставляло три контингента — конницу, гоплитов и легковооруженную пехоту (Pausan., X, 20, 3). Сведения Полибия позволяют заключить, что роль конницы к концу III в. до н. э. не уменьшалась (Polyb., II, 3; IV, 8, 10; XVIII, 22, 4—6).

Изменение состава войска, которое у этолян было всенародным, отражало нарастающее имущественное расслоение свободных.

⁶ Они происходили ежегодно осенью в Ферме — главном священном центре всех племен.

⁷ Действительно, политический вес Этолии после утверждения койнона нарастал очень быстро. Около 360—343 гг. этоляне помогли молосскому царю Аррибе, на которого напал иллириец Бардил (Front., Strat., II, 5, 19). В 342 г. Филипп II во время операций в Эпире заключил союз с этолянами, обещая отвоевать для них у ахейцев Навпакт (D e t., Phil., III, 34), что и было им выполнено в 338 г. (Strabo, IX, 4, 7, p. 427; см. также Legat. Locr., II, p. 54—55). Хотя сближение с Македонией привело к изгнанию враждебных царю лиц, однако тотчас после смерти Филиппа, в 336 г., Этолийский союз постановил вернуть изгнанников из Акарнании (Diod., XVII, 3, 3). При Александре этоляне продолжали отстаивать свою независимость: в 335 г. они поддержали Фивы, в 329 г. с ними заключил тайный союз Антипатр (Plut., Alex., 49). В 323 г. этоляне первыми заключили союз с Афинами (Diod., XVIII, 11, 1), причем роль их в развернувшемся антимакедонском восстании греков свидетельствует об огромных материальных и моральных силах союза. Искусная дипломатическая деятельность во время войн диадохов дополняла активную военную политику союза, быстро распространявшего свою власть в Греции: в 321 г. этоляне вторглись в Западную Локриду, затем в Фессалию (Diod., XVIII, 38). Несмотря на поражения, понесенные ими от войск Кассандра в 314 г. (Diod., XIX, 66, 2; 67, 3—68, 1), уже около 300 г. они установили свое прочное владычество в Дельфах (Flaceliere, Aitolien, p. 46—68). Главенство над Дельфийской амфикиционной сразу придало Этолийскому союзу невиданный ранее авторитет.

³ G. Klaffenbach. Fasti Aetolici, p. XII.

⁴ M. N. Tod. A Selection of Greek Historical Inscriptions, I². Oxford, 1946, № 137.

⁵ Flaceliere. Aitolien, p. 43. Независимость внутреннего управления отдельных членов союза была особо подчеркнута еще В. В. Латышевым («Греческие древности», т. I. Вильно, 1880, стр. 254).

Правда, острота этого процесса долгое время смягчалась крупными поступлениями массы материальных средств, привозившихся в III в. до н. э. победоносными войсками. Но тем не менее, поляризация в среде свободного гражданства выступала все более отчетливо. Ярким признаком служит пышный расцвет форм городской жизни, который происходил в полисах Этолии в течение всего III в. до н. э. Там возводили храмы, портики, монументальные здания, на улицах городов стояли многочисленные статуи⁸. Этолийская знать водружала памятники и в Дельфах, остатки которых свидетельствуют о больших затратах на эти монументальные сооружения⁹. Не один раз враждебный им Полибий ставил в вину этолянам распространение роскоши.

Начавшийся после 226 г. до н. э. упадок Этолийского союза, сопровождавшийся большими материальными потерями¹⁰, отразился отрицательно на положении широких кругов свободного населения. Многие этоляне оказались опутанными долгами *δια τὴν πολυτέλειαν τῶν βίων*, как отметил Полибий (XIII, 1). Уже в 206 г. в стране развернулось социальное движение, связанное с именами составителей новых законов Скопаса и Дори-маха¹¹. После поражения этолян в 191 г. внутренние противоречия достигли еще большей остроты, судя по отрывочному известию Полибия (XXX, 14).

Изложенные выше перемены в судьбах свободного гражданства в какой-то мере отражались на положении рабов в Этолии. Нет сомнений, что выделение особо зажиточного слоя населения должно было повлечь рост числа рабов, занятых в сфере обслуживания. Однако не это явление заслуживает пристального внимания. Гораздо важнее та общая тенденция, которая отчетливо выступает в военной политике Этолийского союза в течение всего III в. до н. э. Она состояла в стремлении этолян увести возможно больше пленных в качестве добычи, о чем свидетельствуют многие источники. Войска этолян получили печальную славу беспощадных грабителей, похищавших и невольников и свободное население из захваченных эллинских территорий. Несомненно, что в основе этой политики лежало стремление

восполнить недостающую рабочую силу за счет порабощаемых людей. Проблема обеспечения хозяйства потребным количеством работников была особенно острой потому, что этолийское войско состояло из всенародного ополчения. Этоляне постоянно выступали *πανδημεί*, тогда как в других государствах правительства уже широко использовали наемников. Взявшись за оружие, крестьяне и ремесленники¹² не забывали о потребностях своих хозяйств в рабочих руках¹². Поэтому Этолийский союз активно заботился об удовлетворении этих запросов подавляющей массы гражданства — ведь связи внутри класса свободных в Этолии были еще достаточно прочны¹³. Отсюда указанная особая направленность военных действий этолян во всех тех землях, куда они вторгались.

Операции по захвату пленных иногда достигали огромных размеров. Так, около 260 г. в союзе с эпирским царем Александром этоляне напали на Акарнанию *ἐπ' ἐξανδραποδισμόν καὶ μερισμόν* этой страны (Polyb., IX, 34, 7). Кампания¹⁴ была столь удачна, что этоляне поставили статуи победивших стратегов в Дельфах, посвятив их Аполлону и Артемиде¹⁵. Спустя немного времени, в 240 или 239 г. (по датировке Клаффенбаха), этоляне вновь осуществили массовый вывод рабов, на этот раз из Лаконики¹⁶. Отсюда они увели в рабство 50 тысяч периеков и илотов (Polyb., IV, 34, 9; Plut., Cleom., 18). Эти *πέντε μυριάδας ἀνδραπόδων*, несомненно, составили важное пополнение рабочих рук, занятых в земледелии и ремеслах этолян. Допустимо даже предположить, что порабощение периеков могло иметь целью развить производство предметов вооружения, которое было столь необходимо растущему войску этолян. Во многих войнах последующих десятилетий этоляне неизменно уводили в плен жителей взятых ими городов. Еще в 241 г., напад на Пеллену в Ахайе, они захватывали там свободных (Plut., Arat., 31). То же было совершено в 220 г. при взятии аркадского города Кинефы (Polyb., IV, 18, 29) и в 199 г., когда этоляне увели из Керкиниона и свободных и рабов (Liv., XXXI, 41—42). Вероятно, число этих примеров следует

¹² По-видимому, еще в конце V в. упомянутый вопрос не стоял перед этолянами. Например, в 426 г. они сожгли окруженное ими в лесу афинское войско, хотя, взяв в плен афинян, этоляне могли бы получить высококачественных невольников.

¹³ Даже в начале II в. до н. э. государственная жизнь этолян отличалась высокой гражданской дисциплиной. Например, в 199 г. стратег Демокрит смог силой прекратить уход части этолийского юношества на высокооплачиваемую военную службу в Египет (Liv., XXXI, 43, 5—7).

¹⁴ Дата этого похода определена Клаффенбахом (Fasti Aetolici, p. XVIII), которого поддержал Фласельер (Flacelière. Aitoliens, p. 201).

¹⁵ Pausan., X, 16, 16. Посвятительная надпись этолян найдена в Дельфах (IG, IX, 1², 1, 180=FD, III, III, 4, 178).

¹⁶ H. Volkman. Die Massenversklavungen der Einwohner erobelter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit. Wiesbaden, 1961, S. 17.

⁸ В Ферме к 218 г. до н. э. было установлено не менее двух тысяч статуй (Polyb., V, 9, 3).

⁹ Flacelière. Aitoliens, p. 265—270; FD, III, III, 4, 130—131.

¹⁰ Насыщенная политическая история этолян в 226—191 гг., в период их неравной борьбы сначала с Македонией, а затем с Римом, детально обрисована Фласельером (Flacelière. Aitoliens, p. 277—364).

¹¹ Плохая сохранность текста Полибия (XIII, 1, 1^a, 2) оставляет неизвестными детали столкновений внутри свободного населения Этолии. Все же нам представляется, что Р. Фласельер недооценил значение упомянутых явлений (Flacelière. Aitoliens, p. 310—311); гораздо ближе к истине анализ положения, произведенный М. И. Ростовцевым (M. Rostovtzeff. SENNW, p. 611).

увеличить, так как во всех тех случаях, когда источники кратко упоминают о захвате добычи (της λείας) этолийскими войсками, в этой массе были и захваченные рабы противника и заново порабощенные люди.

О значении операций по уводу пленных в военно-политических планах этолян можно догадываться на основании договора Этолийского союза с Римом осенью 212 г.: соглашение предоставляло римлянам право вывода¹⁷ «движимой» добычи, в первую очередь — захваченных людей¹⁸. Такая уступка новым союзникам, сделанная во имя сокрушения Филиппа V, показывает, как высоко ценили этоляне возможность пополнения класса рабов путем военных захватов.

Приток рабов-военнопленных, временами очень мощный, оказывал благоприятное влияние на хозяйственную жизнь Этолии. Косвенным свидетельством сказанному являются богатства, собранные в исконном религиозном и государственном центре, Ферме, которые нашел там Филипп V, взяв город в 218 г. (Polyb., V, 8). Конечно, в Ферме хранили свои ценности главным образом высшие круги. Однако нарастание средств должно было происходить в каждой простой деревне — возвращение из походов рядовых воинов, которые приводили даровых невольников, полученных ими при дележе награбленного¹⁹, доставляло потребную и даже избыточную рабочую силу. В массе это были рабы-единоземцы, следовательно, люди, обладавшие теми же производственными навыками, что и этолийский земледелец.

Таким образом, крестьянское рабовладельческое хозяйство поддерживало свою жизнеспособность за счет труда порабощенных. Отмеченное выше увеличение удельного веса конницы и гоплитов во всенародном войске этолян позволяет полагать, что в течение III в. наблюдался даже некоторый подъем материального уровня в этолийской деревне, поставлявшей эти разряды воинов. Видимо, в Этолии в III столетии происходили процессы, несколько напоминавшие быстрый расцвет Афин в V в. до н. э. Но афиняне наживались преимущественно за счет эконо-

мического угнетения союзников, тогда как в политике Этолии преобладали насилие и прямой военный грабёж.

Известное количество рабов поступало¹⁹ в страну благодаря широкой пиратской деятельности этолян²⁰. Однако они часто вели операции в далеких от своей родины водах, и поэтому не весь добытый ими живой товар поступал на рынки Этолии²⁰. Иногда захваченных граждан сразу выкупали их государства — в середине III в. (по датировке Клаффенбаха) похищенные 280 граждан города Авлоны были освобождены таким образом (Syll.³, 520).

Доставлявшиеся пиратами пленные, вероятно, по большей части попадали в рабовладельческие хозяйства тех городов, куда их привозили на продажу. Среди этих невольников встречалось не только гражданское население, но и моряки, и солдаты. Так, в начале Союзнической войны в 220 г. посланные этолянами пираты захватили в море у Киферы царское македонское судно. Приведя корабль в Этолию, пираты продали там и командиров, и солдат (Polyb., IV, 6, 1). Какую-то роль в добыче рабов играли и отдельные сухопутные рейды пиратов, которые они осуществляли сами или с помощью вождей этолян²¹.

Крушение этолийской гегемонии, завершившееся унижительным договором с Римом в 189 г., имело одним из следствий резкое сокращение привоза порабощенных контингентов. Изменение способов доставки рабов отразилось прежде всего на малоимущем рабовладельце. Лишенные такого мощного источника подневольной рабочей силы, каким были военные походы предшествующего столетия, мелкие хозяйства Этолии должны были пополнять ряды рабов путем покупки их. Но объем этих операций значительно уступал масштабам прежних поступлений: ведь и купцы и пираты продавали свой товар, поэтому только имущие рабовладельцы могли постоянно пользоваться их услугами. Таким образом, в период от 191—189 гг. до 146 г. до н. э. господствующий класс Этолии, будучи лишен особо благоприятных условий предшествующего периода, оказался в положении, близком возможностям рабовладельческих слоев среднего свободного населения в соседних областях Греции.

К сожалению, литературная традиция не сохранила подробных сведений о роли рабского труда в производственной жизни Этолии ни в период ее наибольшего могущества, ни в последующие

¹⁷ Liv., XXVI, 24; Polyb., IX, 39, 3; XI, 5, 5; 6, 3. См. также: Flacelière. Aitolien, p. 297—298.

¹⁸ Система этого деления остается пока неясной. Возможно, что в Этолии происходил общий раздел под надзором главного командования, как это было тогда же в македонском войске (Polyb., IV, 80, 16). Обычно этоляне четко оговаривали условия относительно добычи со своими союзниками (например, с иллирийцем Скердиландом — Polyb., IV, 80, 16). Вероятно, внутри войска также был установлен строгий порядок раздела захваченных ценностей. Сообщение Полибия об организации этолянами специального пункта в Мессении по продаже награбленного (V, 36, 1) позволяет предполагать выработку ими продуманной системы реализации добычи.

¹⁹ Морские разбои этолян и связи их с пиратами-профессионалами детально исследованы во многих работах, см. особенно: Flacelière. Aitolien, p. 204, 250, 312; M. Bostovtzeff. SENHW, p. 41, 51, 195—199, 203, 217, 222, 607—609, 1360—1362, 1364—1365.

²⁰ тесных связях этолян и критян в пиратских предприятиях подробно повествуют источники. Особенно красноречива надпись Syll.³, 535, сообщающая²¹ что, захватив пленных в Аттике, этоляне продавали их на Крите. Такова экспедиция Доримаха и пиратов в Мессению в 220 г., в которой имел место захват людей и скота (Polyb., IV, 3—4).

полстолетия, равно как и данных о положении этой бесправной части населения страны. Некоторые наблюдения можно почерпнуть лишь из немногочисленных эпиграфических источников²², относящихся к периоду от 213 г. до конца 140-х годов до н. э. Предварительно заметим, что устойчивость традиционных полисных установлений на протяжении III и первой половины II в. до н. э., которую демонстрируют государственноправовые документы Этолийского союза, заставляет предполагать, что и регламентация в отношении порабощенного класса за это же время не претерпела каких-либо значительных изменений. Поэтому некоторые общие положения, доставляемые источниками II в. до н. э., допустимо распространить и на систему этолийского рабовладения предшествующего столетия.

Рабское население Этолии делилось на две категории — государственных и частных невольников. Судя по документу Klaff., S. 16, b, этолийские полисы имели собственных рабов, взрослых и детей. Упомянутый акт из Потидании датирован его издателем серединой II в. до н. э. Вполне вероятно, что появление государственных рабов у этолян имело место еще в доэллинистический период²³. Общественные рабы известны в ряде государств Греции²⁴, где они выполняли самые различные обязанности. Женщин обычно использовали для обслуживания святилищ (например, в Афинах в IV в.), возможно, что и в Потидании Фраико состояла при одном из храмов города. Это могло быть то святилище Афины Пиргии, где была оформлена сделка об освобождении. Как отметил уже Уэстерманн, некоторые разряды городских рабов находились в немного лучших условиях, чем частновладельческие невольники. Эту особенность можно проследить и в Потидании — в тексте отпускной четко записана родственная связь рабыни Фраико и ее ребенка (*καὶ τὸ ἐξ αὐτῆς παιδάριον*). Видимо, владелец-полис в какой-то мере признавал, естественное право своей рабыни на ее сына. В остальных отношениях характер власти города над принадлежавшими ему «телами» приближался к формам господства частных рабовладельцев. Формула отпускного документа государственных рабов Потидании отличается от аналогичных записей о выкупе частных невольников только введением в прескрипт надписи имен правивших архонтов и тем, что в роли поручителей, согласно закону, выступали эти же три архонта и лишь вместе с ними два частных

²² Все эти документы — манумиссионные записи. Из Фистиона происходят 17 актов (IG, IX, I², 1, 95—110a), из Калидона — 4 документа (IG, IX, I², 1, 137a, 137c—e), Арсиноа доставила 1 отпускную (G. Klaffenbach. Neue Inschriften aus Aetolien. — «Sitzungsber. d. Preuss. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl.», 1936, XVII (1936), S. 5—7), Потидании — 2 акта (ibid., S. 16a, b). Тексты из двух последних городов далее цитируются так: из Арсиноа²³ Klaff., S. 5, 1; из Потидании — Klaff., S. 16, a; Klaff., S. 16, b.

²³ W. L. Westermann. SSGKA, p. 9—11.

лица²⁴. Остальные условия выкупа — фиктивная продажа обоих невольников «для свободы» богине Афине Пиргии за 7 мин серебром — сходны с содержанием одновременной сделки, заключенной в Потидании частновладельческими рабами со своим хозяином (Klaff., S. 16, a). Конечно, приведенное наблюдение не может считаться бесспорным, так как известие о государственных рабах в Потидании пока является единственным²⁵.

Более разнообразны сведения о частновладельческих рабах, которые можно почерпнуть также лишь из отпускных записей. При этом остается в силе соображение, что выкупавшиеся на волю составляли лишь небольшую, к тому же наиболее преуспевавшую, группу в общей массе рабов Этолии. Все же некоторые сведения об этих невольниках могут точно передавать общие условия положения рабов.

Бросается в глаза прежде всего то, что в период от 213 г. (IG, IX, I², 1, 96a) приблизительно до конца 140 г. (IG, IX, I², 137d, e) в Этолии покупали свободу преимущественно доморожденные рабы: из 27 человек, освободившихся в указанный период²⁶, происхождение 15 рабов определено словами *οἰχογενές, τὸ γένος οἰχογενές*. В одном случае употреблено выражение *τὸν ἴδιον θρεπτόν* — это восстановление Г. Клаффенбаха в IG, IX, I², 1, 109 представляется наиболее отвечающим характеру документа. Так как разница между доморожденными рабами и «вскормленником» состояла лишь в лучшем положении последнего, то его нельзя отделять от общей группы невольников, выращенных внутри страны. Более сложен вопрос о происхождении рабов, о которых сказано *τὸ γένος ἐκ τὰς χώρας*. Это рабыня Ламия, выкупившаяся в Фистионе у частного лица за 5 мин (IG, IX, I², 1, 96b), и сын государственной рабыни в Потидании (Klaff., S. 16, b). Наличие названной категории среди рабского населения двух разных и далеко отстоящих друг от друга полисов служит достаточным основанием для вывода о том, что по законам Этолии разряд рабов «родом из хоры» юридически отличался от разряда «доморожденных». Официальное наименование сына потиданийской рабыни «происходящим из хоры» указывает на два обстоятельства. Во-первых, в эту категорию входили дети государственных

²⁴ Надпись Klaff., S. 16, b содержит интересные сведения об участии в выкупе рабыни Фраико граждан Потидании, принадлежавших к немногим знатнейшим семьям города: поручитель Критодам Филанбровтов, видимо, был братом архонта-эпонима Клеона Филанбровтова; манумиссионный документ должен был хранить Неоптолем, сын Еварха, — очевидно, это сын архонта Еварха Неоптолемова, другого эпонима документа.

²⁵ Документ о выкупе рабов у полиса Потидании относится к группе источников, редких не только в Этолии, но и во всей Греции, как отметил вслед за Клаффенбахом Бёмер (Börner. Freilassung, S. 71).

²⁶ В это число мы включаем двух рабов полиса Потидании и пр одному человеку в счет плохо сохранившихся трех отпускных (IG, IX, I², 1, 107, 110a и 137d).

ных рабов, которых в дальнейшем полис имел право продать, хотя бы «для свободы». Далее, отсутствие указания на происхождение рабыни-матери и специальное обозначение «родом из хоры» для ее сына в тексте того же документа говорят о том, что составлявшие текст отпускной должностные лица полиса считали необходимым отметить особо место рождения малолетнего невольника. Следовательно, в правовых установлениях относительно рабов в Этолии во II в. до н. э. имелись предписания проводить официальные различия между «доморожденными» невольниками и рабами «родом из хоры». Какие цели преследовала эта дифференциация, пока выяснить не удастся²⁷. Возможно, что первоначально этолийские полисы ввели категорию «родом из хоры» для обозначения и учета новых рабов, появлявшихся в городском хозяйстве в результате естественного прироста населения²⁸. Примечательно указание на хору, — видимо, этоляне стремились терминологически подчеркнуть связь раба со страной.

Несмотря на многие неясности относительно положения невольников «родом из хоры», группу эту все же следует отнести к числу рабов, рожденных и выращенных внутри страны. В сумме это составляет 19 известных нам человек против 3 рабов несомненно иноземного происхождения. Из остальных 5 случаев отпуска-продажи в двух текстах (IG, IX, I², 1, 96a и 100) происхождение не обозначено вовсе, обломки остальных трех надписей не сохранили никаких сведений об отпускаемых.

Приведенные цифры указывают на то, что в этолийских полисах в начале II в. до н. э. количество покупных рабов среди отпускаемых было невелико, оно значительно уступало числу невольников, рожденных внутри страны. Примечательно, что в расположенном далеко от моря Фистионе встречен только один раб-чужеземец — выкупившийся после 170 г. араб по имени Поликет (IG, IX, I², 1, 101). Покупными, видимо, были здесь же рабыни Сотия и Канфара, происхождение которых не отмечено в документах. В Арсиное известна лишь фракийка Агафоклея (Klaff., S. 5, 1), выкупившаяся в 184/3 г. за 2 мины. К фракийским невольницам также должно отнести упоминавшуюся уже Фрайко из Потидании²⁹.

²⁷ Сведений о наличии рабов «родом из хоры» в других полисах эллинистической Греции, насколько нам известно, еще нет.

²⁸ Уэстерман высказал предположение, что в дельфийском законодательстве рабы, рожденные в доме хозяина, должны были получить официальное подтверждение этого факта и быть зарегистрированы где-то в качестве принадлежащих к разряду доморожденных (W. L. Westermann. SSGRA, p. 32). Вероятно, в Этолии производилась сходная регистрация, и в процессе ее возникла необходимость разделять родившихся внутри страны невольников по их происхождению от частных или от государственных рабынь.

²⁹ Обе рабыни не попали в обстоятельный каталог В. Велкова (В. Велков. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. — ВДИ, 1967, № 4, стр. 76).

Преобладание доморожденных рабов над привозными среди отпускаемых в Этолии уже в период между 213 и 140 гг. до н. э., видимо, стоит в связи с резким ухудшением экономических условий класса этолийских рабовладельцев. Иная картина была в Дельфах, где, судя по расчетам Уэстермана, почти в тот же период количество доморожденных (63 раба) было в два раза ниже числа покупных рабов (136 человек), тогда как у 285 рабов происхождение не отмечено. Зато в 153—100 гг. в дельфийских манумиссиях четко преобладали доморожденные — 162 против 97 покупных и 89 рабов с неизвестным происхождением³⁰. Отмеченная разница состава дельфийских и этолийских рабов наводит на мысль, что Этолия раньше других областей Средней Греции почувствовала те бедствия, которые несло эллинам римское завоевание. Сокращение покупательной способности свободного населения в 189—146 гг. было причиной уменьшения притока рабов извне. Последнее обстоятельство должно было породить недостаток рабочих рук в хозяйстве страны. Косвенным свидетельством этому является тот факт, что, судя по манумиссиям, этоляне употребляли для домашних работ гораздо меньше порабощенных слуг, чем их соседи, локрские рабовладельцы. Так, в Фистионе из 17 актов интересующего нас времени лишь отпускная IG, IX, I², 1, 95 от 204/3 г. содержит прямое указание на работу в качестве служанки доморожденной Бакии. И только этой отпущеннице хозяин Никиад поставил условием оставление в его доме с выполнением всех тех работ, которые она делала до отпуска на свободу. В остальных документах из Фистиона и других этолийских полисов условие парамонэ отсутствует полностью. Это наводит на мысль, что большинство приобретавших свободу рабов обладало какими-то профессиональными знаниями, позволявшими им зарабатывать деньги вне дома хозяина. Например, в 213/2 г. за 6 мин выкупилась у двух братьев, граждан Арсинои, доморожденная Сотия³¹. Получая высокую выкупную сумму, отпустители ввели в договор с Сотией условие о наследовании ее имущества не только ими самими, но и их законными наследниками, — видимо, деятельность этой рабыни в торговле или ремесле, доходная уже в период выхода ее на свободу, сулила какую-то прибыль и в дальнейшем. Довольно высокий процент отпускных может быть приписан рабыням-гетерам. Особенно красноречив документ о выкупе доморожденной Бебайи — IG, IX, I², 1, 97. Еще в 190/89 г. она купила свободу за 5 мин

³⁰ W. L. Westermann. SSGRA, p. 32—33.

³¹ Текст ее отпускной (IG, IX, I², 1, 96a) является самым ранним документом, в котором известна формула фиктивной продажи раба божеству, ставшая затем образцом для дельфийских манумиссий (Börner. Freilassung, S. 26—29).

у пяти граждан-букатиев. Но документ об отпуске был опубликован, как отметил Г. Клаффенбах, не раньше 184/3 г., когда второй раз был стратегом Никандр, сын Битта, трихониец, исполнявший эту обязанность в 190/89 г. Очевидно, тяжелые политические и экономические условия, в которых оказалась Этолия после 189 г., сказались отрицательно на положении всех участников сделки об освобождении Бебайи. Лишь спустя шесть лет отпущенница смогла устроить обнародование столь важного для нее документа. Еще четыре записи о продаже-отпущении рабынь несколькими лицами, не связанными узами родства, также почти бесспорно свидетельствуют о выкупе гетер. Назовем тексты IG, IX, I², 1, 98 (два отпустителя из Фистиона продали в начале II в. доморожденную рабыню за 4 мины), 99 (четыре отпустителя из Букатия продали около 170 г. доморожденных рабынь Симу и Бубу за 4 мины), 106 (между 170—150 гг. доморожденная Клеодама купила свободу за 3 мины у четырех граждан Букатия). Серию завершает акт IG, IX, I², 1, 108, по которому доморожденная Агафоклея купила свободу у четырех совладельцев ее, граждан городка Просхейона; сделка была заключена в середине II в. до н. э. Исключительно мужской состав отпустителей и их многочисленность в каждом названном документе делают эти выкупные операции весьма похожими на условия освобождения известной гетеры Неэры (Dem., LIX, 29—32). Вероятно, рабами, служившими атрибутами роскоши, были также лица, об отпуске которых свидетельствуют еще два текста³². Но даже и без двух последних текстов количество записей, относящихся к освобождению гетер, достаточно велико в массе известных ныне аналогичных документов из Фистиона³³.

Положение в этом городе отвечало общим условиям в хозяйстве страны, которые препятствовали усилиям части рабов, занятых в производстве, добиться выкупа. Основным затруднением следует считать крайне интенсивное использование владельцами труда принадлежавших им «тел», так как в период, когда приток новых невольников принял ограниченные размеры, нажим на уже имевшихся рабов, бесспорно, усилился. Косвенным отражением названных процессов служит более тщательное, чем в соседней Локриде Озольской, соблюдение этолиями прав на владение рабом. В отпускные документы сравнительно чаще включали согласие родственников владельца на продажу-отпущение. В круг дававших такое согласие лиц-пособников в Этолии были включены и внуки (IG, IX, I², 1, 105). Обязательность иметь предпи-

³² Плохо сохранившийся текст IG, IX, I², 1, 104 также гласит об освобождении женщины двумя владельцами. Неясно положение доморожденного подростка Мнасия, которого продали за 3 мины после 167/6 г. три отпустителя, граждане Ферма (IG, IX, I², 1, 102). Мнасий мог принадлежать к числу красивых детей-рабов, обычно украшавших роскошные пиры.

³³ Характерно, что выделенная группа отпущенниц получала свободу в храме Афродиты Сирийской.

санное законом согласие родственников отпустителя ясно выступает в весьма интересном случае освобождения доморожденного мальчика Филина. Сделка была заключена незадолго до 143/2 г. до н. э. и состояла в следующем: Агемаха, дочь Андромена, продала с согласия мужа и сына Дионисия богине Артемиде Лафрийской Филина за 3 мины серебра при условии, что он по достижении десятилетнего возраста и до конца своей жизни будет ежегодно, с 1 по 15 число месяца Лафрия, украшать статую Андроника, сына Агемахи, олимпийскими венками и повязками. Невыполнение этого обязательства каралось специально оговоренными в документе мерами. Как весьма справедливо отметил Г. Клаффенбах, из текста следует, что сын Агемахи одержал победу в Олимпийских состязаниях. Для нас же весьма важно то, что стремившаяся сохранить память об успехе сына Агемаха включила в документ согласие мужа и другого сына. Видимо, в повседневной практике того времени бывали случаи, когда родственники владельца заявляли притязания на отпущенников, купивших свободу у хозяина без согласия его законных наследников.

Можно привлечь еще одно указание этолийских манумиссии: вольноотпущенники редко выступали здесь в роли отпустителей. Можно назвать лишь³⁴ Био, не имевшую отчества и названную в документе IG, IX, I², 1, 137e как *Καλλιδόνα*. Это наименование заметно отличается от того, как назвала себя ее согражданка и современница Агемаха. Обзор имен других, отпускавших на волю рабов, равно как и прочих лиц, пособничавших и представительствовавших при сделках о выкупе, показывает, что это выходцы из наиболее знатных и имущих кругов этолийского общества³⁴. В Дельфах среди многочисленных отпустителей-этолян во II в. известен гражданин Калидона Алкесипп, отказавший в 182/181 г. дельфийскому святилищу крупную сумму денег и в этом же завещании освободивший без денег свою служанку Февтиму (SGDI, 2101).

Имеющиеся ныне данные позволяют коснуться лишь некоторых сторон рабовладельческих отношений в Этолии в III—II вв. Только появление большого количества новых источников позволит осветить сколько-нибудь полно данный вопрос.

³⁴ Наблюдения Г. Клаффенбаха относительно родственных связей этолян, упоминаемых в изданных им надписях, являются основанием предлагаемого вывода.

СВЕДЕНИЯ О РАБАХ В АКАРНАНИИ

в III—II вв. до н. э.

Сравнительно небольшая по площади Аккарнания в силу особенностей своего положения играла значительную роль в истории Эллады уже с отдаленных времен. Территория ее состоит из высокого плоскогорья, к которому примыкают с востока плодородные долины бассейна реки Ахелоя. С севера и запада Аккарнанию ограничивали Амбракийский залив и Ионическое море, причем берега почти всюду были круты и обрывисты. Быстрый и бурный Ахелой приносил с гор много наносов¹, затруднявших мореплавание в районе его дельты. Таким образом, не только жители плоскогорья, но и обитатели равнины не имели легкого доступа к морю.

По всей видимости, аккарнаны ограничивались получением средств к жизни от земледелия и скотоводства в течение всей первой половины I тысячелетия до н. э. Об этом можно заключить на основании того факта, что почти все приморские города Аккарнании были созданы не местными жителями, но пришельцами. Так, Коринф основал Солий² и вместе с Коркирой — важный в стратегическом отношении город Анакторий³. Жители острова Кефалления заложили полис Астак⁴. О происхождении Ализии нет достаточно ясных известий. Возможно, что особое почитание Геракла в этом городе⁵ указывает, что жители его имели не только местные золийские корни, но и происходили от пришлых дорийских элементов.

Таким образом, с последней трети VII в. нарушилось единство исторического развития Аккарнании: разноплеменность населения, совпадавшая с некоторыми отличиями экономического и политического строя, не могла не отразиться на истории страны. В самом деле, коринфяне, обосновавшиеся на берегах Аккарнании, орга-

Схема 3. Аккарнания

нически входили в обширную морскую державу, созданную тиранами из рода Кипселидов⁶. Их экономические устремления были обращены к морю, что обусловило длительное обособление дорийских городов от золийского массива. Разноплеменность свободного населения Аккарнании должна была сказаться на институтах рабовладения. К тому же условия применения труда рабов в приморских полисах и внутри страны могли сильно разниться.

К сожалению, круг источников относительно рабов в эллинистической Аккарнании чрезвычайно узок.

Для приморской части страны имеется только одно эпиграфическое сведение. Оно стало известным лишь недавно: в 1954

¹ О значении наносов Ахелоя говорили авторы уже в V в.: Нег., II, 10; Thuc., II, 102, 3—6; см. также: М. Cary. The Geographic Background of Greek and Roman History. Oxford, 1949, p. 58—59.

² Фукидид называет Солий Κορινθίων πόλις (II, 30, 1), так что в V в. это был еще небольшой городок.

³ В период конфликта между Коринфом и Коркирой Анакторий был сначала в руках последней, но в 433 г., после битвы при Сиботах, коринфяне хитростью взяли город и заселили его своими переселенцами. Эта вторая волна колонизации должна была полностью «коринфизировать» Анакторий.

⁴ E. Obergumme. Akarnanien, Ambrakia, Amphiloehia, Leukas im Altertum. München, 1887, S. 49, 210; G. Klaffenbach. Akarnanici Fasti. — IG, IX, 1², 2, p. X.

⁵ Об остатках храма Геракла см.: Hirschfeld — RE, Bd. I, 1894, Sp. 1712., s. v. Alyzeia.

⁶ Э. Вилл обстоятельно освещает демографические, социальные и экономические мотивы движения коринфян на запад и удачно отмечает один, ранее не указываемый фактор: в VII—VI вв. апойки Коринфа на Ионическом и Адриатическом морях обеспечивали ему дорогу к Иллирии с ее богатыми серебряными разработками (Ed. Will. Korinthiaka. Recherches Sur l'histoire et la civilisation de Corinthe des origines aux guerres Mediques. Paris, 1955, p. 521—538).

и 1955 г. в Олимпии нашли две части большой известняковой стелы с надписью в 77 строк⁷, содержащей текст декрета Акарнанского союза. В этом постановлении приводится дословно текст соглашения между представителями союза и города Анактория относительно святилища и празднеств в честь Аполлона Актийского. Х. Габихт датировал надпись временем около 216 г. и с ним согласны остальные исследователи — Г. Клаффенбах, Ж. Робер, Ф. Соколовский.

В начале декрета рассказано о том, что полис Анакторий уже не в силах проводить с должной торжественностью праздники в честь бога в святилище Актия. Но так как эти празднества были общими для всех акарнанов, то Анакторий уступил свое ранее исключительное право проведения торжеств Акарнанскому союзу. Далее следуют статьи, регулирующие материальные расходы обеих сторон, принципы деления доходов от праздников и от использования гавани в периоды между проводившимися ежегодно торжествами, обязательства акарнанов ремонтировать святилище, нанимать за плату музыкантов для праздников и ряд других условий перехода к акарнанам храма Аполлона Актийского.

Для изучаемого нами вопроса чрезвычайно важны строки 31—34, в которых устанавливается следующее: доходы, получаемые во время праздника, делятся пополам между союзом акарнанов и полисом Анакторием. Эти доходы перечислены: пентекосте — 2-процентный таможенный сбор на всякий ввоз и вывоз, прочие налоги и доходы, получаемые от продажи рабов (*καὶ τῶν ἄλλων τῶν πλεόντων ἐκ τὰς [τ]ῶν σωμάτων πωλήσιος τὰ μὲν ἡμισα κτλ.*). Ниже, в строках 42—44 говорится, что в обычное, непраздничное время владельцем всех доходов от Актия является Анакторий. Здесь уже не перечислены виды доходов, вероятно, общая сумма их была не столь велика, так что Акарнанский союз не решался претендовать на ее половину. Но во время праздников доходы были значительны. Это позволяет полагать, что один раз в году в Актии происходила большая ярмарка, на которую привозили различные товары, в том числе и массу рабов на продажу.

О налогах на продажу рабов уже сообщали документы из других областей Греции⁸. Вопрос о размерах этого налога в Акарнании можно решать лишь предположительно. Однако, памятуя о тесных связях рынков Центрального и Восточного Средиземноморья, можно думать, что налог на продажу рабов в Актии был приблизительно равен аналогичной пошлине в бассейне Эгейского моря⁹.

⁷ Первое издание: Chr. Habicht. Eine Urkunde des akarnanischen Bundes. — «Hermes», 85, 1957, S. 86—122. См. далее: G. Klaffenbach. IG, IX, I², 2, 583; F. Sokolowsky. Lois sacrées des cites grecques. Supplément. Paris, 1962, 91—97, № 45.

⁸ Syll.³, 4 и 1000; OGIS, 262, In. 23—24.

⁹ W. L. Westermann. SSGRA, p. 16.

На основании новой надписи можно с уверенностью говорить о том, что гавань Актия в III—II вв. играла роль крупного центра по продаже рабов. Возможно, здесь сбывали свою добычу пираты из числа эллинов, а также и знаменитые своими морскими разбоями иллирийские мореходы.

Бойкий торг рабами в Актии должен был способствовать широкому использованию привозных рабов внутри страны. Правда, акарнанские полисы и комы почти не подвергались археологическим исследованиям, и поэтому оттуда в настоящее время известно очень мало надписей, в том числе и документов о рабовладении: манумиссии дошли лишь из Ойниад и из Страта. Но и эти немногочисленные источники рисуют важные черты отношений между угнетателями и угнетенными в изучаемой части Греции. Так, записи на скамьях театра в Ойниадах, сделанные в III в. до н. э., указывают на преобладание эллинов среди рабского населения в этом полисе. Из 15 имен в надписях IG, IX, I², 2, 419, 1—11 лишь четыре имени (Родион, Офелион, Сосикратия, Зоил) следует отнести к типично рабским, остальные имена свидетельствуют о некогда свободном положении их носителей (Эпикрат, Селевк, Евфинит).

Предлагаемый вывод носит все же предварительный характер: получить право записать свое освобождение на театральных скамьях могли лишь некоторые отпущенники, вероятно, обладавшие большими средствами. В первую очередь ими могли быть попавшие случайно в рабство граждане других греческих полисов.

Примечательна краткость формулы отпуска в Ойниадах: такой-то отпускает свободным такого-то. Отсутствие в этих актах сведений об уплаченных выкупавшимся рабом деньгах, о поручителях сделки и о лицах, хранивших рукописные документы соглашения, оставляет всю процедурную сторону неизвестной. Следует думать, что установления полиса ойниадян требовали монументального обнародования лишь самого факта освобождения, а все детали соглашения хозяина и его раба записывали лишь в рукописных документах.

Можно отметить наличие отдельных крупных рабовладельческих хозяйств в Ойниадах в изучаемое время. Так, некто Андроник отпустил почти одновременно пять невольников (IG, IX, I², 2, 419, 1 и 3), другой² гражданин, Каллистрат, освободил сразу двух рабов (IG, IX, I², 2, 419, 7), в каждом из остальных актов речь идет об освобождении лишь одного человека.

Манумиссии из Ойниад принадлежат к числу «светских» актов, сделки эти не были поставлены под защиту того или иного божества¹⁰. Видимо, правовая практика данного акарнанского полиса считала тогда достаточным волеизъявление своего гражданина для обеспечения свободы отпускаемому рабу. По допу-

стилю предположить и иное: провозглашение освобождения на празднике в театре или в народном собрании ставило данный акт под защиту божественного патрона города.

Позднее, во II в. до н. э., в Акарнании засвидетельствована формула манумиссий, восходящая к локрско-дельфийским документам о продаже отпускаемого невольника божеству. В Страте эти сделки совершались в храме Зевса — акты IG, IX, 1², 2, 394a и 394b были высечены, как указывает Г. Клаффенбах, на одной из баз, стоявших у храма. Условия выкупа в этих текстах свидетельствуют о развитости норм, определявших сделку, отношения манумиссора и отпущенника и роль полиса в этой операции.

Обе записи из Страта относятся к разряду продажи-отпуска с условием оставления отпущенника до конца жизни хозяина. Следовательно, и здесь парамонэ имело задачей удержать рабочую силу невольника в хозяйстве владельца.

Сколь ни малочисленны акарнанские источники, они все же ясно указывают на то, что ко II в. до н. э. здесь внедрился ряд юридических норм рабовладения, сходных с таковыми в соседних областях Средней Греции.

Глава IV

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПИРЕ

Данные о развитии рабовладения в Эпире в эллинистическое время крайне скудны и недостаточны. Эта обширная область Греции, значительно превышающая по своей территории все земли Средней Греции, взятые вместе, пока очень слабо исследована. Большинство новых работ, посвященных Эпиру, освещают вопросы его политической истории¹, социальная и экономическая характеристика остается еще весьма неясной. Указанное положение усугубляется своеобразием, отличавшим Эпир во многих отношениях от остальной Эллады.

Природные условия Эпира несколько напоминали географический облик Македонии. Три крупных горных хребта, тянувшиеся с севера на юг, делили страну на множество долин и плоскогорий с хорошими пастбищами и плодородными равнинами. Местами на морском побережье низменности переходили в болота, что лишало эпиротов хороших гаваней. Поэтому удобными портами были только Орик, Буфрот и Гликис Лимен.

Эти обстоятельства способствовали изолированности Эпира от остальной Эллады и консервации многих черт социальной

Схема 4. Полисы на берегах Эпира и Иллирии

жизни, идущих от самых ранних времен. Например, резко выступающее племенное деление эпиротов сохранялось в полной мере и в очень позднюю эпоху. Крупнейшие племена — хаоны, феспроты, молоссы и афаманы — еще в VII—VI вв. образовывали самостоятельные царства. Внутренние войны и междоусобия долгое время препятствовали политическому сплочению эпиротов. Правда, во имя совместных походов на соседние земли эпирские племена объединялись и выступали сообща. Так, летом 429 г. амбракиоты и хаоны решили воспользоваться помощью Лакедемона для того, чтобы захватить Акарнанию, находившуюся в союзе с Афинами (Тус., II, 68). В войске спартанского полководца Кнема была тысяча воинов-хаонов, затем отряды феспротов, молоссов, атинтанов и параваяв. Лаконичное, но содержательное

¹ Таковы, например, исследования П. Левека и П. Франка: P. Leveque. Recherches nouvelles sur l'histoire constitutionnelle de l'Épire au IVe siècle. — REG, LXX, 1957, p.433; P. Franke. Alt-Epirus und das Königtum der Molosser. Wiesbaden, 1955.

сообщение Фукидида указывает на чрезвычайно сложную систему внутреннего устройства эпирских племен (Thuc., II, 80, 5—6). Хаоны и феспроты управлялись без царей. У хаонов были избираемые ежегодно правители — порядок, который Фукидид определяет термином *ἐπετήσιος προστασία*. Видимо, обычно избиралось два простата, происходивших из господствующего рода — *ἐκ τοῦ ἀρχαίου γένους*. Отсутствие института царской власти позволяет думать, что у хаонов и феспротов большую силу имели аристократические роды. Зато молоссы и атинтаны подчинялись царю, паравай также имели своего басилея.

Описанная Фукидидом картина позволяет полагать, что в Эпире были еще очень живучи архаичные представления о монархической власти и роли аристократии. В самой системе военного союзничества эпиротов сквозят какие-то отдаленные реминисценции симмахии ахейских анактов времени похода под Трою. Сходство это усугубляется тем, что и в эпосе, и у Фукидида в упомянутом тексте одинаково называются во множественном числе племена ахеян и эпиротов как синонимы народа и всех его властей и органов власти.

Такая монолитность эпирских племен позволяет предполагать сохранение многих черт патриархального строя в социальной жизни этих северных обитателей Эллады. Они настолько отличались от своих южных соплеменников, что Фукидид даже именовал их «варварами». Столь строгое суждение афинского историка становится понятным благодаря некоторым новым источникам. Так, в 1953 г. в Додоне была обнаружена стела с двумя декретами царя молоссов Неоптолема, сына Алкета².

Относящиеся ко времени единоличного правления Неоптолема в 370—369 гг., эти документы предоставляют права гражданства: один — Филисте из Аррона и ее детям, другой — Финтии и ее детям. Столь официальное дарование гражданства показывает, как нам кажется, что в социальной и экономической жизни эпиротов женщина⁴ — свободная гражданка имела довольно значительные права. Такое положение не являлось чем-то неожидан-

ным в той области Греции, которая служила местопребыванием дорийских племен в XIII—XII вв. Оно указывает на силу давних институтов в эпирском обществе IV в. до н. э. и позволяет полагать, что патриархальность окрашивала особым оттенком все социальные установления эпиротов.

Проявление этой патриархальности можно видеть и на других примерах. Так, когда в 342 г. сын Неоптолема Александр с помощью Филиппа II Македонского, изгнав Ариббу и став царем молоссов и всего Эпира (Iust., VIII, 6), объединил страну в виде симмахии, то эпироты стали именоваться общеплеменным названием *Ἀπειρώται*, опуская наименования полисов, откуда происходил тот или иной гражданин.

О консервативности общественных установлений говорит и сохранение должности простата у молоссов, являвшегося как бы контролирующим царя лицом⁷.

Видимо, институт единоличной царской власти не достиг полного развития у эпиротов — после уничтожения власти молосской династии, около 330 г. до н. э., в Эпире образуется симмахия с центром в городе Фойнике, находившемся в земле хаонов.

Приводимые некоторые данные по внутренней истории Эпира убедительно свидетельствуют о сложности социальной структуры эпирского общества. Институты племенного устройства существовали в новых условиях и выполняли новые функции, которых требовала политическая и социальная обстановка изучаемого времени. Вместе с тем в эллинистическую эпоху происходил рост числа полисов, значение которых в экономической жизни эпиротян возрастало из десятилетия в десятилетие.

Воздействие названных выше обстоятельств на рабовладельческие установления в Эпире было немалым.

Несмотря на присутствие многих черт патриархальности в общественном устройстве, развитие товарно-денежных отношений в эллинистическом Эпире шло теми же путями, что и в областях Средней Греции. И здесь в крупнейших центрах происходили концентрация земельных угодий⁸ и накопление рабства-

тот, кто имел обоих родителей граждан. Поэтому в случае браков с чужестранками для этих женщин и их детей устанавливали особое дарование гражданских⁵ прав.

О приходе дорян из Феспротиды см.: Нег., VII, 176.

6 Как известно, дорийские государства предоставляли права гражданства не очень охотно (Р. Монсеах. *Los proxenies grecgues*. Paris, 1886, p. 60—61).

В декретах Неоптолема, упомянутых выше, повторяется одинаковая формула: «при царе таком-то и простате молоссов таком-то».

Завешание одного эпирота, начертанное на бронзовой табличке в IV в. до н. э. в Додоне, показывает, что некоторые землевладельцы обладали участками, разбросанными в трех-четырех местах (RIJur. Gr., II, p. 61, XXIII C). Это уже не отцовское наследие, но собственность, приобретенная в разное время и у разных владельцев. Характерно, что упомянутое в завещании движимое и недвижимое имущество отказано не родственникам вла-

2 Δ. Ε. Ευαγγελίδου Ψήφισμα τοῦ βασιλέως Νεοπτολέμου ἐκ Δωδώνης. — 'Εφ. Ἀρχ. 1956 (1959), σ. 1—13. Эти документы рассмотрены и Ларсеном (J. A. O. Larsen. *Epirote Grants of 'Citizenship to Women*. — «Class. Phil.», LIX, 1964, p. 106—107; см. также мнение Ж. До о значении термина *γενεά* как «первое поколение потомков»: BCH, LXXXVIII, 1964, p. 677—678).

3 Обычай совместного правления басилея и его старшего сына царя и его брата, который столь часто имел место в царском доме молоссов (например, Неоптолем до 370 г. был соправителем своего отца Алкета; после 368 г. он сам имел соправителем своего брата Ариббу), также свидетельствует о неустановившемся еще принципе монархического, т. е. единоличного, правления царя.

4 Как полагает Дж. Ларсен, изучаемые декреты указывают на то, что уже в 370 г. в Эпире существовал порядок, когда гражданином являлся только

дельческих состояний, сопровождавшиеся распространением несвободного труда. Как мы увидим ниже, полисы Эпира являлись очагами античного рабовладения в его классических формах.

К сожалению, данных о применении несвободного труда вне полисов нет почти совсем. Можно только предполагать, что зажиточное сельское население Эпира пользовалось рабами в своем хозяйстве. Видимо, рабов использовали и для общественных работ, особенно в военных целях. В IV—II вв. на всей территории Эпира происходило интенсивное строительство крепостей. Мощные стены охраняли теперь покой и имущество сельского населения страны. Автору этих строк довелось пройти по одному из внутренних районов северного Эпира и разведать около десяти подобных пунктов. Расположенные довольно близко одна к другой, эпирские горные крепости составляли как бы цепь сторожевых постов, охранявших лежащие внизу долины. В случае войны в их стенах могли найти убежище многие сотни людей и большие стада скота. Огромное количество труда, затраченного на возведение этих крепостей в сравнительно короткий период времени, позволяет предполагать, что при сооружении их был применен и труд рабов. Вместе с тем можно думать, что в более обширных и богатых домах сельской эпирской знати рабов использовали достаточно широко.

Переходя к данным о рабовладении в полисах Эпира, отметим, что и здесь источники далеки от полноты.

Одним из самых ранних документов является акт IV в. об отпуске эпиротом Айсхрионом своего раба Гераклида, произведенном в форме посвящения Посейдону в IV в. до н. э. в святилище на мысе Тенар в Лаконии¹⁰. Место совершения акта наводит на мысль, что Айсхрион принадлежал к торгово-мореходным кругам Эпира и по роду занятий был связан с побережьем Лаконии. То обстоятельство, что его раб Гераклид (видимо, эллин) составил себе какое-то состояние (в документе оговорено и имущество отпускаемого *καὶ ταύτῃ*), позволяет думать, что сделка была совершена купцом или моряком и его доверенным рабом, ревностно исполнявшим поручения хозяина и столь же успешно заботившимся о личном обогащении. В качестве аналогии можно назвать афинского купца Пасиона, имевшего несколько доверенных рабов¹¹, ведших самостоятельно очень крупные дела.

дельца, а симмории. Видимо, в среде городского населения семейные связи иногда уступали социальным.

В каждой из обследованных нами крепостей ясно заметно выделение верхней части города, иногда подчеркнутое поперечными внутренними стенами. В этих верхних кварталах дома значительно больше, чем в остальных частях городищ.

SGDI, III, 4592; см. также: Börner. Freilassung, S. 18—19.

¹¹ О роли его раба Китта в боспоро-афинской торговле см.: Т. В. Блаватская. Очерки политической истории Боспора. М., 1962, стр. 121—122.

Рис. 1. Эпир. Укрепления у совр. Каливо

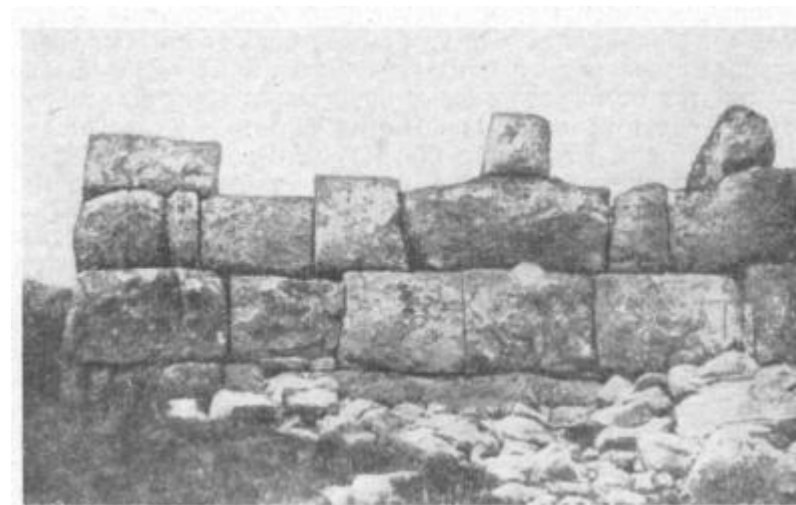

Рис. 2. Эпир. Башня крепости у совр. Малчан

Единичность отпускной Гераклида не позволяет делать далеко идущие выводы, однако она свидетельствует о том, что в рабовладельческих кругах Эпира, связанных с морской торговлей, уже в IV в. рабов использовали так же, как и в самых развитых полисах Эллады¹². Примечательно, что формулировка документа не носит никаких особых следов эпирского происхождения, запись сделана по тем образцам, которые¹³ уже были выработаны в этом лаконском святилище Посейдона.

Судя по данным III в. до н. э., в отдельных полисах Эпира находилось большое количество рабов. Например, Полибий сообщает о захвате иллириями в 228 г. города Фойники (Polyb., II, 5—6). Расположенный на высоком плоскогорье, окруженном со всех сторон глубокими долинами и ущельями, этот богатейший город Эпира был укреплен мощными стенами, остатки которых и поныне поражают своей массивностью. После захвата столь сильного города-крепости иллирияне заключили перемирие с разбитыми ими эпиротами. При этом по условиям соглашения свободные эпироты получали свободу за выкуп, рабов же и прочую добычу иллирияне отправили к себе домой на судах. Наличие в договоре специальной статьи о переходе рабов из Фойники в руки иллириан показывает, что количество этих «тел» было значительным. Недаром царица Тевта, получив добычу из Фойники, была довольна ее обилием и качеством (Polyb., II, 8, 4).

Свидетельство Полибия пока что остается единственным известием о рабовладении в Фойнике. Можно лишь ожидать, что когда-либо раскопками отсюда будет доставлен обильный эпиграфический материал: ведь если уже в последней трети III в. граждане города передожили заботу о своей защите на наемный отряд из 800 галатов¹⁴, то аналогичные процессы должны были происходить и в сфере производства. Иными словами, — следует ожидать, что рабский труд занимал здесь большое место.

Некоторое представление о формах рабовладения в приморских полисах Эпира доставляет обширный эпиграфический материал из находившегося к югу от Фойники (в 20 км по воздушной линии) крупного порта Буфрота. Расположенный на полуострове, вдающемся в озеро Пелодий (Strabo, VII, 7, 5), город лежал на высоком холме. Соединяемый с открытым морем протокой из озера длиной до 1,5 км, Буфрот был хорошо защищен от внезапных набегов морских разбойников. Вместе с тем озеро связывало его с обширной территорией внутри страны. Окрестности Буфрота славилась своим плодородием еще в древности.

История поселения на месте Буфрота уходит во II тысячелетие, как показывают археологические памятники и ряд мифов, свя-

Рис. 3. Эпир. Крепость Чука Аэтой, вид с равнины

зывавших город с героями времен Троянской войны, в том числе и с Энеем. По одной из версий и Медея была в Буфроте, где ее похоронил Ясон.

Первые письменные известия о существовании Буфрота относятся к VI в. до н. э., когда здесь была основана коринфская апойкия (Hecat. Milet., FHG, fr. 75). От этого времени на акрополе города и до наших дней сохранились¹⁵ остатки оборонительных стен, выложенных «киклопической» кладкой. Несколько позднее акрополь обнесли мощной полигональной стеной. Уже в V—IV вв. и нижний город защищала великолепная каменная стена, шедшая по низу холма. Доступ в эту мощную крепость открывался через несколько весьма рационально устроенных ворот. По склонам холма внутри города были сооружены каменные лестницы, представлявшие весьма удобные пути для пешеходов.

Мы остановились так подробно на системе городских укреплений Буфрота потому, что хорошо сохранившиеся руины его монументальных сооружений классического и эллинистического времени позволяют очень ясно представить облик этого значительного полиса Эпира.

Но особенно важен для нас комплекс храма Асклепия, раскрытый в нижнем городе, у подножия южного склона холма

¹⁵ L. M. Ugolini Butrinto. Il mito d'Enea. Gli scavi. Roma, 1937, p. 113—122.

¹² Манумиссия Гераклида, как отметил Ф. Бёмер, относится к разряду древнейших актов с сакральной формулой отпуска раба на волю.

¹³ См., например, аналогичные формулы: RIJur. Gr., II, p. 234—235, 1—2.

¹⁴ За что их весьма энергично порицает Полибий (II, 7, 5—12).

Рис. 4. Эпир. Буфрот. Лестница на акрополь

акрополя. Раскопками пока открыто пять сооружений, исследование которых было весьма затруднено выступающими почвенными водами. Само здание святилища Асклепия сравнительно небольшое, сохранившиеся стены его были возведены в римское время¹⁶, однако нет сомнений в том, что возникновение этого святилища восходит к ранним временам существования города. Асклепийон пользовался большим почитанием у граждан города — многочисленные посвящения с надписями и анэпиграфные дары свидетельствуют о том, что многие больные получили здесь исцеление. Видимо, Асклепийон Буфрота представлял собою такой же оздоровительный комплекс, как и святилище в Эпидавре.¹⁷ Непосредственно рядом с храмом располагался большой театр¹⁸,

¹⁶ L. M. Ugolini. Op. cit., p. 152—158.

¹⁷ Ibid., p. 130-137.

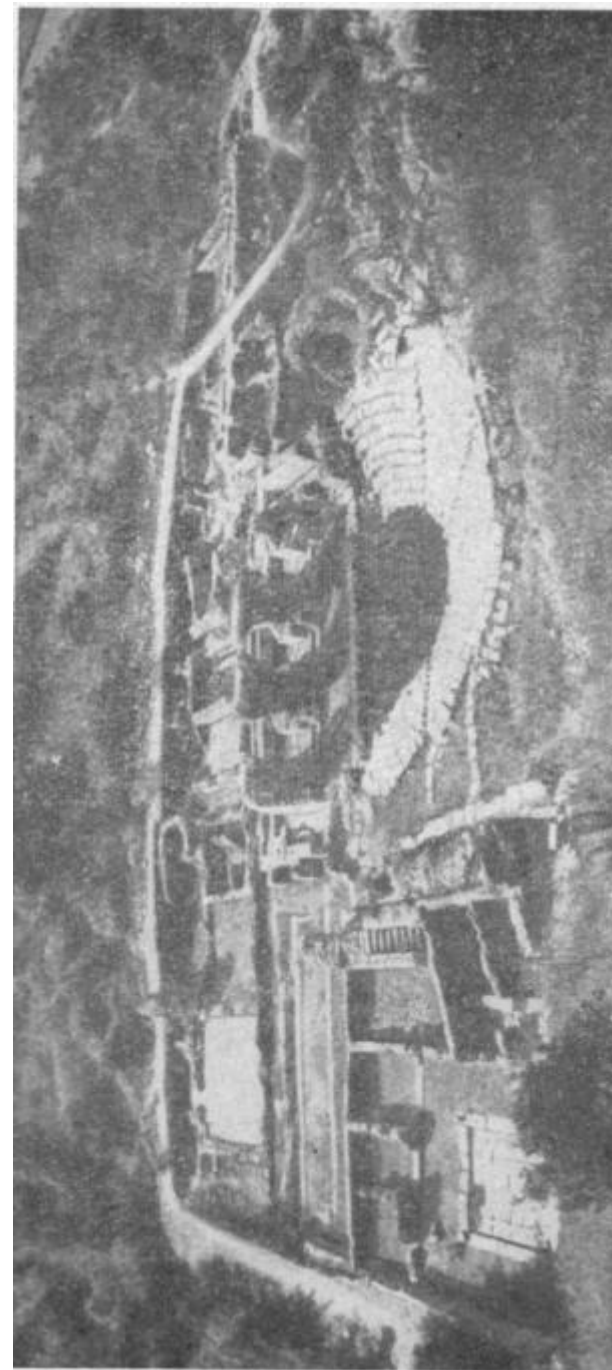

Рис. 6. Эпир. Буфрот. Храм Асклепия

Рис. 7. Эпир. Буфрот. Внутренний вид святилища Асклепия

Рис. 8. Эпир. Буфрот. Алтарь с посвящением Асклепию

основная часть которого была возведена еще в конце IV в. до н. э. Каменные скамьи для зрителей поднимались вверх по склону акропольского холма — археологи раскрыли около 15 хорошо сохранившихся рядов, рассеченных четырьмя проходами-лестницами. Несколько поодаль располагались термы (для бальнеологических процедур) и здания пока неизвестного назначения. Одно лишь перечисление этих зданий показывает, что храмовая территория была распланирована так, чтобы вместить возможно большее количество людей, удовлетворив не только их чаяния на исцеление в храме, но и другие духовные запросы.

Это внимание к массам почитателей находится в полной гармонии с тем ростом значения культа Асклепия, который наблюдается в Греции в конце классического и начале эллинистического периодов. М. П. Нильссон весьма убедительно раскрыл причины этого явления: в отличие от прочих богов полисной религии Асклепий выступает не только целителем, но и особым покрови-

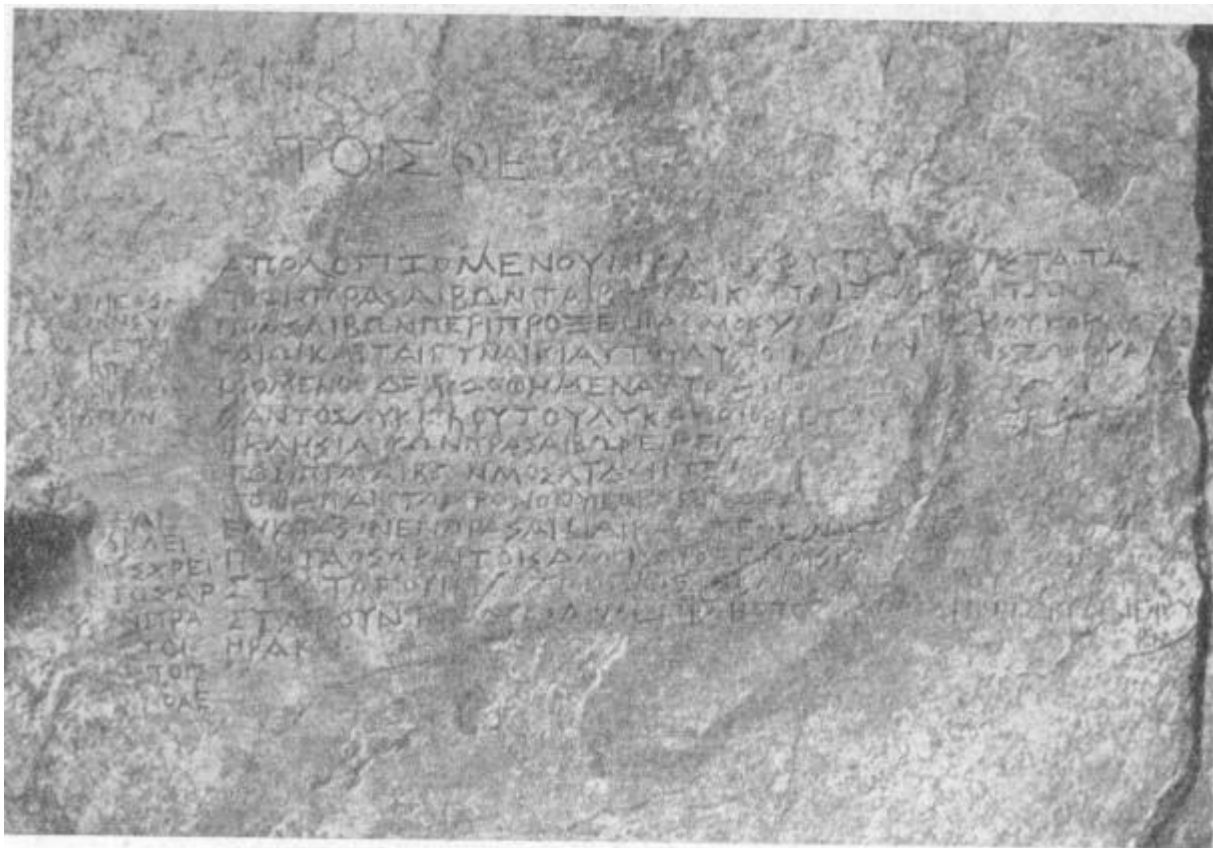

Рис. 9. Эпир. Буфрот. Надпись из Асклепείονα

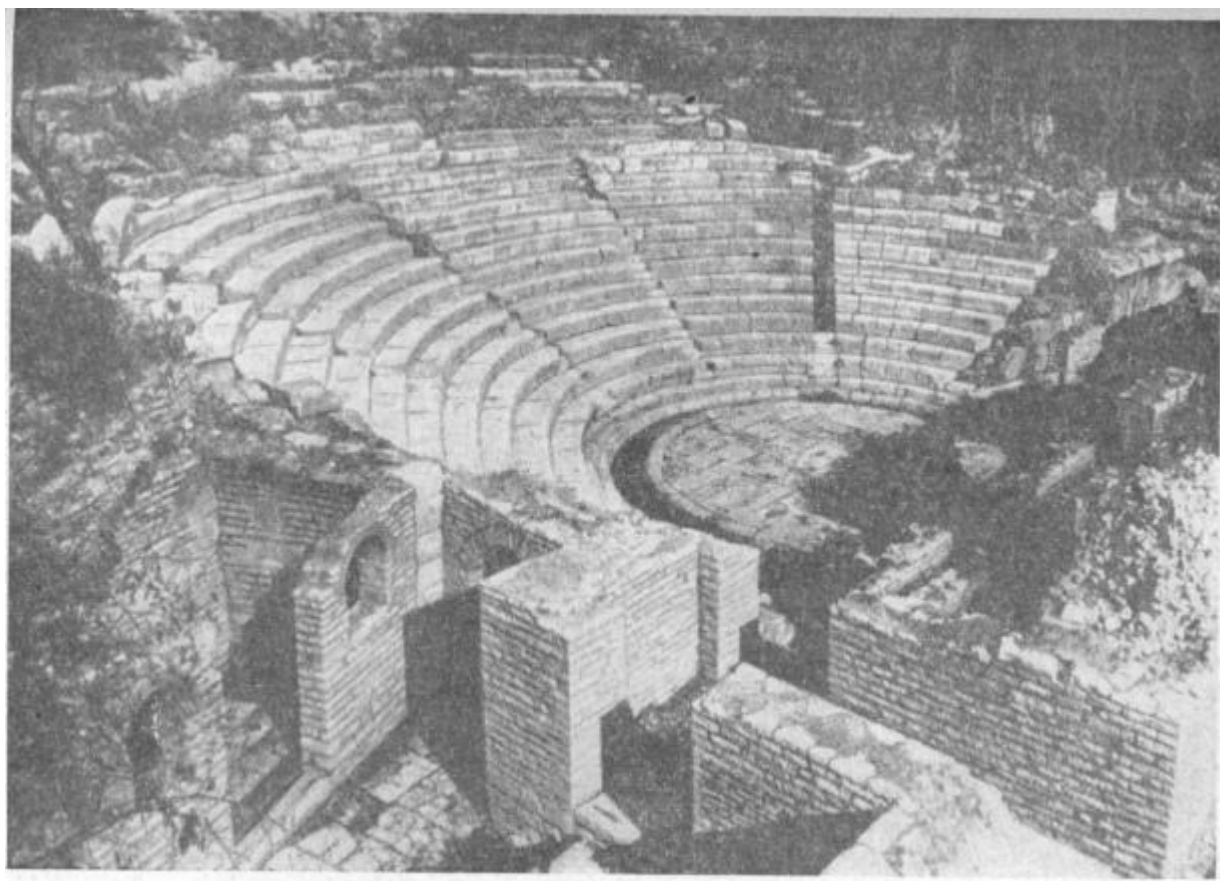
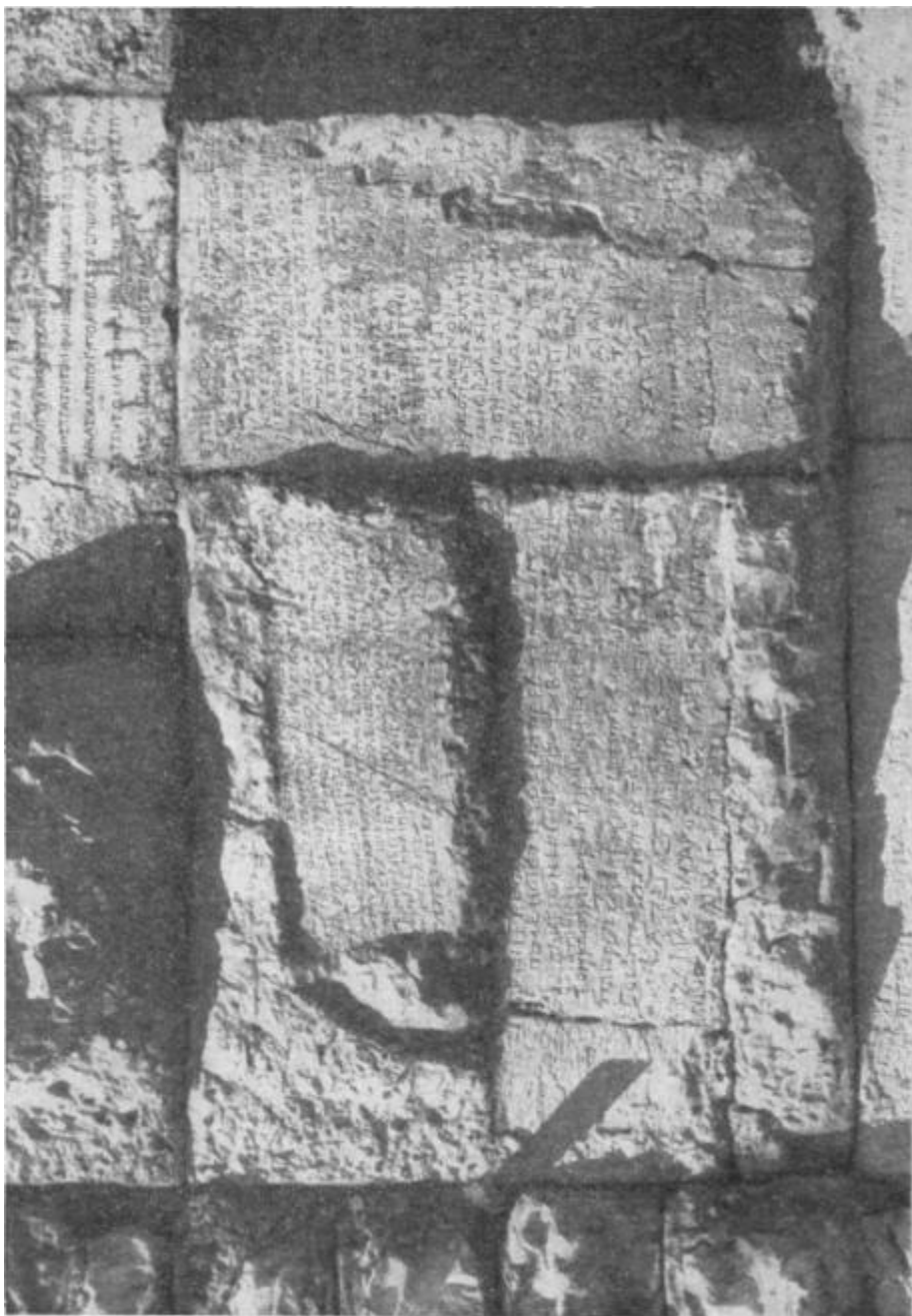

Рис. 10. Эпир. Буфрот. Театр при храме Асклепия

вителем каждого отдельного человека¹⁸. В период огромной неустойчивости политической обстановки в Эллад, являвшейся ареной борьбы крупнейших государств Средиземноморья в III—II вв., эти функции Асклепия делали его культ особенно близким каждому человеку вне зависимости от социальной принадлежности. Поэтому Асклепий, больше чем кто-либо из других богов, считался защитником не только свободного, но и раба¹⁹.

Буфротское святилище Асклепия свидетельствует о том, что в северо-западных землях Эллады этот аспект божества в III—I вв. до н. э. играл такую же роль, что и в остальных частях страны. Ярким доказательством этому служат записи об отпуске рабов на волю, высеченные на стенах театра (вернее, на камнях парапета) и обрамлении западного входа, т. е. у самого святилища Асклепия.

На пяти рядах камней кладки обрамления западного входа высечено 29 актов об отпуске, относящихся каждый к отдельному году. В общей сложности здесь объявлено освобождение около 400 человек, причем более 200 составляли женщины. Весьма важно то обстоятельство, что только в 6 надписях освобождение обусловлено обязательством парамонэ, касающимся в общей сложности лишь 8 человек²⁰. Таким образом, только около 2% из отпускаемых были задержаны манумиссорами до конца своей жизни.

Столь небольшой процент манумиссий с обязательством парамонэ позволяет думать, что основную массу освобождаемых составляли рабы, занятые в производственной сфере.

К сожалению, в буфротских манумиссиях не указывали цену выкупа. Освобождение производилось или в виде посвящения Асклепию, или по особой юридической формуле, на которой мы остановимся ниже.

Документы с посвящением Асклепию датированы обычно двумя магистратами — простатой хаонов и жрецом Асклепия. Это указывает на то, что они были приняты уже после падения эпирской монархии — около 230—229 гг., когда Буфрот входил в койнон хаонов, главным городом которых была Фойника²¹. Более точное определение даты каждого документа, видимо, станет возможным лишь после того, как будут составлены списки хронологической последовательности упомянутых простатов. Но важно то, что эти записи были начаты еще в последней трети III в. до н. э.

¹⁸ M. P. Nilsson. *Geschichte der griechischen Religion*, Bd. I. München, 1941, S. 762.

¹⁹ Börner. *Freilassung*, S. 62—63; F. Börner. *Die wichtigste Kulte der griechischen Welt*. Wiesbaden, 1961, S. 302—309.

²⁰ Все эти цифры взяты из статьи: M. Guarducci. *Rassegna degli studi e delle scoperte di iscrizioni greche in Italia, Creta e Albania*. — «Actes du Deuxieme Congres International d'epigraphie grecque et latine. Paris. 1952». Paris, 1953, p. 55—57.

²¹ О дате см. M. Guarducci. *Rassegna*. . . , p. 56; L. M. Ugolini *Albania antica, III. L'Acropoli di Butrinto*. Roma, 1942, p. 115, 117; Börner. *Freilassung*, S. 73—74.

Большинство терминов, употребленных в буфротских отпускных, встречено в манумиссиях соседних областей Греции. Примечательно то, что буфротяне признавали официально родственные отношения среди рабов — например, в тексте, опубликованном М. Уголини на стр. 115, названа рабыня Сотня и ее дочь Гиеро (обе отпущены на условии парамонэ до конца жизни хозяина). Эта черта объединяет акты из Буфрота и из Додоны — видимо, в Эпире рабовладельцы больше считались с семейными связями рабов, чем, например, в Локриде Озольской. Стиль буфротских отпускных довольно близок стилю аналогичных додонских актов²².

Другая группа манумиссии, всего 14 документов, высеченных на парапете театра у западного входа, читается гораздо хуже из-за плохой сохранности камней. В них эпонимами являются стратег другого эпирского союза — прасайбов, протаст и жрец Зевса Сотера. Эта группа отпускных, датированная Уголини временем около 200 года, по мнению М. Гвардуччи²³, может указывать на вхождение Буфрота в койнон прасайбов. Однако отдельное расположение второй серии документов позволяет предполагать, что участники союза прасайбов могли ставить свои документы в буфротском Асклепийеоне, не обладая какой-либо политической властью над полисом. Если обратиться к практике дельфийского святилища, то можно найти много аналогичных примеров.

Об этом же свидетельствует и разница формулировок обеих серий документов. В отличие от манумиссии с посвящением Асклепию записи второй группы начинаются с обращения к Благой Судьбе, следуя образцу декретов полисов или союзов. Это обстоятельство побудило Ф. Бёмера²⁴ отнести изучаемые документы к разряду «светских» манумиссии. Однако, как мы уже писали, чисто социальный акт манумиссии не был вовсе отделен от культа. В данном случае документы были высечены на стене здания, входившего в комплекс святилища, следовательно, они были под защитой храма. Упоминание жреца Зевса среди эпонимных магистратов в тексте отпускных со стратегами прасайбов позволяет думать, что сделка об отпуске регистрировалась не только гражданскими, но и храмовыми чиновниками.

Манумиссии с посвящением отпускаемого Асклепию не содержат формулы о его свободном состоянии, тогда как в документах с эпонимом стратега прасайбов указано отпущение свободным. Приводится и условие сделки²⁵ — *κατά τόν των ἀτέκνων νόμον*. Видимо, в семейном праве эпиротов существовали особые установления, предусматривавшие согласие родственников при совершении операций, связанных с отчуждением имущества. На них ука-

зывает и то, что в буфротских документах без оговорки «согласно закону о бездетных» всегда имя манумиссора сопровождается именами почти всех членов его семьи. Иногда приводится согласие лица, родственное отношению которого не упомянуто²⁶, — вероятно, это обладатель потенциальных прав наследования имущества манумиссора. Данное эпирское установление находит аналогии в ряде полисов Эллады²⁷, в том числе и в боспорских отпускных.

Состав отпускаемых на волю в буфротском Асклепийеоне показывает, что здесь было довольно много порабощенных эллинов. Лаконичность стиля документов не оставила места для обозначения происхождения рабов, как это мы наблюдали в локрских манумиссиях. Но судя по именам, в Буфроте выкупались люди, первоначально свободные.

Наличие в Эпире больших богатств, о которых упоминал Полибий, отразилось и на количестве отпускаемых рабов. Здесь можно назвать единовременный отпуск восьми рабынь (правда, с условием парамонэ), хотя чаще выкупы не более двух-трех человек.

Данные о манумиссорах Буфрота столь же скудны. Обычно сообщают только их имена. В массе это граждане эпирских городов, только один отпуститель происходил из Тралл, полиса в Кариим.

Не менее важны известия из древнейшего религиозного центра внутри страны — святилища Зевса в Додоне.

Один из запросов оракулу в начале III в. раскрывает попытку некоего Аристокла поработить (ἀνδραποδίζειν) чужую служанку, видимо, свободную женщину²⁸. Сколь часты были такие случаи — сказать трудно. Большинство додонских актов свидетельствует об отпуске невольников, причем характер сделок неоднороден. Древнейшая формула гласит, что такой-то отпустил такого-то и его потомков свободными, цена освобождения не упоминалась вовсе — SGDI, 1349, 1350, 1352. Позднее в записях выставляли и выкупные суммы, например в SGDI, 1354—3, в SGDI, 1356—1 мина. Статус свободных получали не все отпущенники. Существовал отпуск *ἐνικαῖ λύσει* (SGDI, 1351) который, судя по сходной формуле в Фессалии, означал освобождение без гражданских прав.

Додонские документы обычно датированы простатами молоссов или стратегами эпиротов, иногда упомянут храмовый магистрат. Сделки ставились под покровительство богов, но не во всех актах именовали этих покровителей. Возможно, что упоминание богов не считалось обязательным, поскольку записи на мелких табличках из бронзы или свинца оставляли в храме. Поэтому предположение Бёмера о более слабых связях додонских

²² Börner. Freilassung, S. 74.

²³ M. Guarducci. Rassegna. . . , p. 57.

²⁴ Börner. Freilassung, S. 74, 114.

²⁵ См., например: L. M. Ugolini. L'Acropoli di Butrinto, p. 117.

²⁶ Например, в манумиссии с посвящением Асклепию (L. M. Ugolini. L'Acropoli di Butrinto, p. 119).

²⁷ Börner. Freilassung, S. 33, 53, 77, 102.

²⁸ «ПРАКТИКА», 1952, стр. 298—300.

отпускных с божеством²⁹ представляется далеким от реальной обстановки. Примечательно небольшое число актов с парамонэ. Интересно упоминание о бездетности отпускающего хозяина — SGDI, 1349, 1350.

Общий характер манумиссий из Додоны оставляет впечатление того, что в эллинистическое время во внутренних областях Эпира нормы, касающиеся рабов, сохраняли некоторые старинные установления.

Глава V

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ РАБОВЛАДЕНИЯ В МАКЕДОНИИ в III—II вв. до н. э.

Попытки детального изучения процесса развития рабовладельческих установлений в эллинистической Македонии наталкиваются на почти непреодолимую преграду в виде чрезвычайной скудости письменных источников. Экономическая и социальная стороны жизни страны остаются темным пятном, резко контрастирующими с ее политической историей. Там обилие источников, которые достаточно подробно освещают огромный рост внешнеполитического авторитета страны при Филиппе II и Александре III и последние пятьдесят лет независимости при Филиппе V (220—179 гг.) и Персее (179—168 гг.), таково, что можно убедительно воссоздать многие звенья внешней истории этой весьма значительной эллинистической державы. Зато внутренняя история составляет весьма сложную проблему.

Несомненно, что быстрое превращение Македонии в ведущую средиземноморскую державу должно было сильно отразиться на ее внутренней структуре. Конечно, слабая централизация государства и большая автономия отдельных земель и областей, которые ясно выступают еще при Александре Великом, были явлениями, преодоление которых должно было занять длительный период. Однако политическая обособленность, сопровождавшаяся сохранением многих отдельных локальных социально-экономических институтов, не могла устоять перед теми огромными сдвигами, которые переживала тогда вся экономическая структура страны. Тесное общение македонян со всеми странами Восточного Средиземноморья и бурный рост городов на территории самой Македонии имели следствием ускорение проникновения товарно-денеж-

ных отношений в ее самые глухие районы. Распространение центров городской и полисной жизни вводило нивелирующий фактор в экономическую жизнь отдельных племен. Вместе с тем в городах развивались институты рабовладения, полностью аналогичные или довольно сильно схожие с греческим рабством IV—II вв. до н. э.

Названные процессы наложили печать большого своеобразия на весь характер рабовладельческого общества Македонии, значительно отличавшегося от социального устройства эллинистической Эллады. Эти различия должны были сказаться и на формах эксплуатации рабского труда, на положении рабов и вольноотпущенников в сельском хозяйстве и в ремесле. Несомненно, что особенности социальных институтов каждой из отдельных областей страны — Пелагонии, Линкестиды, Орестиды, Элимеи и других — должны были придать какие-то реликтовые черты рабовладельческим установлениям у македонян. Но рядом с этими особыми формами, порожденными социальными и юридическими установлениями местного македонского общества, существовали нормы эллинского рабовладения. В значительной мере сфера распространения каждого из указанных видов совпадала соответственно или с территориями племенных массивов, или с территорией городов и прилегавшей к ним хоры. При этом следует оговориться, что и на сельскую часть населения Македонии можно предполагать сильное влияние процесса эллинизации, что должно было способствовать постепенному внедрению более развитых форм эксплуатации рабов.

В первую очередь эллинизацией были затронуты прибрежные области страны — Мигдония, Эмафия, Пиерия. Здесь быт местной знати обнаруживает ее глубокое знакомство с эллинской культурой уже в начале IV в. до н. э. Интересным источником являются богатые гробницы македонской аристократии.

Весьма красноречив обряд погребения в кургане, находящемся на расстоянии 9 км к северу от древней Фермы (Фессалоника) на дороге в Лангаду². Под большим курганом (высота 19,5 м, диаметр основания — 76 м) здесь была возведена каменная гробница, состоявшая из продомоса и погребальной камеры. Оба помещения перекрыты сильно закругленным коробовым сводом, причем потолок камеры на 1,06 м ниже свода продомоса. Фасад гробницы был украшен четырьмя ионийскими колоннами, поддерживавшими фронтон. Вся архитектурная отделка фасада была покрыта штукатуркой и расписана. Вход в середине фасада закрывался деревянной дверью, украшенной великолепными бронзовыми аппликациями — диски с головой медузы, головой льва и железными гвоздями с бронзовыми шляпками. Особенно роскошна ручка двери, завершающаяся двумя пышными пальмет-

²⁹ Börner. Freilassung, S. 72.

¹ Ф. Папазоглу. Македонски градови у римско доба. Скопје, 1957, стр. 358—359.

² Th. Macridy. Un tumulus macedonien ä Langaza. — «Jahrbuch, d. Deutsch. Archäolog. Inst.», XXVI, 1911, S. 193—215, Abb. 1—26, Taf. 2—6.

тами. Стены прямоугольного продомоса (2,55x5,38) также покрыты штукатуркой и расписаны. Дверной проем и дверь из продомоса в камеру сделаны из мрамора, причем массивная мраморная дверь украшена бронзовыми аппликациями, покрытыми листочками золота.

Оштукатуренные стены погребальной камеры не имели никакой орнаментации. В глубине камеры стоял мраморный саркофаг, длиною более 4 м, разделенный на два отделения. Под одной из секций саркофага находилась могильная яма, в которой некогда стоял гроб из кипариса или какого-то другого ароматического дерева. Весь характер описанного склепа указывает, что это произведение греческого архитектора, возведенное в начале IV в. до н. э. Работа отличается большим изяществом и строгой продуманностью всей конструкции. Отделка гробницы столь же высокого качества.

Монументальность гробницы побудила Т. Макриди³ догадаться, что перед нами погребение царя, династа или полководца. Однако новые данные вносят коррективы в это предположение и показывают, что в данном районе находилось несколько столь же богатых захоронений. Видимо, здесь, в 3 км от небольшого греческого города Лета, чеканившего собственную монету еще в начале V в. до н. э., располагалось кладбище македонской аристократии. На протяжении всего IV в. богатства и эллинизованность этого слоя македонян возрастали.

Ярким свидетельством служат погребения в соседних склепах Дервени-А и Дервени-В, открытых в январе 1962 г. Эти гробницы, датируемые последней третью IV в., содержали богатейший могильный инвентарь, в том числе и уникальный позолоченный бронзовый кратер⁴. Значение этих погребений не только в высокохудожественной орнаментации вазы (сюжетом рельефных изображений послужили мифы дионисийского цикла), но и в том, что в современном ей соседнем погребении были найдены остатки древнейшей греческой рукописи на папирусе. Характер обнаруженных в склепах могильных древностей показывает, что эллинизация захватывала в IV в. не только придворные круги, но и широкую группу македонской знати прибрежных земель.

И во внутренних областях страны можно найти столь же яркие свидетельства.

Сто лет назад Л. Хезе раскрыв богатые расписные склепы и остатки городища возле села Палатицы, к юго-востоку от Верии (в настоящее время самое близкое поселение — Вергина), в се-

верной части Пиерии⁵. Идентифицируемое с городом Вала который упомянут Плинием (NH, IV, 34), городище Вергины доставило много новых данных по эллинизации страны. Раскопками последних лет здесь раскрыт монументальный дворец эллинистического времени, некоторые помещения его украшены мозаиками. Просторные комнаты дворца располагались вокруг большого центрального двора.

О населении города можно судить лишь по некрополю. Расписные склепы были собственностью богатых слоев. Широкие массы гражданства погребали своих покойников в могилах, обложенных черепицей, или в урнах. Сопровождающий захоронения инвентарь состоит обычно из довольно многочисленной глиняной посуды; встречаются предметы вооружения — железный наконечник — вток копья или нож, в другом захоронении — наконечники сариссы и малого копья и другие предметы. Уже в конце IV в. до н. э. эллинский обычай класть монету для Харона прочно укоренился среди граждан Вала — в могилах найдены монеты Кассандра (316—296 гг.).

Другие черты — например находка стригилей в могилах — также указывают на широкое распространение здесь эллинских норм жизни.

Недалеко от г. Вала, у современной Левкадии Навсы (Λευκάδια Νάυσης), в 1960 г. открыт уникальный двухкамерный склеп с двухэтажным фасадом⁶. Плоскость фасада на уровне первого этажа разделена четырьмя дорийскими полуколоннами, между которыми нарисованы слева направо: уснувший, Гермес Душеводитель, Эак и Радаманф. Выше на метопах нарисованы сцены кентавромахии. Все архитектурные детали расписаны яркими красками. Между первым и вторым этажами тянется рельефный терракотовый фриз с изображением битвы македонских гоплитов и всадников с персами. Данное великолепное сооружение относится, по-видимому, к концу IV или началу III в. до н. э.

Наиболее яркую картину эллинизованного города представляет Пелла, которая и не могла быть иной: расположенная вблизи реки Лудии, по которой поднимались суда от моря (Strabo, VII, fr. 20 и 22), Пелла была превращена в столицу еще царем Архелем (413—399 гг.). Так как Архелай привлекал к своему двору греческую интеллигенцию (в том числе и Еврипида), то уже тогда

⁵ L. Heuzey, H. Daumet. *Mission de Macédoine*. Paris, 1872, p. 226.

⁶ Ф. Паназоглу. *Македонски градови*. . . , стр. 107.

⁷ G. Daux. *Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1959*. — BCH, LXXXIV, 1960, II, p. 778; *idem*. *Chronique*. . . 1960 — BCH, LXXXV, 1961, p. 787.

⁸ G. Daux. *Chronique*. . . 1960, p. 792.

1959, ¹⁰ p. 781—782.

G. Daux. *Chronique*. . . 1960, p. 801—804, fig. 3—7.

⁸ Т. В. Блаватская и др.

³ Th. Macridy. *Op. cit.*, S. 215.

⁴ H. Makaronas. *The Dherveni Crater*. — «Greek Heritage», v. I, № 1, Athens, 1963, p. 4—8. Некрополь Дервени послужил предметом многих статей (см., например, E. Picard. *Revue de la numismatique*, 1, p. 179—189), но отсутствие полной публикации задерживает его всестороннее исследование.

греки, очевидно, имели большой вес в Пелле. Особенно расширилась Пелла при Филиппе II (Strabo, VII, fr. 23), и она оставалась ведущим городом Македонии вплоть до 167 г. до н. э. Раскопки города, ведущиеся с 1957 г., доставляют сведения, дополняющие известия античных авторов. Обнаруженные кварталы города IV—I вв. до н. э. показывают, что это был совершенно эллинский по своей планировке (гипподамовой) город с мощными улицами, системами водопровода и канализации. Обширные дома богатых граждан занимали половину квартала или даже целый квартал. Это были здания со стенами из правильно обработанного камня, с перистильными дворами, имевшие иногда два этажа. Примечателен великолепный дом (I), открытый в 1957 г., площадью 50х90 м, выстроенный около 300 г. до н. э.; он имел внутренний двор и комнаты, украшенные мозаиками (Дионис на пантере, грифон нападает на оленя, кентавры, охота на льва, геометрические узоры). С трех сторон дома I шли улицы шириною в 10 м — видимо, это большое общественное здание¹¹. Упомянутый дом занял место более раннего производственного квартала: под одним из его дворов открыта раннеэллинистическая вместительная прямоугольная печь для обжига керамических изделий¹². Недалеко от дома I были найдены остатки металлургической мастерской¹³. Акрополь города еще мало исследован, можно только предполагать, что и он был занят великолепными постройками, возведенными с учетом всех достижений эллинских архитекторов.

Изучение остатков городов Вали и Пеллы позволяет создать представление о двух типах города в Македонии. Следует назвать еще один тип — приисковый город. Таким были Филиппы, основанные Филиппом II в 358/7 г. до н. э. и служившие центром всего Пангейского золотодобывающего района.

Интенсивность городской жизни служит несомненным признаком крупных сдвигов в экономической и социальной жизни страны на протяжении IV—III вв. Поэтому ныне трудно согласиться с М. И. Ростовцевым, полагавшим, что и в III в. Македония в социальном отношении переживала мало крупных изменений, сохраняя еще очень много черт племенного устройства¹⁴.

Мы сочли необходимым столь подробно остановиться на данных об эллинизации македонской знати как на побережье, так и внутри страны, поскольку эти сведения позволяют глубже понять имею-

щиеся немногие данные о формах эксплуатации рабов. Теперь можно с уверенностью утверждать, что деятельность греческой интеллигенции при македонском дворе в течение IV в. была лишь частью того мощного потока взаимодействия между Македонией и Грецией, которое охватывало многие стороны социальной и экономической жизни обеих стран. Соответственно, в области использования рабского труда можно также ожидать ряд близких параллелей.

Наиболее общим было применение рабского труда в сфере обслуживания. Можно даже решиться утверждать, что в Македонии процент рабов, занятых в домашнем хозяйстве, был значительно выше, чем в греческом обществе. Потребителями этого разряда рабов выступали не только царский двор¹⁵ и местные династические круги, но и сравнительно многочисленная средняя и мелкая македонская знать. Большие богатства, принесенные удачливыми воинами из бесчисленных войн конца IV — начала III в., должны были весьма способствовать развитию непроизводительного потребления рабского труда.

В быту македонских царей, видимо, значительную роль играли дорогостоящие рабыни — наложницы, танцовщицы, музыкантши. Юридическое положение этих людей ничем не отличалось от положения их сотоварок в Элладе, как позволяет думать рассказ Плиния Старшего о том, что Александр подарил свою наложницу Пантарку художнику Апеллесу. Примечательно греческое имя этой невольницы: можно полагать, что импорт высоко ценившихся гетер-эллинок в Македонию существовал в течение всего эллинистического периода.

В домах македонской аристократии сосредоточивались большие массы рабов. Яркая картина, нарисованная македонянином Гипполохом в его письме о самом пышном македонском пире¹⁶, позволяет думать, что высшая знать держала большое количество рабов в качестве обслуживающего персонала. Роскошь, о которой рассказывает Гипполох, была немыслима без использования многих десятков рабских рук, исполнявших все работы в доме, начиная от самых грубых и кончая достаточно интеллектуальными. Услаждавшие гостей Корана флейтистки, певицы и арфистки должны были обладать довольно высокой музыкальной образованностью, так как иначе музыкальное сопровождение могло бы умалить изысканную роскошь пира.

¹¹ M. Hood. *Archaeology in Greece*, 1957. - JHS, 78, 1958. «*Archaeological Reports*, 1957», p. 15.

¹² M. Hood. *Archaeology in Greece*, 1958. - JHS, 79, 1959. «*Archaeological Reports for 1958*», p. 13, fig. 16.

¹³ G. Daux. *Chronique*. . . 1959, p. 785.

¹⁴ M. Rostovtzeff. *SEHW*, p. 250-255. Следует заметить, что Македония не привлекала большого внимания этого крупнейшего исследователя.

¹⁵ В 316 г. Кассандр, заточив вдову Александра Роксану и ее сына в крепости Амфиополя, отнял у царицы прислуживавших ей обычно рабов, желая низвести ее до положения простой женщины (Diod., XIX, 52).

¹⁶ Athen., IV, 128a—129a; III, 126e. Среди гостей, присутствовавших на торжестве по поводу свадьбы аристократа Корана, упомянут Протей, внук сверстника Александра (сына его кормилицы Ланики), также Протея. Следовательно, речь идет о событиях первой четверти III в. до н. э.

Малая изученность македонской деревни не позволяет сделать даже предварительных предположений о применении домашних рабов небогатым сельскохозяйственным населением. Однако обезлюдение страны вследствие постоянного выезда беднейших слоев свободного населения в IV—III вв. должно было породить общую нехватку рабочих рук в сельском хозяйстве. В этих условиях мелкий македонский земледелец вряд ли был склонен непроизводительно тратить принадлежавшую ему рабочую силу.

Вопрос о роли рабского труда в производственной жизни страны в III—II вв. еще требует специального исследования, тем более, что источники весьма скудны.

Уже при Александре III хозяйство Македонии требовало использования рабской силы, привозимой извне. Интересны сведения Арриана о том, что в 334 г. победитель при Гранине заковал в кандалы и отправил в Македонию на принудительные работы попавших в плен греческих наемников (Агг., *Anab.*, I, 16, 4). Так Александр наказывал эллинов, которые сражались против Эллады на стороне варваров. Распоряжение царя показывает, что практика эксплуатации закованных в кандалы рабов была хорошо известна северным соседям эллинов. Указание Арриана, что пленники посланы «в Македонию», позволяет полагать, что они были направлены в такую отрасль общегосударственного хозяйства, которая находилась под контролем царских чиновников и в то же время использовала труд закованных работников. В Греции обычно такие рабы трудились в рудниках — весьма правдоподобно, что и невольники Александра были направлены в горное дело, тем более что политика молодого царя требовала большого расхода и золота и серебра.

Длительные войны диадохов и эпигонов оказали разнохарактерное влияние на экономическую жизнь Македонии. Одна из важнейших частей производительных сил страны — свободный работник в земледелии и ремесле — испытала значительный урон вследствие необратимого процесса перехода многих тысяч людей в разряд военных. Гибель македонских солдат на полях битв или оседание¹⁷ выслуживших свой срок воинов на завоеванных землях имели почти одинаковое значение для производственной жизни самой Македонии — страна лишалась мелкого свободного работника, земля оставалась необработанной. Этот процесс стал заметен уже при Александре Великом, который переселил некоторое число фракийцев в Македонию. В дальнейшем обезлюдение сельской территории принимало все большие размеры.

В этих условиях другое последствие войн — поступление рабов-военнопленных — могло иногда несколько смягчать нехватку рабочих рук. Весьма показательны то, что среди довольно многочисленных надписей из Македонии актов о выкупе рабов на волю

¹⁷ M. Rostovtzeff. *SEHWW*, p. 251.

в эллинистическое время¹⁸ почти нет совсем. Видимо, потребность в рабском труде была столь велика, что практика освобождения невольников не имела распространения.

Помимо войн источником поступления рабов могла быть обычная торговля живым товаром. К сожалению, сведений об этом пока нет, и можно только предполагать, что в крупнейших полисах Македонии существовали специальные рынки для купли-продажи рабов. Возможно, что тесные связи созданной Кассандром Фессалоники с Делосом около 240—230 гг. до н. э.¹⁹ имели одной из своих сторон использование делосского рабского рынка. Допустимо предположить еще один путь доставки рабов в страну²⁰ — македонская знать получала большие земельные владения или административные посты в подчиненных землях и могла доставлять оттуда какое-то количество порабощенной рабочей силы. Но этот источник был нерегулярен и носил весьма частный характер.

В III в. до н. э. экономическая жизнь Македонии находилась на высокой ступени процветания. Вторжение галлов в 280 г., поражение Птолемея Керавна и последовавшая краткая анархия не смогли сильно отразиться на благосостоянии страны. Длительное правление Антигона Гоната (277—239 гг.) и царствования его приемников Деметрия II (239—229 гг.) и Антигона II Досона (229—220 гг.)²¹ оказались временем мощного подъема хозяйственной жизни страны. Теперь в полной мере были использованы те возможности, которые доставляла политическая система эллинистической монархии для развития рабовладельческого общества Македонии. Большую роль играли полисы, старые и вновь основанные, являвшиеся проводниками эллинских экономических и социальных установлений в самых отдаленных частях страны. Немалое воздействие можно ожидать и в сфере развития институтов рабства.

В первую очередь в самих полисах Македонии применение рабов и относящиеся к ним юридические установления строились по тем же образцам, которые были распространены в самой Греции. В силу количественного и качественного роста полисов это означало возрастание удельного веса сектора греческого института рабства во всей системе социальных и экономических отношений македонского общества. Найденный недавно, пока что единствен-

¹⁸ Особенно примечательно отсутствие манумиссии изучаемого времени по сравнению с обилием этих документов в римское время, преимущественно в I—II вв. н. э.

¹⁹ О них говорит декрет Делоса о даровании проксении Адмету, сыну Бокра, македонянину (BCH, X, 1886, p. 124—133; ср. REG, X, 1897, p. 446).

²⁰ Передача царем больших территорий в распоряжение представителей высших кругов Македонии известна детально благодаря подробному тексту «дарения» земель Койну, сыну Подемократа, возобновленному Кассандрой между 306 и 297 гг. до н. э. (Syll. ², 178).

²¹ M. Rostovtzeff. *SEHWW*, p. 252—253.

ный эпиграфический источник ярко свидетельствует в пользу данного предположения.

Мы имеем в виду манумиссию из Берои от 235 г. до н. э. Этот старинный македонский город в области Эмафии в III—II вв. являлся крупным и процветающим полисом, стоявшим наравне с Беллой (Ps.-Scyl., v. 624—625). Сравнительно немногочисленные памятники эпиграфики эллинистического времени, поступавшие лишь из случайных находок (доримская Бероя еще не раскапывалась, она лежит под мощным слоем римского времени), доставляют веские доказательства справедливости такой оценки. Из Берои, например, происходит знаменитая переписка Деметрия с Гарпалом.

Упомянутая манумиссия была найдена еще в начале 1920-х годов, но только в 1950 г. она стала известна благодаря обстоятельной публикации М. Андроника²². Документ состоял из более чем 33 строк, причем сохранность 32—33-й строк не позволяет предложить сколько-нибудь связные восстановления. В результате работы М. Андроника, А. Вудворда и Л. Робера текст документа читается достаточно полно²³. Содержание документа доставляет важные сведения по общей истории эллинистической Македонии, расширяя понимание уже известных эпиграфических источников²⁴. Но особенно полезен он для уяснения развития рабовладельческих отношений в столь своеобразной монархии, какой была тогда Македония. Приведем текст надписи.

- Τύχη ι 'Αγοθή».
- Βασιλεύοντος Δημητρίου ἑβδομου καὶ ἑξοστοῦ ἐτους, μηνὸς Περιτίου. Ἐφί ἑρέως Ἀπολλωνίδου τοῦ Παυλίου κατέβηκεν ἐπ' ἐλευθερίᾳ Κόμος,
5. Μορούς, ὌρτυΕ Ἀττίνοι Ἀλέτου αὐτοῦ ὑπὲρ αὐτῶν καὶ τῶν γυναικῶν Ἀρνίου, Γλαύκος Χλιδόνης, καὶ τῶν παιδίων, τῶν τε νῦν ὄντων καὶ ὅν τινα δατέρο[ν] ἐπιγένηται, καὶ τῶν υποχόντων αὐτοῖς πάντων, ἑκαστοῦ χροῦδος πεντήκοντα καὶ Σποζότας ὅπερ αὐ-
10. τῆς καὶ τῶν υποχόντων κατέβηκεν χροῦδος εικοσιπέντε. Παραμένουσιν δὲ αὐτοῖς παρὰ

²² M. Ἀνδρονίκος. 'Αρχαῖαι ἐπιγραφαὶ Βέροιας, Θεσσαλονίκη, 1950. A. M. Woodward. «Class. Rev.», N. S., II, 1952, p. 114; L. Robert BEG, LXIV, 1951, p. 171-173; SEG, XII, 314.

²³ Как нам кажется, Бёмер (Börner. Freilassung, S. 86, 120) слишком категорично отказался от рассмотрения этой «светской» отпускной.

²⁴ Так, например, датировка документа двадцать седьмым годом правления Деметрия подтверждает широту его полномочий в качестве соправителя своего отца, о чем говорили письма Деметрия к Гарпалу, датированные тридцать шестым годом правления Антигона Гоната. Значение соправителя-наследника, видимо, было столь велико, что он считал необходимым исчислять свое царствование от начала совместного правления. Истолкование этой датировки было убедительно сделано М. Андроником.

- Ἀττίνοι αὖς ὅν Ἀττίνας ζήι καὶ πικ<δοῖν ὁ π ὅν Ἀττίνας προστάσσει<>, ποθόν<πο> δὲ Ἀττίνα ἑξόσω ἀπιέναι[ι] οὐ ὅν βούλωνται. Μὴ ἑξόσω δὲ Ἀλέτου μηδὲ τῇ Ἀλ-
15. κέτω γυναικί μηδὲ τῶν Ἀλέτω ἐχόνων μηδὲ Ααρέτω ἀρόσσοθαι τούτων μηδὲ τῶν γυναικῶν μηδὲ τῶν παιδίων μηδὲ {ὁ} Σποζότας μηδὲ ὅγειν εἰς δουλείων μηδὲ τῶν υποχόντων αὐτοῖς παρελθεῖν μηδὲν πορ[ε]υρέσει μηδεμιᾷ μηδὲ ὅλλωι ὑπὲρ τούτων [ε]ί δὲ μή,
20. ἐλεύθεροι τε εἴπωσιν καὶ ὁ ὅκων εἰς δουλείων ἀπ[ο]τ[ι]νέτω καὶ ἑκαστον ἐν σῶμα χροῦδος ἑκατὼν καὶ τῶι βασιλεῖ[ι] ὅλλους ἑκατὼν ὑπὲρ ἑκαστου σῶματος. Καὶ ὅν τ[ι]ς ἐ[κ] τ[ω]ν υποχόντων αὐτοῖς παρ[ε]λ[ι]πται, ὅπτανέτω τὴν ὀξί-
ον διπλὴν οὐ ὅν παρ[ε]λ[ι]πται ἀπ[ο]τ[ι]νέτω. [Ἄν δὲ] μὴ παρ[ο]μέν[ω]-
25. σι μηδὲ ποιῶσιν δ τ[ι] ὅν Ἀττίνας προστάσσει<> καὶ αὐτοὶ καὶ αἱ γυναῖκες καὶ τὰ παιδιά εἰως ὅν Ἀττίνας [ζήι, τῶι μὴ παρ[ο]μέν[ω] ὅσσοι εἴπω ἢ ἐλευθερίᾳ] AKM [.] NT [.] ΑΣΑ [.] ONTA [.] βασιλεῖ καὶ βασιλέως ANKAIM [.] KA [.] TON θεο[φ]έροντος καὶ [.] MAIE [.] Αἴτοσ [.] καὶ Ἀγ[γ]υπτον καὶ Βορχύων
30. καὶ [.] AMAΣ2MA [.] μόσσοις [.] Αἰσχύλτος Ἀριστοκλείδου [.] ΑΙ [.] ΑΣΧΑΙΡΕ [.] ΑΠΕ [.] AKM [.] Ι ΟΣ [.] ΠΠΟΓΣ [.] ΜΓ [.] ΕΩΣ [.] [.] ΝΑΣΑΣ [—] ΧΡ [.]

Вопрос о светском или отчасти сакральном характере документа представляется нам не вполне ясным. Вторая хронологическая вежа отпускной — «в жречество Аполлониды, сына Главкия» — показывает, что данный акт составлялся в год, когда эпонимом был жрец Аполлонид. Но был ли это эпоним всего города Берои или очередной жрец в одном из храмов полиса — пока что решить невозможно.

То обстоятельство, что изучаемая манумиссия начертана на мраморе (правда, крупнозернистом, низкокачественном), показывает, что и в полисах Македонии опубликование отпускного акта являлось необходимым условием правоспособности заключенной сделки. В Берое акт об освобождении находился под двойной защитой — и полиса, и царской власти, как показывают строки 20—24 документа. Весьма интересны высокие цифры штрафа, налагавшегося на всякого, кто захотел бы вернуть отпускаемых в рабство — по 200 золотых за каждого человека и двойная цена отнятого у них имущества. Эти строгие финансовые санкции производят впечатление того, что в Берое еще не сложилась чисто юридическая традиция защиты вольноотпущенников, какую мы находим, например, в Дельфах во II—I вв. Там личность отпущенника получала защиту храма²⁵. В Берое такими

защитниками являлись городские власти полиса и царская власть, причем оба авторитета грозили значительным денежным штрафом. Прямое материальное выражение санкций указывает, как нам кажется, на сравнительно недавнее возникновение правил охраны личности отпущенника в этом македонском городе.

Но и здесь были в ходу общегреческие установления: перечисляемые в строках 30 и следующей $\mu\acute{o}\tau\eta\rho\epsilon\varsigma$, являвшиеся полноправными гражданами полиса (ясно читаемое в строке 31 имя Айсхилина, сына Аристоклида, говорит о принадлежности его к правомочному греческому населению Берои), указывают на соблюдение формальной процедуры при отпуске, вероятно, аналогичной правилам в ряде полисов самой Эллады.

Терминология документа весьма интересна. Отпускаемые именуются $\alpha\phi\iota\alpha$ (стк. 21—22) — общим рабским термином в эллинистической Греции. Но перечисляемые рабы имеют жен и детей, что указывает на важные особенности в положении этих невольников. Единичность изучаемого документа не позволяет пока делать общие выводы о чертах рабовладения во всем полисе Берое. Можно лишь утверждать, что у крупного рабовладельца Аттина, сына Алкета, некоторые рабы находились в столь привилегированном положении, что имели семьи. Отдельное упоминание Спадзатида в строке 9 подчеркивает особое выделение группы семейных рабов. Возможно даже, что вдвое меньшая сумма выкупа Спадзатида была обусловлена ее меньшей ценностью, определенной не только в силу физических и возрастных особенностей (несомненно, что Арния, Главка и Хлидана были молодыми, способными к рождению детей женщинами), но и тем, что эта рабыня-одиночка меньше приносила дохода, чем семейные рабыни. Последние во имя сохранения семьи могли работать более интенсивно и поэтому ценились дороже.

Другая особенность языка изучаемого акта — выражения $\sigma\tau\omicron\iota\varsigma \beta\epsilon\rho\alpha\iota \sigma\alpha\lambda\acute{o}\nu \kappa\alpha\iota \tau\acute{o}\nu \gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\nu$ (стк. 5 — 6) и \omicron Спадзатиде — $\psi\epsilon\rho \alpha\phi\iota\tau\epsilon\varsigma$ — показывают, что в Берое замужние рабыни считались подлежащими власти мужей почти наравне со своими детьми. Если Спадзатида упомянута в документе как вполне дееспособное лицо, то Арния, Главка и Хлидана поименованы как второстепенные участницы сделки, основная роль отведена представляющим за них Коему, Марсию и Ортигу. Эти особенности позволяют поставить вопрос о том, что в правовой системе эллинистической Македонии понятие о том, что раб есть обладатель качества е с т е с ²⁶ т в е н н о й личности, получало иногда какое-то признание.

²⁶ Ср упоминание о семейных отношениях рабов в надписях из Дельф (К. К. Зельин. Дельфийские манумиссии. . . , стр. 169) и Фессалии (Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии. — ИГАИМК, вып 101 1934, стр. 111).

Точно так же и признание юридических прав всех отпускаемых на какое-то принадлежащее им имущество — $\tau\acute{\alpha} \psi\iota\lambda\omicron\chi\omicron\tau\omicron\iota$ указывает на допущение самостоятельной экономической деятельности раба, причем в интересах не только его господина, но и его собственных. И в этом отношении личность Спадзатида заслуживает внимания, так как наравне с семейными рабами она выступает обладательницей прав собственности на какие-то вещи.

Итак, эти 7 рабов, поименованных в отпускной из Берои, не могут быть безоговорочно уподоблены тем полностью лишенным человеческих прав невольникам, которых в Элладе в это время обычно именовали термином $\alpha\phi\iota\alpha$. В положении невольников Аттина заметны некоторые черты, позволяющие думать, что им были предоставлены какие-то возможности активной деятельности.

Мы предвидим возражение: это могли быть не обычные рабы, но недавно поработанные люди, попавшие в рабство целыми семьями. Однако против такого предположения говорит характер их имен. Греческие по своему происхождению, эти имена в большинстве своем или напоминают рабские имена-клички, например Косм, Ортиг, или являются исключительно рабскими. Таковы три из четырех женских имен (Арния, Хлидана и Спадзатида), причем одно из них столь оскорбительно по своему значению, что не может быть никаких сомнений в его изначально рабском происхождении. Ономастические данные изучаемой отпускной позволяют с большой долей вероятности предположить, что перечисленные в ней несвободные лица получили свои имена-клички еще в детстве, иными словами, это были люди, уже родившиеся рабами. Что касается их национальности, то эллинский характер их имен не обязательно указывает на их греческое происхождение — в Берое можно ожидать доморожденных рабов разной этнической принадлежности.

Каждый из рабов Аттина платил за свое освобождение хозяину высокую сумму, прямо названную в документе. В этом отношении порядки в Берое сходны с правилами в полисах Средней Греции, тогда как в соседней Фессалии сумма выкупа часто не указывалась²⁷. Кроме выплаты господину отпускаемые, вероятно, должны были оплатить налог на совершение сделки городу или царским чиновникам. И уж без сомнения оплата опубликования документа производилась на их счет.

Указанные в беройской отпускной цены на рабов достаточно высоки. Каждый из семейных рабов уплачивал по 50 золотых²⁸,

²⁷ Р. В. Шмидт. Из истории Фессалии, стр. 13.

²⁸ Можно думать, что в эту сумму входила стоимость детей каждой четы. Общее упоминание о них в строке 7 можно объяснить тем, что это были настолько малые существа, что они не приобрели еще большой рыночной стоимости. Аттин, видимо, полагал, что расходы на их выращивание плохо окупятся будущими доходами. К сожалению, мы не знаем, к какому возрасту в Македонии относилось совершеннолетие раба. Исходя из того, что в Египте взрос-

что в переводе с македонской системы на общегреческую означало 1000 драхм, или 10 мин, тогда как Спадзатида выплачивала соответственно 500 драхм, или 5 мин. Значительность этих сумм следует объяснить причинами разного порядка. Основную роль играли доходность труда каждого из отпускаемых, затем общая нехватка рабочих рук в Македонии и, возможно, большое количество золота, обращавшегося тогда в стране.

Рабы Аттина по уплате выкупа переходили в состояние вольноотпущенников, которое охарактеризовано в документе термином *ἐλευθερία*. Однако освобождение это было неполным: отпущенники должны были выполнять все задания Аттина (стк. 13) и были ограничены в выборе местожительства, так как условием отпуска было их пребывание при хозяине вплоть до его смерти. Это условие парамонэ влекло за собой большие ограничения для отпущенников. Освобождение от него иногда приравнивалось чуть ли не к первоначальному выходу из рабского состояния²⁹. Переводя на экономический язык это условие, мы видим, что Аттин обеспечивал себе пожизненное право частичной эксплуатации семи отпущенников и, можно думать, не менее четырех-пяти человек из младшего поколения трех семей³⁰. Уступив своим невольникам в области юридической и моральной, бероец поставился полностью возместить себе экономический ущерб.

Единичность изучаемого источника не позволяет делать общие выводы о рабовладении в полисах всей Македонии в III в. до н. э., но положение в Берое, как нам кажется, свидетельствует о большой потребности хозяйства в рабском труде. Примечателен высокий штраф полису и царю, который платил посягавший на свободу вольноотпущенников, и та категоричность запретной формулировки, которую мы читаем в строке 19. Очевидно, в Берое имели место случаи незаконного порабощения вольноотпущенников, и город с его высокоразвитым полисным строем стремился обеспечить незыблемость своих законов в области имущественного права.

Некоторый интерес представляют сам отпуститель Аттин и его финансовые взаимоотношения с родственниками. Судя по отчеству, он принадлежал к слою полноправного гражданства Берои, греческого или греко-македонского происхождения. Имущество Аттина при его жизни частично или полностью было отделено

от состояния его отца, Алкета, и какого-то ближайшего родственника (брата? дяди?) по имени Ларет (стк. 15—16), так как в документе этим лицам самым категорическим образом запрещено посягать на свободу и имущество вольноотпущенников. Но эти лица были прямыми наследниками состояния Аттина и в случае его смерти они могли бы претендовать на владение его рабами. Достойно внимания упоминание в строках 14—15 жены и детей Алкета без приведения их имен — видимо, отец Аттина был вдовцом в момент заключения сделки. Но в дальнейшем он мог вступить в брак, поэтому консультировавший отпущенников Аттина беройский юрист считал необходимым исключить полностью и эту категорию возможных нарушителей сделки.

Следует отметить еще одну характерную особенность изучаемого документа: в нем оговорена неприкосновенность не только личностей, но и имущества вольноотпущенников. Обычно в манумиссиях из полисов Средней Греции таких условий мы не встречали, так как там вопрос шел прежде всего о переходе из рабства в свободное состояние. В системе частного права Берои существовали какие-то правила, которые делали необходимой особую юридическую защиту имущества отпущенных на волю. Особо отметим близость терминологии беройского акта от 235 г. языку отпускных из Средней Греции II в. — это указывает на широту рецепции греческого права полисами Македонии еще в III в.

Изложенные выше соображения носят весьма предварительный характер. Несомненно лишь одно: в полисах использование рабского труда принимало формы, очень близкие рабовладельческим установлениям соседней Греции. Как обстояло дело в македонской деревне, в настоящее время сказать невозможно.

Развитие экономических контактов Македонии и Греции в III—II вв. приводило ко все большему проникновению норм эллинского рабовладельческого кодекса в македонские полисы. Ярким примером этому является признание авторитета дельфийского храма в обеспечении свободы отпущеннику в Берое в начале II в. до н. э. Мы имеем в виду запись в Дельфах от 178/7 г., согласно которой юная рабыня Евпория выкупала себя у Асандра, сына Менандра, из Берои за 200 драхм³¹. Сделка была заключена согласно установленным в Дельфах правилам, хотя свободной Евпория становилась лишь по возвращении ее вместе с отпустителем в Македонию³². Следовательно, гражданская община Берои счи-

лым считался раб в 15 лет (R. Taubenschlag, The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 B. C. — 640 A. D. 2nd ed. Warszawa, 1955, Syn. 6189), можно думать, что и в Македонии была близкая цифра.

²⁹ Например, в Дельфах записи об освобождении (аполисис) от парамонэ высекали в непосредственной близости от текста манумиссии — см. FD, III, III, 2, 337, 340, 341, — причем за аполисис от парамонэ иногда платили до 3 мин серебром.

³⁰ От Спадзатиды ее бывший хозяин не ожидал детей и тем не менее взял с нее половинную плату. Не была ли она кормилицей или нянькой, вырастившей Аттина? прежний господин.

³² П. Кошакер полагает, что такое парамонэ Евпории не было специально определено в тексте потому, что оно носило временный характер и по прибытии из Дельф в Македонию кончалось (P. Koschaker, Ueber einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus. — «Abb. d. Sachs. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl.», Bd. 42, 1931, № 1, S. 26, Anm. 2). Вероятно, здесь была попытка хозяина обеспечить если уже не парамонэ, то по крайней мере пребывание Евпории в том же городе, где жил ее

тала оформленные в Дельфах соглашения имеющими полную юридическую силу.

Обращаясь к вопросу практического применения рабского труда в полисах Македонии, следует прежде всего отметить отсутствие исчерпывающих сведений. Можно лишь высказать предположение, что и здесь в ряде отраслей ремесленного производства рабский труд применялся в тех же размерах, что и в аналогичных мастерских греческих ремесленников. С наибольшей долей вероятности это можно сказать о черепичном производстве в Пелле. Найденные там недавно черепичные клейма свидетельствуют, что в конце III—начале II в. до н. э. там существовали керамические мастерские, принадлежавшие царю, городу и частным лицам³³. По аналогии с системой керамического производства в других эллинистических монархиях (Пергам, Понт, Боспор) можно полагать, что основной рабочей силой в этих мастерских Пеллы были рабы и вольноотпущенники. Последние часто становились собственниками керамических мастерских.

О количестве рабов в городах македонян у нас также отсутствуют сведения. Возможно, что в период ожесточенных войн Филиппа с Римом и римскими союзниками время от времени общая численность рабов в Македонии резко возрастала, причем некоторая часть поработанных попадала и в Элладу³⁴. Но в это время одержавшие победы римляне увозили из страны попадавших к ним македонских рабов. Так, в 200/199 г. консул Сульпиций, овладев городом Пелионом в области дессаретов, увез оттуда рабов вместе с³⁵ прочей добычей, граждан же без выкупа оставил жить в городе.

Вообще период правления энергичного и дальновидного Филиппа V ознаменован крупными изменениями в экономической жизни страны. Большое внимание, которое Филипп уделял внутреннему состоянию своего царства³⁶, неизбежно должно было привести к усилению централизующих тенденций в государстве. Последние оттесняли на второй план местные хозяйственные и социальные особенности, что должно было способствовать развитию рабовладения в его греческих формах. Однако положение усложнялось ясно ощутимой нехваткой свободного населения в Македонии. Македонский царь прибег к тому же методу преодоления этой трудности, что и Александр III: согласно свидетельству Ливия, Филипп V для восстановления численности народа, погибшего в войнах и сражениях, всячески поощрял воспитание

детей македонянами и даже переселил в страну большое количество фракийян (XXXIX, 24). Возможно, переселенцы получали права³⁷, аналогичные статусу исконного населения.

Судя по одному свидетельству Полибия, весьма отрицательно относившегося к этому одаренному противнику Рима, Филипп V пытался даже заменить враждебно настроенные к нему слои городского населения фракиянами и другими варварами: из приморских и самых значительных городов он выселил наиболее активных политиков в область Эмафию (древняя Пеония), наполнив вместо них города фракиянами и варварами (Polyb., XIII, 10, 4—5). Эта политика Филиппа должна была сказаться в какой-то мере и на положении части рабского населения страны: фракияне приносили свои собственные установления касательно использования подневольного труда, гораздо более архаичные, чем институты античного рабства. Но как происходила синкретизация старых и новых юридических норм, в настоящее время сказать нельзя.

Не все переселяемые в Македонию люди шли туда по своей воле: Ливий сообщает, что Филипп увез из Фессалии 500 лучших юношей и использовал их труд на рабских должностях³⁸. В данном свидетельстве важно то, что обиженные не говорят о превращении пленных юношей в рабов. Можно думать, что потребность в свободных или полусвободных работниках побудила царя использовать этих знатных пленников на каких-то работах, обычно выполнявшихся зависимыми македонянами. Вероятно, фессалияне были направлены в большие царские имения, численность которых была велика³⁹. Однако не исключена возможность и того, что этих пленников сажали на участки пустой земли (ψιλή γή), которые встречались в самых глубинных частях Македонии, например в Эордее⁴⁰. Захват Филиппом некоторых городов Эллады также мог иметь последствием поступление рабов-эллинов в Македонию. Жители Таламы⁴¹ и некоторых других городов были поработены завоевателем.

³⁷ Еще Александр III издавал особое распоряжение об отводе земли фракиянам, переселившимся в район Филипп (Ch. Picard. RA, 6 ser., XI, 1938, p. 334 a.).

³⁸ Liv., XXXIX, 25 — жалобы фессалиян на Филиппа. Среди прочих его насилий quingentos principes iuventutis in Macedonian! abduxisse, et opera eorum in servilibus abuti ministeriis.

³⁹ Ростовцев отмечает, что поместья македонских царей были в те времена крупными сельскохозяйственными организациями (SEHWW, p. 1471, note 39).

⁴⁰ C. B. Welles. New Texts. . . , p. 246—249. В документе идет речь о пустоши, которую царь около 181 г. до н. э. передает группе воинов-македонян с тем, чтобы они ее обрабатывали. Можно думать, что эти солдаты имели в своем владении подневольную рабочую силу для некоторых работ, хотя основные виды труда они выполняли сами (см., например, указание Полибия на то, что Филипп V распустил свое войско для сбора урожая).

⁴¹ Polyb. IV, 75, 7—10; см. также: H. Volkmann. Die Massensklavungen der Einwohner erobelter Städte in der hellenistisch-römischen Zeit. Wiesbaden, 1961, S. 19.

³³ G. Daux. Chronique. . . 1959, p. 765, fig. 1.

³⁴ Уэстерманн отмечает, что до 171/70 г. в Греции встречаются манумиссий рабов-италиков, в дальнейшем доставка сюда пленных римских солдат прекращается (W. L. Westermann. SSGRA, p. 33).

³⁵ Liv., XXXI, 40, 4: servitia inde cum cetera praeda abduxit.

³⁸ M. Rostovtzeff. SEHWW, p. 632; C. B. Welles. New Texts from the Chancery of Philip V. — AJA, XLII, 1938, p. 246—251.

Поступления военнопленных должны были значительно пополнить состав рабского класса страны. Процесс этот известен лишь в общих чертах, так как точных данных о всех случаях нет — иногда источники содержат лишь глухие упоминания. Таково сообщение Ливия *de hominibus raptis rescoribusque abactis* (XXXIX, 47, 2).

Такие же события происходили и при Персее (179—168 гг.), причем этот царь иногда пускал в продажу по несколько тысяч человек. Например, в 170/69 г. Персей взял в Иллирии город Ускану и захваченных там в плен римлян, усканян и иллирийян отвел в Стуберру, в горную часть Западной Пеонии. Там римских солдат (около 4 тысяч) Персей распределил под стражей в разные города, а усканян и иллирийян, которых было около 7—8 тысяч, отправил на рынок⁴². Судя по выражению Ливия *regi tum maxime captivos ex Illyrico vendenti* (XLIII, 20, 3), Персей в Стуберре самолично контролировал эту продажу, видимо, ожидая от нее необходимого пополнение царской казны.

Данное свидетельство Ливия весьма важно тем, что оно указывает на большую пропускную способность македонского рынка при купле-продаже крупных рабских масс, особенно если вспомнить, что Стуберра, хотя и была полисом⁴³, все же находилась в горной части страны, где возможность торговли была меньше, чем в богатых городах прибрежной Македонии.

В том же году Персей взял другой иллирийский город, Оеней. Оставшиеся в живых женщины и дети из числа свободных были заключены под стражу. О дальнейшей судьбе их можно только гадать. Что касается рабов-оенейцев, то они вместе с прочей добычей были отданы царем солдатам⁴⁴.

Эти массовые пополнения числа рабов должны были послужить мощным толчком к дальнейшему распространению рабского труда во всех отраслях хозяйства страны. Потеря Македонией независимости в 168 г. и превращение ее в провинцию в 148 г. явились внешнеполитическими факторами, усилившими развитие античных рабовладельческих институтов в экономике страны. Можно полагать, что нивелирующая политика римлян способствовала окончательной потере Македонией тех своеобразных черт, которые отличали хозяйство этого эллинистического государства

от экономики ее южных соседей. Данные процессы сказались в том числе и в области рабовладения — в римскую эпоху в Македонии рабский труд применялся так же широко, как и в превращенной в провинцию Элладе.

В заключение остановимся на двух вопросах. В период македо-римских войн некоторая часть населения страны попадала в плен и тем самым пополняла контингент рабов Средиземноморья. Так, например, граждане Абдеры были проданы в рабство римлянами, взявшими в 170 г. их город⁴⁵. Отдельные упоминания о рабах-македонянах в различных областях Средиземноморья⁴⁶ должны быть рассматриваемы как очень скудные известия о процессе, вероятно, имевшем большой размах: недаром халкидяне, жалуюсь сенату в 170 г. на бесчинства римских военачальников, говорили, что *libera corpora in Servituten) abrepta* (Liv. XLIII, 7, 10). Правда, в отдельных случаях сенат выносил постановления о том, чтобы проданные в рабство граждане были собраны и восстановлены в правах свободных. Так было решено о халкидянах и абдеритах (Liv., XLIII, 8, 7; 13). Но, вероятно, какая-то часть насильственно поработанных оставалась невольниками.

Второй вопрос — о рабах Македонии, участвовавших в восстании Андриска⁴⁷, выдававшего себя за сына Филиппа, в 149—148 гг. Тема эта выходит за границы нашей работы, однако заметим следующее: победы Андриска над испытанными во многих войнах римскими солдатами позволяют поставить вопрос о происхождении тех рабов, которые выступили под знаменем «сына Филиппа». Сила рабской армии Андриска могла основываться на том, что среди этих рабов было много лишь недавно поработанных римлянами македонян и фракийян.

Беглый обзор данных о рабовладении эллинского типа в Македонии III — первой половины II в. до н. э. дает некоторое представление лишь о территориальном распространении античных рабовладельческих институтов. Однако выяснить удельный вес античного рабства в Македонии, а также в соседней Иллирии будет возможно лишь после детального изучения всех существовавших в этих странах видов зависимости, а равно и их масштабов.

⁴⁵ Liv., XLIII, 4, 7, 8; Diod., XXX, 6; См. также: Н. Volk-mann. Die Massenversklavungen..., S. 26—27.

⁴⁶ Cic., Tusc., III, 22; Zonar., IX, 22.

⁴⁷ Polyb., XXXVI, 10, 2-5; Flor., Ep., I, 30; Eutrop., IV, 6-7; см. также: Н. Ф. Мурыгина. Сопротивление фракийских племен римской агрессии и восстание Андриска. — ВДИ, 1957, № 2, стр. 69—84.

⁴² Liv., XLIII, 19, 1: Perseus praesidio Uscanae inposito multitudinem omnem deditorum, quae prope numero exercitum aequabat, Stuberram abducit. ibi Romanis — quattuor milia autem hominum erant — praeter principes in custodiam civitatum divisit, Uscanensibus Illyriisque venditis, in Penestas exercitum reducit ad Oaeneum oppidum in potestatem redigendum. Ср. также: Polyb., XXVIII, 1—17 (так как Персей пошел на Ускану с 10 тысячами пехоты—12 тысячи легковооруженных+500 всадников=12 500 человек, то следует думать, что пленных усканян и иллирийян было около 7—8 тысяч).

⁴³ Ф. Папазоглу. Македонски градове. . . , стр. 216.

⁴⁴ Liv., XLIII, 19, 12: puberes omnes interfecti sunt; coniuges liberosque eorum in custodiam dedit; praedae alia militum cessere.

Е. С. Голубцова

РАБСТВО И ЗАВИСИМОСТЬ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о рабстве и рабовладении в Малой Азии III—I вв. до н. э. разработан далеко не достаточно. Это обстоятельство определяется в какой-то степени малым количеством источников для данного периода: в целом ряде городов и областей Малой Азии систематические раскопки еще не проводились. Особенно плохо обстоит дело по северным и ряду центральных областей — Вифинии, Понту, Фригии, Писидии и др. Имеет значение и то, что материал, полученный в результате раскопок (а это главным образом города Западной и Центральной Малой Азии и их хора), относится лишь к I—IV вв. н. э. Надписей, датируемых III—I вв. до н. э., значительно меньше, в ряде областей они насчитываются единицами. Думается, что данное положение сыграло существенную роль, определив недостаточную разработку вопроса в историографии: рабству в Малой Азии не посвящено ни одной специальной работы.

Вопрос о социальных отношениях в Малой Азии рассматривался в ряде книг как русских, так и зарубежных исследователей. В 1904 г. одним из первых русский ученый К. Хилинский опубликовал статью под заглавием «Λαοί в Малой Азии»¹. В этой работе говорится о тех крестьянах Малой Азии, которые обрабатывали царские земли и уплачивали государству налоги. Однако в своей небольшой статье К. Хилинский не выдвигает никаких общих вопросов о том, какой характер имело социальное положение тех λαοί, жизнь которых он описывает.

¹ ЖМНП, т. II, 1904, № 3, стр. 106—112.

Несколькими годами позже статьи Хилинского, в 1910 г., вышла работа М. И. Ростовцева, посвященная изучению истории колоната². В ней значительное внимание автор уделяет и социальным отношениям в Малой Азии эпохи эллинизма. Точка зрения М. И. Ростовцева не отличается четкостью и определенностью. Она вытекает из его общей концепции о роли феодализма в эллинистических государствах.

С одной стороны, в своей книге о колонате М. И. Ростовцев отмечает, что после смерти Александра феодальный строй сохранился только в самых отсталых районах Малой Азии³. С другой стороны, в статье о римском колонате, появившейся 15 лет спустя⁴, как и в «Studien...», говорится, что «многие феодальные владения (Lehn herrschaften) и храмовые территории сохраняют до римской эпохи свое старое устройство»⁵. Что же понимал М. И. Ростовцев под феодализмом и как он его себе представлял? Он считал, что феодальным государством является такое, во главе которого стоит король (ein König), его alter ego — главный судья и генералиссимус — и три привилегированных класса — жрецы, военные и земельные собственники, а сельскохозяйственный базис всего — лаой⁶. М. И. Ростовцев полагал также, что Селевкиды, основывая новые города и приписывая к ним царские земли, разрушали феодальную структуру государства и создавали «einen wirklich modernen Staat»⁷. Следовательно, в представлении М. И. Ростовцева применительно к эллинистической Малой Азии существовали две структуры. Первая структура — феодальная. Характерный признак ее Ростовцев видит в принадлежности царю всей без исключения земли в государстве. Вторая структура, которую он называет «новой» и более точно не определяет, характеризуется преимущественным полисным землевладением. Для того чтобы оправдать наличие первой ступени этого деления, М. И. Ростовцев вынужден преувеличивать значение политики Селевкидов по отношению к городам и приписывать ей ту роль, которой она на самом деле не играла⁸. Чутье историка подсказывает ему, что при Селевкидах феодализма не было, поэтому Ростовцев старается показать, что феодализм ликвидировали Селевкиды, до них же он якобы существовал.

² M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig—Berlin, 1910.

³ Ibid., S. 309.

⁴ М. И. Ростовцев. Римский колонат. Приложение к кн.: М. Вебер, Аграрная история древнего мира. М., 1925, стр. 415—416.

⁵ M. Rostowzew. Studien..., S. 256.

⁶ Ibid., S. 281.

⁷ Ibid., S. 256.

⁸ Это приводит его к следующему категорическому выводу: «Die Politik der Seleukiden der χώρα βασιλική besteht also darin, daß diese χώρα allmählich durch Schenkungen und Verkäufe in die Stadtterritorien inkorporiert wird» (ibid., S. 256).

Исходя из общего вывода о двух структурах в эллинистической Малой Азии, М. И. Ростовцев видит принципиальную разницу между положением населения, принадлежавшего городу, и населения, сидевшего на царской земле. Он считает, что превращение сельского поселения (*χωρίον*) в город было принципиальным шагом (*prinzipiellen Schritt*)⁹, влекшим за собой изменение положения сидящего там населения. Впоследствии эта мысль, высказанная М. И. Ростовцевым без достаточной аргументации, была принята большинством как советских, так и зарубежных исследователей, занимавшихся историей Малой Азии¹⁰.

Однако М. И. Ростовцев, исходя из предвзятой общей концепции о феодализме в Малой Азии, в ряде конкретных вопросов приходит тем не менее к выводу о наличии здесь эллинистического периода рабовладельческих отношений. В частности, например, при Эвмене были, по его мнению, «*nur wirkliche Sklaven und nicht auch die leibeigene Bevölkerung der zu den Burgen gehörenden Dörfer gemeint ist*»¹¹, что противоречит его общей концепции о феодализме в Малой Азии эллинистического периода, но отвечает данным историков.

Далее. В своей обобщающей работе по истории эллинизма М. И. Ростовцев пишет: «В Милете. . . рабским трудом широко пользовался как город, так и частные лица»¹². Несколько ниже: «Количество рабов в Геракле на Латме было также большим». Ростовцев утверждает, что «на Родосе рабское население было очень многочисленным»¹³. В Приене «кроме сельскохозяйственных рабов имелось значительное число городских рабов»¹⁴. Эти примеры можно было бы значительно умножить. Таким образом, получается, что М. И. Ростовцев, с одной стороны, всюду говорит о феодализме в эллинистических странах, но, с другой, — безоговорочно выдвигает тезис о большой роли рабов в экономике тех же эллинистических стран.

Не дается четкого представления о социальных отношениях эллинистической Малой Азии и в работе Е. Бикермана, посвященной империи Селевкидов¹⁵. У него нет ясности в том, кто такие были лаой. С одной стороны, он пишет, что это «*paisans d'Origine indigene*», что они «*ne sont pas des esclaves*». Давая такое негативное определение, Е. Бикерман считает, что *λαοί* правильное всего было бы определить латинским термином «*vici adscripti*». «Это крепостные (*serfs*), прикрепленные к земле»¹⁶. В то же время

Е. Бикерман считает, что сельские жители не являлись крепостными их владельца, а были членами общины, которая уплачивала форос. Таким образом, в представлении Е. Бикермана нет четкости в том, в какой степени лаой были зависимы и от кого именно. Категорично он утверждает лишь одно — что лаой не были рабами.

Характерной для западной буржуазной историографии на социальные отношения в Малой Азии является точка зрения, сформулированная четко и определенно А. Джонсом¹⁷. Он говорит: «В некоторых частях страны племенная организация была сломлена и заменена так называемой феодальной системой. Деревни были собственностью господ (*lords*). Крестьяне были рабами, прикрепленными к земле, обязанными платить ренту и оказывать услуги своим хозяевам. Это положение дел, как известно, существовало в эллинистический период, а также и при персах во внутренней Троаде и Западной Мисии. . . Подобное же положение существовало на территориях некоторых греческих городов». По мнению А. Джонса, «крепостное право на территориях греческих городов возникло определенно в результате завоевания городом соседних варварских общин»¹⁸. В данном вопросе А. Джонс высказывает мнение, противоположное взгляду М. И. Ростовцева, который считал, что уже одно прикрепление к городу делало крепостного крестьянина свободным. Наряду с этим А. Джонс допускает полное смешение различных социальных категорий, относившихся к различным эпохам: у него рабы превосходно сосуществуют с крепостными.

Касаясь вопроса о социальном составе населения, Д. Меджи отмечает, что как сама Малая Азия была страной больших природных контрастов, так и ее население в эпоху эллинизма представляло резкий контраст между греками с их торговлей, промышленностью, сложным политическим устройством, местными жителями городов, более или менее эллинизованными и урбанизированными, и трудящимися крестьянами сельских районов¹⁹. Относительно этого сельского населения Д. Меджи повторяет точку зрения, высказанную М. И. Ростовцевым в его работе, посвященной истории эллинизма. Он также считает, что владения царей и крупных земельных собственников обрабатывались крепостными, которые платили ренту деньгами или натурой. По мнению Д. Меджи, в отличие от раба личность крепостного не принадлежала владельцу земли, но он сам и его имущество были приписаны к земле и с переменой владельца земли крепостной переходил к новому хозяину. Д. Меджи, как и М. И. Ростовцев, говорит о том, что в течение III в. до н. э. эта система крепостни-

⁹ М. Rostowzew. Studien. . . , S. 256.

¹⁰ См., например: А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 105.

¹¹ М. Rostowzew. Studien. . . , S. 253.

¹² М. Rostovtzeff. SEHW, p. 670.

¹³ Ibid., p. 691.

¹⁴ Ibid., p. 806.

¹⁵ E. Bickerman. Institutions des Seleucides. Paris, 1938.

¹⁶ Ibid., p. 178.

¹⁷ A. H. M. Jones. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937.

¹⁸ Ibid., p. 39.

¹⁹ D. Magie. Roman Rule in Asia Minor, v. I—II. Princeton, 1950.

чества (serfdom) постепенно сходил на нет²⁰. Причины этому он также видит в увеличении числа городов и тем самым в уменьшении царских владений. Однако почему именно обработка принадлежавшей царю земли была связана с крепостничеством, а обработка земли, принадлежавшей городу, — с переходом к свободному труду — оба исследователя не говорят. Таким образом, в представлениях буржуазных ученых о социальном строе Малой Азии нет ни определенности, ни единства²¹.

Не ясна точка зрения М. И. Ростовцева и А. Джонса в вопросе о переходе царских земель к городам. Допустим, что Селевкиды владели землей на основе крепостнических отношений. А как же последние изменялись при приписке этих земель к полисам? Какие социальные отношения заменяли «отживший уже» феодальный строй? Что это за «новый» порядок, понятие о котором вынужден ввести М. И. Ростовцев, чтобы свести концы с концами? На все эти вопросы в работах буржуазных историков не дается никакого ответа.

Против этой концепции выступают советские историки, которые в своих работах, посвященных Малой Азии, исходят из того, что социально-экономические отношения в Малой Азии основывались на рабовладении и эксплуатации рабского труда.

В первую очередь это относится к работам А. Б. Рановича, которые носят ярко выраженный полемический характер: автор выступает против точки зрения М. И. Ростовцева и других ученых, считавших, что в эллинистических монархиях господствовал феодальный строй. Критикуя точку зрения М. И. Ростовцева, А. Б. Ранович говорит, что тот не ставит самого коренного вопроса — о характере земельной собственности, «между тем без решения этого вопроса всякие рассуждения о феодализме остаются беспочвенными»²².

Анализируя эпиграфические памятники эллинистической Малой Азии, А. Б. Ранович приходит к выводу, что «... приведенные документы не дают основания говорить об элементах крепостничества или феодализма в эллинистической Малой Азии. Только неправильная презумпция побуждает некоторых исследователей с необычайной легкостью расширять круг феодальных понятий, которые они применяют к эллинистической Малой Азии»²³. Однако А. Б. Ранович, ставя вопрос о характере господствовавшей в эллинистической Малой Азии формации, не касается проб-

лемы рабства и ограничивается в своих работах изучением положения зависимого населения, лаой.

А. Б. Ранович считает, что лаой не были ни рабами, ни крепостными²⁴, что «*λαοί* следует переводить „мужики“, „люди“, „люди“, как именуются непосредственные производители на земле у многих народов»²⁵, что «*λαοί* или *γεωργοί βασιλικοί* были лично свободны, что в эллинистической Малой Азии не было феодальной земельной собственности и не существовало самодовлеющих феодальных поместий»²⁶.

В отличие от А. Б. Рановича И. С. Свенцицкая, посвятившая специальную статью зависимому населению Малой Азии²⁷, не ставит вопроса о том, кто были лаой — рабы или крепостные, какова была их формационная принадлежность. В этой статье понятие «зависимость» берется как нечто неизменное, не раскрываются различные формы этой зависимости, не определяется, в чем именно она заключалась.

Автор не затрагивает целого ряда моментов, имеющих важное значение для изучаемой им темы. В частности, очень мало говорится о том, откуда взялось сельское население, сидевшее на землях городов, — о педиеях Приены и о фригийцах — жителях хоры Зелее. А между тем, чтобы избежать такого абстрактного термина, как «зависимое население», можно было бы сказать о них более конкретно, если привлечь имеющиеся в нашем распоряжении данные эпиграфики и античных авторов (в первую очередь Страбона). Свенцицкая считает также, что положение зависимого населения изменялось при приписке его к городу, однако не прослеживает, в чем именно заключались эти перемены.

И. С. Свенцицкая, как и А. Б. Ранович, не делает различия между положением сельского населения на частных землях, приписанных к полису, и населения, искони сидевшего на землях, принадлежавших городу.

Таким образом, знакомство с литературой по эллинистической Малой Азии позволяет наметить круг проблем, еще недостаточно разработанных в историографии.

Во-первых, вопрос о рабстве и рабовладении в эллинистической Малой Азии лишь попутно ставился в общих трудах, ему не посвящено ни одной специальной работы. Нет ни одной статьи, в которой бы специально говорилось о характере рабовладельческих отношений в городах Малой Азии эпохи эллинизма. Не разработан вопрос о том, как именно применялся в экономике города труд рабов, было ли основано на рабском труде ремесленное производство, владел ли город общественными рабами, так

²⁰ D. Magie. Roman Rule..., p. 144.

²¹ Вопросы социальных отношений в Малой Азии мало затрагиваются и в целом ряде работ, вышедших за последние годы, например в работе: F. Börner. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, Bd. I—III. Wiesbaden, 1955—1963.

²² А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 31.

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ А. Б. Ранович. Эллинизм. . ., стр. 155.

²⁵ А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне. . ., стр. 36.

²⁶ Там же, стр. 38.

²⁷ И. С. Свенцицкая. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма. — ВДИ, 1957, № 3, стр. 91 сл.

называемыми **δημόσιοι**, и каковы были их функции. Сколько имелось частных рабов, чем определялись их обязанности? К этой же группе вопросов примыкает и вопрос о наличии помимо рабской и различных форм зависимости неполноправного городского населения, обозначавшихся уже не **δουλοι**, а **πάροικοι**, **μέτοικοι**, **ξένοι** и др. Не изучена роль **δουλοι** в сельском хозяйстве и рабов на царских землях, на той **χώρα βασιλική**, которая принадлежала непосредственно царю. Неясно, каково было количество рабов в сельской местности, как они использовались, имели ли рабы право на свое хозяйство и т. д. Неясно, можно ли ставить знак равенства между положением **λαοί** и **γεωργοί**, было ли различие в положении лаой, принадлежавших полису, и лаой частных владельцев, каковы были формы зависимости городского и сельского населения Малой Азии. Не на все эти вопросы можно дать однозначный ответ, не все они в одинаковой степени обеспечены источниками.

Важнейшим и труднейшим из них является вопрос о рабстве и соотношении его с различными формами зависимости. Как справедливо замечает А. Б. Ранович, «древность — не только восточная, но и античная — знает различные формы зависимости земледельца»²⁸. Нельзя поэтому весь вопрос о сложных и запутанных социальных отношениях в Малой Азии сводить лишь к тому, были лаой рабами или крепостными.

Несомненно также, что зависимое население не было чем-то единым. Нужно поэтому, привлекая различные источники, в первую очередь эпиграфические, поставить вопрос о различных формах и категориях зависимости, дифференцировать положение тех непосредственных производителей, которые были заняты в сельском хозяйстве, ремесле, торговле и других отраслях хозяйственной жизни. На данном этапе изучения вопроса важно не столько констатировать рабство и зависимость, сколько проследить наличие различных форм рабства и зависимости, их многообразие и специфику.

Глава I

КАТЕГОРИИ ЗАВИСИМОГО НАСЕЛЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

Эпиграфические памятники эллинистической Малой Азии изобилуют большим количеством терминов, за каждым из которых скрываются различные социальные категории и отношения. Это касается не столько рабства, сколько в значительно большей сте-

пени тех переходных форм зависимости, в которых не было полной свободы, но не было и полного рабства, говоря словами автора одной из недавно вышедших в свет работ, — **μεταξύ ελευθέρων και δούλων**¹.

Чрезвычайно важно разобраться в многообразной и пестрой картине социальных отношений в городе и в сельской местности, попытаться хотя бы предварительно определить, какая именно категория населения скрывается за теми или иными терминами. Изучение терминологии должно вестись на основе анализа конкретно-исторического весьма многообразного эпиграфического материала Малой Азии, но не должно быть самоцелью.

Кроме того, при выделении различных социальных категорий, и в том числе категорий зависимого населения, надо проявлять большую осторожность и учитывать, что наши требования при определении тех или иных понятий далеко не всегда соответствуют представлениям, которые имели место две тысячи лет тому назад. В частности, следует отметить наличие большого количества различных подразделений и нечеткость определения некоторых из них, что часто затрудняет возможность каких-либо обобщений.

Для удобства изложения целесообразно изучать по отдельности формы рабства и зависимости в городах и в сельской местности. Однако подобное разграничение категорий в значительной мере условно; выделение той или иной категории из общей массы зависимого населения уже само по себе носит черты условности. Еще более условно относить данную категорию только к городскому или только к сельскому населению: ведь ойкеты и андраподы, например, катойки и паройки встречались как в городах, так и в сельской местности. Поэтому, принимая подобную классификацию, приходится делать это лишь из соображений практических.

При выделении различных категорий зависимого населения Малой Азии имеется еще одна трудность. Прямые указания на социальное положение того или иного лица, в частности на его рабское происхождение, в эллинистических надписях встречаются сравнительно редко, а вопрос о тех принципах и критериях, которые бы позволили отделить зависимое от полноправного сельского и городского населения Малой Азии, сложен и неразработан.

А. Г. Периханян, например, большое значение при определении социального положения того или иного лица на храмовых землях придает этнику или демотикону. Она считает, что категория **ἱεροί**, «жившая на храмовой территории, стояла вне общины, ибо все члены храмовых общин, как правило, имеют

²⁸ А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне. . . , стр. 31.

¹ Это название носит работа Д. Лотце, имеющая подзаголовок: «Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum 4. Jh. v. Chr.». Berlin, 1959.

демотикон (или этникон)»². Однако автор отмечает, что, не будучи членами общин в храмовых деревнях, *ἑτοί* не являлись и рабами. Подобная постановка вопроса интересна в методическом отношении: на храмовых землях существует промежуточная между рабами и общинниками категория жителей, имена которых даются без этникона или демотикона. Следовательно, не всегда лиц, не имеющих этникона, можно безоговорочно определять как рабов. Интересно наблюдение, которое делает К. М. Колобова на материале Северного Причерноморья³ и которое применимо и к Малой Азии: уроженец какого-либо города или местечка, уезжая из родных мест, обязательно имел этникон, при этом тем более подробный и «пышный», чем дальше тот находился от своей родины. Можно, например, вспомнить одного врача, имевшего этникон: *ὁ ἐκ τῆς Σαλβάκης Ἡράκλειας τῆς ἐν Καρίᾳ ἰατρός* (Suid., s. v. Heracl.).

Одним из критериев рабского положения того или иного лица может, конечно, служить отсутствие или наличие патронимикона, поскольку в эпиграфике эллинистической Малой Азии имена рабов обычно упоминаются без имени отца. Однако в ряде случаев это правило нарушается⁴, особенно в сельских местностях. В надписи Мнесимаха⁵, например, перечисляются имена рабов-ойкетов: Эфес, сын Адраста, Кадой, сын Адраста, Гераклид, сын Белетра, Тюий, сын Манея, сына Каика. Рабы эти упоминаются с именами отцов, а один из них — даже с именем деда. Следует иметь в виду, что при определении критериев обозначения рабства и зависимости к городу нужно подходить иначе, чем к сельской местности. В эпиграфике городов не встречается случаев, где бы раб упоминался с именем его отца, что свидетельствует, видимо, о развитых рабовладельческих отношениях. При более отсталых, патриархальных отношениях существовавших в деревнях, рабы, которые искони сидели на одних и тех же участках земли и которых знала вся округа, упоминаются с именем их отцов, а иногда и дедов.

В городах эллинистической Малой Азии основными социальными категориями были граждане, чужестранцы и рабы. Первая категория, как правило, обозначалась термином *οἱ πολῖται* (однако были и другие названия, например *ἱσάρχαι*, как то имело место в Илионе⁶), вторая — *ἑτοί*, третья — *δουλοὶ*. Эти категории в го-

родах были четко разграничены, например переход из категории *ἑτοί* в *πολῖται* имел место лишь в исключительных случаях, для этого нужны были какие-то чрезвычайные обстоятельства. В Илионе, например, *πολίτης* мог стать лишь ксен, убивший тирана (OGIS, № 218). Права гражданства, но без приписки к филе получал за убийство тирана и раб. Помимо того, он считался *εὐτίμος*⁸.

Рабы в городах обозначались различными терминами — *δουλοὶ*, *ἀνδρόποδα*, *σάματα*, *παῖς*, *δημόσιοι*, *δοῦλοι οἰκτρόφιοι*, *οἰέται* и др.

Возможно, что *δοῦλοι* в городах — это обобщенное понятие для различных видов рабов. Как отмечал Я. А. Ленцман на материале классической Греции, термин *δουλος* следует определять «как понятие, противостоящее *ἐλεύθερος*, т. е. обозначающее всякого несвободного человека»⁷. Видимо, в таком же плане встречается противопоставление *πολῖται*—*δουλοὶ* в надписях городов Малой Азии.

Термин *δουλος* упоминается в официальных городских декретах, принимаемых от имени совета и народа в тех случаях, когда что-либо надо было запретить, кого-то за что-то наказать. Например, в надписи из Пергама налагаются различные штрафы на лиц, загрязнявших общественные источники. Наиболее суровая кара — удары бичом и колодки — угрожают именно рабу (OGIS, № 483).

Встречается в надписях городов Малой Азии и термин *ἀνδρόποδα*. Я. А. Ленцман считал, что «слова „дул" и „андрапод" далеко не были синонимами. . . Первое из этих слов означало человека несвободного, но все же человека; второе же обозначало только вид имущества — *instrumentum vocale*»⁸. В малоазийских надписях эллинистического времени смысл этого термина более широк.

С одной стороны, например, андраподы теосских надписей имеют право заниматься торговлей и ремеслом, они так же, как и свободные, получают ателию на торговлю производимыми ими изделиями. Андраподам дается право беспошлинно ввозить пурпур для окраски шерстяной материи. Все эти черты свидетельствуют о некоторых льготах в положении андраподов, могущих иметь свое «предприятие». Однако наряду с этим андраподы Теоса четко отграничиваются в надписях от свободных, даже занимавшихся самыми «низкими» профессиями, такими, например, как уход за скотом или разведение свиней.

С другой стороны, имеется ряд надписей из полисов Малой Азии, в которых андрапод — это только *instrumentum vocale*. Он

² А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, стр. 108.

³ К. М. Колобова. Политическое положение городов в Боспорском государстве. — ВДИ, 1953, № 4, Стр. 53.

⁴ W. H. Buckler, D. M. Robinson. Greek Inscriptions From Sardes. — AJA, XVI, 1912, № 1.

⁶ В надписи о тиранической власти начала III в. до н. э. — OGIS, № 218. Диттенбергер в комментарии к этой надписи термин *ἱσάρχαι* передает как *magistratus*.

⁸ В трактовке Диттенбергера — *honorum sacra*.

⁷ Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 53.

⁹ Там же, стр. 59.

не включается даже в обычное, принятое в городах трехчленное деление на граждан, ксенов и рабов. Ἀνδράποδα в отличие от δοῦλοι упоминаются вместе с другим имуществом — землей, домами, скотом⁹. Термин ἄνδράποδα в значении instrumentum vocale встречается в надписи из Байтокайки, где говорится об ἀνδράποδα δέ καὶ τετράποδα χαῖ I λοιπὰ ζῶα. Трудно более ясно и лаконично дать характеристику положения андраподов и их места на ступенях социальной лестницы. В надписях часты упоминания о бегстве андраподов из неволи — τῶν ἀνδράποδων τῶν ἀποδράντων¹⁰.

В эллинистических надписях Малой Азии часто встречается термин σῶμα, σώματα. Я. А. Ленцман показывает эволюцию, которую этот термин прошел на протяжении античности. В частности, автор отмечает, что «в классическую эпоху понятие σῶμα . . . становится равнозначным латинскому corpus», и «только во время перехода к эллинизму σῶμα начинают применять в его специфическом интересующем нас значении по отношению к рабам вначале с прилагательным δοῦλος в выражении δοῦλα σώματα и, наконец, в том же значении уже без определения, просто как σώματα»¹¹.

Эта двойственность в употреблении термина σῶμα, отмеченная Я. А. Ленцманом, может быть прослежена и на эпиграфическом материале Малой Азии. С одной стороны, жителей деревни карданов около Тельмесса (Ликия) называют σώματος ἐνγλήκων. Контекст надписи позволяет с уверенностью сказать, что здесь σῶμα — не рабы, а свободные сельские жители, владевшие земельными участками. Есть аналогичные случаи в надписях Пафлагонии¹² конца I в. до н. э., когда жители клянутся в верности императору и говорят, что ради него не пожалеют ни тела (σώματος), ни души, ни жизни, ни детей¹³. Здесь термин σῶμα не имеет никакого социального содержания¹³. Термин σῶμα употреблялся также без социального значения и в смысле «покойник», «мертвое тело». Так, например, подвергался штрафу тот, кто выбрасывал из могилы мертвеца (σῶμα), а могилу предназначал себе¹⁴.

Однако наряду с этим термин σῶμα в эпиграфике эллинистической Малой Азии использовали, вне всякого сомнения, и в значении «раб». Так, например, ателию на ввоз своих рабов (σώματα) в город и на вывоз из города получает их владелец Ларих, сын Леомедона¹⁵. В городах рабы, живущие в домах частных лиц, —

видимо, домашние рабы — называются οἰκετικὰ σώματα. М. И. Ростовцев видит в них противопоставление городским рабам, δημόσια, но, правда, ничем свою точку зрения не аргументирует¹⁶. Σώματα называют тех рабов, которых Эвмен II в середине II в. до н. э. отправил в Дельфы для восстановления общественных сооружений (Syll.³, № 671B, 12sq.).

Подобная двойственность термина σῶμα имела место в сочинениях авторов более раннего времени, например у Ксенофонта (Hell., II, 1, 19), говорящего об εὐθέρα σώματα, уведенных в рабство Лисандром. Позднее, в первые века н. э., появляется термин σωματέμπορος в значении «работоторговец» (OGIS, № 524), что не оставляет сомнений в социальном значении слова σῶμα в римский период. Уже Плутарх (Eum., 8) упоминает его в контексте, где, без сомнения, слово σῶμα обозначает «раб» — σωματῶν καὶ Βοσκημάτων γενοόμενος.

В эллинистических городах в значении «раб» употреблялся также термин παῖς. Не случайно поэтому повторение в надписях слов τοὺς ἐλευθέρους παῖδας¹⁷, что говорит и о наличии παῖδας невольных, т. е. рабов¹⁸. В надписях II в. до н. э. встречается и термин παιδίση (Syll.², № 846)¹⁹. Интересен термин παιδὸςπαῖδα (IGBR, IV, № 11 и 69).

В более позднюю эпоху, в первые века нашей эры, слово παῖς со значением «раб» употребляется сравнительно часто — только из Митилены, например, известно около 20 надписей (IGRR, IV, № 25sq.). В эпоху христианства это слово приобрело и другое значение — «сын божий». Вплоть до самых поздних времен слово παῖς употреблялось со значением «сын», что имело место и в официальных текстах. Достаточно, например, сказать, что в лесбосских декретах после имени императора указывалось, что он был παῖς такого-то — например Αυτοκράτορα Τιβερίου [καίσαρα θεῷ Σεβαστῷ παῖδα Σεβαστῶν (IG, XII, II, № 539)].

Одной из категорий рабов в эллинистических полисах Малой Азии были δημόσιοι, общественные рабы²⁰. Они выполняли многочисленные функции в городах, в частности были ὀπλοφύλακες BMH, как о том свидетельствует декрет из Баргии (IGRR, IV, № 733, 736). В некоторых случаях их называли δημοσίων ὀπλοφυλάκων (LBW, III, № 495).

⁹ OGIS, № 218, lin. 60—62 — илионская надпись начала III в. до н. э., запрещающая покупать у тирана μήτε γῆν, μήτε οἰκίαν, μήτε χτήνη, μήτε [ἀνδ]ράποδα.

¹⁰ В Египте аналогичное понятие определяется δοῦλους τοὺς κατακρεύοντας (OGIS, № 736, II или I в. до н. э.).

¹¹ Я. А. Ленцман. Указ. соч., стр. 61.

¹² Например, OGIS, № 532.

¹³ В таком же смысле употреблялся при дворах эллинистических царей термин σωματοφύλαξ — «телохранитель» (например, OGIS, № 329 и 747).

¹⁴ BCH, XXIV, 1900, p. 375, № 15.

¹⁵ IPr., № 18 = OGIS, № 215.

¹⁶ M. Rostovtzeff. SEHWW, p. 670.

¹⁷ OGIS, № 309, 764; Syll.², № 365, lin. 23. В надписи Syll.³, № 578 характерно упоминание о деньгах, пожертвованных неким лицом εις τὴν παιδείαν τῶν ἐλευθέρων, παίδων.

¹⁸ См. также: Syll.³, 798.

¹⁹ Эта надпись не вошла в Syll.³

²⁰ Этот термин, видимо, не всегда обозначал рабское состояние, поскольку в надписях Египта встречаются δημοσίους γεωργούς, δημοσίους γραμματοφυλάκους (OGIS, № 669, lin. 32). В более поздних надписях Малой Азии он дается с определением δημόσιος δοῦλος (OGIS, АГ 484, lin. 45—49).

Кроме всех перечисленных выше категорий рабов имеется и еще одна градация в эпиграфических источниках Малой Азии — это подразделение рабов на частных и общественных ($\text{ιδιωτικὰ καὶ δημόσια}$).

В картине социальных отношений Малой Азии эпохи эллинизма обращает внимание сравнительно малое количество вольноотпущенников. Это обстоятельство представляется особенно разительным при сопоставлении с первыми веками нашей эры, когда термин $\alpha\pi\epsilon\lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\varsigma$ встречается в эпиграфике Малой Азии повсеместно. В надгробных надписях, например, обычно говорится: «Сделано для себя, детей, потомков и вольноотпущенников» ($\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\varsigma καὶ τέκνοις καὶ ἐγγόνοις καὶ ἀπελευθέρους$)²¹. Самые ранние из надписей этого типа датируются I в. н. э., а до того встречаются лишь единичные случаи²².

Таким образом, рабы в городах обозначались самыми различными терминами. Каждый из них имел свое значение и специфику. Наиболее общим и менее конкретным был $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma$, чаще встречающимися — $\alpha\omicron\upsilon\mu\alpha$ и $\alpha\acute{\alpha}\delta\rho\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\delta\alpha$. Некоторые из этих терминов, например $\alpha\omicron\upsilon\mu\alpha$ и $\mu\alpha\varsigma$, имели двойкий смысл и далеко не всегда употреблялись в значении «раб». Поэтому без исследования конкретного материала лишь на основании этих терминов нельзя делать никаких выводов о рабовладении в городах эллинистической Малой Азии.

Упоминавшиеся выше социальные категории — $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\iota$, $\alpha\acute{\alpha}\delta\rho\alpha\tau\epsilon\lambda\epsilon\delta\alpha$, $\alpha\omicron\upsilon\mu\alpha$, $\mu\alpha\varsigma$, $\omicron\iota\alpha\iota\tau\alpha$ — это разновидности встречающихся в городах Малой Азии рабов. Их надо четко отличать от других социальных категорий в городах — ксенов, паройков, катойков и других, имевших хоть и ограниченные, но политические права.

$\Xi\epsilon\nu\omicron\iota$ по своему юридическому и фактическому положению резко отличались от $\mu\omicron\lambda\iota\tau\alpha$. Они подразделялись на две категории: ксенов-чужестранцев, живущих в данном городе постоянно, и чужестранцев, являющихся там временно. Последние обычно в надписях обозначались как $\mu\alpha\rho\epsilon\tau\iota\delta\eta\mu\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$. О ксенах правильнее говорить — «неполноправное» население в отличие от рабов — «бесправного» населения, поскольку какие-то политические права они имели. Так, например, ксены на Родосе наряду с гражданами участвовали в выборах хорегов. Эти ксены назывались «живущими и обрабатывающими землю полиса Линда» (IG, XII, I, № 762). Видимо, речь шла о тех чужеземцах, которые жили там постоянно. Временно жившие в городах ксены, возможно, права выбора хорегов не имели.

²¹ Например, КР, I, № 22 — II в. н. э.

²² Известно, например, что в 197 г. до н. э. некто Дамеас, управляющий строительными работами Атгала (II?) в Дельфах, отпустил на волю свою рабыню (Syll., № 846).

Одной из категорий населения эллинистической Малой Азии были паройки. Самый термин $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\epsilon\omega$ словарем Лидделла—Скотта определяется как «live near» — «жить около, рядом», а $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$ — «dwelling beside or near, neighbouring» — «живущий рядом или близко». Авторы словаря в латинском языке видят аналогию этому термину в слове *inquilinus*.

Относительно категории $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\iota$ и ее социального положения в историографии нет единого мнения. Наиболее распространенной в литературе является точка зрения, что термин $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\epsilon\omega$ для Малой Азии — синоним $\mu\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\epsilon\omega$. Ее придерживаются В. Шапо²³, А. Джонс²⁴, Уэллз²⁵. М. И. Ростовцев прямо отмечает, что «мы мало знаем о паройках и катойках»²⁶. А. Б. Ранович считал паройков сельскими жителями, переселившимися в город после присоединения к нему сельской территории и не получившими прав гражданства²⁷. Единственная в историографии специальная статья на эту тему принадлежит И. С. Свенцицкой. И хотя автор не дает в итоге своего исследования четкого определения того, что он понимает под термином $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$, однако статья содержит целый ряд интересных наблюдений. И. С. Свенцицкая убедительно показывает, что «категория пареков связана обязательно с жизнью города, а не сельской местности: весь контекст надписей, в которых говорится о пареках, скорее указывает на какую-то группу, связанную с городской жизнью Малой Азии»²⁸.

Таким образом, вопрос о смысле термина $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$ можно решить лишь на конкретно-историческом материале. В настоящий момент следует только отметить, что паройки часто упоминались в надписях Малой Азии и были, видимо, сравнительно многочисленной категорией населения городов.

В эпиграфике эллинистической Малой Азии многократно встречаются термины $\mu\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota$, $\mu\alpha\tau\omicron\iota\kappa\iota\alpha$, $\mu\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$. Специального анализа этих понятий в литературе дано не было, однако принято считать, что данные термины являются идентичными. Начало такому пониманию положил М. И. Ростовцев, который в 1910 г. в своей работе о римском колонате писал: «Diese $\mu\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota$ oder $\mu\alpha\tau\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\nu\tau\epsilon\varsigma$ wohnen in Dörfern»²⁹, ставя между этими двумя кате-

²³ V. Chapot. La province Romaine proconsulate d'Asie. Paris, 1904, n. 179 s.

²⁴ A. H. M. Jones. Greek Cities from Alexander to Justinian. Oxford, 1937, p. 160.

²⁵ RC, p. 53.

²⁶ M. Rostovtzeff. СЕННУ, р. 509.

²⁷ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950, стр. 105.

²⁸ И. С. Свенцицкая. Категория $\mu\alpha\rho\omicron\iota\kappa\iota$ в эллинистических полисах Малой Азии. — ВДИ, 1959, № 2, стр. 153. Ту же точку зрения высказал Ортель (см. RE, NБ. 21, 1921, Sp. 1—26, s. v. Katoikoi).

²⁹ M. Rostowzew. Studien. ..., S. 262.

горящими знаком равенства. Не делает М. И. Ростовцев различия между терминами κατοικοι и κατοικοιυτες в своей более поздней работе, посвященной истории эллинизма. Так, например, говоря о Родосе, он пишет, что κατοικοιυτες были местными жителями и принадлежали к его доэллинистическому населению³⁰.

Остановимся еще раз на характеристике этих трех терминов. В словаре Лидделла—Скотта даются следующие, правда недостаточно конкретные, определения: ο κατοικος — «inhabitant», κατοικία — «a dwelling-place, habitation, settlement, colony», слово κατοικοιυτες отсутствует вовсе.

При анализе этих терминов важно учитывать ряд моментов. Первые два термина имеют четко ограниченные хронологические рамки и впервые встречаются только со времени диадохов. Κατοικία первоначально употребляется лишь в значении «поселение македонян», а κατοικος — житель этого поселения. Тем самым можно сказать, что оба термина первоначально имели идентичный характер.

Нужно проследить, в какой мере третий термин идентичен первым двум. Термин κατοικοιυτες в эпиграфике Малой Азии встречается повсеместно. Им полны надписи, найденные как в городах, так и в сельской местности в эллинистическую и римскую эпохи.

На основании данных эпиграфики можно сказать, что значение термина κατοικοιυτες было двояко. С одной стороны, имеется большое количество надписей, в которых κατοικέω переводится как «населять», «жить». Так, например, в одной из самых ранних надписей эпохи эллинизма, относящейся к 334 г. до н. э., Александр Македонский, обращаясь к приенцам, живущим в Навлохе, употребляет термин κατοικοιυτων в значении «обитатель»,³¹ «населитель», не вкладывая в него никакого социального значения. В том же смысле κατοικέω — «жить» встречается в одной из эфесских надписей 48 г. до н. э., где говорится о αἱ ἄλλαι Ἑλληνικά! πόλεις αἱ ἐν τῇ Ἀσίᾳ κατοικοδοσαι³². Применительно к греческим городам термин этот употреблен, безусловно, без какого-либо социального звучания — просто в смысле «быть расположенными», «находиться». В том же смысле он применяется по отношению к воинам, находившимся (или жившим) в полисе и хоре Пергама (OGIS, № 338 — τῶν στρατιωτῶν τοῖς κατοικοῦσιν τῇ πόλει καὶ τῇ χώρᾳ). Интересно в одной из пергамских надписей (IGRR, IV, № 330) выражение οἱ τῶν ἀκρόπολιν κατοικοιυτες — «живущие на акрополе» или «населяющие акрополь».

Подобное значение этого термина не исчезает вместе с эпохой эллинизма — оно встречается и в значительно более позднюю эпоху,

например в первые века нашей эры. В одной из карийских надписей говорится о «живущих на той самой земле» (τῶν κατοικοῦντων ἐν τῇδε τῇ γῇ)³³, которой они владели с древнейших времен. В надписи из Скаптопарены, датируемой временем правления Гордиана III, говорится о тех, кто жил в деревне (κατοικεῖσθαι... τὰς χώρας — Syll.³, № 888). Тот же термин κατοικέω в смысле «жить», «обитать» встречается и в других, далеких от Малой Азии районах, в частности в Мессене³⁴; с подобным же значением он упоминается в Египте³⁵. Таким образом, все перечисленные выше примеры показывают, что термин κατοικοιυτες употреблялся в Малой Азии для всех слоев населения со значением «жить», «обитать», «населять».

Наряду с этим, что и отмечено рядом исследователей, термин κατοικέω в эпиграфике встречается в качестве противопоставления πολῖτεω. Эта точка зрения, высказанная Дж. Кардинали в 1908 г.³⁶, была поддержана затем автором статьи в энциклопедии Паули—Виссова³⁷. Разделяет ее и И. С. Свенцицкая³⁸. Исследователи считают, что термин κατοικοιυτες во втором своем значении включал все без различия категории неграждан — и неполноправное, и бесправное население. Однако, соглашаясь с наблюдением Кардинали, следует отметить, что подобных надписей в Малой Азии имеется сравнительно мало, а те, которые есть, датируются эпохой эллинизма.

Таким образом, термин κατοικοιυτες имел двоякий смысл. Во-первых, он употреблялся повсеместно в надписях в значении «жить», «обитать» и не имел никакого социального звучания. Однако в ряде случаев он противопоставлялся глаголу πολῖτεω при обозначении самых различных категорий неграждан, включая ксенов и рабов. Во-вторых, термин κατοικοι не идентичен термину κατοικοιυτες, поскольку значение второго гораздо шире смысла первого. Поэтому нельзя **ЕО** всех случаях, где говорится о κατοικοιυτες (а таких чрезвычайно много), считать, что речь идет обязательно о «катоиках», как это делает М. И. Ростовцев в своей работе о колонате.

Данный терминологический анализ позволяет сделать одно наблюдение. Для эпохи эллинизма слой катоиков, жителей катоикий, был сравнительно малочисленным (таких поселений в Малой Азии всего около 20), а κατοικοιυτες были в первую очередь не

³³ SEG, IV, 1, № 259, фрагмент надписи II в. н. э., где описывались мистерии в честь Зевса Панамара.

³⁴ IG, V, 1, № 1427 — I в. до н. э.

³⁵ Например, декрет из Канопы (OGIS, № 56, lin. 18).

³⁶ G. Cardinali. Note di terminologia epigrafica. — «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei», Ser. V. t. XVII, 1908, p. 157 sg.

³⁷ RE, s. v. Katoikoi.

³⁸ И. С. Свенцицкая. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма. — ВДИ, 1957, № 3, стр. 94.

³⁰ M. Rostovtzeff. SEHW, p. 690.

³¹ OGIS, № 1 = IPr., № 1.

³² Syll.², № 347 = Syll., № 760. Цитируется восстановление текста, данное в Syll.

социальной категорией катойков, а просто «живущими» в том или ином месте обитателями.

Таким образом, и это следует подчеркнуть еще раз, катойку́ντες нельзя механически, без анализа конкретного материала называть «катойками», как это делают некоторые исследователи.

Значительно более пестрой и сложной, чем в городах, является картина социальных отношений в сельской местности. Эпиграфические памятники полны упоминаний о самых разнообразных категориях сельского населения. Одно лишь перечисление их свидетельствует о многообразии различных форм деревенских отношений и связей. Это λαοί, χωῖνται, οἰκέται, ἀνδράποδα, κatóικοι, γεωργοί, συνοικοί, ἐλοικοί, ἐκτῆμενοι, κατοικοῦντες, ἐνχώριοι, ξένοι и др. О некоторых из этих категорий мы ничего не знаем из источников, кроме того, что они существовали. О других имеем сведения разнородные и противоречивые. Далеко не всегда можно даже сказать, идет ли речь о полноправном, неполноправном или бесправном населении сельской местности. Ряд категорий является общим для города и для сельской местности. Задача конкретного исследования — установить, какова была их специфика в зависимости от окружающих условий. Вопрос этот в историографии разработан мало. Как говорит один из крупнейших специалистов по данному вопросу М. И. Ростовцев, «мы мало знаем о паройках и катойках, например, нельзя сказать, отличались ли они от λαοί в эпоху Селевкидов, имела ли у паройков и катойков, жителей деревень, большая личная свобода, чем у λαοί, каково отличие в положении этих метойков, паройков и катойков от тех же категорий, живших в городе»³⁹. Тем самым М. И. Ростовцеву не был ясен ряд принципиальных вопросов социальных отношений эллинистической Малой Азии. Не разработаны они и сейчас.

Одной из встречающихся в источниках, но расплывчатых и неопределенных категорий сельского населения эллинистической Малой Азии были λαοί, или, как они иногда назывались в надписях, λαϊκά σώματα, σώματα λαϊκά ἐλεύθερα, λαοί βασιλικοί, λαοί γεωργοί. Этот термин λαοί А. Б. Ранович переводит «„мужики“, „люди“, „люди“, как именуются непосредственные производители на земле у многих народов»⁴⁰.

Обратимся к источникам, в которых этот термин упоминается. Число их сравнительно невелико. Наиболее⁴¹ подробно о лаой⁴² говорится в так называемых надписях Лаодики⁴³, Мнесимаха⁴⁴, Аристодикида⁴⁵.

³⁹ М. Rostovtzeff. SEHWW, p. 509.

⁴⁰ А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 36.

⁴¹ OGIS, № 225 = RC, № 18—20.

⁴² W. H. Buckler, D. M. Robinson. Op. cit., № 1.

⁴³ RC, № 10—13.

В историографии не поставлен еще целый ряд вопросов, связанных с положением лаой, и среди них один из труднейших — все ли сельское население или только какую-то его часть источники называли термином «лаой»? Например, М. И. Ростовцев считает, что лаой было сельское население, сидевшее на царской земле; когда его приписывали к городу, оно становилось уже паройками и катойками. А по мнению А. Б. Рановича, категория лаой включала в себя все сельское население Малой Азии, а сам этот термин А. Б. Ранович переводит как «мужики». Определению данной категории в работах А. Б. Рановича придается громадное значение, поскольку он считает, что вопрос о том, были ли лаой лично свободны или нет, определяет и характер социально-экономических отношений в эллинистической Малой Азии.

Однако следует отметить, что термином «лаой» далеко не исчерпывалось все многообразие социальной терминологии, которое имело место в сельских местностях Малой Азии. Нужно поэтому проследить соотношение лаой с важнейшими из перечисленных выше категорий сельскохозяйственного населения. Наиболее существенными представляются сопоставления γεωργοῦντες и лаой. А. Б. Ранович в статье «Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии» пишет, что между этими двумя категориями не было никакого различия, и обозначает их едиными терминами «мужики», «крестьяне»⁴⁴. Между тем вряд ли это правомерно, поскольку эпиграфические памятники дают четкое разграничение этих двух социальных категорий. Приведем пример. В упоминавшейся выше надписи Антиоха II о продаже земель Лаодике (OGIS, № 225) говорится, что часть земли, граничащей с Παννου χωῖν, была распахана соседними земледельцами (ὑπὸ τῶν γεωργοῦντων). Царь эту землю отобрал назад, но их вместе с землей не продал. В противоположность этому лаой, которые переселились из своей родной деревни в другие места, царь вернул на прежнее место и продал Лаодике. Таким образом, мы видим, что юридическое положение обеих этих категорий земледельцев — γεωργοῦντες и λαοί — было различным: одних продавали вместе с землей, других — нет. Поэтому, как кажется, нельзя ставить вопрос так, как это делает А. Б. Ранович, и обозначать эти две категории сельского населения единым термином «крестьяне».

Следует также отметить, что в эпиграфике Малой Азии не встречается случаев, когда жители деревень, кометы, назывались бы лаой. Видимо, за этой различной терминологией скрывались определенные социальные различия. Кометы были самой многочисленной категорией сельского населения, как о том можно судить на основании данных эпиграфики. Термином этим

⁴⁴ ВДИ, 1947, № 2, стр. 36.

РАБСТВО И ЗАВИСИМОСТЬ В ГОРОДАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

обозначались жители всех тех деревень, которые находились на землях, принадлежавших городам, царю и частным лицам. Широкое употребление придавало ему и широкое социальное значение. Кометами назывались все жители общины — комы, в состав которой не входили только рабы. Именно поэтому, говоря о значении данного термина, можно провести определенную градацию: кометы резко отличались не только от лаой, но и от живших в сельских местностях рабов. Эти рабы обозначались, как и в городах, различными «классическими» терминами — и οἰκῆται, и οἰκιστῆς, и ἀνδρόποδα. Однако в отличие от городов поражает следующая характерная особенность: надписи эти в сельских местностях встречаются чрезвычайно редко. Ойкеты, являвшиеся в городах разновидностью домашних рабов, в сельских местностях имеют свою специфику. Они живут в своих домах и обрабатывают земельные участки, на которых сидели еще их отцы и даже деды⁴⁵. Видимо, определенную часть урожая они отдавали владельцу той земли, которую обрабатывали.

Другие два термина в сельских местностях употребляются эпизодически, термин δοῦλος почти совсем не встречается. Ἀνδρόποδα в сельских местностях имеет двойкий смысл. С одной стороны, в надписях Теоса указывается на сравнительно хорошее положение андраподов, например возможность самостоятельно вести торговлю. С другой стороны, в надписи из Байтокайки дается исчерпывающее определение их положения—ἀνδρόποδα καὶ τετράποδα. О других социальных категориях сельских местностей — σύνοικοι, ἐνυχόριοι, ἐποικοί—мы мало что знаем из источников.

Этот краткий терминологический анализ имел своей целью показать, как многообразна и многопланова была картина социальных отношений в эллинистической Малой Азии. Мы видели целый ряд социальных категорий полиса и хоры. В первом — все оттенки, начиная от свободных и полноправных граждан города до рабов, обозначаемых как δοῦλοι и ἀνδρόποδα. Во второй — еще более многообразные категории различных форм зависимости. Какие из них можно определить как рабство, а какие — нет, должен показать анализ конкретного материала. В предварительном порядке следует лишь сказать, что нельзя во всех тех случаях, где встречается та или иная форма зависимости, видеть обязательство рабство. Жизнь была значительно многообразнее имеющихся в нашем распоряжении схем, и задача историка разобраться на основе конкретного материала в тех закономерностях и отдельных частных случаях, которые позволяют проследить эпиграфические и литературные источники Малой Азии эпохи эллинизма.

Изучение вопроса о рабстве в городах наталкивается на отсутствие источников. О многих городах Малой Азии можно сказать то, что утверждает К. М. Колобова применительно к Родосу: «... ни о составе рабов, ни о процессе развития рабства у нас нет никаких, даже косвенных, сведений». Те источники, которыми мы располагаем, очень часто дают лишь самую суммарную картину социальных отношений того или иного полиса либо простое перечисление имевшихся там слоев населения, что в основном сводится к упоминанию πολῖται, ξένοι, δοῦλοι и др. В большинстве подобных надписей нет никаких конкретных указаний, что в значительной мере затрудняет изучение вопроса. Следует также учитывать, что рабство и зависимость в различных городах могли иметь свою специфику, обусловленную в значительной мере различиями в социально-экономическом положении городов. С одной стороны, это были развитые полисы, в основном Западной Малой Азии, — торговые портовые города типа Милета, Эфеса, Смирны, экономика которых в какой-то мере развивалась по типу экономики Афин. Они владели хорой — иногда большего, иногда — меньшего размера. Однако более важную роль в их жизни играли мореходство и торговля, отчасти — ремесло. Другим типом малоазийских полисов были сельскохозяйственные города, хора которых и доходы, с нее получаемые, являлись главным источником их существования. Это хора обрабатывалась местным населением. Торговля, как и ремесло, играла значительно меньшую роль, чем в городах первого типа. По своему развитию и структуре социальных отношений эти полисы больше всего напоминали Спарту с ее илотами. В Малой Азии находился целый ряд таких сельскохозяйственных полисов, подобных, например, Приене, в которой положение педиеев очень напоминало положение илотов. Однако было бы неправильно думать, что Приена, эксплуатируя педиеев, не имела рабов в самом городе, как общественных, так и принадлежавших частным лицам.

Различным было и положение городов по отношению к центральной власти. Это обстоятельство было отмечено М. И. Ростовцевым в его «Studien...». Он выделяет, во-первых, греческие

⁴⁵ Об этом свидетельствует надпись Мнесимаха: W. H. Buckler, D. M. Robinson. Op. cit., № 1.

¹ К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. Л., 1951, стр. 85.

² M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig—Berlin, 1910, S. 243 f.

города, которые платили царю строго определенную сумму — *σύνταξις*, или вообще ничего не платили, и определяет их как «союзные» (*verbündeter Städte*) и, во-вторых, города «подданные» (*Untertanen Städte*), платившие царю φόρος. Следует отметить, что последние облагались также и другими налогами, например, Миласа платила *προστίποντα ἐκ τοῦ βασιλικοῦ* (LBW, III, № 404). Несомненно, что размер налогов, уплачивавшихся городом в царскую казну, непосредственно определял и количество денег, которые полис старался получать со своей хоры³.

Социальные отношения в различных городах Малой Азии складывались по-разному. Не о всех из них мы имеем сведения, не всегда нам ясна картина городской жизни. Одним из лучше других известных нам городов является Пергам — благодаря завещанию Атталы III (138—133 гг.) (OGIS, № 338). Не касаясь целого ряда вопросов, встающих в связи с этим интересным документом (см. ниже, стр. 192), поставим лишь один — какова была социальная структура Пергама и, в частности, какую роль играли в ней рабы и зависимое население. Все его жители делились на полноправных и неполноправных. Первая из этих категорий — граждане, *πολίται* — не является предметом данного исследования. В состав неполноправных входили самые различные слои городского населения. В декрете говорится о паройках, воинах, живущих в городе и хоре, катойках, вольноотпущенниках, царских рабах, рабах общественных (*τῶν παροίκων, τῶν στρατιωτῶν, τοῖς κατοικοῦσιν τῇ πόλει καὶ τῇ χώρᾳ, τῶν ἐξελευθέρων, τῶν βασιλικῶν, τῶν δημοσίων*).

О социальном составе жителей больших приморских городов Западной Малой Азии свидетельствует также надпись из Эфеса около 85 г. до н. э. — времени войны с Митридатом Эвпатором⁴, когда за участие в городском ополчении в это трудное для города время получили права гражданства все неполноправные слои населения полиса. К ним относились *ἰσοτελεῖς*⁵, паройки, *κeroί*, вольноотпущенники, ксены. «Все те, которые возьмут оружие и зарегистрируются у военного командования, получают равные права гражданства. . . Общественные рабы, взявшие оружие, получают свободу и права паройков». Таким образом, низшие ступени общественной лестницы в Эфесе составляли *κeroί*, *ἐξ-*

ἐλευθέρους, ξένους, δημοσίους — различные категории неполноправного населения. Общественные рабы, *δημοσίους*, заметно отличались по своему положению от других категорий. Они не получали ни при каких условиях прав гражданства, а лишь права паройков. Однако интересно отметить, что даже эту, одну из низших категорий населения, полис не мог заставить взять в руки оружие и сражаться. Для этого приходилось пользоваться средствами не принуждения, а поощрения, даровать рабам свободу. Город в данном случае распоряжался только теми категориями населения, которые были подчинены непосредственно ему: например, из всех категорий рабов он мог призвать на войну только общественных рабов полиса, а не рабов, находившихся в частном владении: ни *δοῦλοι*, ни *ἀνδράποδα*, ни *οἰκέται* в этом декрете Эфеса не упоминаются.

Состав населения Эфеса был примерно тем же, что и Пергама. И тут и там помимо основного контингента — граждан — есть паройки, вольноотпущенники и рабы. Однако в Пергаме в силу сложившихся исторических условий находилось большое количество военных сил. Это воины и наемники — македонцы и мисийцы, а также масдьюны⁶, которых все исследователи также причисляют к данной группе.

Таким образом, на нижней ступени социальной лестницы стояли рабы царские и городские; как переходная форма между рабством и свободой — вольноотпущенники, ксены, паройки, катойки.

Социальный состав городов так называемого «сельскохозяйственного» типа известен нам несколько лучше благодаря опубликованным надписям Приены. В них упоминаются различные категории населения. Чаще других повторяются «все граждане и паройки, ксены, вольноотпущенники, ойкеты» (IPr., № 109, lin. 178 и № 108, lin. 258). Формула эта в ряде случаев меняется — «все граждане, паройки, катойки, ксены и римляне» (№ 112, lin. 79) или «граждане, катойки, паройки, ойкеты» (№ 118, lin. 13), «все граждане, паройки, катойки, римляне, ксены и идулы» (№ 113, lin. 38). Имеются и более сокращенные упоминания, не включающие социальные категории, — например, «совместно управляющие и живущие» — *τῶν συμπολιτευομένων καὶ τῶν κατοικοῦντων* (№ 108, lin. 22) или «граждане и живущие» — *τοὺς πολίτας καὶ τοὺς κατοικοῦντας* (№ 108, lin. 49).

Таким образом, в Приене, как и в других городах, основные социальные категории населения — граждане, паройки, катойки, ксены, вольноотпущенники. Рабы были трех видов — *δοῦλοι*, *οἰκέται*, *ἀνδράποδα*. Андраподы в надписях Приены не встречаются.

Насколько можно проследить, сопоставляя надписи всех гре-

³ LBW, III, № 404 — надпись филой Оторкондеев в Миласе (эпоха Селевкидов); см. также: M. Rostovtzeff. *SEHAW*, p. 477.

⁴ Syll.³, № 742.

⁵ *ἰσοτελεῖς* — видимо, имеются в виду метойки, которые несли одинаковые повинности с гражданами, не пользуясь, однако, полными гражданскими правами, т. е. правом голоса в народных собраниях и правом на занятие государственных должностей. Впрочем, взамен того они были освобождены от необходимости иметь патрона (*προστάτης*), не платили метойков и могли приобретать недвижимое имущество. См. А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, стр. 108.

⁶ IGRR, IV, комментарий Канья к № 289, прим. 12; W. Ramsay. *The Historical Geography of Asia Minor*. London, 1890, p. 126.

ческих городов Малой Азии, социальный состав их был примерно одинаков, с некоторыми незначительными отклонениями. Это обстоятельство позволяет, учитывая малое количество источников, дать некоторую общую картину социальной жизни городов эллинистической Малой Азии.

Типичным в этом отношении является декрет об астиномах Пергама (OGIS, № 483). Этот закон устанавливает, наряду с другими, меры охраны общественных источников полиса, запрещающая давать из него пить скоту, стирать одежду или мыть посуду. Закон предусматривает два случая: 1) если эти правила нарушит свободный и 2) если эти правила нарушит раб. Если это будет свободный, его ждет строгая кара — он будет лишен скота, платит за посуду (видимо, триеры), который он мыл и тех, рабов и его братьев Орфериона (это же имя встречается в надписи-заповеди в 50 драхм. Подробно рассматривается случай, когда в загрязнении источника будет повинен не свободный, а раб (οἰκέτης)⁷.

Здесь разбираются две возможности. В том случае, если раб делал это по приказанию своего господина, его заковывают в ярмо⁸ и дают пятьдесят ударов бичом (μαστούροισι); если он это сделал по собственной инициативе, без ведома⁹ хозяина, его ждет наказание значительно более суровое — ему дают 100 ударов бичом, заковывают на десять дней в колодки и затем, прежде чем отпустить, дают еще пятьдесят ударов бичом. Известно, действительно, что в городах Малой Азии воды было мало и полис охранял общественные источники. С другой стороны, бросается в глаза та жестокость, с которой обращаются с провинившимся рабом, — он получает колодки и 150 ударов плетью.

Характерно, что в данном контексте раб назван не δοῦλος, а οἰκέτης. Это чрезвычайно редкое противопоставление; ἐλεύθερος обычно в эпиграфике Малой Азии противопоставлялся δοῦλος¹⁰. Как говорилось выше (стр. 139), ойкеты были домашними рабами-слугами. Возможно, именно потому здесь упоминаются ойкеты, что уход за скотиной, стирка платья и мытье посуды действительно входили в функции домашнего раба. Любопытно, что в случае провинности домашнего раба его наказывал не господин, а город, т. е. полисные власти вторгались в отношения господина и его раба. В свою очередь за провинность раба господин не нес ника-

⁷ Домашние рабы, видимо, обозначались так же как οἰχογενεῖς и δοῦλοι οἰχοτρόφοι. Интересно свидетельство одной из приенских надписей (IPr., № 17), в которой указывается, что нападение галатов на Приену отражали пешие наемники из граждан и «доморожденные рабы». Судя по этому упоминанию, их, видимо, было немало.

⁸ Κόβον — «ярмо», «колодка на шею».

⁹ Γνώμη — здесь «решение», «знание» и даже «приказание».

¹⁰ Я. А. Ленцман отмечает, что таких случаев только два — упоминавшийся выше OGIS, № 483 и «Законы» Платона, VIII, 848, где имеются в виду домашние рабы («О древнегреческих терминах, обозначающих рабов». — ВДИ, 1951, № 2, стр. 58, прим. 4).

кой ответственности и наказанию подвергался только его раб. Жестокая расправа с рабом, загрязнившим источник, не являлась чем-то случайным, исключительным и характеризовала отношение к рабам в полисах. Раба, с которым хозяин жестоко обращался и который, не выдержав этого, убивал его, распинали на кресте¹¹.

Одним из источников, по которому мы можем судить о рабстве в городах, являются надписи Приены. М. И. Ростовцев высказал мнение¹², что в Приене «рабы были главным источником сельскохозяйственного труда», а «торговля рабами была самой выгодной отраслью торговли». Основывает это свое мнение автор лишь на единственной надписи — OGIS, № 351, где говорится о скота Ариаратом V (163—130 гг.)

ἀπαγαγόν). Кажется, что одной этой надписи мало, чтобы сделать вывод о многочисленности рабов в Приене: ведь понятие πολλὰ в надписи не раскрывается. Не дает более точного определения и декрет, в котором говорится об осаде города Ариаратом в 155 г. до н. э., уведшим большую часть рабов, принадлежавших частным лицам, и рабов общественных¹³ (πλείστα δὲ καὶ σόματα [ιδιωτικὰ τε καὶ δημόσια]¹⁴ ἀπαγαγόν).

В Приене, как и в других полисах Малой Азии, владение рабами облагалось налогом, размеров которого мы, к сожалению, не знаем. Лишь за большие заслуги владельцу рабов даровалась ателия¹⁵.

«Специализация» рабов была различной. Как говорилось выше (стр. 137), это были и домашние рабы, выполнявшие работу по дому, ухаживавшие за скотом, исполнявшие различные ремесленные работы. К сожалению, сведения об этом скудны. Единичными являются такие, например, данные, как надпись из Миласы, в которой говорится, что надгробный памятник ставят себе рабы Герм-брадобрей и Иератик-погонщик мулов (τὸ μνήμεῖον Ἑρμοῦ χορ[έως] καὶ Τεραπικῶν ὀνηλάτου δοῦλων — SEG, II, 2, № 551). Надпись лаконична. Неизвестно, кто были сами рабы, кто были хозяева этих рабов, имели ли те свои мастерские, каково было положение этих рабов, каковы формы их внеэкономического принуждения. Мы знаем, что ремесленники малоазийских городов объединялись как в масштабах города, так и более широко —

¹¹ Надпись из Амидзона II в. до н. э. (L. Robert. Etudes Anatoliennes. Recherches sur les inscriptions grecques et d'Asie Mineure. Paris, 1937, p. 389); М. И. Ростовцев (SEHNW, p. 1521, note 76) связывает ее сдвижением Аристоники.

¹² М. Rostovtzeff. SEHNW, p. 706.

¹³ OGIS, № 351=IPr., № 39.

¹⁴ Восстановление этой лакуны Диттенбергером: [καὶ θρέμματα---] эта кажется менее убедительным, поскольку слог -σια и ряд предыдущих букв остаются при этом невыясненными.

¹⁵ OGIS, № 215=IPr., № 18 — надпись в честь Лариха.

в общегосударственном. Так, например, известно объединение *οι από της Ασίας ἐργασταί*, своего рода коллегия ремесленников. Трудно сказать, однако, каковы были цели подобных объединений, входили ли в них только полноправные ремесленники или они включали также и неполноправных. Из всех вопросов источники дают ответ лишь на один — это объединение имело сакральные функции — совместное участие в религиозных празднествах.

Наряду с рабами, принадлежавшими частным лицам, имелись рабы городские (*δημόσιοι*) и царские (*Βασιλικοί*). О положении в городах этих общественных рабов (иногда их называли также *δημόσιοι δοῦλοι*) в эпиграфике Малой Азии есть некоторое количество сведений¹⁶. Они выполняли целый ряд функций городской администрации, например *δημόσιος* был *γραμματεὺς* Камира. Некоторые из этих рабов выполняли обязанности *παῖδοφύλακες*, другие — полицейские функции. Эти профессии в надписях встречаются гораздо реже, чем просто перечисление имен рабов без патронимикона. Типичны, например, такие, как *Νευκόλης δημόσιος*, *Ευέλπιος δημόσιος*.

Своих общественных рабов город в ряде случаев отпускал на волю (*ἀπελευθερωθεὶς* или *ἐλευθερωθέντος ὅλα τὰς πόλεως* — IG, XII, I, № 383). К сожалению, условия отпуска и обязательства, с этим связанные, в источниках не оговариваются¹⁷.

Кардинали в упоминавшейся выше работе высказывает справедливое мнение, что количество этих *δημόσιοι* колебалось и в разных городах было различным¹⁸. Единственное свидетельство о том, что из Кабиры бежало 107 рабов, не может быть использовано для определения общего числа ее *δημόσιοι*. Однако само по себе данное свидетельство представляет большой интерес. Народ города Кабиры ставит почетный декрет в честь лица, в числе слуг которого указывается, что он «победил и вернул городу 107 общественных рабов» (*δημοσίους δοῦλους ἐγνεκήσαντα εκατὸν ἑπτὰ* — IGRR, IV, № 914). Обстоятельства этого дела следующие. Во время землетрясения, поразившего Кабиру в числе других городов Малой Азии, 107 общественных рабов бежали, желая таким образом приобрести свободу. Однако, несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю Кабиры, город отправил за ними погоню и вновь обратил в рабство. Термин *ἐγνεκήσαντα* — «победивший» указывает, видимо, на вооруженное столкновение между этими рабами, пытавшимися отстоять свою свободу, и отрядом горожан (а может быть, и воинов), преследовавших их и принудивших

¹⁶ Положению *δημόσιοι* посвящен один из небольших разделов статьи Кардинали (G. Cardinali. Note di terminologia epigrafica. — «Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei», Ser. V, XVII, 1908, p. 157—164).

¹⁷ Не совсем ясны функции и обязанности одного из пергамских рабов, названного в надписи *ὁ θεράπων γυμναβίου* (Ath. Mitt., XXVII, 1902, S. 125, № 143).

¹⁸ G. Cardinali. Op. cit., p. 162.

вернуться в Кабиру. Обращение этих *δημόσιοι δοῦλοι* в бегство позволяет предположить, что они не были уроженцами Кабиры и, вероятно, не имели живших там семей — в противном случае вряд ли бы они бежали из города. Вероятнее всего, эти *δημόσιοι* были куплены городом на рабском рынке, куда были привезены из какой-либо другой области Средиземноморья. Рабские рынки известны в ряде городов Малой Азии. Так, например, в Тиатире имелся особый форум, где производились эти торговые операции¹⁹. Были соответствующие чиновники, ведавшие куплей-продажей рабов, которые назывались *προσενηταὶ σωμάτων*, и торговцы рабами — *σωματέμποροι*.

Некоторые жители городов занимались работорговлей²⁰. Рабов захватывали в Ливии и других отдаленных областях Средиземноморья, грузили на суда и затем продавали. Об этом свидетельствует одна из надписей, найденных в Кизике²¹.

Относительно цен на рабов Малой Азии в эпоху эллинизма источники дают чрезвычайно скудные сведения. И. М. Ростовцев считает, что цены на рабов колебались в зависимости от цен на продукты и что женщин продавали за более высокую плату, чем мужчин. Он основывается на интересном материале о ценах на рабов, который дает одна из косских надписей (Syll.³, № 1000). Цены эти были различны. Меньше всего стоили рабы, работавшие в доках и в порту. Примерно столько же — рабы, обрабатывавшие поля и виноградники (*ἀμπελοστέτεῦντες*); выше ценились женщины-рабыни, ухаживавшие за своими госпожами (*γυναικεῖα σώματα*), проститутки (*ἐταῖραι*). Установлены были цены и на рабов-врачей (*ιατρικόν*)²².

Видимо, ни Селевкиды, ни полисы не ограничивали размеров частного рабовладения, как о том можно судить по одной приенской надписи в честь военачальника Селевкидов Лариха, относящейся к рубежу IV и III вв. до н. э. В ней перечисляются различные даваемые ему привилегии (OGIS, 215) и имеется оговорка о том, что он освобождается от обложения своих рабов, сколько бы он их ни имел (*οσα ἂν ὑπάρχει*)²³. Следует отметить, что, видимо, Ларих не был уроженцем Приены²⁴, хотя именно

¹⁹ Например, в одной из надписей Тиатире говорится о *οἱ τοῦ σπασταίου ἐργασταί* (OGIS, № 524 = IGRR, IV, № 1257).

²⁰ В надписях употребляется термин *αἰχμαλωτισθέντα* — при захвате и *δουλεία* — при продаже в рабство.

²¹ IGRR, IV, № 135 = Syll.³, № J763.

²² Об этом см.: M. Rostovtzeff. SEHW, p. 242.

²³ А. Б. Ранович, приводя отрывки из надписи OGIS, № 215, умалчивает как раз об этих чрезвычайно важных словах («Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии». — ВДИ, 1947, № 2, стр. 36). В монографии «Эллинизм и его историческая роль» (М.—Л., 1950) все эти интересные данные не приводятся вовсе.

²⁴ Диттенбергер в примечаниях к OGIS, № 215 указывает, что у Arr., Anab., III, 6, 5 упоминается Ларих из Митилены, а у Arr., Ind., 18, 4 — Λαομέδων ὁ Αριχίου.

там ему дают различные привилегии²⁵. Ничего не известно о том, что это за *σάματα*, откуда он их брал и зачем ввозил в Приену. Вряд ли в надписи делалась бы подобная оговорка, если речь шла о нескольких рабах, которые сопровождали его в поездке. Здесь, вероятно, имеется в виду большее их количество.

Интересно было бы проследить, каков размер подати, уплачивавшейся за рабов. Несомненно, что полис строго учитывал количество ввозимого в город скота и рабов и облагал пошлиной их владельцев. С одной стороны, подобный строгий контроль имел своей целью получение немалого дохода, с другой стороны, возможно, полис учитывал количество имеющихся в городе рабов. Ателиа на скот и рабов, ввозимых и вывозимых во время войны и в мирное время, давалась лишь в исключительных случаях.

Прямых сведений о наличии долгового рабства в городах эллинистической Малой Азии чрезвычайно мало. Имеется лишь ряд данных о ростовщиках, которые давали деньги взаймы под громадные проценты — иногда даже до 24%²⁶.

Определенное количество рабов принадлежало эллинистическому монарху. Об этом можно судить на основании известного декрета Аттала III 133 г. до н. э. (OGIS, № 338), где они именуются βασιλικοί и упоминаются рядом с ἐξελευθεροί. Они работали в мастерских, принадлежащих царю, обслуживали его и членов его семьи. Большое количество рабов было занято в качестве домашних слуг во дворце царя. Имелись рабы, обязанностью которых было ухаживать за царскими лошадьми²⁷. Надзирали за βασιλικοί специальные лица, сами, возможно, бывшие рабами или вольноотпущенниками (Syll.², № 846, 2 sq.)²⁸. Об этой же категории рабов говорит Деметрий Скепсийский (Athen., XV, 697d), называющий Ктесифона, который был βασιλικὸν τὸν περὶ τὴν Αἰολίδα. О них находим сообщения у Плиния Старшего (NH, VIII, 196; XXXVI, 115; XIII, 70). Царские рабыни в ряде случаев назывались βασιλικά παιδίσκα (Syll.², № 846). Много рабов работало в рудниках и садах, поместьях, принадлежавших непосредственно эллинистическим монархам.

Ряд рабов был занят на строительстве и ремонте общественных сооружений. Возможно, что это были царские рабы, хотя в источниках они именуются не βασιλικοί, а σάματα. Так, например, в 160/59 г. Эвмен II послал в Дельфы наряду с другими дарами рабов (σάματα) для ремонта театра и храмов (Syll.³,

№ 671 В, lin. 12 sq.). Видимо, они не были в полном смысле слова царскими рабами, но царь все равно распоряжался ими по своему усмотрению.

Социальное положение всех этих категорий рабов могло изменяться лишь в исключительных случаях. Таковыми были кроме отпуска на волю различные трудные для полиса обстоятельства — нападения извне (для Малой Азии — чаще всего галатов и фракийцев), участие в междоусобных войнах, различные социальные конфликты. В этих случаях царские и общественные рабы получали свободу и права паройков²⁹.

В чем же эти права заключались и чем можно их характеризовать? Положение паройков определялось целым рядом условий. С одной стороны, они были лично свободны, но с другой, — не имели прав гражданства (OGIS, № 338). В ряде случаев паройки были сходны по своему правовому положению с вольноотпущенниками. Город вел особые списки паройков (τὸν πάροιχων ἀπογραφαῖς)³⁰, учитывая их количество и, видимо, имущественное положение. Согласно одной из памфилийских надписей³¹, восхваляется гражданин города Силлия, раздавший в год своей демиургии каждому булевту по 20 денариев, членам герусии и экклесии — по 18, каждому гражданину — по 2 денария, а вольноотпущенникам и паройкам — по 1. Как видим, паройки здесь приравнены к вольноотпущенникам и четко отделяются от граждан. Однако следует отметить и другую сторону вопроса — паройки включались в отличие от рабов в число лиц, которым раздавались общественные средства. О подобном же объединении паройков и вольноотпущенников при раздачах денежных сумм в городах свидетельствует и другая надпись из Памфилии (IGRR, III, № 801). Известно, что в Илионе в жертвоприношениях и празднествах участвовали все граждане и все паройки (οἱ τε πολῖται καὶ οἱ πάροιχοι πάντες). Подчеркнутое в надписи слово πάντες показывает, что, возможно, среди паройков были различные категории, иногда все эти категории допускались к участию в общегородских обрядах, а иногда — лишь какая-то часть их (OGIS, № 219). К сожалению, более точных и подробных данных источники по этому вопросу не сообщают³².

С категорией паройков интересно сопоставить положение жителей Лагины, определявших себя как οἱ κατοικοῦντες τὸ περίολιον.

²⁹ Интересно отметить, что рабы частные даже в этих случаях не получали ни свободы, ни прав паройков.

³⁰ Записи земельных владений частных лиц, приписанных к полису, хранившиеся в городских архивах, также носили название ἀπόγραφα! (OGIS, № 221, 1).

³¹ Ch. Lanckoronski Les vüles de la Pamphylie et de la Pisidie, t. I. Paris, 1890, № 58; IGRR, III, № 800.

³² В надписи из Тельмесса 2-й половины III в. до н. э. также говорится об участии в жертвоприношениях πάντας τοὺς πολῖτας καὶ τοὺς πάροιχους (OGIS, № 55).

²⁵ На эту мысль наталкивает противопоставление в OGIS, № 215 его собственных владений и владений города Приены (ιδίους -/τῆμασι καὶ τῇ πόλει) — и тут и там он имеет ателиу на скот и рабов.

²⁶ Надпись из Олима, издана: A. W. Persson. Inscriptions de Cane. — BCH, XLVI, 1922, p. 420 s.

²⁷ RG, № 62, письмо Аттала II (?) к Илиону.

²⁸ Эта надпись не была включена в Syll.³

В одном из известных случаев³³ они ставят какому-то лицу почетный декрет наряду с советом и народом Лагины. Паройки обладали и некоторыми политическими правами, как свидетельствует одна из тельмесских надписей³⁴, участвовали в награждении жителей за те или иные благодеяния наряду с гражданами. Интересна приводимая в этой надписи формула $\epsilon\delta\omicron\epsilon\tau\epsilon\ \tau\epsilon\lambda\mu\epsilon\sigma\sigma\acute{\epsilon}\omega\nu\ \tau\eta\ \lambda\omicron\lambda\epsilon\iota\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \pi\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\iota\varsigma$. Имеются случаи, когда они самостоятельно увенчивают золотым венком то или иное лицо, причем именуются «паройками из такого-то города». Подобные декреты³⁵, принятые от имени паройков, не носят государственного характера и имеют скорее частный оттенок³⁶. Это обстоятельство усугубляется тем, что одно и то же лицо наряду с паройками чествуются одновременно и от имени города³⁷. Подобное явление можно наблюдать и в Египте: паройки одной из деревень приняли решение по образу декрета народного собрания полиса — $\epsilon\delta\omicron\epsilon\tau\epsilon\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \alpha\pi\omicron\ \kappa\omicron\upsilon\mu\eta\varsigma\ \beta\omicron\upsilon\sigma\epsilon\iota\tau\epsilon\omega\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \alpha\pi\tau\omicron\lambda\omicron\lambda\epsilon\iota\tau\omicron\upsilon\ \pi\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\delta\alpha$ (OGIS, № 666, lin. 11).

Таким образом, общественные и государственные рабы с правами паройков получали в первую очередь личную свободу, право передвижения, возможность жить в том или ином месте. Город учитывал количество паройков, записывая их в определенные списки. Политические права паройков сводились в основном к постановке почетных декретов и участию в раздачах общественных средств. Паройки были категорией неполноправного населения, по своему положению отличавшегося, однако, от вольноотпущенников и ксенов. Это была категория постоянных жителей города, стоявшая между гражданами и рабами.

В малоазийских полисах находилось большое количество различных военных контингентов — это были и городское ополчение, и войска эллинистических монархов, и воины, специально охранявшие хору от набегов и грабежей. Последнему обстоятельству город уделял большое внимание, чему в эпиграфических памятниках имеется ряд подтверждений. Приведем лишь одно из них. Царь Филетер, сын Аттала, дарит народу Кизика в течение пяти лет своего правления различные подарки, перечень которых год за годом дается в особом декрете. В год 280/79, например, в числе других даров Кизик получил «для охраны хоры 50 всадников» ($\epsilon\iota\varsigma\ \phi\upsilon\lambda\alpha\sigma\acute{\alpha}\nu\ \tau\eta\varsigma\ \chi\omicron\rho\omicron\varsigma\ \iota\pi\pi\omicron\upsilon\varsigma\ \pi\epsilon\\nu\tau\acute{\eta}\kappa\omicron\nu\tau\alpha$), в году 278/77 — «стражу для охраны хоры и расходы на ее содержание» ($\phi\upsilon\lambda\alpha\sigma\acute{\alpha}\nu\ \tau\eta\varsigma\ \chi\omicron\rho\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \tau\acute{\alpha}\ \acute{\alpha}\nu\alpha\lambda\omicron\upsilon\mu\epsilon\tau\alpha\ \tau\acute{\alpha}\ \epsilon\iota\varsigma\ \tau\alpha\upsilon\tau\eta\nu\ \gamma\iota\nu\acute{\omicron}\mu\epsilon\nu\alpha$) и т. д.

³³ L. Robert. Op. cit., p. 546.

³⁴ M. Segre. Inscrizioni di Licia. — «Clara Rhodos», IX, 1938, p. 183. Надпись датируется началом II в. до н. э.

³⁵ Например, SEG, IV, 1, Л? 178 — надпись II в. до н. э. из Кедрей (Kedreis), в которой Тисий, сын Феодама, увенчивается золотым венком $\acute{\upsilon}\pi\omicron\ \tau\omicron\nu\ \pi\alpha\rho\omicron\iota\kappa\omicron\iota\omega\nu\ \tau\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\nu\ \text{Κεδρεά}\iota\varsigma$.

³⁶ Помимо паройков Тисия, сына Феодама, чествуют те, кто с ним воевал.

³⁷ Например, $\acute{\omicron}\ \omicron\mu\omicron\varsigma\ \acute{\omicron}\ \text{Κεδρεά}\tau\iota\nu$ — SEG, IV, 1, № 177.

Помимо регулярных городских войск там находились и военные поселения (κατοικία). Положение катойков явилось предметом договора между Смирной и Магнесией, заключенного в царствование Селевка II Каллиника (246—226 гг. до н. э.). Этот договор обеспечивал привилегии $\omicron\iota\ \acute{\epsilon}\mu\ \text{Μαγνησία}\iota\varsigma,\ \kappa\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota\ \omicron\iota\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\tau\acute{\alpha}\ \pi\acute{\omicron}\lambda\iota\nu\ \iota\pi\tau\epsilon\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \pi\epsilon\zeta\omicron\iota\ \kappa\alpha\iota\ \omicron\iota\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\omicron}\pi\alpha\iota\theta\omicron\rho\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \omicron\iota\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\ \omicron\iota\acute{\kappa}\epsilon\tau\alpha$ (OGIS, № 229). Интересны последние слова. Перечисление катойков вместе с воинами и «другими ойкетами» указывает на определенные черты сходства в их положении, хотя данная надпись и не дает права говорить о полной аналогии их статуса. Правда, как свидетельствует тот же договор, все эти военные поселенцы и Смирны и Магнесии получают политию — одинаковую и подобную правам всех других граждан этих полисов ($\iota\sigma\eta\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\omicron}\mu\omicron\iota\alpha\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\iota\varsigma\ \pi\omicron\lambda\iota\tau\alpha\iota\varsigma$), а ойкеты ее не получают. Более того, греческие полисы, такие, как Смирна и Магнесия, предоставляют право гражданства только тем, кто является свободным и эллином ($\acute{\omega}\sigma\tau\iota\nu\ [\acute{\epsilon}\mu]\ \lambda\epsilon\upsilon\theta\epsilon\rho\omicron\iota\ \tau\epsilon\ \kappa\alpha\iota\ \text{Ἕλληνες}$), оберегая чистоту своих рядов от неполноправного населения и в первую очередь от рабов. Принятые в число граждан катойки должны были переписываться по лохам особыми чиновниками полиса. Подобная мера предусматривала соблюдение особой регламентации и порядка в городе, принимавшем в свой состав большое число новых граждан.

Говоря об этой категории жителей города, очень важно подчеркнуть хронологический момент в ее эволюции. Первоначально катойки не представляли собой какого-то определенного социального слоя, как, например, паройки. Они вербовались из различных категорий свободного населения, среди которого немалую роль играли, попав в Малую Азию, греки, македоняне, мисийцы и другие народности. Всю эту пеструю разноплеменную толпу, находившуюся в Малой Азии со времени походов Александра Македонского, его преемники постарались использовать в своих интересах. Они участвовали в войнах на стороне то одного, то другого эллинистического монарха. Постепенно их роль как военных поселенцев все более и более сокращалась, стабилизировалась международная обстановка и катойки становились «оседлыми».

Отмечая наличие в городах Малой Азии таких категорий населения, как паройки и катойки, следует сказать о полном отсутствии той категории, которую в греческих полисах классического типа называли метойками. Исследователи неоднократно обращали внимание на это обстоятельство и считали, что в этих городах паройки и катойки равнозначны метойкам. Однако мы не можем судить об этом из-за отсутствия данных, равно как и не можем сказать, каково было количество паройков и катойков в городах Малой Азии. Видимо, число их в различных городах было различным, как, вероятно, и число ксенов. Возможно, что в городах Западной Малой Азии их было больше, чем во внутренних ее областях. В сельскохозяйственных центрах, может быть, меньше,

чем в торговых. Возможно также, что в таких городах, как Приена, население было более однородным и устойчивым, чем, например, в Эфесе или Смирне. Однако это все предположения, и точных сведений по данному вопросу не имеется.

К сожалению, источниками почти совсем не освещен вопрос о том, какова была роль рабского труда в ремесленном производстве греческих городов Малой Азии. Можно предполагать, что и в гончарных и в ткацких мастерских рабов было немало — однако и это лишь предположения.

Таким образом, мы располагаем самыми суммарными и отрывочными сведениями о социальных отношениях в городах, о специфике и характере производства. И только восстание Аристоника, его масштабы и размах помогают понять, как велико было число рабов в городах Малой Азии эпохи эллинизма.

Глава III

ФОРМЫ ЗАВИСИМОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАЛОЙ АЗИИ

В советской историографии сельскому населению Малой Азии эпохи эллинизма посвящены, как было сказано выше, две специальные работы: в статье И. С. Свенцицкой¹ анализируются судьбы сельского населения на городских, в статье А. Б. Рановича² — на царских землях. Оба автора характеризуют его как зависимое, хотя в чем именно заключалась эта зависимость и каковы были ее конкретные формы — не говорят. Остается неясным вопрос о том, можно ли какую-то часть сельского населения Малой Азии считать полноправным и какую именно, или, другими словами, какое именно сельское население и в какой мере следует считать зависимым, поскольку критерии этого определения еще не выработаны. В историографии, как советской, так и зарубежной, общепринято, что население полиса состояло из полноправного и неполноправного. Сельское же население обычно без всяких градаций определяется как зависимое — и племена, и жители деревень, и население, сидящее на землях, принадлежавших городам, храмам, частным лицам. Это положение высказывается без специальной аргументации и без изучения конкретно-исторического материала, характеризующего жизнь той или иной

категории сельского населения. Кроме того, констатация лишь самого факта зависимости мало что дает для понимания социально-экономических отношений, имевших место в эллинистической Малой Азии. Считается, что, если крестьянин платит денежную подать общине или владельцу земли, это дает основание называть его зависимым. При этом упускается из виду, что так называемые «полноправные» жители полиса, его граждане, также ведь уплачивали определенные налоги в пользу города и царя. Учитывая данное соображение, вопрос о критериях, определяющих формы зависимости, должен быть еще поставлен на основе изучения конкретно-исторического материала.

Однако в самой общей форме нужно отметить, что определение всего сельского населения как зависимого вряд ли было бы правильно, поскольку сельское население не представляло собой чего-то единого. В первую очередь это касается малоазийских племен. С одной стороны, были такие зависимые племена, как, например, мариандины и недиеи, которые обрабатывали земли городов (а вернее, греческие города некогда захватили принадлежавшие этим племенам земли), но, с другой стороны, имелись крупные и многочисленные племена, такие, например, как моккадены, ликаоны и моксеаны в Западной Лидии, аббатны, абретены, морены, олимпены в Мисии и Фригии и другие, которые чеканили свою монету (Plin., NH, V, 105) и основывали свои города³. Как правильно отмечает Т. Р. С. Броутон, «эти области никогда не были окончательно подчинены ни Селевкидами, ни Атталидами»⁴. Не представляло собой чего-то единого и остальное сельское население, о различных социальных категориях которого уже говорилось выше, но характеристику их можно дать лишь на основе конкретно-исторического материала.

Для того чтобы правильнее представить себе ту обстановку, в которой жили рабы и крестьяне, как и на каких условиях они обрабатывали земли, кто пользовался плодами их труда, чем именно определялось их социальное положение, необходимо предварительно остановиться на ряде вопросов.

Важную роль во всех обстоятельствах жизни сельскохозяйственного населения Малой Азии играли природные условия. Борьба за их улучшение, приспособление к климату, ирригация, определение экономически более выгодных для данной местности культур — все это имело весьма существенное значение для человека, жившего более чем две тысячи лет тому назад, суеверно молившегося силам природы и старавшегося поставить их себе на службу. Кроме того, географический фактор — один из наиболее устойчивых в арсенале историка. В отличие от социаль-

¹ И. С. Свенцицкая. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма. — ВДИ, 1957, № 3, стр. 91—103.

² А. Б. Ранович. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 2, стр. 28—39.

³ Как, например, Мостена и Поманенум.

⁴ T. R. S. Broughton. Roman Asia. — В серии: T. Frank. An Economic Survey of Ancient Rome, v. IV. 2nd ed. Baltimore, 1938, p. 646.

ного он не претерпевает таких существенных изменений в течение столетий. Не удивительно поэтому, что сравнение природных условий Малой Азии в описании Страбона в общих чертах совпадает с тем, что находят современные исследователи Турции. Имелись во времена Страбона и сохранились до наших дней три основных района Малой Азии, отличающиеся по своим природным условиям, — Западный, Центральный и Восточный. Совпадают и характеристики их, данные в античную и современную нам эпохи. Так, по описанию П. М. Жуковского, западная часть Малой Азии, «начинаясь от Эгейского моря невысокой полосой холмов. .. приобретает характер сильно изрезанной горной страны с многочисленными горными кряжами различного направления, высоты, формы и протяжения, прерываемыми глубокими рвами, долинами рек, открытыми к Эгейскому морю». Центральная Малая Азия представляет собой «высокое плоскогорье»; «горные цепи и вулканические возвышенности занимают значительную часть областей Фригии, Галатии и Ликаонии»; «Ликия представляет собой ряд горных цепей и небольших возвышенностей»; «граница с Ликией Кария является гористой страной» и т. д.

Из подобного перечисления ясно, насколько неблагоприятной для сельского хозяйства являлась значительная часть земель Малой Азии с ее горами, каменистой почвой и малым количеством воды. Естественно поэтому, что земледелие могло развиваться лишь по берегам рек в сравнительно узких долинах, где почва была плодородна и имелись возможности для ирригации. Важнейшими были такие реки как Меандр (совр. Большой Мендерес), Кайстр (совр. Малый Мендерес), Галис (Кызыл Ирмак), Ирис (Ешил Ирмак), Герм (Гедиз-Чай), Мацест (Сусыгрылык) и другие, протяженностью в несколько сот километров ⁶.

Долины некоторых из этих рек имели чрезвычайно плодородную аллювиальную почву (например, долина Меандра). За исключением берегов рек и довольно широкой прибрежной полосы Западной Малой Азии, картина остальной части страны была довольно безрадостна. Так, например, центральная часть Малой Азии представляла собой «необозримое монотонное плоскогорье, почти лишённое деревьев и кустарника. .. Как правило, почва степей состоит из известкового слоя, на котором в более низких местах лежит песок, глина или гумус. Очень часто степь покрыта обломками каменистых пород, так что растительный покров пробивается между этими остатками пород» ⁷.

⁶ П. М. Жуковский. Земледельческая Турция. М.—Л., 1933, стр. 6 сл.

⁷ Например, протяженность Галиса, истоки которого лежат в гористой местности Кызыл-дага и который впадает в Черное море, — 950 км, длина Меандра — 380 км (П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 13).

Там же, стр. 61.

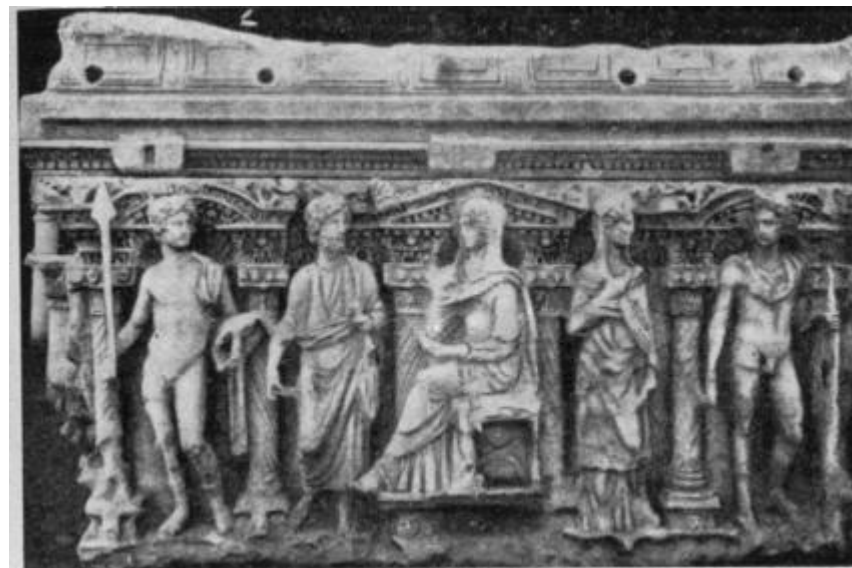

Рис. 1. Мраморный саркофаг из Шохут Касаба (MAMA, V, № 82A)

Каменистый слой местами дает залежи превосходного мрамора, как, например, в Карию, и другого строительного камня. Одной из богатейших своими залежами мрамора, была местность, по которой шла важнейшая в древности дорога Пергам—Тиатира—Сарды, там даже имелась местность, называемая *Мариаса*.

В целом же географы считают, что 80% поверхности Малой Азии занимают горные почвы, которые пригодны для земледелия лишь выборочно ⁸.

Природные условия Малой Азии в значительной мере определяли занятия ее жителей. Виноградарство, садоводство, разведение оливок и другие земледельческие культуры в долинах рек и на побережьях Черного, Эгейского и Средиземного морей сосуществовали со степным земледелием и животноводством центральных областей Малой Азии. В лесистых местностях, как, например, в горах Тавра и других, проводилась рубка леса на дрова, добывался корабельный лес.

Сложившийся в Малой Азии тип сельского хозяйства можно назвать оазисным ⁹. Это обстоятельство отчасти обусловило и замкнутость тех общин, которые были расположены в трудно-

⁸ Сб. «Современная Турция». М., 1958, стр. 18.

⁹ Эти оазисы часто бывают отделены обширными неводеланными, полупустынными пространствами, труднопроходимыми горными хребтами или сплошными лесами (П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 137).

Рис. 2. Посвящение ойконома Евкарпа из Мейданли (МАМА, VII, № 1)

доступных местностях, по берегам небольших рек. Интересно, что П. М. Жуковский отмечает в оазисах современной Турции наличие таких исконных обитателей, которые сохранили родовой быт вплоть до нашего времени¹⁰.

Описание природных условий дало возможность М. И. Ростовцеву справедливо отметить, что Малая Азия не была страной исконного земледелия и сельского хозяйства. Она была знаменита лишь своими овцами и баранами, свиньями и садами¹¹. И не случайно поэтому, как отмечает М. И. Ростовцев, то обстоятельство, что из античных писателей, знатоков сельского хозяйства, ни один не был уроженцем Малой Азии.

Формы социальной зависимости в значительной мере предопределялись той структурой земле- владения и землепользования, которая сложилась в Малой Азии. Земли принадлежали самым различным категориям владельцев, статус которых отличался один

от другого, порядок оораотки этих земель, уплата налогов в казну, различные формы зависимости сидевшего на этих землях населения — все эти вопросы мало разработаны и должны еще служить предметом исследования.

Земли Малой Азии эллинистического периода подразделялись на различные категории и были многообразны по своей структуре. Об этом надо сказать потому, что характер землевладения в значительной мере определял характер зависимости сидевшего на этих землях населения. В Малой Азии:

- какая-то часть земель составляла личные владения эллинистических монархов;
- значительное количество земель принадлежало городам;
- важную роль играло храмовое землевладение;
- часть земель издавна находилась во владении местных племен;

¹⁰ П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 104.

¹¹ М. Rostovtzeff. СЕННУ, р. 563.

Рис. 3. Посвящение из Ахата (район Акмонеи) (МАМА, VI, № 295)

Рис. 4. Посвящение за здоровье осла (МАМА, VI, № 1)

- имелись владения членов царской семьи, приближенных царя и крупных чиновников;
- определенные участки земли занимали военные поселенцы, непосредственно подчиненные царю;
- были земли, находившиеся во владении сельских общин, существование которых шло из глубокой древности.

Даже простое перечисление этих категорий землевладения указывает на многообразие форм земельных отношений.

Однако ряд вопросов, относящихся к землевладению и землепользованию в эллинистической Малой Азии, почти совершенно не разработан. Не имея возможности подробно анализировать их в настоящее время, перечислим лишь некоторые.

Не поставлен в историографии вопрос о том, отличался ли статус всех земель страны, юридически принадлежавших царю, от статуса имений, бывших его личной собственностью. Важными и неразработанными являются вопросы, как именно менялся статус частных земель после их приписки к городу, отличался ли он от положения земель, которыми владели исконные уроженцы этого города, на каких условиях владела землей община и др. От изучения этих вопросов зависит и решение проблемы о положении и формах зависимости сельского населения, сидевшего на этих землях и обрабатывавшего их. Не изучено, например, было ли какое-нибудь различие в положении лаой на землях, принад-

лежавших лично царю, от положения всех сельских жителей страны. Другими словами, были ли *λαοὶ βασιλικοὶ* идентичны *λαοί*. Как изменялось положение сидевшего на частных землях зависимого населения после приписки его к городу? Отличалось ли оно от положения того зависимого населения, которое искони обрабатывало земли того или иного полиса? Имелись ли в принадлежавших царю деревнях помимо лаой еще и другие жители?

Вопрос о праве владения и пользования землей в эллинистической Малой Азии неоднократно привлекал внимание исследователей. М. И. Ростовцев считал, что оно возникает из права владения усадебной, виноградной и садовой землями¹². Этот же вопрос о праве владения и пользования поставил в своей интересной статье В. В. Струве на материале эллинистического Египта¹³. В. В. Струве вполне соглашается с мнением М. И. Ростовцева о том, что «в Египте того времени речь может идти лишь о земельном владении, а отнюдь не о собственности»¹⁴. Однако, признавая справедливость этой общей постановки вопроса М. И. Ростовцевым, В. В. Струве возражает ему по другому важному вопросу — о путях возникновения частного владения. На материале птолемеевского Египта В. В. Струве отмечает, что «подобное строгое различие прав владения пахотной и садовой землями, как его установил М. И. Ростовцев, а также и стоящий в связи с этим различием взгляд его на возникновение и развитие частного земельного владения не соответствует действительности»¹⁵. Не касаясь в деталях спора В. В. Струве с М. И. Ростовцевым, развернувшегося на материале птолемеевского Египта¹⁶, отметим принципиальную важность постановки вопроса о праве собственности и владения для эллинистической Малой Азии.

Действительно:

Являлся или не являлся крестьянин в Малой Азии собственником либо владельцем той земли, которую обрабатывал?

Являлся ли собственником или владельцем земли город, получавший с крестьянина налоги?

Являлся ли собственником или владельцем земли крупный чиновник из окружения эллинистического монарха?

Являлся ли собственником или владельцем земли храм?

¹² M. Rostowzew. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Leipzig—Berlin, 1910.

¹³ В. В. Струве. Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте. — ЖМНП, т. 55, 1915, № 1, стр. 1—64.

¹⁴ Там же, стр. 1.

¹⁵ Там же, стр. 4.

¹⁶ К. К. Зельин в своей работе «Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры» (М., 1960, стр. 283) солидаризуется с точкой зрения В. В. Струве, который опровергает положение Ростовцева «о корейном различии в отношении права владения между пахотными землями, с одной стороны, и домами, усадебной землей, садами и виноградниками — с другой».

Вопросы эти, бывшие одними из сложнейших в экономической истории не только Малой Азии, но и других стран эллинистического мира, в литературе разработаны мало. На все эти вопросы дан один ответ: являлись владельцами, так как собственником всей земли в государстве был только царь. Вслед за М. И. Ростовцевым это положение повторяют В. В. Струве для птолемеевского Египта, А. Б. Ранович и И. С. Свенцицкая для Малой Азии и ряд других исследователей. Однако некоторые источники заставляют усомниться в правильности подобного прямолинейного решения. Приведем следующие примеры. Царь Антиох продал городу Питане немалую часть *γῆ Βασιλική* 17. При этом он специально оговаривает, что на эту землю город получает право *παγκρατική κυρεία* (всевластную силу) на вечные времена (*εἰς τὸν αἰὲ χρόνον*). Тот же самый термин употреблен и в надписи Лаодики применительно к проданным ей лаой. Царь Антиох II Теос дает ей право полновластно распоряжаться этими *λαοὶ* (*κυρίως εἶναι*)¹⁸.

В перечисленных случаях право собственности на землю и людей дает эллинистический монарх при особом расположении к тому или иному городу или частному лицу в виде исключения. Видимо, покупка земли с сидящими на ней лаой еще не давала права новому владельцу быть их полным собственником. Создается впечатление, что царь мог продавать и дарить землю и людей либо с правом полной собственности на них, либо без этого права. Приведенные данные не позволяют так безоговорочно утверждать, как это делает В. В. Струве, что собственником земли был только царь, а владельцами — все остальные. Видимо, царь продавал право собственности так же, как он продавал землю и людей, в тех случаях, когда это ему было выгодно.

Таким образом, действительность того времени была значительно более многообразной, чем схема, предложенная М. И. Ростовцевым и В. В. Струве. В ряде случаев имела место собственность не только монарха, но и его подчиненных. Не касаясь этого вопроса более подробно, проследим лишь, каким способом определялось отношение к земле различных социальных слоев населения и, в частности, зависимого крестьянства.

Остановимся на анализе трех терминов, обозначающих право пользования и владения — *κτᾶσθαι* (*κτῆμα*), *υπάρχω*, *ἴχω*. Как отмечал В. В. Струве, термин *κτῆμα* являлся одним из колеблющихся терминов эллинистического периода и соответствовал латинскому «*possessio*», также не имевшему в эпоху эллинизма определенного содержания. Выражение *κτῆμα μου* могло употребляться тогда как для обозначения собственности, так и для обозначения

¹⁷ OGIS, № 336, lin. 133. О размере этого участка можно судить по его цене — 330 талантов.

¹⁸ OGIS, № 225=BC, № 18—20.

ния владения самых различных оттенков»¹⁹. Этот термин многократно встречается в эпиграфике эллинистической Малой Азии. Им, в частности, обозначались владения, принадлежавшие городам. В одной раннеэллинистической надписи из Митилены говорится о τὰς πόλιος κτήματαῖς или τὰς πόλιν τα κτήματα²⁰. Декрет был издан с целью охраны имущества, принадлежавшего городу. Более конкретно определяется этот термин в письме Лисимаха приенцам (OGIS, № 13), где κτήσις Приены является принадлежавшая городу хора Батинетида (Βατινήτιδος χώρας), которой город владел ἐξ ἀρχῆς²¹.

Тем же термином κτήματα обозначались земельные владения не только города, но и отдельных его жителей. Когда миласцы были обвинены в государственной измене, их κτήματα были проданы и деньги поступили в городскую казну²². В ряде случаев владение землей и отличие от прочих специально оговаривали — например, на Теосе говорится о земельных владениях (κτήμα εγγεον) в городе или в сельской местности (SEG, II, 2, № 580).

В пергамском законе об астиномах упоминаются и οἱ τὰ κτήματα κεκτημένοι (OGIS, № 483, lin. 31), причем подразумеваются владельцы домов (οικίας) и γεῖνύσασιν, что В. Диттенбергер в комментарии к этой надписи переводит как domus et fundi. Таким образом, под термином κτήμα имеются в виду в первую очередь земельные владения городов и отдельных граждан.

В ряде малоазийских надписей дается раскрытие термина κτήμα. Перечислим некоторые из них. Например, зетейская надпись IV в. до н. э. (SGDI, № 5533e) в κτήμα включает клер на равнине, жилище, сад и сто глиняных амфор (ἀγλῆρον ἐν τῷ πεδίῳ, οἰκίην, κήπον, κέρατον αμφορέων ἑκάτον). Примерно то же дается и в плохо сохранившейся наксосской надписи III в. до н. э. (SEG, II, 2, № 500), где в число κτήμασιν входит οἰκία καὶ κήπου καὶ κέρατου αμφορέων. Интересна писидийская надпись несколько более позднего времени, в которой некто Диотейма оставляет по завещанию своему родному городу Ариассу в Писидии свое владение — κτήσις — и дает четкое определение, что именно в него входит²³. Это определение настолько интересно, что целесообразно привести его полностью: Δίδημι δε καὶ χαρίζομαι τῇ γλυκύτατῃ πατρίδι μου κτήσιν μου ἐνδοσὺν τόπω Παυνάλλοις ἐν τε ἀμπελιαῖς

¹⁹ В. В. Струве. Указ. соч., стр. 13.

²⁰ OGIS, № 2, 2-я половина IV в. до н. э.

²¹ А. Г. Периханян отмечает наличие терминов, производных от κτήμα, например κτηματοῦναι; в Олиме народное собрание выбирало специальных лиц в количестве 17 человек, которые покупали частные земли на средства священной казны Олима («Храмовые объединения Малой Азии и Армении». М., 1959, стр. 87). В приводимой Ле Ба — Вадингтоном надписи дается разъяснение этого термина: — κτηματοῦναι, οἱ δὲ αὐτοὶ καὶ μισθωτά! — «ктематоны, они же арендаторы» (LBW, III, № 331).

²² LBW, III, № 337, 378, 379.

²³ BCH, XVI, 1892, p. 427, № 58 = IGRR, III, № 422.

καὶ αἰετοπόροις πεδεινοῖς τε καὶ ὀρεινοῖς καὶ τοῖς ἐτοίοις πόσιν ὡς ἐστίν, μηδὲν ὑψημῆναι. (Дальше уточняются его взаимоотношения с Ариассом, которому он передает в наследство свое владение.) Таким образом, в κτήσις Диотеймы входят земли пахотные и пастбищные, виноградники и приусадебные участки.

Следует особо отметить, что в этой надписи, как и во всех других, не говорится, что в состав κтесиса входили люди, которые бы сидели на этой земле и ее обрабатывали.

Производным от того же глагола κτάνω является термин γεωκτητῆς, встречающийся в надписи из окрестностей Кизика и из других местностей. Комментатор этой надписи Ф. Хазлук считает, что под геоктитами следует подразумевать крестьян, которые могли арендовать землю, принадлежавшую Кизику²⁴. Аналогичную точку зрения высказал и М. И. Ростовцев, считавший, что так называли кометов, жителей деревни²⁵.

Анализ надписи²⁷ показывает, что под геоктитами имелись в виду определенно не кометы, а, видимо, жители Кизика, владевшие землями в пределах этой деревни или по соседству с нею.

От того же глагола κτάνω образовано и ἐγεκτημένοι, встречающееся в ряде надписей Малой Азии как эллинистического, так и более позднего времени²⁸. В словаре Лидделла—Скотта дается следующее определение этого понятия: «οἱ ἐγεκτημένοι — citizens who possess property in a deme not their own, opp. δημόται»²⁹.

Другим термином, обозначавшим право владения, был глагол ἔχω. Этот термин употреблялся в ряде случаев и для определения земельного владения. Так, например, в надписи, относящейся ко времени Антиоха I Сотера (около 275 г. до н. э.), говорится о Мелеагре, который раньше владел имением Петра (ἦν πρότερον εἶχεν Μελέαγρος)³⁰. Вследствие каких причин он его лишился — трудно сказать: то ли стал изменником, то ли поспорил с царем. Во всяком случае, это имение было у него отобрано.

А. Г. Периханян вводит для перевода термина ἔχω особый и, как кажется, недостаточно оправданный термин. Она считает, что

²⁴ F. W. Hasluck. Unpublished Inscriptions from the Cyzicus Neighbourhood. — JHS, XXIV, 1904, p. 21, № 4.

²⁵ F. W. Hasluck. Op. cit., p. 21 f.

²⁸ M. Rostowzew. Studien. . ., S. 263, Anm. 1.

²⁷ Об этой надписи подробнее см. ниже, стр. 179.

²⁸ Syll., № 633, lin. 74 — договор Милета с Гераклеей 180—178 гг. до н. э. и IGRR, IV, № 1087 — надпись с острова Коса.

Ссылки при этом даются на авторов: Dem. 50, 8; Xen., Vect., 2, 4. Термин ἐγεκτημένα*. Лидделл и СКОТТ определяют как «acquire possession in a foreign country».

³⁰ Уэллз, который комментировал надписи RC, № 104—105, переводит это как «which formerly Meleagros held». А. Б. Ранович (указ. соч., стр. 38) считает, что Уэллз употребляет глагол hold в смысле феодального держания. Однако, как кажется, здесь имеется в виду hold в часто употреблявшемся смысле «владеть», «иметь». Недоразумение возникает и с оценкой А. Б. Рановичем термина serf — оно наряду с крепостным обозначает также и раба.

его надо передавать с оттенком условности и приводившееся выше место ἡμὴν πρότερον εἶχεν Μελέαγρος переводить «которая... находилась в условном владении Мелеагра»³¹. Тот же оттенок условного владения видит А. Г. Периханян и в известной надписи из деревни Байтокайки, где слова τὴν κώμην... ἡμὴν πρότερον εἶχεν Δημήτριος она также трактуется как «условное владение»³². Из подобного перевода автор делает уже довольно категоричный вывод: «В этом письме имеется указание на весьма интересный факт: храмовая деревня Байтокайка до данного письма—указа Антиоха находилась в условном владении у некоего Деметрия, сына Деметрия»³³. Аргументации своей точки зрения автор не сообщает и дополнительных данных не приводит, поэтому мнение А. Г. Периханяна трудно принять. Больше все же оснований считать, что в перечисленных двух случаях речь шла об обычном владении именными, которые царь, как верховный собственник земли, имел право отобрать у владельца, чем-то ему не угодившего.

Термин ἔχω встречается и в надписи, посвященной продаже Антиохом II земли Лаодике. Здесь также этот термин правильно будет перевести не «иметь», а «владеть», как и в предыдущем случае. Поэтому А. Б. Ранович, давая перевод этой надписи, совершенно справедливо передает слова εἶχοντι κυρίως как «владеть неограниченно»³⁴.

Термин ἔχω употреблялся также для обозначения права владения горожанами своими домами и землями. Так, например, в надписи Александра, обращенной к Приене (IPr., № 1), он встречается применительно к жителям Приены, владеющим землей и домами (ἔχοντας τὴν τε γῆν καὶ τὰς οἰκίας). Важно отметить, что термин ἔχω³⁵ применяется и в тех случаях, когда речь идет о владении землей, купленной крестьянами. В одной из интересных ликийских надписей II в. до н. э. из деревни карданов около Тельмесса царь Евмен разрешает жителям, οἱ κατοικοῦντες ἐν Καρδάνων κώμῃ, владеть землей несмотря на то, что они не заплатили за нее денег царю Птолемею, у которого эту землю

купили³⁶. Разрешение Евмена на владение сформулировано так же как и разрешение на владение землей Лаодикой,—ἐὰν εἶχεν.

Принадлежность, владение обозначались также термином ὑπάρχω. Как и κτάνω, он употреблялся для обозначения владения полиса хорошей (πάν τε ὑπάρχουσιν αὐτοῖς χώραι). Однако значение его было и более широким. В надписи о дарении Антиохом земли Лаодике (OGIS, № 225) говорится о деревнях с принадлежащими (ὑπάρχοντας) им λαοί и об имуществе, принадлежавшем этим λαοί (αὐν τοῖς ὑπάρχουσιν πασιν).

Таким образом, предметы владения — земля, жилища, орудия для обработки земли, плоды урожая — обозначались всеми тремя терминами в равной степени — и κτάνω, и ἔχω, и ὑπάρχω. Не анализируя сейчас юридическую сторону «права владения» и отличия его от «права собственности», поставим лишь один вопрос, важный для данной темы, а именно: какими терминами определялись владения различных социальных групп населения. При знакомстве с источниками нельзя не заметить, что термином κτήμα обозначались владения приближенных царя, городов и отдельных граждан этих городов, которых называли обычно κειτμήμενος ἐνεκτεμένους. Видимо, к той же категории жителей городов, владевших землей в хоре, относились и γεωκτεῖται. Эти категории имели право κτήμα. Следует отметить, что в надписях нет упоминаний о том, чтобы правом κτήμα обладал зависимый крестьянин, житель сельской местности.

Исключением является приенская надпись конца IV в. до н. э. (IPr., № 3, lin. 15), где говорится о владении землей педиеями и о запрещении кому-либо посягать на эту землю: πῶν δὲ κλημάτων ὧν [οἱ] πεδιεῖς κέκτηνται μὴ εἶναι αὐτῶν κτή[η]λασθαι³⁷ («владениями, которыми владеют педиеи, ему владеть нельзя»). Употребление термина κτήμα применительно к зависимому населению — педиеям — случай исключительный. Возможно, он объясняется тем, что здесь речь идет о владении землей не отдельным земледельцем, а целым племенем. Однако и в этом случае более употребительным было такое обозначение, какое, например, мы встречаем при описании владения землей фригийцами, где употребляется термин не κτήμα, а εἶχω и говорится: Φρόγες ἔχοντες³⁸.

В противоположность термину κτήμα два других — ὑπάρχω и εἶχω — применялись для обозначения владения не только городов и граждан, но и жителей деревень.

Без специального исследования трудно с уверенностью сказать, что собой представляло право владения как юридическая и социальная категория, однако в представлении греков, жителей Малой Азии, оно, видимо, сочеталось с правом гражданства

³¹ А. Г. Периханян. Указ. соч., стр. 151 сл.

³² Кстати, следует отметить, что сама А. Г. Периханян, давая несколькими строками выше перевод надписи из Байтокайки, упомянутые выше слова переводит: «(деревню), которой прежде владел Деметрий, сын Деметрия, сына Мнася» — и не говорит ничего ни о каком условном владении (там же, стр. 151).

³³ Там же, стр. 151.

³⁴ А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 33.

³⁵ Уэллз считает, что глагол ἔχω правильное понимать не как «владение», а как «держание» (RC, № 10, note), однако не приводит никаких тому аргументов, а в примечании к RC, № 70 противоречит сам себе, определяя εἶσχεν как «владение».

³⁶ M. Segre. Inscrizioni di Licia. — «Clara Rhodos», IX, 1938, p. 183 sg.

³⁷ Речь идет об одном эфесце, которому Приена даровала различные привилегии, в том числе право владения землей.

³⁸ Ath. Mitt., IX, 1884, S. 58 = SGDI, I, № 5532.

И являлось его прерогативой. Различное обозначение права владения для полноправного городского и сельского населения указывает, что и в характере владения имелись определенные отличия.

Следует отметить, что во владения, обозначаемые всеми тремя терминами, не входили люди — ни рабы, ни зависимое население, ни крестьяне. Более того, о них говорилось отдельно, их отличали от κτήμα. Этим, возможно, и объясняется то обстоятельство, что при различных сделках, связанных с κτήμα, — продаже и сдаче в аренду земли и имущества — не упоминались люди, непосредственные производители, сидевшие на этой земле. Исключение представляет лишь одна надпись — о продаже Лаодике земли с жившими там λαοί.

* * *

Ответ на вопрос о том, кто такие были λαοί, можно дать, лишь обратившись к изучению их фактического и юридического положения. Перечислим те малоазийские документы эллинистического времени, в которых упоминаются λαοί Βασιλικοί или λαοί. Это в первую очередь известная надпись Антиоха II (253 г. до н. э.) о продаже земель своей бывшей жене Лаодике, надпись Мнесимаха, надпись о дарении земель Аристодикиду. Остановимся подробнее на каждом из этих свидетельств.

Надпись о дарении царем Антиохом I Сотером (280—261 гг. до н. э.) земли некоему Аристодикиду Ассию, найденная в Илионе в хорошей сохранности, состоит из четырех документов: письма Мелеагра совету и народу Илиона и трех писем Антиоха Сотера Мелеагру, правителю Геллеспонтской сатрапии. Тема всех этих четырех писем одна — дарение земель Аристодикиду и приписка их к Илиону³⁹. Подаренный царем участок состоял из имения Петры и части хоры, принадлежавшей Петре, размером в 1500 плетров. Кроме того, Аристодикиду было подарено еще 2000 плетров земли в другом месте, примыкающем к хоре Илиона. Таким образом, он получил в общей сложности 3500 плетров годной для обработки пахотной земли⁴⁰, т. е. если плетр равен 876 м², то на современные меры этот участок равнялся немалой цифре — 300 га пахотной земли.

На основании данных эпиграфики следует отметить, что в Малой Азии частные владения были самых различных разме-

ров, не в пример «образцовым виллам» Катона, площадь которых была ограничена, как наиболее целесообразная, 25 га. Например, у Мнесимаха были самого различного размера имения, в том числе и очень большие. Видимо, различного размера были участки земель, данные в свое время Атталом I (241—197 гг.) и Пруссией I (235—182 гг.) храму Зевса в Эзанах и затем в течение многих лет захватывавшиеся жрецами и частными владельцами. Видимо, размер этих земель стал быстро увеличиваться, что дало повод императору Адриану потребовать нового передела участков: «Если неизвестно, на какие участки, называемые клерами, была поделена земля, посвященная царями Юпитеру Эзанскому, то лучше всего, как и сам думаешь, применять меру, которая в соседних городах считается не слишком большой и не слишком малой»⁴¹. Видимо, участок Аристодикида по своим размерам превысил ту меру, которую Адриан определял как «не слишком большую и не слишком малую». Ясно, что подобное поле Аристодикида не мог обрабатывать только с помощью своей семьи, ему требовалась дополнительная рабочая сила.

В сожалению, для Малой Азии отсутствует такое земледельческое руководство, какое есть, например, для Италии. Однако, сделав скидку на совершенно иные географические условия, специфику почвы, своеобразие природных условий, хотя и хронологически совпадающие с изучаемым периодом в Малой Азии — II в. до н. э., вспомним данные Катона, приводимые им для Италии. Лучший размер имения по Катону — 100 югеров = 25,18 га (Cato, I, 7). На это имение по совету Катона (II, 1) полагалось иметь 16 работников, которые могли бы вести всю требуемую работу. Правда, следует учесть, что Катон говорит об этом количестве работников применительно к винограднику, а не к пахотной земле, обработка которой являлась значительно менее трудоемкой, поэтому количество работников должно быть уменьшено. Тем не менее, размер имения Аристодикида в 10—12 раз больше, чем вилла Катона⁴². Следовательно, для ее обработки надо было иметь не менее 100—120 человек⁴³.

Кто же были эти люди и откуда они брались? Вопрос этот вполне законный, так как в письмах Антиоха I говорится о дарении участка земли, но нет никаких упоминаний о людях, которые его обрабатывали. Однако трудно предположить, что

³⁹ OGIS, № 221, I-IV. Уэллз, также опубликовавший эти документы (RC, № 10—13), располагает их, как кажется, более логично — сначала письма Антиоха Мелеагру с сообщениями о дарении земли, а уже потом, последним, — письмо Мелеагра Илиону с распоряжением относительно этих дарений.

⁴⁰ Во всех трех письмах Антиоха подчеркивается, что он дает Аристодикиду землю, которая раньше уже подвергалась обработке (γῆς ἑργασίαν).

⁴¹ OGIS, № 502; LBW, III, № 860-863; IGRR, IV, № 571.
⁴² В. Д. Блаватский в книге «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (М., 1953, стр. 161) отмечает, что на Герacleйском полуострове, сельскохозяйственном районе Херсонеса, размер участков, принадлежавших одному владельцу, составлял 27—30 га, т. е. был примерно тех же размеров, что и вилла Катона.

⁴³ В «Земледелии...» (стр. 162) В. Д. Блаватский приводит таблицу соотношения земельных участков и количества работников: для клера в 3 га нужно 2 работника, в 20 га — 13 работников, в 60 га — 35 работников.

подаренные Аристоклиду участки, расположенные неподалеку от Илиона в густо населенной местности Западной Малой Азии (Strabo, XIII, 1,9 sq.), могли пустовать. Это предположение тем менее реально, что в надписях все время подчеркивается — *ἐργασίου γῆς*, т. е. земля, которая уже обрабатывалась, в отличие от целины и пастбищных земель. На вопрос о том, кто же эту землю обрабатывал, текст надписи не дает никакого ответа. У нас нет оснований считать, что земля Аристоклиду была подарена без людей и чтобы ее обрабатывать, тот должен был купить 100—150 рабов. Вернее поэтому предположить, что земля была подарена Аристоклиду с *λαοί*, которые на ней сидели и раньше. Предположение это подтверждается тем обстоятельством, что во втором письме Антиоха I имеются строки, специально посвященные *λαοί βασιλικοί*. Приведем это место целиком: *οἱ δὲ βασιλικοὶ λαοὶ οἱ ἐκ τοῦ τόπου ἐν ᾧ ἐστὶν ἡ Πέτρα ἐὰν βούλωνται οἰκεῖν ἐν τῇ[ι] Πέτρᾳ ασφαλείας ἐνεκε, συνετάχαμεν Ἀριστοκλίδῃ ἐὰν αὐτοὺς οἰκεῖν* — «царские владельцы же из того округа, в котором находится Петра, если захотят, могут жить в Петре безопасности ради, мы предписываем Аристоклиду разрешить, чтобы они там жили» (OGIS, № 221, III).

Данное свидетельство неоднократно привлекало внимание исследователей. Т. Завадский использует этот документ для доказательства того положения, что лаой на бывших царских землях, подаренных частным лицам, все же оставались в распоряжении царя⁴⁴. И. С. Свенцицкая подчеркивает, что *λαοί*, о которых идет речь в надписи, являются земледельцами, обрабатывающими оставшуюся в этом округе царскую землю⁴⁵.

И. С. Свенцицкая не ставит вопроса о том, были ли земли подарены Аристоклиду с людьми, на ней сидевшими, или без них; не ставит прямо этого вопроса и Т. Завадский.

Вернемся еще раз к тексту надписи. Во-первых, известно, что царь даровал Аристоклиду Петру и какую-то часть хоры, ей принадлежавшей (*τὴν Πέτραν . . . καὶ τῆς χώρας τῆς Πετρίδος*), в размере 1500 плетров⁴⁶. Вспомним, что раньше Петра принадлежала некоему Мелеагру⁴⁶, но по какой-то причине была у него отобрана царем и стала *χώρα βασιλική*, а сидевшие на ней крестьяне — *λαοί βασιλικοί*. Затем царь подарил это имение Аристоклиду — и укрепление Петру, и часть принадлежавшей ей хоры. Укрепления, подобные Петре, встречались чрезвычайно часто в Малой Азии и были, видимо, необходимы для защиты от набегов и грабежей. Одно из подобных укреплений эпохи эллинизма было раскопано

в районе Метрополя, в 15 км на северо-восток, на месте совр. Тепе-Кжой⁴⁷. Оно состояло из одного квадратного двора, окруженного стеной толщиной в 1,45 м. В южном и западном углах находились башни, справа от входа — внутренняя сторожевая башня. Остальное место занимали дом и хозяйственные постройки, там же находился скот (рис. 5).

Такое укрепление с полутораметровыми стенами могло служить хорошей защитой от набегов и нападений кочевников. Как говорилось выше (стр. 156), подобные укрепления часто встречались в сельских местностях Малой Азии. Например, царь Эвмен обещает починить башню карданами⁴⁸, об укреплении (*τὴν ὀχυρὴν*) Петре говорится в ряде надписей. Упомянутая выше вила имела, вероятно, как и Петра, какой-то земельный участок, который обрабатывали ее владельцы и где они пасли свой скот. К сожалению, о его размерах сказать ничего нельзя.

Вернемся, однако, к надписям Аристоклида. В этих четырех документах, несмотря на их многословие и неоднократное упоминание о размерах подаренных участков, ни разу не сказано, что эти земли были подарены вместе с людьми, на них сидящими: если судить по надписям, и Петра, и часть ее хоры передаются Аристоклиду без людей. Если должны были деться люди, сидевшие раньше на этой земле и жившие в Петре, после дарения ее Аристоклиду. Можно сделать три предположения: либо они были выселены со своих земель, либо остались жить на прежнем месте, либо данная часть хоры Петры, да и сама Петра были необитаемы. Последняя мысль нереальна, учитывая густую населенность побережья. При первом предположении ясно, что они должны были быть переселены в другое место и бросили в Петре свои жилища, орудия и землю, которую обрабатывали.

Какова была бы в этом случае их судьба, можно лишь предполагать, так как в источнике не содержится на это никаких указаний.

Если верно второе предположение, они остались жить в Петре и обрабатывать ее хору, но подати вместо царской казны платили Аристоклиду. Для этого в источнике данных также не имеется, и царь Антиох никаких распоряжений по поводу людей, переходящих под власть частного лица, не делает, считая это само собой разумеющимся. Царя беспокоит судьба тех лаой, который принадлежат лично ему и в надписи названы *λαοί βασιλικοί*. Видимо, это и есть жители той части хоры Петры, которая принадлежала царю. Юридический статус их неясен. С одной стороны, они называются *λαοί βασιλικοί* и считаются принадлежавшими царю, с другой, — они могут, если хотят (*ἐὰν βούλωνται*), жить в Петре, т. е. для них

⁴⁴ Т. Z a w a d z k i. *Z zagadnień struktury agrarno społecznej krajów mało-azjatyckich w epoce Hellenizmu*. Poznań, 1952, str. 73 n.

⁴⁵ И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 99.

⁴⁶ Этот Мелеагр не тождествен Мелеагру, адресату царя Антиоха, правителю Геллеспонтийской сатрапии, на что указывает В. Диттенбергер в примечании к этой надписи (OGIS, № 221).

⁴⁷ КР, III, S. 102.

⁴⁸ M. Segre. *Op. cit.*, p. 183 sg.

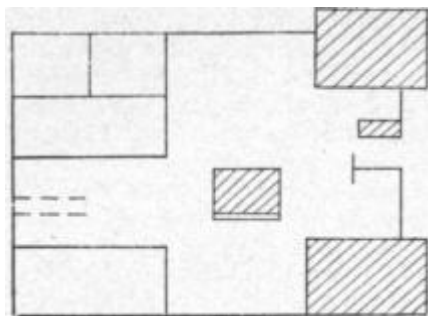

Рис. 5. План укрепления в районе Метрополя

допускается свобода выбора. Здесь невольно встает вопрос. О том, имели ли λαοὶ βασιλικοὶ право личной свободы и были ли они прикреплены к земле. Интересно также выяснить форму организации этих λαοὶ — составляли ли они общину, жившую на этой земле испокон веков, или же были поселены царем незадолго до рассматриваемых событий. Надпись не дает возможности ответить на этот вопрос, поэтому необходимо привлечь другие источники.

Упоминаются λαοὶ и в известной надписи Мнесимаха, опубликованной У. Баклером и Д. Робинсоном в 1912 г.⁴⁹ Она была обнаружена в Сардах в храме Артемиды в 1910 г. и датируется приблизительно 300 г. до н. э. Надпись представляет собой пунктуальное перечисление всех земель, которыми владел Мнесимах, и доходов, с них получаемых. Имение это Мнесимах получил некогда от царя Антигона. Под заклад его он занял у храма Артемиды большую сумму денег — 1325 золотых статеров, которую храм потребовал вернуть.

Не приводя полного текста⁵⁰ надписи, неоднократно комментировавшегося исследователями, скажем только, что в состав принадлежавшего Мнесимаху владения входили различные по размерам земли. Доход, получаемый с них, был также различен, например с трех имений — Тобалмуры, Танду и Комбилипия — вносилась в царскую казну подать в 50 золотых статеров в год, с клера Кинарое — только 3 статера, селение Перисасостры давало налога 57 золотых и т. д. Всего в тексте перечисляется 8 находящихся в разных местах деревень и клеров, которыми владел Мнесимах и с которых он платил в царскую казну ежегодно в качестве налога довольно внушительную сумму в 117 статеров. Эта сумма, согласно надписи, слагалась: ἐκ παλῶν αὖν τῶν χωρίων καὶ ἐκ τῶν κληρῶν καὶ τῶν οἰκηπέδων προσαρρόντων καὶ τῶν λαῶν πανοικίῶν αὖν τοῖς ὑπάρχουσιν καὶ τῶν ἀγρίων τῶν οἰκηρῶν καὶ τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρίου καὶ τοῦ λιτουργικοῦ καὶ τῶν ὅλων τῶν γινόμενων ἐκ τῶν χωρίων. («От всего получаемого со всех деревень, от участков, от усадеб и от живущих со своими семьями лаой вместе с при-

надлежащим им, и от сосудов с вином, от подати денежной и трудовой и от всего другого, получаемого от деревень».) На первый взгляд может показаться, что λαοὶ πανοικίῶν αὖν τοῖς ὑπάρχουσιν и есть население этих «деревень, участков и усадеб». Именно так трактуют это место издатели надписи У. Баклер и Д. Робинсон, которые говорят, что «эти деревни и их жители λαοὶ образовывали общины и платили царю ежегодный форос». Однако издатели надписи вынуждены отметить, что лаой — это основные жители деревень (χωρία), местное сельское население, но что οἰκηπεδα в противоположность комам не были населены лаой⁵¹. Доказательство этому У. Баклер и Д. Робинсон видят в единственной надписи OGIS, № 1, где говорится о κατοικοδοτίας ἐν ταῖς χωρίαις — там ведь не сказано, что жители этих деревень были именно λαοὶ. А. Б. Ранович переводит это место надписи следующим образом: «...от крестьян со всеми их домами с принадлежащим им...»⁵². Перевод лаой как «крестьяне» делает непонятным смысл данного отрывка надписи. Сумма доходов Мнесимаха составлялась из доходов:

- 1) от деревень;
- 2) от земельных участков (клеров);
- 3) от усадеб (οἰκηπεδα);
- 4) от λαοὶ с их имуществом;
- 5) от сосудов с вином;
- 6) от денежной и трудовой подати;
- 7) от всего прочего, что поступает от деревень.

Поскольку все эти статьи дохода перечисляются последовательно, ясно, что доход, поступающий от деревень, и доход от лаой в надписи отчетливо различаются. Тем самым лаой не являлись жителями этих «деревень, клеров и усадеб». Кажется неоправданным поэтому и перевод термина λαοὶ как «крестьяне». Видимо, деревня платила налог Мнесимаху сама по себе, λαοὶ его платили независимо от этих деревень.

Из этого скупого сообщения мало что можно сказать о социальном положении лаой. Известно лишь определение их как λαοὶ πανοικίῶν αὖν τοῖς ὑπάρχουσιν. Значение термина πανοικίῶν недостаточно понятно. В словаре Лидделла—Скотта дается следующее его значение: «πανοικία — whole household with all the house». Близок этому перевод А. Б. Рановича — «со всеми их домами». Σύν τοῖς ὑπάρχουσιν — сомнений не вызывает и может переводиться как «вместе с их имуществом». (Лидделл и Скотт дают в качестве одного из значений ὑπάρχω — «one's property, or present circumstances or advantages».)

Следовательно, лаой имели дома, в которых они жили со своими семьями, и некое принадлежащее им имущество — домашнюю

⁴⁹ W. H. Buckler, D. M. Robinson. Greek Inscriptions from Sardes. — AJA, XVI, 1912, p. 35.

⁵⁰ Помимо первого издания надписи см.: А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 35; И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 99 и др.

⁵¹ W. H. Buckler, D. M. Robinson. Op. cit., p. 54.

⁵² А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 34.

утварь, инвентарь для обработки земли. Они жили на земле, принадлежавшей Мнесимаху, но не были объединены в деревни. В той же надписи о лаой говорится еще один раз: «За пределами виллы (в Тобалмурах. — *Е. Г.*) находятся дома лаой и ойкетов» (ἐξω τῆς αὐλῆς εἰσὶν οἰκίαι, τῶν λαῶν καὶ τῶν οἰκετῶν). Следует отметить, что лаой имеют жилища, οἰκία, которые находятся не в самой усадьбе, а вне ее пределов. Дома лаой расположены рядом с домами ойкетов. Каково было количество этих лаой на землях Мнесимаха, сказать трудно. Вспомним, однако, что они платили лишь одну из семи частей подоходного налога этого крупного землевладельца.

Таким образом, подытожим известное нам о лаой из надписи Мнесимаха:

— Лаой не входили в состав населения деревень и усадеб, принадлежавших Мнесимаху, живя вне их пределов.

— Они имели дома и личное имущество.

— Обрабатывая землю, принадлежавшую Мнесимаху, они платили ему форос (видимо, слова «форос деньгами и трудовой» относятся также и к ним).

— Дома этих лаой находились рядом с домами ойкетов.

Трудно сказать что-либо определенное о том, обладали ли лаой личной свободой. Видимо, их юридическое и фактическое положение определялось тем, что земли, на которых они сидели, могли быть проданы в любой момент другому владельцу. Можно предположить, что лаοί в то время, когда земля эта принадлежала царю Антигону, назывались лаοί βασιλικοί. При дарении Мнесимаху и переходе этих земель в руки частного владельца лаой своего статуса не изменили, иным становился лишь объект уплаты фороса: вместо царя — Мнесимах. Итак, важно отметить, что при дарении земли царем другому лицу положение лаой существенно не изменялось. Они сидели на той же земле, на которой сидели их предки, жили в тех же домах, обрабатывали те же участки земли и платили форос, хотя размер его, возможно, менялся. Несомненно, что положение лаой несколько отличалось от положения ойкетов.

В перечисленных выше надписях о дарении царем земель Аристодикиду и Мнесимаху ничего не говорится о дарении людей, сидевших на этих землях, наоборот даже, в надписи Мнесимаха подчеркивается, что лаой остаются жить на прежних местах. Наряду с этим в эпиграфике эллинистической Малой Азии имеются прямые указания на дарение земель вместе с сидевшими на них людьми. К ним относится интересная надпись о продаже земель Лаодике царем Антиохом II в 253 г. до н. э.⁵³ Этот документ состоит из трех надписей. Первая — обращение к стратегу (?) Метрофану, вторая — распоряжение Метрофана, третья связана с именем Арридея, управляющего имением Лаодики.

53 OGIS, № 225, = RC, № 18-20.

Приведу полностью те отрывки надписей, в которых говорится о лаой. В первой из них есть следующие строки. «Мы продали Лаодике Паннукоме (далее идет описание земельного участка. — *Е. Г.*) и принадлежащих к этим τόποι λαοί со всеми их домами, со всем, что им принадлежало, и с доходами 59 года за 30 талантов серебра, как и тех лаой, которые, будучи из этой деревни, ушли в другие места» (πεπ[ρά]ξαμεν Λαοδίῃ Πάννου κώμην καὶ τόποι. . . καὶ τοὺς ὑπάρχοντα αὐτοῖς λαοὺς παλαιοῖς οὖν τοῖς ὑπάρχουσιν πάντα καὶ οὖν ταῖς [τοῦ ἐνάτου καὶ πενήκτου] ἐτοὺς προσδοκίαις ἀρχ[η]ρίου τάλαντων τριάκοντα, ὁμοίως δὲ καί, εἰ τίνες ἐκ[τῆς] κώμης ταύτης ὄντες λαοί μετεληλύθασιν εἰς ἄλλους τόπους). В другом месте сказано, что Арридею, управляющему Лаодики, передаются деревня, вилла, относящаяся сюда земля и лаой со всеми их домами и со всем им принадлежащим (κώμην, καὶ τὴν Βαρὴν καὶ τὴν προσδοκίαν χωρὶν καὶ τοὺς λαοὺς παλαιοὺς οὖν τοῖς ὑπάρχουσιν αὐτοῖς πάντα).

Надпись эта вызвала большую литературу и получила самое различное толкование. Как говорилось выше (стр. 130), главным образом на основании этого сообщения М. И. Ростовцев строит свою концепцию о феодализме в эллинистической Малой Азии. Ее поддерживает целый ряд зарубежных ученых, в частности, например, Уэллз, который при издании надписей Лаодики (RC, № 18—20) и переводе их на английский язык употребляет такие термины эпохи феодализма, как, например, βαρὴς — manor-house hold, λαοί — serfs и др. Против точки зрения М. И. Ростовцева выступил А. Б. Ранович. Он считал, что «в надписи Лаодики в акт продажи включаются и крестьяне, но они принадлежат не царю, а селениям: τοὺς ὑπάρχοντα αὐτοῖς λαοὺς»⁵⁴. А. Б. Ранович подчеркивает также, что в тексте речь идет не о продаже крестьян, а о «передаче Лаодике права на те доходы, которые до сих пор с царской земли поступали в казну»⁵⁵.

Однако, как кажется, текст надписи не оставляет никакого сомнения в том, что Лаодике были проданы земли с сидящими на них лаой. Поэтому более права И. С. Свенцицкая, которая констатирует факт продажи лаой (хотя и называет его почему-то передачей). Она пишет: «. . . зависимые крестьяне оказываются прикрепленными к земле, платят подать и могут быть переданы⁵⁶ царем вместе с землей частному лицу»⁵⁷.

Таким образом, факт продажи лаой вместе с землей в надписи Лаодики — факт несомненный, и никто из исследователей не смог его оспорить. Другое дело — что пока он остается не объясненным и не укладывается в рамки тех социальных отношений, которые

⁵⁴ А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 35.

⁵⁵ Там же, стр. 36.

⁵⁶ В надписи определенно говорится — πεπράξαμεν — «мы продали» (а не передали).

⁵⁷ И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 95 сл.

мы привыкли видеть в эллинистических странах. Что же известно из надписи Лаодики о положении лаой, кроме самого факта их продажи?

Во-первых, что они были приписаны к **τόποι** (округам), как и во владениях Мнесимаха.

Во-вторых, что лаой имели свои дома.

В-третьих, что им принадлежало определенное имущество.

В-четвертых, что лаой, которые ушли в другие места, должны были быть возвращены Лаодике.

Подведем итог тому немногому, что нам известно о лаой из перечисленных выше надписей. Земледельцы, сидевшие на царских землях, назывались **λαοὶ Βασιλικοί**. Когда царь дарил своим приближенным или родственникам принадлежавшие ему имения, эти земледельцы из **λαοὶ Βασιλικοί** становились лаой. Они платили подати — **φόρος ἀργυρικὸς καὶ λητουργικὸς** — царю и владельцу той земли, на которой сидели. Лаой имели свое хозяйство, дом, личное имущество, семью. На основании имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных источников⁵⁸ трудно с полной уверенностью говорить об их юридическом положении. Лаой не были лично свободны, царь мог их продавать и дарить вместе с той землей, на которой они сидели.

Положение этих лаой, зависимых земледельцев на царских и частных землях, интересно хотя бы вкратце сопоставить с положением кометов и катойков, жителей ком и катойкий. Выше (стр. 145) ставился вопрос о различном положении лаой и **γεωργοῦντες**, или **γεωργοί**. Последние в отличие от лаой уплачивали определенные подати, но были лично свободны. То же самое можно сказать и о кометах. Положение их определялось словами одной из самых ранних надписей эпохи эллинизма — письма Александра Македонского жителям Приены (OGIS, № 1): **π[άσαν τήν περί] χώραν γινώσκω ἐμὴν εἶναι, τοὺς δὲ κατοικοῦντας ἐν ταῖς κώμας ταύταις φέρειν τοὺς φόρους**. («Я знаю, что все окружающие земли принадлежат мне, живущие же в деревнях должны платить подать».) Жители, о которых идет речь в надписи Александра, были лично свободны и организованы в общины — комы. Зависимость их ограничивалась лишь уплатой фороса. Эти кометы имели свое самоуправление, свою деревенскую власть — комарха и комархию. Помимо того, некоторые комы управлялись диойкетами, имелся там по образцу полиса грамматевс, пять диаконов, **οἰνοφόλαξ**. Постановления деревни иногда датировались гиппархатом того или иного лица по образцу городских архонтов.

Конечно, в зависимости от юридического и фактического положения каждой комы имелись те или иные различия в их поли-

тическом устройстве. Не изучая сейчас этого вопроса, нужно лишь отметить главное, а именно, что кома была единицей самоуправляющейся, а кометы пользовались определенными политическими правами. Деревни ставили различные благодарственные надписи и декреты, посвященные тому или иному событию жизни комы. Для примера из всего множества эпиграфических памятников, свидетельствующих о жизни комы, выберем лишь один интересный документ — надпись⁵⁹, найденную в окрестностях Кизика и изданную Ф. Хазлуком⁶⁰. Следует привести ее текст, состоящий из двух частей (**A** и **B**), полностью, поскольку далеко не все в ней поддается пониманию:

A. «Зевс Халадзий Сотер при Дионисии. . .».

B. «Фракиокометы посвятили богу стелу за хороший урожай, за невредимость плодов, а также за здоровье и спасение землевладельцев (**γεωκτητῶν**) и пришедших к божеству (**τὸν συνερχόμενον ἐπὶ τὸν θεόν**) и живущих в деревне фракийцев (**κατοικοῦντων**). Медий, сын Стратона, богу и кометам, будучи первым диойкетом деревни, стелу на собственные средства восстановил».

Эта небольшого размера стела (0,62—0,82 м) I в. до н. э. найдена в Пандерме в хорошей сохранности. Издатель ее более ранней считает надпись **A**, более поздней — **B**. Само по себе утверждение о одновременности написания двух частей этой надписи, безусловно, верно. Однако более поздней правильнее считать не всю часть **B**, а лишь фразу, начинающуюся словами «Медий, сын Стратона» и до слова «восстановил» — **ἀποκατέστησεν**.

Надпись эта дает характеристику политического устройства Фракиокомы, которое сомнений не вызывает. Интересны сложившиеся в этой деревне социальные отношения. В надписи упоминаются следующие категории: **γεωκτητῆται** (букв. «землевладельцы») «пришедшие к божеству» (**συνερχόμενοι ἐπὶ τὸν θεόν**) и «живущие в деревне». Термин **γεωκτητῆται** вызвал различные толкования. Издатель надписи Ф. Хазлук⁶⁰ видел в них людей, которые могли арендовать землю у Кизика⁶¹. М. И. Ростовцев в «Studien. . .» высказал предположение, что под геоктитами следует понимать крестьян, кометов⁶¹.

И. С. Свенцицкая говорит, что «геоктиты были людьми, получившими право на индивидуальное владение землей в пределах этой деревни. К сожалению, нельзя выяснить, были ли они гражданами полиса или выделились из сельской общины»⁶².

Из всех вопросов, поставленных данной надписью, наиболее интересным представляется тот, на который дал неточный ответ М. И. Ростовцев и не дали никакого ответа Ф. Хазлук и И. С. Свен-

⁵⁸ Недавно была опубликована сильно фрагментированная надпись о положении лаой в царстве Селевкидов (Сирия): A. Landau. A Greek Inscription Found near Helzibah. — JET, t. 16, 1966, № 1.

⁵⁹ F. W. Hasluck. Op. cit., p. 21—23, № 4.

⁶⁰ Ibid., p. 23.

⁶¹ M. Rostowzew. Studien. . ., S. 263, Anm. 1.

⁶² И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 97.

щицкая, а именно: были или нет геоктиты кометами, а в конечном счете — членами общины.

Для решения этого вопроса следует отметить одну деталь надписи, не использованную предшествовавшими исследователями: за здоровье и спасение перечисленных выше трех категорий — геоктитов, пришедших к божеству и живущих во Фракиокоме — ставит надпись четвертая категория жителей этой деревни — кометы Фракиокомы, т. е. тем самым первые три категории кометами не являлись.

Остановимся еще раз на каждой из них в отдельности. **Συνερχόμενοι ἐπὶ τὸν θεόν** И. С. Свенцицкая переводит как «объединенные вокруг божества»⁶³. Однако глагол **συνερχομαι** означает не только «объединяться», но и «сходиться», «собираться». Поэтому кажется более правильным **συνερχόμενοι** перевести не как «объединенные», а как «собравшиеся». Следовательно, здесь подразумевается не определенная социальная категория сельских жителей деревни, а люди, пришедшие из сельской округи на какой-то «престольный» праздник. Близкое к этому толкование слов **συνερχόμενοι ἐπὶ τὸν θεόν** дает и Ф. Хазлук, приводя в качестве аналогии термины **τοῦ θεοῦ συναγωγή** («собрание», «сходка») в одной из надписей Лесбоса и сопоставляя **συνερχόμενοι** с **συμπροεσόμενοι**, что означает «приходить», «сходиться»⁶⁴. Случаи обращения к божеству лиц, собравшихся по поводу моления или ритуальных обрядов, не представляли чего-то исключительного и довольно широко известны из малоазийской эпиграфики. Предположение о «единичности» подобного собрания подтверждает также и сам текст анализируемой надписи фракиокометов. Вспомним, что на поклонение божеству (**ἐπὶ τὸν θεόν**) собрались как «пришедшие», так и «живущие в деревне фракийцев». Тем самым и под вторым термином — **κατοικοῦντες**⁶⁵ — также нельзя видеть социальной категории жителей Фракиокомы. Возможно, что и геоктиты также не относились к числу «живущих в деревне», владея землями по соседству, а живя в Пандерме или даже в Кизике. Трудно сказать, что это были за люди. Можно лишь утверждать, что геоктиты и кометы — различные социальные категории и, поскольку геоктиты не были членами общины, объединять их нельзя. Мнение И. С. Свенцицкой⁶⁶, что геоктиты имели право владеть землей в пределах деревни, ничем не подтверждается.

Таким образом, кометы Фракиокомы выступают как некая единая социальная категория, от своего имени выносящая какие-то решения и ставящая декреты. Эти кометы, члены общины, противопоставляют себя всем другим социальным категориям

комы — и тем, кто живет в деревне, но не является членами общины, и тем, кто туда приходит из соседних местностей на религиозный праздник, и даже тем, кто имеет право владения землей. Приведенная в качестве примера надпись Фракиокомы убедительно показывает также отличие юридического и политического положения кометов от лаой.

Нет необходимости специально останавливаться на положении **κάτοικοι**, поскольку для эпохи эллинизма это была и специфическая, и малочисленная категория сельских жителей. Положение их, как и численность, изменяется лишь начиная с I в. н. э., что выходит за рамки данной темы.

Следовательно, **γεωργοί**, **κωμῆται**, **κάτοικοι** — категории, близкие по своему положению. Они были лично свободны и лишь уплачивали налоги в казну — либо городскую, либо царскую. Лаой же не были лично свободны, они могли быть проданы с той землей, на которой сидели, и в этом состояло их основное отличие от перечисленных выше категорий сельского населения.

Как можно проследить на основе данных эпиграфики, имелся целый ряд категорий сельского населения, о которых ничего не известно. Сюда относятся, например, **σύνιοικοι**, **έτοιμοι**, **ένχώριοι** и др.

Одной из специфических форм эксплуатации сельского населения Малой Азии являлась зависимость ряда местных племен от греческих городов. Когда говорят об этих «зависимых» земледельцах, упоминают обычно лишь мариандинов и Гераклею, педиеев и Приену. Однако если привлечь литературные (в первую очередь Страбона) и эпиграфические источники, то можно проследить, что многие греческие города были основаны на землях местных племен и в какой-то форме продолжали с ними отношения. В ряде случаев это были формы подчинения и эксплуатации, как, например, приведенные выше, в других — какие-то условия жизни, приемлемые для обеих сторон — и для города, и для племени. Например, часть земли города Зедеи принадлежала фригийцам, за которую они платили форос⁶⁷. Девять человек из граждан, специально уполномоченных полисом, занимались упорядочением этих земельных отношений, причем принадлежавшие фригийцам земли не входили в *ager publicus* Зедеи (**ἀνδρας ένν[έα] τὼν πολιτῶν ἐκ τοῦ δήμου ἀνενρετάς τὼν χωρίων τὼν δημοσίων, δαα μὴ Φρόγες έχοντες φόρον έτέλεον**. — «Девять человек граждан из демоса должны быть избраны для обследования общественных земель, кроме тех, за которые фригийцы платят форос»).

Из надписей Приены⁶⁸ известны взаимоотношения ее с зависимым населением — педиеями. Из них мы узнаем, что педиеи владели определенным количеством земель. Видимо, бывали со

⁶³ И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 97.

⁶⁴ F. W. Hasluck. Op. cit., p. 21 f., № 4.

⁶⁵ Здесь этот термин употребляется не в значении «военные поселенцы», а в смысле «живущие», «обитающие» (см. выше, стр. 143).

⁶⁶ И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 97.

⁶⁷ SGDI, № 5532, конец IV в. до н. э.

⁶⁸ О них говорится в IPr., № 3, 14, 15, 16.

стороны тех или иных граждан попытки захвата этих принадлежавших педиеям земель, однако Приена в данном случае охраняла земли педиеев от подобных посягательств. Не случаен поэтому запрет некоему эфесцу владеть теми землями, которыми владели педиеи (των δὲ κτημάτων ὧν [οἱ πε]διεῖς κέκτηνται μὴ εἶναι αὐτῷ κτ[ή]σασθαι. — IPr., № 3). У нас нет прямых данных, однако можно предположить, что педиеи по примеру упоминавшихся выше фракийцев вносили форос Приене в качестве платы за землю.

Насколько можно судить, отношения педиеев с Приеной складывались далеко не мирно: описанию их конфликтов посвящен ряд приенских надписей⁶⁹. Любопытна одна деталь — в борьбе с Приеной педиеи часто привлекали на свою сторону близко расположенный город Магнесию, равно как и последний также привлекал педиеев к участию в этой борьбе (IPr., № 14 и 15).

Каково было социальное положение педиеев, на основании наших источников сказать трудно; видимо, это было одно из местных племен, живших деревнями и уплачивавших форос Приене. Возможно, что их зависимость этим и ограничивалась. Есть основания предполагать, что после открытых вооруженных столкновений с Приеной некоторые из педиеев добились прав паройков 70. И. С. Свенцицкая считает, что с III в. до н. э. «педиеи слились с остальной массой сельского населения приенской хоры и перестали существовать как особая социально-этническая категория», поскольку «в приенских надписях последнее упоминание педиеев датируется началом III в. до н. э.»⁷¹

По этому поводу можно высказать два соображения: во-первых, далеко не всегда *argumentum ex silentio* может быть доказательством того или иного положения, а во-вторых, вряд ли речь могла идти, учитывая острые социальные столкновения между Приеной и педиеями, о каком-то слиянии. Вернее предположить, что исчезновение педиеев было итогом острых социальных и политических конфликтов.

* * *

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что надписи с термином *δουλος* в сельских местностях Малой Азии почти отсутствуют. Более того, упоминаний о «классических» рабах, обозначавшихся такими терминами, как ойкеты и андраподы, встре-

чается также чрезвычайно мало. Об ойкетах говорится в надписи Мнесимаха. Положение их отличается от положения лаой, судя по контексту надписи. В число имущества, закладываемого Мнесимахом, включается: *ἔξω της αὐλῆς εἰσιν οἰκίαι των λαων και των οἰκετών* («вне границ имения находятся дома *λαοί* и ойкетов»), а дальше идет перечисление ойкетов, живущих в местечках Тобалмурах и Периасасострах: *οἱ οἰκέται οἱ κατοικουντες ἐν τούτοις τοῖς τόποις — ἐν Τοβαλμουροις* *Ἐφεσος* *Αδράστου*, *Καδοῦ* *Αδράστου*, *Ηρακλείδης* *Βελετροῦ*, *Τυῖος* *Μανέου* *Καῖκου*, *ἐν Περιασασοτροῖς οἱ κατοικουντες* *Καδοῦ* *Αρμανανδου*, *Ἀδράστου* *Μανέου*.

Обращают на себя внимание следующие факты: во-первых, ойкеты в надписи упоминаются отдельно от лаой; во-вторых, в отличие от лаой все ойкеты перечисляются поименно. Удивляет то, что на такое большое имение у Мнесимаха было только шесть ойкетов, вернее шесть семей ойкетов. Удивляет и перечисление рабов с именами их отцов. Видимо, для сельских местностей критерием рабства не обязательно являлось наличие или отсутствие патронимикона, поскольку, например, в надписи Мнесимаха ойкеты упоминаются с именами не только отцов, но даже и отцов этих отцов: «... ойкеты, живущие в этом месте, в Тобалмурах, — *Ἐφες*, сын *Αδράστα*, *Καδοῦ*, сын *Αδράστα*, *Γερακλίδης*, сын *Βελετρα*, *Τυῖος*, сын *Μανέου*, сына *Καῖκου*. В Периасасострах жили *Καδοῦ*, сын *Αρμανανδου*, *Αδράστου*, сын *Μανέου*»⁷². Судя по надписи, люди эти обрабатывали одни и те же участки, переходившие от отца к сыну, сидя на той же земле в течение нескольких поколений. Следует сказать и о том, что, видимо, не случайно встречается в этом перечислении повторение имен. Его можно поставить в связь с замечанием, сделанным А. Г. Периханяном на основании киликийского материала, о том, что «существовала традиция наследования внуком имени деда или отца, и, таким образом, внутри одного рода из поколения⁷³ в поколение циркулирует довольно ограниченное число имен». Издатели надписи Мнесимаха У. Баклер и Д. Робинсон отмечают, что почти все имена ойкетов носят местный характер. Так, *Αδράστου* — имя, хорошо известное во Фригии и Лидии, корень «*Αδρα*» негреческого происхождения. Имя *Αρμανανδ* лидийское, имеются созвучные ему и в Писидии, лидийское имя — *Βελετρ*; *Γερακλίδης* — имя греческого происхождения, но часто встречающееся в лидийской эпиграфике, *Καδοῦ* — фригийско-писидийское, *Καῖκου* часто упоминается в Лидии и Мисии, *Μανέου* — во Фригии и Пафлагонии, *Τυῖος* — имя пафлагонское. Анализ имен ойкетов, данный У. Бак-

⁶⁹ О борьбе педиеев с Приеной см. ниже, стр. 186.

⁷⁰ Это можно предположить на основании плохо сохранившейся надписи IPr., № 16=RC, № 8, состоящей из четырех фрагментов. В первом из них имеются строки: *ἐν ἡμέραις τριάχοντα/αι ζαροῦχεν* *αἱ ἐν τ. . .

⁷¹ И. С. Свенцицкая. Указ. соч., стр. 95.

⁷² В статье И. С. Свенцицкой «Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии» (стр. 99) дается неточное перечисление имен этих ойкетов — пропущено имя *Καδοῦ*, сына *Αδράστα*; *Τυῖος*, сын *Μανέου*, назван *Τιτῷ*. ⁷³ Периасасотры — Периасасотрами.

А. Г. Периханян. Указ. соч., стр. 75.

лером и Д. Робинсоном, убедительно показывает, что все эти ойкеты были не греками, а местными уроженцами⁷⁴.

Надпись дает возможность поставить еще один вопрос. В строке 14 упоминается о каком-то изъятии (ἐξαιρημα)⁷⁵ из имений Мнесимаха, в результате которого некие Адраст и Питей получили усадьбу (οὐλή)⁷⁶. Это «изъятие» было сделано в Тобалмурах, т. е. как раз там, где жили ойкеты Эфес, сын Адраста, и Кадой, сын Адраста. Подобное совпадение имен и местности позволяет предположить, что оба ойкета были сыновьями Адраста, получившего в Тобалмурах усадьбу. Несомненно, что лицом, «изъывшим» земельный надел из владений такого крупного чиновника, как Мнесимах, мог быть либо он сам, либо царь и никто иной. Какое же отношение Питей и Адраст имели к одному из диадохов? Сказать этого с уверенностью нельзя, но можно предположить, что оба эти лица могли воевать в войске Антигона и получили усадьбу в награду за свою службу. Об аналогичной ситуации при царе Эвмене сообщает Плутарх (Еum., 8), который говорит, что Эвмен после победы 322 г. сделал остановку в Селене во Фригии и своим отличившимся военачальникам дал укрепленные дома и усадьбы (επαύλεις). Однако это лишь предположение, недостаточно подтвержденное источниками.

Таким образом, ойкеты, жившие в окрестностях Сард, где находилось имение Мнесимаха, имели дома (οικία), подобно лаой, и какое-то хозяйство. Они из поколения в поколение сидели на одних и тех же участках и обрабатывали их. Эти ойкеты были домашними рабами, выросшими и воспитанными в семье своего господина и получившими затем какие-то наделы и дома. Между социальным и юридическим положением лаой и ойкетов нельзя проследить существенного отличия. Видимо, в сельской местности раб — ойкет, имевший свой дом и имущество, был фактически приравнен к лаой.

В сельских районах Малой Азии помимо ойкетов встречаются также андраподы. Как говорилось выше (стр. 138), в классическом рабстве ἀνδράποδα приравнивались к τετράποδα и в нормах римского рабовладения могут быть определены как instrumentum vocale. Однако в сельских районах Малой Азии наблюдается иная картина. Андраподы на острове Теосе, например, в конце IV в. до н. э. (SEG, II, 2, № 579) имели право заниматься торговлей, о чем можно судить на основании специально сделанной в надписи оговорки — «если кто из андраподов продает лес или что-то другое» (δοα δ'αν τῶν ἀνδράποδων τις ξύλα ἢ ἄλλο τι πωλήι). Эти андраподы

кроме торговли могли также заниматься ткачеством. Теосская надпись дает перечисление довольно развитой специализации ткацкого производства: андраподы изготовляли верхнее женское платье (χλάνδια), шерстяные одежды (ἀπλῆχονα ἐρίνεα), одежду из милетской шерсти, платье из жесткой (τροχηίων) и мягкой (μαλαχών) шерсти. Для окраски этой ткани они покупали и ввозили пурпур из других местностей, возможно и отдаленных.

В надписях Теоса имелись, с одной стороны, пахари, наемные работники, торговцы и ремесленники, с другой — ἀνδράποδα. Несмотря на определение Я. А. Ленцмана, который писал, что в отличие от слова δοῦλος, которое «означало человека несвободного, но все же человека», ἀνδράποδα «обозначало только вид имущества — instrumentum vocale»⁷⁷, мы для Малой Азии подобного вывода сделать не можем. Во-первых, андраподы наряду со всеми свободными жителями деревни получают ателию на 10 лет на продукты своего ремесла — в этом различия между полноправным и неполноправным не делается. Во-вторых, они наряду со свободными занимаются торговлей и ремеслом. Обращает на себя внимание тот факт, что, согласно этой надписи, андраподы Теоса не занимаются земледелием.

Помимо перечисленных выше, эпизодически встречаются свидетельства о οἰκιστά, которые главным образом связаны с ателией на провоз их в какой-либо город и не могут дать никаких других сведений. Нельзя не отметить и полного отсутствия данных о вольноотпущенниках.

Таким образом, наши сведения о рабстве в сельских районах эллинистической Малой Азии скудны и отрывочны. Данные эти не позволяют ничего сказать о целом ряде важнейших вопросов, например, о соотношении труда рабов и зависимых земледельцев, об использовании и масштабах применения рабского труда, об источниках рабства, о долговом рабстве, о рынках рабов и т. д. и т. п.

В противоположность этому имеются многочисленные свидетельства о различных категориях сельского населения, начиная от λαοὶ Βασιλικοί, продававшихся вместе с землей, на которой они сидели, и кончая свободными крестьянами, ставившими декреты от имени своих деревень. Видимо, это сельское население, находившееся на различных ступенях зависимости, и было основным производителем материальных благ в государствах эллинистической эпохи.

⁷⁴ W. H. Buckler D. M. Robinson. Op. cit., p. 28.

⁷⁵ В словаре Лидделла—Скотта ἐξαιρημα—«reserved portion of an estate».

⁷⁶ Значение этого слова неоднократно обсуждалось, но обычно его употребляют в значении «жилище», «двор». Лидделл и Скотт переводят его как «open court before the house, courtyard», более позднее значение — «court or quadrangle, round which the house was built».

⁷⁷ Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 59.

СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

Вопрос о социальных движениях эпохи эллинизма в историографии обычно сводился к изучению причин и хода восстания Аристоника. Нет сомнения, что фигура Аристоника являлась наиболее яркой, а движение это получило широчайшее распространение по всей Малой Азии, разделив ее на два враждующих и сражающихся лагеря. Однако, помимо того, в источниках имеются указания на другие, самые различные формы социальных движений, нередко перераставших в острую борьбу. Сюда можно отнести взаимоотношения между греческими городами и эксплуатировавшимися ими сельским населением. Одним из примеров тому служит Приена и окружавшие ее местные жители — педиеи. Обычно считают, что это были жители примыкавшей к городу равнины, с которых Приена получала определенный форос.

Отношения их состояли чаще всего из ряда конфликтов, переходивших иногда в вооруженные столкновения. Известно, например, что в III в. до н. э. педиеи напали на хору Приены, разграбили жилища и многих горожан убили. Как лаконично сформулировано в одной из надписей¹, Πεδιεῖς δὲ τῇ[v]. . . / καὶ πολλοὺς μὲν Πριηνέων // [ἀποκτείναντες τὰς αὐτῶν αὐλὰς διήρπασαν. Несомненно, что тут имело место острейшее социальное столкновение; борьба, закончившаяся захватом хоры города и убийством граждан, была упорной и ожесточенной: вытоптаны посевы, погублен выращенный горожанами урожай (в надписи есть слова: ... τὴν χώραν ἐφθέρων). Приена была доведена до полного опустошения.

Положение осложнялось еще тем обстоятельством, что иногда педиеи выступали против Приены в союзе с Магнесией (IPr., № 14). В этом случае Приена обращалась за помощью к эллинистическим монархам. В упомянутой выше надписи, чтобы умиротворить педиеев, права паройков обещал им царь Лисимах (?); однако это обещание Приене не поюгло, и город был разграблен. Интересно, что в ряде надписей встречается формула ἐπὶ τοῖς Μάγνη-² τας καὶ τοῖς ἄλλοις πεδιεῖς³, подчеркивающая, что приенцы воспринимали магнесийцев и педиеев как нечто единое — вернее, как общего врага. Тогда, чтобы устоять против совместного недруга, Приена отправляла посольство к царю с просьбой о помощи, и он посылал свои войска. Не случайно поэтому приенцы в честь Лисимаха поставили почетный декрет, в котором говорится, что Лиси-

мах отправлял им свои войска на помощь «и прежде. . . и теперь» (καὶ νῦν ἀπο3|τεί|λας δύναμιν— IPr., № 14).

Педиеи выступали против Приены, умело используя самые трудные для города времена. Так, например, когда около 278 г. на Приену напали галаты, против города восстали также многие из живущих в хоре—πολλοὶ| [τῶν σπαιοσάν]των ἐν τῇ χώρᾳ κατὰ [τόμ] πολλῶν ἀν[τ]. . .] (IPr., № 17). Есть все основания предположить, что в числе этих восставших были и педиеи. Обстоятельства складывались для Приены чрезвычайно неблагоприятно. Галаты захватили хору и многих из живших там граждан обратили в рабство (πολλοὺς μὲν ἀρχιολώτους ελαβον). Для того чтобы спасти положение, было создано ополчение из граждан и домашних рабов (δοῦλους οἰκτροφούς), что являлось крайней мерой, на которую полис шел лишь в исключительных случаях.

На основании этих немногочисленных данных все же создается впечатление, что жители земель, окружавших Приену, педиеи, в целом ряде случаев ставили город в чрезвычайно трудное положение. Этот факт свидетельствует о многочисленности и силе этого племени. В данном случае нельзя говорить лишь о подчинении и эксплуатации слабейшего сильнейшим. Педиеи отстаивали свои земли и свои права от посягательств Приены любыми средствами, вплоть до вооруженных столкновений. Несомненно, что эти конфликты были лишь одной из страниц той социальной борьбы, о которой мы узнаем из скупых и отрывочных данных малоазиатских надписей.

Таким образом, педиеи как равные выступали наряду с полисами на политической арене того времени. Они чрезвычайно напоминают другой местный этнос — индипейдиатов, живших рядом со Стратоникеей на Каике. Это племя пользовалось даже определенными политическими правами и чеканило свою монету с легендой IVΔ 4.

Тип отношений между Приеной и педиями был характерен и для других греческих городов с окружавшим сельским населением. В качестве примера можно привести отношения Аполлонии с жителями принадлежавшей ей хоры. Эти племена, горные и равнинные салеицы, старались с помощью центральной власти защититься от бесцеремонного хозяйничанья города. Видимо, Аполлония взимала с этих деревень налоги, произвольно устанавливая их размеры. Это положение, имевшее место в III в. до н. э., сохранилось и в более позднее время, на что указывает надпись⁴, в которой отношения города и местных жителей (τῶν ἐγχωρίων) прямо оцениваются как «противоположные» (ἀντιτείνεμενους). Любопытно отметить, что в этих взаимоотношениях хора предстает

¹ О них говорится в IPr., № 3, 14, 15, 16.

² RC, № 8 B. Надпись эта плохой сохранности, дошла до нас в виде четырех фрагментов (A, B, C, D).

³ Например, IPr., № 14 и 15.

⁴ L. Robert. Villes d'Asie Mineure. Paris, 1935, p. 54.

⁵ L. et J. Robert. La Carie. Histoire et géographie historique avec le recueil des inscriptions antiques, v. II. Paris, 1954, № 167.

как нечто единое, как какая-то социальная категория, монолитно противостоявшая городу и имевшая противоположные ему интересы. Согласно сведениям Псевдо-аристотелевой «Экономики» (II, 1349a, 3—8), те же враждебные отношения были и у Абидоса с жителями хоры. Не случайно там говорится, что его поля не были обработаны из-за восстания последних (δια στασιασμόν). Можно предположить, что местные сельские жители выступали против города так же, как то имело место в Приене и Аполлонии.

К сожалению, скудость наших источников не позволяет проследить, как складывались отношения целого ряда греческих полисов с их хорой. Видимо, несмотря на отсутствие данных, можно все же сказать, что, как правило, эти отношения были далеко не мирными и полны острых социальных конфликтов.

Помимо враждебных столкновений греческого полиса с местным сельским населением имели место и другие формы социальных конфликтов. Несмотря на скудость источников, есть ряд сведений о побегах рабов, как городских, так и частных, от своих господ. Следует, правда, отметить, что мы узнаем об этих конфликтах из надписей в честь того или иного лица, участвовавшего в подавлении этого движения. Не удивительно, что почетный декрет многословно восхваляет заслуги чествуемого лица и лишь скупом упоминает о том, что послужило поводом к постановке декрета, — о выступлении рабов. Это, например, имеет место при описании заслуг лица, вернувшего Кабире ее рабов. Обстоятельства дела следующие: 107 общественных рабов, принадлежавших городу Кабире, бежали, воспользовавшись землетрясением, на свободу. Эти δημόσοι δούλοι были пойманы затем специальным отрядом, посланным городом в погоню за ними. Вероятно, рабы оказали сопротивление преследователям, поскольку в декрете, рассказывающем об этом событии (IGRR, IV, № 914), употребляется термин ἐγγεικήσαντα — «победивши». Однако рабы не имели оружия, они снова были возвращены городу. За заслуги перед Кабирой народное собрание поставило декрет в честь лица, которое стояло во главе этой экспедиции.

На острове По, одном из небольших соседних с Делосом островов Эгейского моря, в конце IV—начале III в. до н. э. рабы, ἀνδράποδα, принадлежавшие местным господам, воспользовались тем, что триеры находились без охраны, и пытались убежать с острова⁷. За ними город послал погоню, и все они были водворены назад к своим хозяевам. К сожалению, это скупое сообщение не содержит никаких более подробных сведений, да и ими мы обязаны постановлению в честь некоего Зенона, который участвовал в поимке рабов. Неизвестно ничего, кроме этих скудных данных, —

⁶ OGIS, № 773 — υπέρ των ἀνδραπόδων των ἀποδράντων ἐπὶ τοῦ ἐπὶ τῶν πλοίων τῶν ἀφρχῶν.

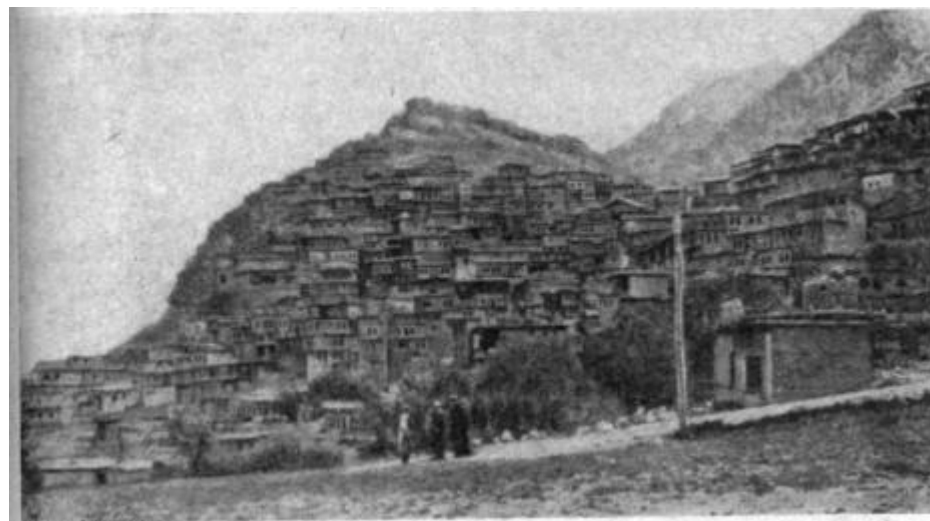

Рис. 6. Район античной Аполлонии (совр. Улуборлу)

ни того, что было непосредственным поводом к побегу, ни того, каким способом побег был осуществлен.

Можно, правда, предположить, что эти рабы вряд ли были местными уроженцами. В противном случае маловероятно, чтобы они бежали со своей родины, бросив детей и родных. Являлись ли эти рабы военнопленными или рабами, привезенными на продажу из других местностей, также трудно сказать. Несомненно одно — положение их было в высшей степени тяжелым, и они рисковали даже жизнью, чтобы вырваться на свободу. В надписи с острова По они обозначены термином ἀνδράποδα, более всего близком, по справедливому наблюдению Я. А. Ленцмана, к instrumentum vocale; и не случайно «в послеклассическую эпоху слово „андрапод“ применяется в литературных источниках обычно в контекстах, связанных с побегами и продажей рабов».

Ко времени, предшествующему восстанию Аристоники, выступления рабов в городах участились. За плохое обращение был убит своим рабом Деметрий из Амидзона⁸. В ответ на это полис сурово

⁷ Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 60.

⁸ L. Robert. Etudes Anatoliennes. Paris, 1937, p. 289; M. Rostovtzeff. SENHW, p. 1521, note 76. М. И. Ростовцев относит эту надпись ко времени восстания Аристоники. Однако более правильной представляется точка зрения В. Вавржинека, считающего, что это событие имело место еще до выступления Аристоники (V. Vavrinek. Povstani Aristonikovo. — «Rozpravy Ceskoslovenske Akademie Ved», т. 67, 1957, ses. 2, str. 20).

наказал раба, нарушившего нормы рабовладельческого права. Он был распят в назидание таким же, как и он, рабам, чтобы те не могли посягать на жизнь своих господ.

Таким образом, приведенный материал не позволяет согласиться с выводом М. И. Ростовцева, сделанным им применительно к Малой Азии, когда он пишет, что в отличие от *λαοί* Египта «the serfs of Asia Minor were passive and silent and until the time of Aristonicus there were no outbursts of discontent» («рабы Малой Азии были пассивны и молчаливы, и вплоть до времени Аристоника всплеск недовольства не было»).

Среди социальных движений Малой Азии эпохи эллинизма бесспорно наиболее ярким являлось восстание Аристоника, охватившее значительное количество областей и устранившее римлян свыше трех лет (132—129 гг.). Это было одно из крупных восстаний, поразивших Римское государство во 2-й половине II в. до н. э. Сюда следует отнести, кроме Аристоника, восстания рабов в Сицилии, Македонии⁹, Аттике¹⁰ и на Делосе¹¹. Несомненно, что в то время имелся также целый ряд более мелких выступлений, не получивших «общегосударственного» характера, о которых до нас не дошли сведения в источниках.

О восстании Аристоника источники сообщают сравнительно много. Наиболее подробно из всех античных авторов о нем говорится у Страбона. Приведем его свидетельство полностью,

«Когда умер Аттал, сын Филометора, Аристоник побудил городок (Левку. — *Е. Г.*) восстать. Он хотел стать царем и выдавал себя за потомка царского рода. Аристоник бежал из Смирны после того, как потерпел поражение от эфесцев в битве при Кимах. После этого он пошел во внутренние области и собрал там бедняков и рабов, которым обещал свободу, назвав их гражданами города Солнца. Он сначала совершил нападение на Тиатиру, потом захватил Аполлонииду и другие укрепленные пункты. Однако города отправили большие войска, им дали военные силы Никомед Вифинский и цари Каппадокии. Из Рима прибыло пять послов, а затем войско под командованием консула Публия Красса. Марк Перперна победил в этой войне, захватил в плен Аристоника и отправил его в Рим» (Strabo, XIV, 1, 38).

В свидетельстве Страбона упущен целый ряд моментов. Он, например, не пишет, когда Аристоник овладел пергамским флотом или хотя бы частью его кораблей, а ведь без этого была бы невозможна морская битва с эфесцами. Неизвестным нам путем Ари-

стоник вторично восстановил свою морскую мощь уже после поражения при Кимах. М. И. Ростовцев считает, что он добился этого с помощью пиратов¹³, но это лишь предположение, не подтвержденное источниками.

Помимо Страбона, ряд авторов также говорит об этом восстании и о его вожде Аристонице¹⁴. Так, например, Беллей Патеркул (II, 4, 1) передает версию о царском происхождении Аристоника, указывая: *Aristonicus. . . mentitus regiae stirpis originem*.

О движении Аристоника в историографии имеется только одна специальная работа чешского историка В. Вавржинека¹⁵. Помимо того¹ о ходе восстания говорится и в некоторых книгах, посвященных истории Пергамского царства (например, в работе Кардинали¹⁶) и образованию провинции Азии¹⁷. Ряд работ касается также отдельных вопросов, связанных с восстанием Аристоника¹⁸.

Из всех исследователей В. Вавржинек наиболее всесторонне анализирует причины и ход восстания, изучает социальный состав восставших, центры и район распространения движения Аристоника, идеологию и политические требования его участников. Он справедливо отмечает вслед за О. Н. Юлкиной, что движение это началось еще до смерти Аттала III, и как более вероятной датой начала восстания считает осень 133 г. до н. э. В. Вавржинек ссылается при этом на два свидетельства Аппиана. В первом (Mithr., 62) говорится, что война против Аристоника длилась четыре года, во втором (BC, I, 17) — что восстание началось после убийства Тиберия Гракха.

Не будем касаться всех проблем, связанных с этим движением и детально исследованных чешским ученым В. Вавржинеком. Отсылая читателя к этой работе, остановимся в настоящее время лишь на одном вопросе — на характеристике социального состава восставших и отношения к ним различных слоев населения Малой Азии.

Социальный состав войск Аристоника в историографии обычно

¹³ M. Rostovtzeff. *SEHNW*, p. 1522, note 79.

¹⁴ Liv., Per., 59; Flor., Ep., I, 35; Eutrop., IV, 20, 1; Just., XXXVI, 4, 6; Gros., V, 10.

¹⁵ V. Vavrinek. Op. cit., str. 1—62. На ту же тему написана неопубликованная кандидатская диссертация О. Н. Юлкиной, защищенная в 1948 г. (см. ее статью «Пергамский декрет 133 г. до н. э.» — ВДИ, 1947, № 4, стр. 160).

¹⁶ G. Cardinali. *Il regno di Pergamo*. Roma, 1906.

¹⁷ P. Foucart. La formation de la province romaine d'Asie. — *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres*, t. 37, 1903, p. 297 s.

¹⁸ T. R. S. Broughton. Stratoniceia and Aristonicus. — *Class. Phil.*, XXIX, 1934, p. 252 f.; L. Robert. *Villes d'Asie Mineure*; F. I. Dölger. *Die Sonne der Gerechtigkeit und der Schwarze*. Münster, 1918; D. R. Dudley. Blossius of Cumae. — *JRS*, 31, 1941, p. 94 f. Ставится вопрос о движении Аристоника и в работе Иозефа Форта (I. Vogt. *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*. Wiesbaden, 1965, S. 61-68).

9 M. ¹⁰ Rostovtzeff. *SEHNW*, p. 509.

О малоизвестном восстании этого времени в Македонии сообщается в сочинении Августина «De civitate dei», III, 26, где говорится: *neque id solum fuit servile bellum, sed et Macedonian! provinciam prius servitia depopulata sunt et deinde Siciliam et oram maritimam*.

¹¹ Gros., V, 9; Diod., XXXIV, 2, 19.

¹² Gros., V, 9; Diod., XXXIV, 2, 19.

определяется словами Страбона «беднота и рабы» (**ἀπόρο** те **σθρό-
πων και δούλων** — XIV, 1, 38). Однако не уточняется, что это была
за беднота и откуда она появилась, какие именно рабы были
в составе этого войска. М. И. Ростовцев подчеркивает, что «эта
война была — и, возможно, с самого начала — войной угнетаемых
(oppressed) против угнетателей (oppressors), борьбой страны
против городов, рабов (slaves) и крепостных (serfs) против их
господ»¹⁹. В. Вавржинец большее значение придает не бедноте,
а рабам, называет Аристонику «молодой царь рабов»²⁰. Он говорит:
«Восстание рабов (les esclaves) не закончилось в 129 г.», а ниже
(под 128 годом)²¹ сказано: «окончилась революция пергамских рабов
(des esclaves)»²². В этой работе неоднократно говорится также,
что Аристонику «опирался на низшие слои населения, а именно
на рабов»²³.

В. Вавржинец считает, что восстание рабов возникло до Аристо-
ника и независимо от Аристоники, который использовал это дви-
жение в своих целях. Несмотря на многократное повторение в своей
работе тезиса о «рабском» характере восстания Аристоники,
В. Вавржинец тем не менее отмечает, что оно нашло поддержку
среди эксплуатируемых земледельцев, бедноты, варваров, обита-
вших в горах, части пергамских наемников-фракийцев и даже
кельтов²⁴. Таким образом, В. Вавржинец, подчеркивая по пре-
имуществу роль рабов в этом движении, присоединяет к нему всех
«угнетенных», без каких-либо социальных определений и раз-
личий.

Как было выше сказано, в источниках о социальном составе
восставших говорится лишь у Страбона, определявшего их как
«бедноту и рабов». Другие авторы об этом вопросе умалчивают.
Поэтому, не имея прямых данных, которые могли бы помочь при
решении данной проблемы, постараемся найти ряд косвенных
сведений. Важнейшим источником по данному вопросу может
служить пергамский декрет Атталы III²⁴. Декрет этот должен был
привлечь на сторону Пергама тех, кто мог бы стать участником
движения Аристоники, тех, кто, соблазнившись различными
обещаниями, должен был променять участие в повстанческой армии
на городское ополчение Пергама.

Пергамский декрет большое внимание уделяет дарованию
прав паройков царским и общественным рабам (**τοὺς βασιλικούς ...
και τοὺς δημοσίους**) и вольноотпущенникам, как мужчинам, так и
женщинам, как молодым, так и пожилым. Декрет предоставляет
также преимущества участникам городского ополчения, стараясь,

чтобы те не перешли к восставшим. Сюда относятся и включенные
в списки паройки, и воины из города и хоры, и целый ряд пер-
гамских наемников — македонцы, мисийцы, масдоэны²⁵, а также
стража и наемники, жившие в городе или имевшие там собствен-
ность. Для того чтобы еще вернее удержать эти слои от перехода
к восставшим, декрет дает права гражданства их женам и детям.
Прямой угрозой звучат слова о конфискации имущества тех, кто
все же покинет город и перейдет к восставшим.

Таким образом, Пергам предпринимал все возможное, чтобы
удержать рабов, вольноотпущенников, воинов, городскую стражу
и царских наемников. Видимо, именно эти слои населения могли
в первую очередь оказаться и оказывались на стороне восставших,
покидая город и присоединяясь к войску Аристоники.

Есть основания предположить, что положение, сложившееся
в Пергаме, при Аристоники имело место и в других крупных горо-
дах Западной Малой Азии.

Данные пергамского декрета следует сопоставить с рядом
других источников. Так, например, Валерий Максим (III, 2, 12)
и Орозий (V, 10) говорят, что к Аристонику присоединилось много
фракийских наемников. Участие фракийцев на стороне Аристоники
подтверждается одной из интересных надписей того времени,
поставленной в честь Менаса, сына Менета, и относящейся к пе-
риоду восстания; помимо фракийцев к движению примкнули
племена Мисии Аббаитской и Аббретены. Они захватили хору
ряда городов Западной Малой Азии и угрожали самим городам.
Эти племена осадили Кизик, жители которого отправили посольство
некоего Махаона с просьбой о помощи к наместнику Македонии
Косконию (OGIS, № 339). Однако последний не смог помочь горо-
ду, так как македонские войска были заняты подавлением вос-
стания в собственной стране.

Впоследствии эти племена захватили северные области
Пергамского царства. К восставшим присоединились все сельские
местности центральных районов Малой Азии. Есть основания
также предположить, что к движению Аристоники примкнул
целый ряд мелких городков во внутренних районах Малой Азии.
Царские чиновники Атталидов жестоко собирали с них подати,
размер которых они устанавливали по своему усмотрению. Харак-
терна в этом смысле судьба Писидийского городка Амлады
(RC, № 54). Когда в 168 г. напали галаты, жители Амлады, восполь-
зовавшись этим обстоятельством, изгнали, а может быть, и пере-
били пергамский гарнизон. После поражения галатов в 166 г.
Атталиды сурово расправились с восставшими, взяв с них большой
штраф и заложников. Вполне вероятно, что через тридцать с лиш-

¹⁹ M. Rostovtzeff. SEHW, p. 808.

²⁰ V. Vavrinek. Op. cit., str. 46.

²¹ Ibid., str. 51.

²² Ibid., str. 30.

²³ Ibid., str. 31.

²⁴ OGIS, № 338 = IGRR, IV, № 289.

²⁵ Значение этого термина неясно, по этому поводу существуют различ-
ные точки зрения. У. Рамсей считает их наемниками-нафлагонцами
(W. Ramsay. The Historical Geography of Asia Minor. London, 1890,
p. 126). Того же мнения придерживается и Канья (IGRR, IV, № 289).

ним лет повторилась **подобная** же ситуация — Амлада присоединилась к восставшим, уничтожила пергамский гарнизон и получила таким образом свободу. У нас нет точных сведений, но можно предположить, что какая-то часть жителей Амлады сражалась в войсках Аристоники.

В противоположность этому большие приморские греческие города Западной Малой Азии Аристоники не поддерживали, так как по завещанию Атталы им была обещана автономия и освобождение от налогов. Кроме того, граждане этих городов были напуганы широким размахом движения, которое опиралось на низшие слои населения.

Ход восстания, видимо, можно подразделить на два этапа, каждый из которых характеризовался различным социальным составом. Первый из них — от начала движения и до захвата в плен Аристоники. Здесь к нему примкнули бежавшие из городов рабы и вольноотпущенники, паройки и наемники Атталидов и крупных греческих городов. Последние, однако, резко выступили против этого движения и принимали все меры, чтобы удержать население своих полисов от перехода на сторону восставших. Этот период можно по преимуществу определить как «рабский».

Второй период движения начался уже после отправки Аристоники в Рим. К моменту прибытия в Азию консула Мания Аквилы вся Кария, Лидия, Мисия, а частично и Фригия были охвачены восстанием. Римляне не смогли дать восставшим ни одного крупного сражения, на что надеялись их полководцы. Армия сражалась против крестьян, и борьба эта сводилась к мелким стычкам, после которых местные жители спасались бегством в горы, куда римляне углубляться не осмеливались.

Таким образом, если, как говорилось выше, первый период восстания может быть определен преимущественно как «рабский», то второй его период характеризуется широким участием в движении крестьян, жителей сельских местностей. К восстанию примкнули также независимые, в первую очередь горные, племена. На сторону движения стали мелкие городки центральных районов Малой Азии, страдавшие от господства и произвола Атталидов. Восстание в полном смысле слова охватило всю страну.

Относительно идеологии восставших в историографии до появления работы В. Вавркинека существовало никак не оспаривавшееся мнение о том, что в основе представления восставших о государстве социальной справедливости лежала утопия Ямбула. Однако Вавркинек отказался от этой точки зрения, считая, что корни идеологии восставших лежат «в религиозных представлениях Малой Азии и прежде всего в культе „Справедливого солнца“», который он ищет в эпиграфических памятниках, посвященных $\Theta\sigma\iota\omega \Delta\iota\kappa\epsilon\omega$ ²⁶. Однако, говоря об идеологии восставших, В. Вавр-

жинек допускает определенное противоречие. С одной стороны, он считает движение Аристоники преимущественно восстанием рабов, с другой — корни идеологии ищет в местном малоазийском культе. В. Вавркинек не учитывает того обстоятельства, что рабы по большей части не были местными уроженцами, они были привезены отовсюду, национальность их, родина, происхождение и религия были различны, поклонялись они разным богам. Лишь некоторый процент этих рабов, живших в городах Малой Азии, преимущественно в западной ее части, был местного происхождения, но большая часть их поступала извне. Этим рабам были чужды фригийские, лидийские и карийские боги.

Таким образом, эти два положения, выдвинутые В. Вавркинеком, противоречат друг другу. Если основной силой движения были привозные рабы, то корни их идеологии нельзя искать в местных культах, и, наоборот, если идеология восставших вытекала из культов местных богов, то, следовательно, основной силой движения были не привозные рабы, а местное население. И в том и в другом случаях нельзя обойти молчанием вопрос, каковы же были религиозные верования того сельского населения, которое в значительной степени составляло питательную среду восстания. Нельзя же всю идеологию восстания сводить лишь к одной утопии Ямбула и совершенно элиминировать те религиозные представления, которые имелись у массы сельских жителей эллинистической Малой Азии. Следует оговорить, правда, что сведения по этому вопросу скудны и отрывочны.

Для изучения идеологии сельского населения определенный интерес представляют эпитеты и локальные «прозвища» богов, покровителей той или иной деревни. Не случайно, безусловно, в одной из деревень в окрестностях Кизика встречается Аполлон Мекастен. Издатель надписи Ф. Хазлук связывает это имя с именем реки Макеста ²⁷. Допускает он возможность происхождения его и от названия горы Макист на Лесбосе, что, однако, кажется менее вероятным, чем первое предположение, поскольку река Макест от Кизика находится втрое ближе, чем Лесбос. Кроме того, Макест был самой крупной рекой в окрестностях Кизика, и естественно назвать ее именем божество — покровителя одной из близлежащих деревень. В данном случае мы видим интересное сочетание поклонения греческому богу Аполлону и местному речному божеству, персонифицированному в культе реки Макеста.

Известно также поклонение речному божеству (Ποταμόν) ²⁸, широко распространенное во Фригии. Археологическими раскопками в районе совр. Эскишехира были обнаружены небольшое

²⁷ F. W. Hasluck. *Unpublished Inscriptions from the Cyzicus Neighbourhood*. — JHS, XXIV, 1904, № 1 — посвящение Менодора Ἀπόλλωνι Μεχαστηνῷ.

²⁸ «Hellenica», X, 1955, p. 90.

святилище бога Потамоса и стелы, посвященные этому боже-
ству²⁹. Имелся также культ Луны, Селены, многочисленные ее
изображения встречаются на votивных стелах и надгробных
рельефах³⁰. Определенный интерес представляют многочисленные
надписи в честь Гелиоса. Поклонение силам природы ска-
зывается в клятвах и проклятиях, дошедших до нас в эпиграфике
Малой Азии. Житель Пафлагонии, принося Августу клятву
верности, клянется самым для него священным: в случае измены
не будет ему ни земли, ни моря, ни урожая (μήτε γῆ, μήτε θάλασ-
σα, μήτε καρποῦς—IGRR, III, № 137). В той же клятве из Пафла-
гонии говорится: «Клянусь Зевсом, Землей, Солнцем (Αἰα, Γῆν,
Ἥλιον) и всеми богами, что буду верно служить императору,
его детям и потомкам в течение всей жизни». Из божеств, оли-
цетворявших силы природы, наиболее популярными были Земля
(Γῆ) и Солнце (Ἥλιος). Обожествление сил природы персонифи-
цировалось и в почитании нимф, которым также возносились
молитвы за плодородие и сохранение урожаев. Одна из надписей,
в частности, обращена к Νύμφας καρποδοτεῖρας³¹.

Вся жизнь сельского населения зависела от того, хорошим
или плохим будет урожай данного года. Большое значение имело
для Малой Азии с ее засухами и недостаточным количеством
воды, какое количество дождей выпадет, так как для искусствен-
ного орошения воды не хватало. Именно этим объясняется боль-
шое количество дошедших до нас из сельских общин надписей —
молитв, обращенных к местному божеству с просьбой ниспослать
хороший урожай, сохранить и взрастить посаженные крестьянами
плоды. К числу этих надписей относится упоминавшееся выше
(стр. 179) обращение фракиокометов к Зевсу Халадзию Сотеру
с просьбой сохранить хорошим урожай и целостность плодов³².

Такие молитвы божеству наряду с заботой об урожае часто
содержат просьбы сохранить здоровье и самих кометов. Известно,
например, обращение к богам жителей деревни сохранить их самих
и их виноградики — τῆς ἐαυτοῦ οἰκίας καὶ τῶν ἰδίων οἰκῶν (GIG,
№ 2054).

Одна из деревень, расположенных на Кипре³³, возносила мо-
литву божеству за здоровье του Ἀμαθουσίω[ν δήμου] и плодов (τῶν
καρπῶν). Пастухи возносили просьбы богам за своих собак, кото-
рые им помогали охранять стада³⁴.

На непосредственность и наивность религиозных верований
жителей сельских местностей указывают обращения и посвящения

«богу И кометам» (τῷ θεῷ
καὶ τοῖς κομήταις)³⁵. К бо-
жеству обращались все
жители общины без каких-
либо социальных ограни-
чений; все, вознося мо-
литвы богу, были равно-
правны перед его лицом.
Не случайны поэтому над-
писи в честь того или
иного бога, поставленные
от имени «мужчин и жен-
щин, свободных и ойке-
тов»³⁶.

Интересны также по-
священия Зевсу и госпо-
дам (Δι καὶ τοῖς κυρίοις),
встречающиеся в надписи
из окрестностей Эзан³⁷.
Кометы верили, что боже-
ство—покровитель дерев-
ни — разделяет все их ин-
тересы, заботится об их
урожае, охраняет их
скот. Именно такая непо-
средственная связь бога и
жителей делала естественными упомянутые выше обращения.

С другой стороны, видимо, тесная связь божества с данной
общиной определяла наличие в каждой из них своего бога-покро-
вителя. Именно этим объясняются многочисленные этникионы бо-
жеств, в большом количестве известные из эпиграфики Малой
Азии эллинистической эпохи. Наиболее популярным из божеств
был Мен, имя которого часто встречается в Малой Азии с раз-
личными эпитетами. Только для одной Меонии, согласно сводке,
приведенной Ф. Ле Ба и В. Ваддингтоном в III томе малоазий-
ских надписей, этих эпитетов было около десяти: Μῆν Τιμοῦς,
Μῆν Τύραννος, Μῆν Πετραεῖτης, Μῆν Αρτεμίδωρος Αἰγιόπητος, Μῆν Ασκη-
ως, Μῆν Κάρου, Μῆν Καμαραεῖτης, Μῆν Φαρνακου. Ряд эпи-
тетов имел культовый характер, но некоторые из них — чисто

Рис. 7. Источник с посвящением рабыне
(MAMA, V, № 187)

²⁹ «Hellenica», X, p. 94.

³⁰ Ibid., p. 104.

³¹ «Hellenica», VI, 1948, p. 25.

³² F. W. Hasluck. Op. cit., p. 21.

³³ Ibid., p. 21.

³⁴ «Hellenica», X, p. 28.

³⁵ F. W. Hasluck. Op. cit., № 4 или, например, посвящение
в BCH, XVII, 1893, № 520: Δι Υψίστω καὶ τῷ χρόνῳ.

³⁶ KR, III, S. 18 f., № 18 = F. Sokolowski. Lois sacrées de l'Asie
Mineure. Paris, 1955, p. 53, № 20 — надпись из окрестностей Филадель-
фии I в. до н. э., поставленная в честь Диониса ἀνδράκα καὶ γυναῖκιν ἐλευ-
θέρους καὶ οἰχέταις.

³⁷ LBW, III, № 851.=IGRR, IV, № 557.

локальные: эпитетами божеств обычно служили названия тех деревень, покровителями которых они являлись.

Сказанное выше относительно культа Мена и различных его эпитетов в полной мере относится и к другим малоазиатским божествам, распространенным в сельских местностях. Известны, например, надписи из Фригии, из окрестностей совр. Кабалара, посвященные Матери Сальсалудене (*Μητρι Σαλσαλουνδηνι*)³⁸. Рамсей, издатель одной из них, считает, что эта богиня была покровительницей деревни Салуды, Мать Тадзена была покровительницей деревни Тадзены (IGRR, IV, № 1371) и многие другие.

Интересны заимствованное местным населением малоазиатских деревень эллинское представление о Зевсе как о громовержце и широкое распространение его эпитета *Βρονταίος*. Издатель одной из надписей из окрестностей Кизика Ф. Хазлук к тому же типу эпитетов Зевса присоединяет и эпитет *Χαλάριος*, до того в эпиграфике еще не известный³⁹. Наряду с этим в Малой Азии был культ Зевса Бенния — *Ζεὺς Βένιος*⁴⁰. Это было фригийское божество, и ряд деревень имел его своим покровителем. Зевс Спаситель, *Σώζων*, изображался на рельефах стоящим рядом с орлом. Следует сказать, что изображение орла на надгробных стелах Малой Азии встречается чрезвычайно часто. Возможно, что орел являлся священной птицей в верованиях сельских общин и содействовал с античными божествами.

Из поздних малоазиатских надписей известен эпитет Зевса Селевкия (из Лидии, в районе Кулы). Л. Робер предполагает, что это было божество, почитавшееся в одной из македонских колоний эпохи Селевкидов и затем акклиматизировавшееся в стране⁴¹.

Интересна эпитетами божеств одна из меонийских надписей II в. до н. э., найденная в Куле⁴². Там молитвы возносятся сразу трем богам — Зевсу Масфалатену (*Δι Μασφολατρη*), Мену Тиаму и Мену Тиранну (*Μηνι Τιάμοο* и *Μηνι τ Τυραννώ*). Ф. Соколовский считает, что эпитет Зевса «Масфалатен» носит семитический характер, однако ничем не подтверждает этого предположения. Есть, как кажется, большие основания связывать это название с именем одной из деревень в окрестностях совр. Кулы. Отметим, что подобные случаи, когда божество носит эпитет той деревни, покровителем которой оно является, — чрезвычайно многочисленны в эпиграфике Малой Азии.

Рис. 8. Посвятительная надпись Зевсу (MAMA, I, A: 5)

Точно так же культ Мена Тиама известен и в Лидии, что было отмечено еще И. Кейлем⁴³. Мнение последнего разделяет и Ф. Соколовский⁴⁴, который, как и в случае с эпитетом «Масфалатен», отказывается видеть здесь локальное определение и приписывает его Мену, основателю культа (*le fondateur du culte*).

Таким образом, религиозные верования сельских жителей Малой Азии были различны и многообразны. Это и обожествление сил природы — луны, земли, солнца, речного божества Потамоса и др. Это и любопытный синкретизм греческих божеств с местными культами. Это и наличие божеств-покровителей данной деревни, которым возносились молитвы за здоровье крестьян, скота и за хороший урожай.

Все многообразие религиозных представлений в эллинистической Малой Азии нельзя сводить ни к утопии Ямбула, как делалось многими исследователями, ни к культу *Ἰσίο Διέω*, как делает В. Вавржинек. То была издавна сложившаяся система местных верований, божеств и культов, существовавшая в течение многих веков. Эту идеологию сельских жителей Малой Азии нельзя отрывать от идеологии восставших, как нельзя отрывать и само восстание Аристоника от его социальных корней.

⁴³ КР, II, S. 104.

⁴⁴ F. Sokolowski. Op. cit., p. 52; о том же см. L B W, III, № 668.

³⁸ W. M. Ramsay. The Cities and Bishoprics of Phrygia, v. II. Oxford, 1897, p. 156, № 65.

³⁹ F. W. Hasluck. Op. cit., p. 21 f., № 4.

⁴⁰ IGRR, IV, № 535. Эпитет *Βένιος* У. Рамсей отождествляет с эпитетом *Stator*.

⁴¹ «Hellenica», VI, p. 25.

⁴² F. Sokolowski. Op. cit., p. 52, № 19.

РАБСТВО В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ

ВВЕДЕНИЕ

Каждый исследователь, занимающийся историей эллинистического Египта, сталкивается с необходимостью так или иначе решить вопрос о месте рабства в системе социальных отношений царства Птолемеев. Естественно, что каждый решает его по-своему, интерпретируя источники в соответствии со своими общими методологическими установками: одни говорят об увеличении роли рабства в результате македонского завоевания, другие считают, что греческая иммиграция и господство не внесли существенных изменений в традиционные египетские отношения. При этом нельзя провести какую-то разграничительную черту и отнести, скажем, марксистов и других прогрессивных историков к сторонникам первого тезиса, а реакционных — к сторонникам второго. Положение здесь более сложно. Ростовцев, например, в соответствии со своей концепцией сближения экономической и социальной структуры эллинистических государств со структурой буржуазного общества склонен подчеркивать рост рабства как элемента, способствовавшего развитию «капитала» и класса «буржуазии» в Египте в противовес ограничительным тенденциям тоталитарного режима Птолемеев¹. Поэтому в архиве Зенона он усматривает многочисленные и бесспорные² свидетельства применения рабского труда в имении Аполлония³. Противоположную позицию занимает Уэстерман³. В основе его концепции лежит

¹ М. Rostovtzeff. *SEHAW*, p. 321—322.

² М. Rostovtzeff. *A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C.* Madison, 1922.

³ W. L. Westermann. *Upon Slavery in Ptolemaic Egypt*. New York, 1929; *idem*. *Sklaverei*. — *RE*, Suppl. VI, 1935, Sp. 894—1068;

отрицание определяющей роли рабства в развитии античного мира, поэтому египетские папирусы, дающие в своей совокупности сравнительно небольшой материал о рабстве, служат для него одним из аргументов, подтверждающих его положение.

Советские исследователи довольно единодушны в признании в принципе стимулирующей роли македонского завоевания в развитии рабства в эллинистическом мире. Но в оценке конкретного материала источников, относящихся к Египту, и в определении роли рабства в социально-экономической системе птолемеевского государства они расходятся не менее резко. Так, например, О. О. Крюгер в середине 30-х годов выступил со статьей, в которой рассматривал документы из архива Зенона как свидетельство рабовладельческого характера крупного землевладения в Египте⁴. Позднее А. Б. Ранович, постулируя положение о том, что эллинистический период в развитии Египта, как и всего Средиземноморья, является новой ступенью (или стадией) в развитии рабовладельческих отношений, весьма категорично говорит о росте удельного веса рабовладения в системе производственных отношений птолемеевского Египта. Вслед за Ростовцевым и Крюгером он ищет доказательства своей концепции в архиве Зенона, распространяя данные этого архива на весь Египет⁵.

К. К. Зельин значительно более осторожен в оценке роли рабства в социально-экономической структуре эллинистического Египта. Он утверждает, что рабство в его античной форме имело ограниченное распространение в эллинистическом Египте, но оно наложило весьма заметный отпечаток на традиционные формы эксплуатации зависимого и полузависимого населения. Остановимся подробнее на этой концепции, так как она нам кажется наиболее плодотворной для последующей разработки нашей проблемы.

Наиболее обстоятельно эта концепция изложена К. К. Зельиным в монографии «Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э.». К. К. Зельин рассматривает вопрос о роли рабства в Египте на фоне закономерностей развития

idem. *SS GRA*. Уэстерман по существу лишь более систематично и аргументированно развивает точку зрения Вилькена (U. Wilcken. *Griechische Ostraka aus Aegypten und Nubien*, Bd. I—II. Leipzig—Berlin, 1899; *L. Mitteis*, U. Wilcken. *Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde*, Bd. I, H. 1. Leipzig—Berlin, 1912) и его последователей (Эртеля, Шнебеля и др.). К этой же точке зрения примыкает и К. Прэо (*Cl. Præaux*. *L'économie royale des Lagides*. Bruxelles, 1939). Подробнее об этом см.: К. К. Зельин. *Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I веков до нашей эры*. М., 1960, стр. 113—123 (далее — К. К. Зельин. *ИИЗОР*).

⁴ О. О. Крюгер. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. — *ИГАИМК*, вып. 108, 1935, стр. 7—114.

⁵ А. Б. Ранович. *Эллинизм и его историческая роль*. М., 1950, Стр. 204.

всего Средиземноморья в античную эпоху (и, в частности, в эллинистический период). Одной из основных закономерностей, характерных для докапиталистических формаций, является, по его мнению, определяющая роль внеэкономического принуждения⁶. Многообразие форм внеэкономического принуждения порождает многообразие форм зависимости. В условиях античного мира формы зависимости колеблются от полного порабощения до почти номинального. Установив множественность признаков рабства и зависимости, К. К. Зельин выделяет в качестве наиболее характерных черт античного рабства следующие три признака: «Непосредственный производитель составляет собственность, часть имущества рабовладельца. Непосредственное принуждение со стороны рабовладельца распространяется как на труд раба, так и на его личность. Раб не владеет юридически средствами производства: все его имущество, орудия и прочее, как и он сам, принадлежат рабовладельцу». Наиболее существенны первые два признака, последний имеет определяющее значение лишь в совокупности с двумя первыми.

Античное рабство было ведущей формой экономических отношений в Средиземноморье, но не единственной. Наряду с ним или под его влиянием существовали и иные формы рабства и зависимости (например, илотизм). Эти многообразные формы зависимости отнюдь не являются «какими-то побочными продуктами развития рабовладельческого общества, но возникают и развиваются закономерно под воздействием всей совокупности исторических условий и представляют формы отношений, характеризующие обычно ранний период в истории человеческих отношений⁸. Некоторые из этих примитивных форм зависимости пережили античное рабство и слились с отношениями, возникшими в результате кризиса рабовладельческого общества.

В истории античного Средиземноморья К. К. Зельин видит два типа развития общества: один — наиболее отчетливо выявившийся в истории Рима, более быстрый и насильственный, связанный с войнами, пиратством, массовым обращением в рабство населения завоеванных стран, широким применением рабского труда в ремесле и земледелии; другой — характерный для стран Восточного Средиземноморья, медленный, связанный с эксплуатацией полусвободного крестьянства и постепенным развитием классического рабства преимущественно в городах при наличии многообразных примитивных форм рабства. Эллинистический Египет принадлежал к этому второму типу обществ. В основе его экономики лежала эксплуатация лаой. Формы зависимости лаой

⁶ Более подробно это положение К. К. Зельин развивает в статье «Принципы морфологической классификации форм зависимости» (ВДИ, 1967, № 2, стр. 7—31).

⁷ К. К. З е л ь и н. ИИЗОЕ, стр. 109.

⁸ Там же, стр. 111.

нельзя отождествлять ни с рабством, ни с крепостничеством; в их возникновении решающую роль сыграло не завоевание, а государственное принуждение, порожденное спецификой экономических и социальных условий.

Характерными особенностями рабовладельческих отношений в эллинистическом Египте были наличие форм рабства, унаследованных от глубокой древности (самопродажа, долговое рабство и т. п.), и значительная роль государства в регулировании торговли рабами, захвате рабов и порабощении свободных. Античные формы рабства и работорговля развивались главным образом в полисах, население хоры было слабо затронуто этим развитием. Но в целом после македонского завоевания удельный вес рабского труда в хозяйстве страны повысился, рабство оказывало воздействие на весь строй общества. В положении эксплуатируемых слоев можно проследить сочетание различных и в разной степени проявляющихся признаков рабства, что порождало многообразные формы зависимости. Наличие промежуточных форм зависимости облегчало переход из свободного состояния в рабство. Однако для вывода о широком применении рабского труда в основной отрасли египетской экономики — сельском хозяйстве, по мнению К. К. Зельина, нет достаточных оснований. Из молчания источников можно сделать только один вывод: если рабский труд и применялся в сельском хозяйстве, то он отходил на второй план перед трудом юридически свободного, но фактически зависимого или полузависимого населения.

Итак, исходя из определяющей роли внеэкономического принуждения, порождающего различные формы зависимости, К. К. Зельин вначале устанавливает критерии рабской зависимости и, в частности, критерий античного, или классического, рабства, а затем выявляет, какие формы зависимости были характерны для эллинистического Египта и какое место занимало античное рабство в системе социально-экономических отношений.

Эту стройную и продуманную концепцию почему-то не сумел или не захотел заметить В. В. Струве, чья статья «Общественный строй эллинистического Египта» является по существу рецензией на указанную выше монографию К. К. Зельина. Полностью игнорируя предложенные К. К. Зельиным критерии рабства и его выводы о многообразии форм зависимости и условности грани между свободой и рабством для эксплуатируемых масс Египта, В. В. Струве предъявляет ему ряд необоснованных обвинений в связи с применением эпитета «свободный» к поденщикам и лаой. В. В. Струве утверждает, например, что К. К. Зельин приравнивает «положение поденщиков в Египте ¹⁰II—I вв. до н. э. к положению последних в период капитализма», а в отношении

⁹ В И, 1962, № 2, стр. 67—95.

¹⁰ Там же, стр. 93.

лаой он якобы противоречит сам себе, называя их то свободными, то зависимыми.

Эти возражения В. В. Струве вытекают из его стремления упростить социальную структуру Египта (и античного общества вообще), свести ее к простому противопоставлению рабов и свободных. Для В. В. Струве в данной статье достаточным критерием рабского состояния являются такие признаки, как отсутствие средств производства и внеэкономическое принуждение. Так, например, он весьма настойчиво утверждает, что поденщиков следует рассматривать как временных рабов, поскольку они «... лишены средств производства, и вместе с тем по отношению к ним применялось внеэкономическое принуждение, так как раньше условленного срока они не имели права уйти с места работы»¹¹. При таком расширительном толковании рабства значительную часть трудящегося населения Египта или любой другой страны древнего мира можно отнести к категории рабов, но едва ли этого достаточно для понимания специфики социально-экономических отношений эллинистического общества.

Итак, из нашего весьма беглого обзора историографии¹² отчетливо обнаруживается, что существуют разные точки зрения на общественное устройство птолемеевского Египта, но в оценке роли рабства по существу можно говорить лишь о двух мнениях: одни в той или иной мере подчеркивают ведущую роль рабского труда во всех отраслях производства, другие отстаивают значение традиционных форм эксплуатации зависимого и полужависимого населения, признавая (советские историки) или не признавая (буржуазные историки) определяющее влияние рабовладельческих отношений на все прочие формы зависимости и эксплуатации.

Несмотря на то что вопрос о роли рабства неоднократно ставился исследователями как самостоятельная проблема, до сих пор не было сделано попытки собрать по возможности все источники — папирусы, надписи, сообщения античных авторов, где совершенно определено или с той или иной степенью вероятности речь идет о рабах. Как правило, берутся лишь наиболее важные и содержательные документы, сообщаемые в них сведения генерализуются и на основе их строится та или иная концепция.

Между тем подбор всех сведений представляет значительный интерес¹³. Прежде всего выясняется, что папирусов, содержащих

¹¹ ВИ, 1962, № 2, стр. 74; см. также стр. 82.

¹² В него не вошла книга К. К. Зельина и М. К. Трофимовой «Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период» (М., 1969), так как она вышла после того, как эта работа была сдана в набор.

¹³ Выражаю глубокую благодарность Г. А. Тароняну, оказавшему огромную помощь в просмотре папирусов и выборке фрагментов, содержащих материал о рабах.

упоминания о рабах или лицах, которых на основании косвенных соображений можно отнести к категории рабов, не так уж мало. Правда, их число не идет ни в какое сравнение с общим количеством папирусов, но при этом сопоставлении не следует забывать, что папирусные документы на греческом языке преимущественно фиксируют отношения между частными лицами и царской администрацией или отношения частных, юридически правоспособных лиц между собой, т. е. отношения, исключющие участие рабов. И не случаен отмечавшийся в литературе факт отсутствия в греческих папирусах документов о самопродаже в рабство, встречающихся в демотике. Тем большее значение имеет то обстоятельство, что история сохранила нам целый ряд официальных правовых документов, характеризующих отношение птолемеевского государства к рабам.

Все папирусные свидетельства о рабах можно (для удобства исследования и в зависимости от их содержания) разбить на три основные группы. Это прежде всего документы юридического характера: законодательные акты и предписания Птолемея и фрагменты городского законодательства, касающиеся рабов. Они дают чрезвычайно важный и почти уникальный для этой эпохи материал. Не менее ценную информацию о рабстве содержит архив Зенона, позволяющий проследить роль рабского труда в хозяйстве наиболее привилегированных слоев греко-македонской знати в Фаюме. Распространять данные зеноновских папирусов на весь Египет можно только при условии, если априорно допустить, что хозяйство диоикета Аполлония было типичным для всей хоры. А с таким постулатом едва ли кто согласится при современном состоянии источников и исследований.

Помимо этих двух компактных групп документов имеется еще значительное количество отдельных разновременных и разнохарактерных папирусов, из которых можно почерпнуть очень интересные, но лишь с большой натяжкой поддающиеся генерализации сведения о самых разных сторонах рабовладельческих отношений в Египте: об источниках рабства, формах рабовладения, использовании рабов, ценах на рабском рынке, количестве рабов в отдельном хозяйстве, бегстве и поисках беглых рабов, отпуске рабов на свободу и т. д.

В соответствии с характером источников нам представляется целесообразным отдельно рассмотреть вопросы о месте рабов в законодательстве Птолемея и принципах использования рабского труда в хозяйстве Аполлония, а затем уже поставить общий вопрос о роли рабства в экономике и социальной жизни Египта, привлекая все отрывочные сообщения о рабах, встречающиеся в папирусах, надписях и сочинениях древних авторов.

РАБЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПТОЛЕМЕЕВ

Пожалуй, я не ошибусь, если выскажу мнение, что в нашей исторической литературе понятия «рабы» и «рабство» рассматривались и рассматриваются прежде всего как категории социально-экономические. Это особенно отчетливо выступает у тех историков, кто настойчиво подчеркивает в качестве основного признака рабского состояния отсутствие у раба средств производства (при наличии внеэкономического принуждения). Правовой статус эксплуатируемых лиц при этом почти совершенно не принимается во внимание (см., например, упоминавшиеся выше рассуждения В. В. Струве о поденщиках как временных рабах). Но даже и в том случае, когда правовому положению рабов уделяется достаточное внимание, социально-экономические моменты в трактовке понятия «рабство» превалируют. И это, конечно, естественно, если рассматривать социально-экономическую историю древнего мира с расстояния в два тысячелетия, с позиций нашего времени, когда экономика так властно дала почувствовать свою определяющую роль в развитии общества. Но едва ли правомерно приписывать такое же понимание рабства античному миру и недооценивать значение правовых институтов в древности.

Это отчетливо подчеркнул К. К. Зельин в статье «Принципы морфологической классификации форм зависимости»: «...без учета юридических категорий нельзя понять и исторически объяснить и самые формы зависимости и классовую борьбу в докапиталистических обществах»¹. Далее, полемизируя с Г. Ф. Ильиным, он пишет: «Рабы не имели прав свободных, они постоянно противопоставляются последним (ср. *δουλοι* — *ἐλεύθεροι*). Они представляли собой часть населения государства, резко отличавшуюся в юридическом отношении от других, следовательно, с нашей точки зрения, они составляли сословие, хотя бы древние и рассматривали их как вещь (впрочем, далеко не всегда)»².

Для древних рабство всегда связано с представлением о свободе и несвободе, праве и несправедливости, т. е. с социально-правовым положением человека. Элевтерия и дулейя — это категории, которые выражают статус не только отдельного человека, но и общества и государства. В сочинениях древних авторов, в речах ораторов, будут ли это подлинные речи Демосфена или сочиненные Фукидидом или Полибием, подчинение общества тирану, подчинение одного государства другому — это дулейя, борьба за независимость — это борьба за элевтерию. Даже Аристотель,

для которого, по словам А. К. Вергера, «рабство... необходимая материальная предпосылка для существования полиса-государства»³, считает, что в основе отношений господина и раба лежит властвование и подчинение (Arist., Pol., I, 1254a, 14—33), т. е. категории скорее социально-правового характера, чем социально-экономического. От этих представлений, находивших свое выражение в правовом сознании древнего общества, и следует отталкиваться при изучении роли рабства в античном мире.

Но, к сожалению, дошедшие до нас письменные памятники, касающиеся правовых отношений, дают сравнительно скудный материал о рабах. Объяснение этому, с одной стороны, следует искать в том, что формирование отношений раба и господина уходит в такое далекое прошлое, когда еще не существовало писаных законов и любые отношения регулировались обычаем. С другой стороны, письменные законы фиксируют главным образом отношения между свободными гражданами или отношения между подданными и деспотической государственной властью, потому рабы в них фигурируют преимущественно лишь как косвенный объект законодательства. Эту общую особенность памятников древнего права надо иметь в виду и при изучении правовых документов птолемеевского времени.

Прежде чем перейти к предписаниям Птолемея относительно рабов, следует сказать несколько слов об их законодательной деятельности в целом. В последнее время главным образом благодаря работам Марии-Терезы Ленже собраны все папирусные и эпиграфические свидетельства законодательных актов птолемеевского времени. М. Ленже делит их на пять групп: 1. *Προστάγματα*; 2. *Νόμοι* и *Διατάξεις*; 3. *Προϋράξεις*; 4. Законы, изданные законодательными органами греческих полисов (или царские предписания, адресованные полисам); 5. Апокрифические документы⁴. Самую многочисленную и наиболее характерную для законодательства Птолемея, с точки зрения Ленже, группу документов составляют простагмы, т. е. единовременные царские предписания или указы, адресованные чиновникам или всем подданным. В сводной работе «Корпус указов Птолемея»⁵ М. Ленже насчитывает 91 простагму (кроме того, в 113 документах имеются, по ее мнению, намеки на существование соответствующих простагм, 15 из них сомнительны). *Νόμοι* и *Διατάξεις* представляют собой уставы, регламентирующие экономическую, т. е. прежде всего фискальную, административную и судебную деятельность государственного аппарата. К такого рода документам М. Ленже

³ А. К. Бергер. Проблема рабства в социально-политической системе Аристотеля. — ВДИ, 1961, № 3, стр. 24.

⁴ M. T. Lenger. Les lois et ordonnances des Lagides. — «Chronique d'Egypte», 1944, № 37, p. 108—146.

⁵ M. T. Lenger. Corpus des ordonnances des Ptoleemes. Bruxelles, 1964.

¹ ВДИ, 1967, № 2, стр. 15.

² Там же, стр. 20.

относит 14 папирусов⁶. Проуράξις, т. е. Царских указов, написанных лапидарным стилем и выставляемых для всеобщего уведомления, сохранилось, по ее данным, 4 документа. Наконец, 4 документа можно⁷ отнести к законодательным актам греческих полисов в Египте, и 3 документа упоминаются в литературе эллинистического времени⁸. Таким образом, по подсчетам М. Ленже до нас дошло 116 документов законодательного характера. Это говорит о весьма активной законодательной деятельности Птолемеев, особенно первых представителей этой династии, так как большинство наиболее значительных документов датируется III в. до н. э.

По своему содержанию документы III в. до н. э. заметно отличаются от более поздних. Среди них большое место занимают νόμοι и διατάξεις об организации финансов, налогового обложения, государственных монополий. Эти законоположения регулируют экономические отношения государства со всеми категориями подданных (от крупных владельцев дарственных земель и главных откупщиков до бесправных рабочих масляных монополий). Не меньшее значение имеют простагмы и диаграммы, касающиеся организации и размещения армии и ее взаимоотношений с местным населением. И, наконец, третья значительная группа законодательных актов — это диаграммы и простагмы, посвященные судопроизводству. Для документов II—I вв. до н. э. характерны прежде всего так называемые «декреты человеколюбия» (φιλόφρονα), т. е. простагмы, провозглашающие амнистию участникам междоусобных войн, прощение недоимок, снижение или отмену налогов и т. п. Весьма многочисленны также указы, декретирующие разного рода льготы храмам: освобождение от налогов и повинностей, предоставление права убежища и неприкосновенности. Эти изменения в характере законодательства, несомненно, обусловлены теми социальными и политическими сдвигами, которые произошли в Египте на протяжении трех столетий.

Какое же место в законодательных памятниках эллинистического Египта занимают вопросы, связанные с рабовладением? До нас дошли документы разных типов (четыре категории из пяти по классификации Ленже), в которых затрагивается вопрос о рабстве. Это простагмы Птолемеев, относящиеся непосредственно к рабам или попутно касающиеся рабов, νόμος τελωνικός и диаграммы, регулирующие взимание налогов, связанных с ра-

⁶ М. Т. Lenger. Op. cit., p. XXI.

⁷ P. Hibeh, 28; p. Hal., 1; p. Lille, 29; p. Fay., 22.

⁸ Ps.-Arist., Ad Philocr. epist., 22—25; III Maccab., 3, 11—29; 7, 1—9.

⁹ Надо отметить, что при всей случайности дошедшей до нас информации едва ли следует считать случайным то обстоятельство, что в трех основных группах законодательных памятников — простагмах, диаграммах и νόμοι πολιτικοί — сохранились документы, регулирующие в той или иной мере рабовладельческие отношения.

бами, фрагменты городского законодательства о рабах и апокрифические данные. Но по существу все эти типы законодательных памятников распадаются на две категории: полисные законоположения, в той или иной мере воспроизводящие правовые нормы греческих городов-государств, и законодательные предписания, исходящие от Птолемеев и отражающие юридическую и экономическую практику эллинистического государства.

К памятникам городского законодательства о рабах исследователи обычно относят три документа: это νόμος πολιτικός Александрии (p. Hal., 1), такого же характера документ из Птолемаиды или Навкратиса (p. Lille, 29) и декрет александрийцев в честь Птолемея Филометора в связи с передачей в пользу города доходов от налога на регистрацию рабов, по толкованию Уэстермана (p. Bend. Harr., 61).

Папирус Hal., 1 издатели определяют как δικαιοσύνη, т. е. сборник законодательных постановлений, служащих обоснованием для вынесения судебных решений по тем или иным вопросам. Весьма любопытно его происхождение и содержание. Как сообщают издатели в предисловии, этот документ, купленный в 1911 г. у торговцев папирусами, представляет собой большой свиток папируса (22x108 см), склеенный из четырех кусков. На нем сохранилось 11 колонок текста (правда, от первой колонки дошел лишь незначительный фрагмент правой части, содержащий концы слов), написанных разными писцами на обеих сторонах папируса. По характеру письма и некоторым сведениям, содержащимся в самом документе, издатели датируют его 50—40-ми годами III в. до н. э. (конец правления Птолемея Филадельфа — начало правления Птолемея Эвергета). Используя помещенное в колонке VIII предписание царя Птолемея относительно расквартирования воинов, в котором упоминается местечко Арсиноя около Аполлинополя, и сопоставляя этот документ с другими папирусами, связанными с Аполлинополем, издатели приходят к заключению, что p. Hal., 1 был составлен в Аполлинополе, но найден, по-видимому, вместе с другими аполлинопольскими папирусами в районе Элефантины.

По содержанию текст распадается на 16 самостоятельных частей (или статей)¹⁰, причем большинство из них специально озаглавлены, например: Ψευδομαρτυρίου, Σιδήρου έπαντάσως и т. д. В одном случае прямо указывается, что выписка сделана εκ του πολιτικού νόμου. Издатели доказывают, что не только этот раздел, но и другие также являются выписками из городского законодательства Александрии. По их мнению, Дикайомата составлялись в канцелярии адвоката (συνήγορος) в Аполлинополе по мере надобности в связи с текущей судебной практикой, т. е. рас-

¹⁰ Издатели делят текст на 12 разделов, объединяя пять статей об оскорблении действием в один раздел.

смотрением дел, касающихся александрийских граждан, на основе юридических норм, существовавших в Александрии.

Подбор статей достаточно широк по охвату вопросов и весьма характерен. Первый раздел (col. II—III) посвящен вопросу о ложном свидетельстве; затем идет раздел, озаглавленный ἐχ τοῦ πολιτικοῦ νόμου (col. IV—V) и объединяющий статьи о соблюдении некоторых правил при посадке деревьев, сооружении домов, копании рвов и т. п., т. е. статьи, регулирующие отношения между соседями. В третьем разделе (col. V) говорится о правовых последствиях необоснованной жалобы по поводу оскорбления действием. Целых две колонки (VI и VII) посвящены судебной процедуре при рассмотрении дел некоторых категорий лиц, связанных с царской службой. Колонка VII содержит указанное выше предписание царя Птолемея (Филадельфа?) в форме письма некоему Антиоху о расквартировании солдат в районе Аполлинополя, после чего следуют статьи, устанавливающие наказания за оскорбление действием: угрозу железным предметом, нанесение обиды в состоянии опьянения, нанесение ударов свободному рабом, нанесение побоев свободному свободным же и другие насильственные действия (col. VIII—IX). Колонка X начинается статьей о содержании клятвы и порядке ее оформления при судебном разбирательстве. Затем идет статья, запрещающая александрийцам порабощать александрийцев же. В следующем разделе рассматриваются процедурные вопросы: вызов свидетелей, запись их показаний, принесение ими клятвы и т. п. Последняя XI колонка содержит статьи о залоге и, возможно, ипотеке, о продаже земли, домов, усадебных участков и письмо Аполлония (по-видимому, двойкета) об освобождении от налога на соль некоторых категорий лиц.

Этот подбор выписок из документов законодательного характера интересен с разных точек зрения. Прежде всего следует отметить, что в Дикайомата нет ни одной статьи, которая относилась бы к торгово-ремесленной деятельности. Эта особенность, очевидно, связана не столько с содержанием тех документов, откуда делались выписки, сколько с перечнем дел, которыми занимался σμῆτορος, и, следовательно, в какой-то мере характеризует социально-экономический облик его клиентов.

Дикайомата дают представление о содержании νόμος πολιτικός Александрии и, кроме того, свидетельствуют о том, что александрийские юридические нормы сохраняли свою действенность и вне Александрии на территории хоры вплоть до самых южных ее окраин, по крайней мере в отношении александрийцев, а может быть, и всех лиц греко-македонского происхождения. На это последнее заключение наталкивает то обстоятельство, что в Дикайомата статьи из городского законодательства перемежаются с документами, или прямо исходящими от царской администрации (письма царя Птолемея и Аполлония), или предполагающими

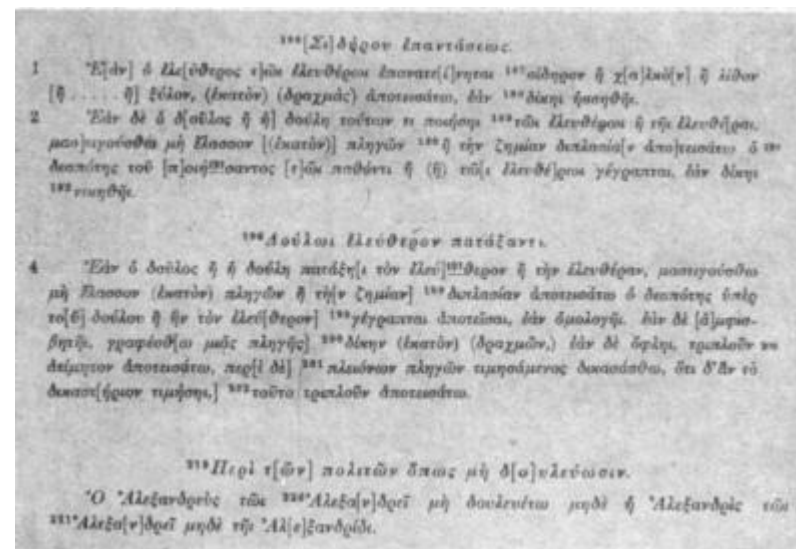

Рис. 1. Дикайомата (р. Hal., 1)

царское предписание в качестве исходного момента (статьи о привилегиях в судопроизводстве для лиц, связанных с царской службой).

Если в отношении статей из νόμος πολιτικός издатели неоднократно подчеркивают чисто греческий характер правовых норм без какого-либо влияния египетских элементов¹¹, то в целом Дикайомата представляют собой уже образец нового эллинистического права, где полисные юридические нормы переплетаются с нормами, сложившимися под влиянием новых условий, когда полис стал лишь частью большого государства. Поэтому с некоторым основанием можно считать, что правовые положения, сформулированные в Дикайомата, отражают практику повседневной жизни не только в Александрии, но и на территории всего Египта. Этот вывод с той же долей вероятности можно распространить и на правовые нормы, касающиеся рабов.

Вопросы, связанные с рабовладельческими отношениями, рассматриваются в четырех (из 16) разделах Дикайомата (рис. 1). Это — специальные разделы, озаглавленные Δούλοι ἐλεύθερον πατάξαντι (стк. 196—202) и Περί τῶν πολιτῶν ὥπως μὴ δουλεύουσιν (стк. 219—221), раздел об угрозе железным предметом, где предусматриваются меры наказания и для свободных и для рабов (стк. 186—192), и раздел о наказании за необоснованную жалобу

¹¹ См., например, Dikaiomata, S. 33.

на насильственные действия (стк. 115—123). Во всех случаях положение свободного человека совершенно определенно противопоставляется рабскому.

Наиболее отчетливо это противопоставление выражено в разделе об угрозе побоями: «Если свободный, — говорится в этом отрывке, — поднимет на свободного железный или медный (предмет), или камень, или... или палку, то пусть он уплатит штраф 100 драм, если суд признает его виновным. Если же какое-нибудь из этих действий совершит по отношению к свободному или свободной раб или рабыня, то следует дать ему (или ей) не менее [ста] ударов плетью, или господин (раба), совершившего (это), должен уплатить пострадавшему двойной штраф (по сравнению с) установленным для свободного, если он, обратившись в суд (по этому делу), проиграет процесс». Итак, за один и тот же поступок свободный платил штраф в 100 драм, а раб получал 100 (?) ударов плетью или хозяин платил 200 драм. Если учесть, что величина штрафа почти равняется стоимости раба¹², то естественно предположить, что наказание раба могло стоить ему жизни или по крайней мере на длительный срок лишить его трудоспособности. Только этим и можно объяснить заинтересованность хозяина в возбуждении судебного процесса.

Столь же жесткие меры наказания виновного предусматриваются и в статье, озаглавленной *Δούλον ἐλεύθερον «ατάξαντι*: «Если раб или рабыня ударит свободного или свободную, должно (ему или ей) дать не менее ста ударов плетью, либо господин, если он согласится, должен уплатить за раба двойной штраф по сравнению с тем, какой предписано (платить в подобном случае) свободному. Если же (господин) будет оспаривать, то пусть ему предъявят иск на 100 драм за один удар, и, если он будет осужден, пусть без судебной оценки уплатит в тройном размере установленный (законом) штраф. В случае же большего (числа) ударов пусть суд установит оценку (т. е. размер штрафа.—А. П.), и какую цену определит дикастерион, (ответчик) должен уплатить (эту сумму) в тройном размере»¹³. Начало этой статьи полностью совпадает с рассмотренной выше статьей об угрозе железным предметом: в обоих случаях без судебного разбирательства по предъявлении обвинения рабы подвергаются бичеванию, получая не менее ста ударов. Но в отношении штрафа, налагаемого на господина, отказавшегося выдать раба на экзекуцию, есть

¹² См. цены на рабов в III в. до н. э. в Египте в кн.: W. L. Westergaard, *SSGRA*, p. 36.

В следующей статье о побоях, нанесенных свободным свободному, за один удар по решению суда виновный уплачивает установленный законом штраф в 100 драм, при большем числе ударов суд устанавливает оценку и виновный уплачивает эту сумму в двойном размере, и лишь за нанесение побоев кому-либо из должностных лиц при исполнении им служебных обязанностей виновный присуждается к тройному штрафу.

некоторые расхождения. Если в первом случае господин уплачивает двойной штраф, лишь проиграв процесс, то здесь господин обязан платить двойной штраф до судебного процесса, а если он его возбудит и проиграет, то должен уплатить тройной штраф. Можно предположить, что разница в санкциях против хозяина раба обусловлена прежде всего разницей в правовой оценке намерения и действия, а также в какой-то мере спорностью (в случае угрозы) или бесспорностью (в случае побоев) самого проступка раба. Но, по-видимому, в наказаниях раба эти различия правовых оценок не находят отражения.

В обеих рассмотренных статьях правовой статус свободного и раба четко разграничен. Несколько иное представление о грани между свободой и рабством в Египте складывается при чтении статьи о наказаниях за необоснованные жалобы по поводу оскорбления действием. Здесь (стк. 115—123) говорится, что в том случае, когда жалоба о нанесении побоев свободному не подтверждается, жалобщик подвергается штрафу, который взыскивается с его имущества, а в случае неплатежеспособности — и с личности жалобщика. Формула *ἐκ τῶν ὑπαρχόντων, ἐάν δέ μὴ ἐκλοῖπῃ, καὶ ἐκ τοῦ σώματος* употреблена здесь дважды (стк. 117 и 119—120).

Эта формула включает в себя тройное содержание: взыскание с личности может носить характер телесных наказаний, может означать заключение в тюрьму и, наконец, может означать продажу в рабство.

Издатели сопоставляют ее с другой встречающейся в папирусах формулой: *ἡ προσῆς ἐστὶν ἐκ τῆ αἰτοῦ (τοῦ δεινός) καὶ τῶν ὑπαρχόντων αἰτών* — и делают вывод, что оттеснение на второй план взыскания с личности, зафиксированное в Дикайомата, является особенностью правовых норм александрийского гражданства¹⁴. Возможно, это так и было. Но независимо от очередности взыскания самый факт законодательного признания взыскания с личности ответчика означает в принципе возможность порабощения свободного человека в результате его имущественной несостоятельности.

Однако если экономические явления могли иметь следствием внеэкономическое принуждение, то противодействие распространению форм внеэкономического принуждения в условиях античного общества возможно было только внеэкономическими средствами. Поэтому гражданский коллектив в целях самосохранения (нередко вопреки экономической тенденции к дифференциации и приближению положения неимущих к рабскому состоянию) вводит закон, запрещающий порабощение своих сограждан.

Именно такой характер носит одна из статей Дикайомата, озаглавленная *Περὶ τῶν πολιτῶν διὰς μὴ δοστέων* (стк. 219—221). «Александриец не должен быть в рабстве у александрийца, также

¹⁴ Dikaiomata, S. 81.

и александриянка — ни у александрийца, ни у александриянки», — гласит эта статья. По поводу ее высказано немало разного рода соображений. Издатели считают, что выписка из νόμος πολιτικός Александрии в данном случае сделана не точно: в первой части фразы, например, пропущено указание на то, что александриец не может быть в рабстве у александриянки. Смысл этой статьи, по их мнению, шире самой формулировки: указание, что александрийцы не могут быть рабами александрийцев не означает, что в районе действия египетского права александрийцы могут быть рабами египтян или чужеземцев¹⁵. Они утверждают также, что закон, запрещающий поработать сограждан, характерен для греческого законодательства и что такого рода закон существовал в Афинах¹⁶. Однако Уэстерман оспорил выводы издателей. В работе «О рабстве в птолемеевском Египте» он высказал предположение, что эта статья отнюдь не исключает порабощения александрийцев чужеземцами или египтянами¹⁷. В своей сводной работе «Рабские системы в греческой и римской древности» он этого положения не повторяет, но настойчиво подчеркивает¹⁸, что в запрещении александрийцам поработать своих сограждан проявляется восточная «националистическая» традиция, препятствующая порабощению соплеменников. В греческой правовой практике такие нормы, по его наблюдениям, не засвидетельствованы. Возможно, что Уэстерман прав и такого закона в Афинах или каком-либо другом полисе не существовало, но, как отметил еще Боше, афинский гражданин становился рабом афинянина в одном случае: если, будучи выкуплен из плена, он не возвращал своему благодетелю суммы выкупа¹⁹. Эта исключительность практики порабощения согражданина говорит по крайней мере о наличии какой-то этической нормы, регулировавшей отношения сограждан. В новых условиях, когда граждане Александрии стали привилегированным элементом в государстве, эта этическая норма могла приобрести форму закона, причем в том его более широком смысле, который предполагают издатели, т. е. в рамках действия νόμος πολιτικός Александрии, александриец не мог быть поработен ни александрийцем, ни египтянином, ни чужеземцем.

Но это еще не означает, что и царский суд не имеет права приговорить александрийца к рабству. Как следует из разобранный выше статьи о наказании за необоснованную жалобу, оштрафованный в случае имущественной несостоятельности подлежал взысканию έκτοδ σώματος. Интересно сопоставить ее с простагмой

Птолемея III Эвергета от 237 г., где запрещается производить взыскание с личности поручителя в случае нарушения соглашения о парамонэ²⁰.

Эта тенденция ограничить практику частного порабощения и узаконить порабощение государственными органами, как будет показано позднее, характерна для всего законодательства Птолемея.

Теперь, если мы вернемся к вопросу о цели составления Дикайомата, можно сделать некоторые небезынтересные наблюдения. Так как потребовалась выписка из νόμος πολιτικός о непорабощении александрийцев, то, очевидно, случаи порабощения их имели место. Имели место и необоснованные жалобы на побои и, возможно, взыскания ἐκ του σώματος. Это позволяет предположить, что уже в середине III в. до н. э. на юге Египта социально-экономическое положение некоторых александрийских граждан приближалось к положению низших слоев населения, среди которых стиралась грань между рабством и свободой. А статьи об угрозе железным предметом и побоях, нанесенных свободному рабом, свидетельствуют о далеко не идиллических отношениях свободных и рабов.

Очень близок к Дикайомата по форме и по содержанию другой фрагмент законодательства о рабах — р. Lille, 29. Этот папирус найден в местечке Гхоран в Фаюме вместе с документом, представляющим собой ежедневную запись, своего рода журнал текущих дел канцелярии стратега Арсиноитского нома (р. Lille, 28). Оба документа написаны одинаковым почерком, это позволяет заключить, что р. Lille, 29 также происходит из канцелярии стратега в Крокодилополе. На этом основании некоторые исследователи рассматривают его как царский декрет, относящийся к рабам. Однако издатели Дикайомата, сопоставляя р. Hal., 1 с р. Lille, 29, пришли к заключению, что лилльский папирус тоже является выпиской из νόμος πολιτικός, но не Александрии, а какого-то другого египетского полиса — Навкратиса или Птолемаиды²². Это мнение получило широкое распространение.

Папирус по палеографическим данным датируется III в. до н. э. Сохранились лишь две колонки текста, причем вторая колонка значительно фрагментирована, что затрудняет чтение и интерпретацию текста. П. Майер²³, переиздавая этот документ, учел сделанные Парчем дополнения²⁴ и разбил текст на четыре параграфа (рис. 2). В первом параграфе (стк. 1—12) речь идет

²⁰ P. Mich. Zen., 70 = C. Old. Ft., 27.

²¹ Например, у Миттейса: L. Mitteis, U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, Bd. II, H. 2. Leipzig—Berlin, 1912, № 369.

²² Dikaionata, S. 113.

²³ J. Partsch. Die alexandrinischen Dikaionata. — «Archiv für Papyrusforschung», VI, 1920, S. 71—73.

²⁴ P. Meyer. Juristische Papyri. Berlin, 1920, № 71.

¹⁵ Dikaionata, S. 122—123.

¹⁶ Ibid., S. 123.

¹⁷ W. L. Westermann. Upon Slavery in Ptolemaic Egypt. New York, 1929, p. 49—50.

¹⁸ W. L. Westermann. SSGRA, p. 30, 53.

¹⁹ L. Beauchet. Histoire du droit privé de la République Athenienne, v. II. Paris, 1897, p. 408. (со ссылкой на Det., C. Nicostr., 11).

о судопроизводстве по поводу нанесения обиды ойкетом другому лицу. Затем следует параграф (стк. 13—16), запрещающий продажу рабов на вывоз, клеймение и еще какие-то действия (конец параграфа фрагментирован). В третьем параграфе говорится о привлечении рабов в качестве свидетелей и применении к ним пытки (стк. 17—26). Четвертый параграф озаглавлен: «Привлечение к суду рабов и взыскание с осужденных». П. Майер включает в этот параграф конец первой колонки и всю вторую.

Как видно из перечисления параграфов, документ в целом представляет собой специальный подбор законодательных предписаний о рабах. Рассмотрим каждое из них в отдельности. «Если кто-либо, — говорится в параграфе первом, — подав жалобу о незаконных действиях на ойкета как на свободного, выиграет процесс, то господину (ойкета) предоставляется (право) возбудить вновь дело в суде в течение пяти дней после того дня, с которого производится взыскание. И если прежнее решение будет отменено²⁵, тогда господин пусть уплатит десятую или пятнадцатую (штрафа?) и взыскание будет произведено согласно законам, существующим относительно ойкетов, за исключением тех (ойкетов), кого диаграмма запрещает наказывать».

В этом параграфе многое кажется неясным. Прежде всего, чем объяснить возможность такого случая, когда ойкет привлекается к суду как свободный? О какой *αδίκημα* идет речь — о нанесении какого-то имущественного ущерба или оскорблении действием? В чем состоит заинтересованность господина в пересмотре дела? Почему в случае выигрыша процесса господин только возмещает судебные издержки, т. е. платит весьма незначительный штраф? Почему не учитывается, по собственной инициативе или с ведома господина ойкет нанес обиду другому лицу? Что из себя представляют *οἱ νόμοι οἱ περὶ τῶν ойкетῶν ὄντες*? Какое наказание ойкету они предусматривают в этом случае? Какие ойкеты не подлежат наказанию?

Несколько необычно и употребление термина *οικήτης* вместо *δούλος*, *αἷμα* или *ἀνδρόποδος*, используемых в последующих параграфах и в рассмотренных выше статьях Дикайомата²⁶. Кроме этого случая, упоминания об ойкетах встречаются в документах законодательного характера еще два раза: в простакме Птолемея Филадельфа о регистрации скота и порабощенных лаой в Сирии и Финикии и в простакме Птолемея Эвергета II (?) и Клеопатры II (?) относительно не имеющего хозяев и спорного имущества. В первом декрете говорится о том, что те из зарегистрированных *αἷματα*, относительно которых будет доказано, что они *ὄντα ойκετικά*, остаются в собственности владельца (не подлежат

²⁵ Буквальный перевод: «если судебное решение будет осуждено».

²⁶ К. К. Зельин считает, что все эти термины используются примерно в одном смысле, т. е. не усматривает в употреблении термина *οικήτης* какой-либо специфики (см. К. К. Зельин, ИИЗОЕ, стр. 138).

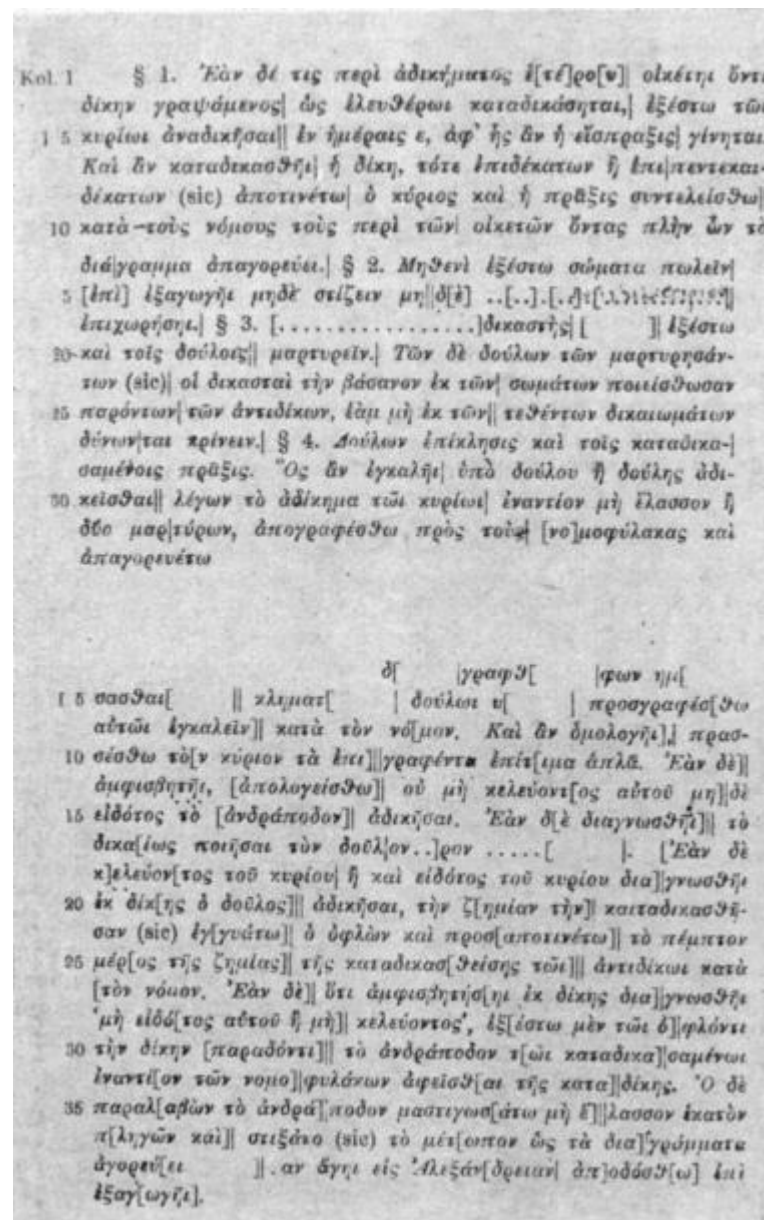

Рис. 2. Фрагмент судебного законодательства о рабах (р. Lille, 29, col. I—II)

принудительному выкупу)²⁷. Во втором документе запрещается до решения хрематистов присваивать спорное имущество и отдавать под стражу самого обвиняемого или *τοὺς οἰκέτας αὐτοῦ*²⁸. В обоих случаях отношения между господином и рабом рассматриваются с точки зрения имущественных интересов государственной власти. В этом аспекте имеет значение не столько правовой статус раба сам по себе, сколько принадлежность его к определенному частному хозяйству. Этим и определяется употребление соответствующих терминов — *οἰκετικά, σώματα, οἰκέται*. Там, где птолемеевское законодательство имеет в виду раба как самостоятельный правовой объект — например как объект для обложения налогом (р. Hibeh, 29; р. Col. inv. 480) или как доносчика о нарушении царских указов (BGU, 1730; р. Tebt., 700), — употребляются те же термины, что и во фрагментах городского законодательства, т. е. *δοῦλος, σώματα, ἀνδράποδον. Οἰκέτης* в греческом языке означает прежде всего раба, используемого в домашнем хозяйстве²⁹. Но этот термин, особенно во множественном числе, мог иметь и более широкое значение — «домочадцы», т. е. включать всех лиц, связанных с тем или иным домохозяйством независимо от их рабского или свободного статуса³⁰.

Весьма интересно приведенное у Афиней определения ойкета стоиком Хрисппом: *διαφέρειν δέ φησι Χρύσιππος δοῦλον οἰκέτου... «ο γὰρ οἰκέτης, φησί, δοῦλος ἐστὶ κτήσει κατατεταγμένος»* (Athen., VI, 267b)³¹. В этой фразе есть намек на существование каких-то иных, отличных от классического рабства форм зависимости, которые находили свое выражение в понятии «ойкеты».

Емкость, неоднозначность этого термина позволяет предположить, что в Египте его могли использовать для перевода на греческий язык какого-то египетского термина, возможно, *bk* — слова еще более многозначного³². Как указывал Томпсон в специальном экскурсе³³, термин *bk*, появившийся еще в Древнем царстве и просуществовавший до коптского времени, передавал понятие «слуга» частного или должностного лица или бога. Начиная с XVIII династии этот термин стали применять для обозначения частновладельческих рабов. В контрактах персидского времени *bk* выступает как владелец движимой и недвижимой собственности — домов, скота. В демотических документах

птолемеевского времени *bk* чаще всего употребляется в связи с именем того или иного божества или храма, т. е. в значении гиродула. В то же время этот термин встречается в брачных контрактах для обозначения раба в частном хозяйстве³⁴. *Bk* храма нередко имеет собственность и семью³⁵; возможно, и частновладельческие *bk* также располагали каким-то имуществом.

Если высказанное предположение о соответствии термина ойкет египетскому *bk* принять за рабочую гипотезу, то можно найти ответ на некоторые из тех вопросов, которые возникают при чтении первого параграфа р. Lille, 29. По-видимому, привлечь ойкета к суду как свободного можно было в том случае, когда его социально-экономическое положение не слишком отличалось от положения свободного человека³⁶, т. е., во-первых, его статус раба не был достаточно четко выражен и, во-вторых, он имел какую-то собственность, с которой можно было произвести взыскание в соответствии с юридическими нормами, регулировавшими отношения между свободными. Едва ли эти два условия могли иметь место в отношении ойкета в греческом понимании этого слова, т. е. домашнего раба. Взыскание с имущества, принадлежавшего *bk*, несомненно, в той или иной мере наносило ущерб и хозяйству господина, поэтому в некоторых случаях господин был заинтересован в пересмотре дела и взыскании с виновного согласно закону об ойкетах, т. е., видимо, здесь предполагается взыскание *ἐκ σώματος*, а не *ἐκ τῶν ὑπαρχόντων αὐτοῖ*. Так как процесс, возбужденный хозяином, имел целью исправить судебную ошибку, то в случае вынесения судом благоприятного решения³⁷ господин оплачивает судебные издержки по этому процессу, а взыскание производится уже *κατὰ τοὺς νόμους τοὺς περὶ τῶν οἰκετῶν ὄντας*. Означает ли это выражение, что приведение в исполнение предписания производилось автоматически, или требовался еще один процесс — для определения меры наказания в соответствии с теми законами, на которые в данном случае дана ссылка? По-видимому, более вероятно второе предположение. За это говорят и характер птолемеевского судопроизводства в целом, и последующее содержание документа. Анализ второго—четвертого параграфов, как

³⁴ См. В. В. Струве. Общественный строй эллинистического Египта. — В И, 1962, № 2, стр. 84, со ссылкой на кн.: W. Spiegelberg. Die demotischen Urkunden, № 30601, 30607.

³⁵ См., например, приведенный Томпсоном документ: В. М. Ег. шт. 10624 (р. XIII) (Н. Thompson. Op. cit., p. 72).

³⁶ В PCZ, 59369 засвидетельствован противоположный случай: свободный человек по ложному обвинению отдан под стражу как ойкет.

³⁷ Выражение *ἀν χαταδικασθῇ δίκῃ* Пауль Мейер переводит: «wenn der Prozess gegen ihn entschieden ist» (Р. Meuser. Op. cit., S. 247). Но против кого «его»? Ведь истцом в данном случае является хозяин раба, опротестовывающий прежнее решение. Следовательно, новое решение направлено не против него и не против прежнего истца, потерпевшего обиду от ойкета, и даже не против ойкета, а только против прежнего решения суда.

²⁷ PER inv. 24552=C. Ord. Pt., 22, lin. 12—14.

²⁸ SEG, IX, 1, № 5=C. Ord. Pt., 46, lin. 23.

²⁹ См. Я. А. Ленцман. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — ВДИ, 1951, № 2, стр. 52—56. Ср. Э. Л. Казакевич. Рабы как форма богатства в Афинах. — ВДИ, 1958, № 2, стр. 90—113.

³⁰ Lidell—B., Scott, 1958, p. 1202.

³¹ Ср. толкование этого фрагмента Я. А. Ленцманом (указ. соч., стр. 53).
³² О многозначности термина см.: А. М. Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt, Le Caire, 1952, p. 15—22.

³³ Н. Thompson. Two Demotic Self-dedications. — JEA, 26, 1940, p. 73—74.

мне кажется, позволит ответить и на остальные вопросы, вызванные содержанием статьи об ойкетах.

Едва ли следует рассматривать р. Lille, 29 как случайный подбор законодательных постановлений о рабах. Правильнее считать, что составление его было обусловлено какой-то определенной целью и даже, вероятно, каким-то конкретным делом, с которым пришлось столкнуться канцелярии стратега в Крокодилополисе. По своему характеру р. Lille, 29 напоминает Дикай-омата: там также в каждом разделе подобраны соответствующие законодательные предписания по определенному кругу вопросов. Но в р. Lille, 29 речь идет только об одном круге вопросов — об ойкетах, совершенной рабом, и ее последствиях.

Очень заманчиво считать ключевой статьей всего документа статью или параграф об ойкетах. Конец этого параграфа гласит: «Взыскание будет произведено согласно законам, существующим относительно ойкетов, кроме тех (ойкетов), кого запрещает (наказывать) диаграмма»³⁸. Не логично ли предположить, что после этого будут приведены и сами законы и соответствующие предписания диаграммы? Нет ли в последующем документе этих законов или по крайней мере диаграммы, ограничивающей действие всем известных ойкетов? В государстве Птолемеев отменить или ограничить действие ойкетов местных, т. е. городских, или общегосударственных могла только царская диаграмма³⁸. Диаграмма, действующая в каком-либо полисе, отменяла лишь ойкеты этого полиса, но не общегосударственные. Происхождение этого папируса из канцелярии стратега Арсиноитского нома и наше предположение, что в первом параграфе нашли отражение отношения, характерные для хоры, исключают возможность найти в этом документе городскую диаграмму.

Если речь идет о царской диаграмме, то можно ожидать, что ее предписания должны носить общий характер. Именно таково содержание следующего параграфа (стк. 13—16): «Никому не разрешается ни продавать рабов на вывоз, ни клеймить. . . (если) . . . (не) позволит это делать». Издатели пытались восполнить эти лакуны, но пока ни одно из дополнений не было признано вполне удовлетворительным. В строке 15 после $\mu\eta\ \delta\epsilon$ они первоначально читали $\rho\alpha[\sigma\tau]\iota[\zeta\epsilon]\iota\nu$, однако это чтение оказалось сомнительным. Также ненадежным, по мнению П. Мейера, является и восстановление в конце строки $\acute{\epsilon}\alpha\iota\ \mu\acute{\eta}\ \acute{\omicron}\ \delta\iota\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\varsigma$ ³⁹.

Как мне кажется, возможны два варианта этой фразы: или по аналогии с предшествующим параграфом можно предположить, что лакуна содержит ссылку на диаграмму и, следовательно,

³⁸ Ср., например, адресованное Кирене предписание Птолемея и Клеопатры включить в судебную диаграмму полиса изданную ими простакму о бесхозном и спорном имуществе (C. Ord. Pt., 45—46). См. также: P. Meyer. Op. cit., S. 244.

³⁹ P. Meyer. Op. cit., S. 247, I, 15, Anm.

запрещается вывозить и клеймить рабов, кроме тех, по отношению к которым диаграмма разрешает это делать; или же в лакуне выпало указание на дикастерион (по аналогии, например, с р. Hal., I, lin. 201, 207). В этом случае вывоз и клеймение ставятся в зависимость от решения суда. Второй вариант представляется более приемлемым, так как в четвертом параграфе выдача совершившего преступление раба на клеймение и продажу на вывоз предусматривается как наказание в случае, если хозяин раба, проиграв судебный процесс, выдал его потерпевшему во избежание уплаты штрафа. Последние строки четвертого параграфа, поясняющие, что виновного раба следует везти в Александрию для продажи на вывоз, подтверждают общеегипетский характер рассматриваемого предписания. Продажа рабов на вывоз только через Александрию заставляет предполагать, что вывоз рабов контролировался государственными органами, следовательно, и запрещение вывозить рабов и разрешение продавать за границу заклеяменных должны были исходить от царя и имели силу для всего Египта.

Уэстерман сопоставляет этот параграф лилльского папируса с греческим законодательством и констатирует различия⁴⁰, но не стремится найти им объяснения. Почему, например, в Греции «не было нужды запрещать клеймение», а в Египте оно запрещалось законом, для читателя остается неясным. Он лишь отмечает, что «четкая линия разделения между рабом и свободным, которая характеризует греческое социальное законодательство, не так отчетливо проводится в предписаниях о рабах в птолемеевском Египте»⁴¹ и что «признание класса рабов как чего-то особого было эллинистическим нововведением, принесенным в Египет в результате имитации греческой юридической практики»⁴². Из этих рассуждений можно сделать логический вывод, что юридические нормы, зафиксированные греками в р. Lille, 29, но не имеющие параллелей в греческом законодательстве, отражают отношения, сложившиеся в Египте не столько в результате греческого влияния, сколько на основе традиционной социальной структуры египетского общества. Таким образом, интерпретация Уэстермана также подводит к высказанному выше предположению, что р. Lille, 29 связан с законодательством о рабах, существо-

⁴⁰ «Запрещение экспортировать рабов не появляется ни в одном законодательстве Греции, насколько мне известно. Клеймение рабов было, скорее, восточной, чем греческой практикой. В Греции, очевидно, не было нужды запрещать клеймение, в эллинистическом Египте оно запрещалось законом. В Греции хозяину разрешалось наказывать своего раба без юридических ограничений, за исключением эксцессов в пользовании этим правом. Предписание, содержащееся в р. Lille, 29, делает в Египте наказание хозяина раба незаконным (Уэстерман принимает чтение в строке 15 слова $\mu\omicron\sigma\tau\acute{\epsilon}\iota\iota\varsigma$, v. — A. II.), за исключением случая преступного акта, совершенного рабом»: W. L. Westermann. SSRCA, p. 52—53.

⁴¹ Ibid., p. 53.

⁴² Ibid., p. 52.

вавшем в Египте до греко-македонского завоевания, и регулирует рабовладельческие отношения в хоре.

Следующий, третий параграф р. Lille, 29 об использовании рабов в качестве свидетелей в равной степени мог быть выпиской из νόμος πολιτικός любого из трех греческих полисов и из царской судебной диаграммы. Первая строка параграфа не сохранилась, далее говорится: «... пусть и рабам разрешается свидетельствовать. Когда рабы будут давать показания, пусть судьи применяют пытку в присутствии противной стороны, если они (т. е. судьи. — А. П.) не могут судить, исходя из установленных судебных материалов».

Э. Л. Грейс, рассматривая вопрос о роли пытки рабов в афинском судебном процессе IV в. до н. э.⁴³, подчеркивает, что данные под пыткой показания рабов считались одним из наиболее надежных свидетельств. Очевидно, не меньшее значение придавалось им на судебных процессах в птолемеевском Египте. В лилльском папирусе, по-видимому, предусматривается, что привлечение рабов в качестве свидетелей и применение к ним пытки производятся по решению судей. Имело ли место внесудебное применение пытки, на основании этого документа нельзя сказать, но предположить, это можно, принимая во внимание значительно более широкую практику телесных наказаний в Египте по сравнению с греческими обычаями. Юридические документы Нового царства свидетельствуют о применении пытки при допросах не только к рабам, но и к свободным различных рангов⁴⁴. Правда, речь идет об особо важных преступлениях — ограблении царского некрополя или похищении имущества храмов. Но, вероятно, допросы, сопровождавшиеся битьем палками, применялись и в обычных судебных процессах. Так, в одном из приведенных И. М. Лурье документов (№ 98) рассказывается об установлении с помощью оракула вора, укравшего одежды у слуги (*sdm*) Амене-муиа, управлявшего имуществом начальника жертвенного скота. Бог указал на земледельца Петауэмдиамона, который сначала отрицал свою вину, но после того как ему было сделано «наказание в присутствии (людей) поселения», он сознался в краже и, получив еще «сто ударов пальмовой палкой», подтвердил свои показания клятвой⁴⁵. Следовательно, в первом случае наказание является средством получить признание в виновности, а не штрафом за совершенный проступок.

Эта практика применения телесных наказаний в ходе следствия даже к лицам, не являющимся рабами, продолжала существо-

вать и в эпоху Птолемеев. Р. Таубеншлаг, специально занимавшийся вопросом о телесных наказаниях в правовых нормах, зафиксированных в папирусах греко-римского Египта, указывает на ряд документов, содержащих указания на применение мер физического воздействия в процессе следствия. Так, в р. Amh., II, 31 (112 г.) указывается, что к египтянке, обвиненной в утайке подлежащего обложению земельного участка, были применены насильственные меры (*πειθανάγκης προααχθείσης*)⁴⁶. В папирусе BG U, 1847 (50 г. до н. э.) авторы жалобы, попавшие в тюрьму, называют себя *ἀνακλήθέντες καὶ βασανισθέντες*. Практика применения физических мер принуждения к лицам, ведавшим храмовыми доходами, подтверждается в негативной форме в декрете милосердия Эвергета II и Клеопатры II и III (р. Tebt., 5, lin. 58): *μηδὲ [πειθ]ανάγκην [π]ροσάγειν τοῖς προσετηκόσι τῶν ἱερῶν προσόδω[ν]*.

Таким образом, пытка при допросах рабов была свойственна и греческому праву, где она была одним из важнейших судебных доказательств, и египетскому праву, где физические меры воздействия в процессе следствия применялись также и к свободным. Следовательно, акцент в рассматриваемом третьем параграфе лилльского папируса надо искать не в факте допроса рабов под пыткой, а в тех формальностях, которые выдвигались этим предписанием⁴⁷, т. е., во-первых, пытка должна производиться только в присутствии противной стороны, во-вторых, вопрос о пытке рабов решается судьями и, в-третьих, допрос рабов под пыткой предписывалось применять в том случае, *ἐὰν μὴ ἐκ τῶν τεθέντων δικαιωμάτων δύνωνται κρίνειν*. По-видимому, все эти ограничения обусловлены злоупотреблениями в использовании пытки рабов как средства судебного доказательства. Возможно, если исходить из нашего предположения, что параграф первый об ойкетах является ключом ко всему документу, в р. Lille, 29 приведены те статьи диаграммы, которые уточняют и исправляют египетские законы о рабах на основе норм греческого права.

Четвертый параграф лилльского папируса отличается от рассмотренных выше объемом и детализацией предписаний и к тому же, по образцу некоторых статей р. Hal. I, имеет специальное название «Привлечение к суду рабов и взыскание с осужденных». Этот параграф наиболее фрагментирован, и в литературе предложено несколько вариантов его дополнения и интерпретации. Если Миттейс переиздал эту часть лилльского папируса с минимальными, наиболее достоверными восстановлениями⁴⁸, то П. Мейер дает уже значительные дополнения (опираясь главным образом

⁴³ E. G r a s e (Kazakevich). «Word» und «Deed» in the Athenian Di-kasterion. — «Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности». М., 1967, стр. 96—105.

⁴⁴ И. М. Л у р ь е. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н. э. Памятники и исследования. Л., 1960, стр. 228.

⁴⁵ Там же, стр. 317—318.

⁴⁶ R. T a u b e n s c h l a g. Die körperliche Züchtigung im Rechte der Papyri. Opera minora, Bd. II. Warszawa, 1959, S. 738 (=«Etudes de Papyrologie», VIII, 1957).

⁴⁷ На это обратил внимание П. Мейер (P. M e y e r. Op. cit., S. 244).

⁴⁸ L. M i t t e i s, U. W i l c k e n. Op. cit., S. 412—413.

на работу Парча⁴⁹) и свою трактовку четвертого параграфа. По мнению П. Мейера, этот параграф имеет следующую структуру: сначала дано предписание, как следует оформлять предъявление иска (устная жалоба хозяину виновного раба в присутствии двух свидетелей, затем письменное заявление номофилаку с обвинением хозяина раба в соучастии), после чего идет предписание об уплате хозяином раба однократного штрафа, в случае если он сразу признавал правильность иска.

Если же хозяин раба оспаривал предъявленный ему иск, тогда, по мнению П. Мейера, происходил процесс, который мог иметь три варианта: а) раба могли оправдать, и в этом случае возможно, что истец нес наказание за ложное обвинение; б) суд признавал хозяина виновным в соучастии или подстрекательстве, тогда он представлял поручительство в возмещении ущерба и доплачивал потерпевшему установленный 20%-ный штраф; в) обвинение в соучастии или подстрекательстве не подтвердилось, но хозяин отвечает за преступные действия раба. Чтобы снять с себя обязанность возместить ущерб, хозяин может выдать виновного раба пострадавшему в присутствии номофилака. При этом предписывается дать рабу не менее ста ударов плетью, заклеить и при каких-то условиях продать на вывоз⁵⁰.

В соответствии с трактовкой П. Мейера, четвертый параграф р. Lille, 29 можно перевести следующим образом.

I, 27—33: «Если кто-либо заявит, что потерпел от раба или рабыни, то, высказав обвинение в (их) незаконных действиях (τὸ ὀβίημα) хозяину в присутствии не менее чем двух свидетелей, пусть подаст письменную жалобу номофилаку; и запрещается. . .».

II, 1—40: «. . . должен, кроме этого, записать, что он предъявляет ему обвинение по закону. И если он (ответчик, т. е. господин раба? — А. П.) согласится, то пусть взыщут с господина предписанный простой штраф. Если же он (ответчик. — А. П.) будет оспаривать, пусть предъявит оправдания, что не приказывал ему и не знал, что раб совершил незаконные действия (ἄδικήσαι). Если же будет признано, что раб поступил справедливо. . . Если же выяснится в процессе суда, что раб совершил незаконные действия (ἄδικήσαι) по приказанию господина или с ведома господина, виновный должен представить поручительство (в уплате) присужденного ему штрафа и сверх того уплатить пятую часть присужденного штрафа противнику согласно закону.

Если же то, что он оспаривал (а именно: что раб действовал „без его ведома и приказания“. — А. П.) в процессе суда будет установлено, то пусть, после того как осужденный выдаст раба выигравшему процесс в присутствии номофилаков, он будет освобожден от наказания. А тот, кому передали раба, пусть высечет его

не менее чем сотней плетей и поставит клеймо на лбу, как предписывает диаграмма. . . (а если? — А. П.) увезет в Александрию, пусть продаст его на вывоз».

Однако такое понимание этого параграфа не является бесспорным. Э. Бернекер предложил некоторые поправки в дополнениях и несколько иную трактовку текста⁵¹. По его мнению, в начале параграфа говорится о внесудебном рассмотрении жалобы по поводу ὀβίημα, совершенной рабом (термин ἐγκαλεῖν относится к внесудебному editio actionis). Предписания диаграммы по этому поводу, по-видимому, содержались в несохранившихся первых строках второй колонки. А затем идет речь о собственно «рабском» процессе, в котором раб не имел никакой юридической дееспособности, и иск предъявлялся господину независимо от того, был ли он соучастником или нет. В случае обвинения в подстрекательстве или соучастии хозяину раба предъявлялся двойной иск (II, 7—8): как владельцу совершившего подсудное действие раба и как соучастнику этого незаконного акта, поэтому, по мнению Бернекера, признавший вину ответчик должен уплатить двойной штраф (в строке 10 он читает διπλά вместо ἀπλά). Бернекер не согласен с дополнением Парча—Мейера в строках 11—16, так как оно позволяет предполагать участие раба в процессе на правах свободного, что не соответствует содержанию всего параграфа⁵².

Возражает он и против восстановления в строке 21 глагола ἐγ[γυάτω]: он считает, что здесь не может идти речь о поручительстве, поскольку ранее (II, 9) предписывалось немедленное приведение в исполнении приговора о взыскании штрафа.

Таким образом, Бернекер в своей трактовке этого документа придает большое значение формальным сторонам судопроизводства и более последовательно проводит мысль, что юридическим лицом выступает хозяин раба: раб в качестве ответчика перед судом не появляется. Только когда хозяин, проиграв процесс, выдавал совершившего преступление раба пострадавшему, закон устанавливал те меры наказания, которые пострадавший имел право применить к преступнику.

По своему содержанию четвертый параграф стоит значительно ближе к греческим юридическим нормам, чем первые три и, может быть, даже соответствующие статьи р. Hal., 1.

Сравнивая его со статьей Дикайомата о нанесении рабом побоев свободному, исследователи отмечают различия в предписаниях о наказании рабов. В Дикайомата, как мы видели (стр. 212), раба, ударившего свободного, хозяин обязан был представить для экзекуции (не менее чем сотней ударов плетью за один удар), но при этом виновный оставался собственностью своего хозяина

⁵¹ E. Berneker Zu einigen Prozessurkunden der Ptolemäerzeit. — «Etudes de Papyrologie», II, 1933, S. 59—69.

⁵² В чтении Бернекера в этом абзаце говорится о том, что при недоведенности соучастия хозяина ему предъявляется лишь один иск.

⁴⁹ J. P a r t s c h . Op. cit., S. 71 — 73.

⁵⁰ P. M e y e r . Op. cit., S. 244—245.

и не подвергался никаким дополнительным наказаниям. В лилльском папирусе раб за нанесение по собственной инициативе *αδίκημα* свободному подвергался значительно более суровому наказанию в случае, если хозяин не хотел или не мог уплатить присужденного штрафа: его наказывали плетью, клеймили и при каких-то условиях продавали за границу.

Разные последствия испытывал и хозяин раба, если он пытался оспорить решение суда. В Дикайомата, если он отказывался выдать раба для бичевания, то платил двойной штраф по сравнению со штрафом, взыскивавшимся за соответствующие действия со свободных (т. е. платил 200 драхм за один удар), а если пытался оспорить решение суда, то платил тройной штраф или же не платил никакого штрафа, предоставив раба для наказания, но не утрачивая, по-видимому, прав собственности на высеченного раба. При этом вопрос о соучастии или подстрекательстве со стороны хозяина не рассматривается. В лилльском же папирусе хозяин платил двойной штраф лишь в случае соучастия; при оспаривании штраф, по-видимому, устанавливался судом, и к нему добавлялась 20%-ная прибавка в пользу пострадавшего. И даже при полной непричастности хозяина к преступлению раба он фактически нес материальный ущерб, теряя право собственности на раба, выданного во избежание штрафа пострадавшему.

Юристы объясняют расхождение в мере наказаний применением разных юридических норм: *verberandum exhibere* и *poxae datio*, причем, как считают И. Парч и П. Мейер, предоставление виновного на бичевание в р. Hal., 1, lin. 186—202 является исключением, тогда как выдача преступника характерна и для греческого и для классического римского права⁵³. Именно эти расхождения позволили издателям Дикайомата заключить, что лилльский папирус является выписками из *νόμος πολιτικός* не Александрии, а какого-то из двух других греческих полисов — Птолемаиды или Навкратиса.

Однако Бернекер довольно убедительно оспаривает принадлежность р. Lille, 29 к городскому законодательству Навкратиса или Птолемаиды. По его мнению, этот документ регулировал деятельность дикастерия (*δικαστήριον*)⁵⁴, т. е. коллегии из 10 судей, существовавшей в метрополиях нома⁵⁴, и, следовательно, служил судебной диаграммой для всей египетской хоры. Но его выводы не снимают вопрос о расхождениях между р. Hal., 1 и р. Lille, 29.

Возможны, как мне кажется, два объяснения. Можно предположить, что статья о *δούλων ἐπίχλησις* р. Lille, 29 представляет собой общее положение о судебных процессах по поводу преступлений рабов, так как термин *αδίκημα* обозначает любой несправедливый

и нарушающий правовые нормы поступок, тогда как угроза железным предметом или нанесение побоев, о чем идет речь в р. Hal., 1, являются лишь частным случаем *αδίκημα*. Поэтому цель соответствующих статей Дикайомата сводится лишь к определению размеров штрафа по отношению к этим частным случаям. Во всем же остальном, по-видимому, следовало руководствоваться общими предписаниями об *αδίκηματα*, совершенных рабом; этим можно объяснить отсутствие в статьях Дикайомата определения причастности хозяина к преступлению раба и дальнейшей судьбы высеченного раба.

Другое объяснение этих расхождений можно найти в уточнении и ограничении смысла термина *αδίκημα*. Едва ли нужно доказывать, что это слово приобрело в птолемеевском Египте значение специального термина, связанного с судо- и делопроизводством. Почти каждая жалоба, поданная на имя царя или высших чиновников, начинается словами: *αδικοῦμαι ὑπὸ τοῦ θεῖου*⁵⁵. Если мы рассмотрим содержание этих жалоб на «обиды», то выяснится, что в большинстве случаев *αδίκημα* связана с нанесением определенного материального ущерба. На многих жалобах имеется пометка (указание) стратега, что в случае невозможности урегулировать вопрос административным путем жалобу следует передать на рассмотрение суда: в дикастерион, лаокритам или *ἐπὶ τοῦ νομοδίκου*⁵⁶. Это постоянно повторяющееся в жалобах сочетание *αδικοῦμαι* и материального ущерба заставляет предположить, что и в судебной практике термин *αδίκημα* приобрел вполне устойчивый оттенок «обиды», сопровождающейся обязательно материальным ущербом. И если теперь мы вложим это значение в термин *αδίκημα*, употребленный в четвертом параграфе лилльского папируса, то предписание об уплате *ζημία* и выдаче раба пострадавшему будет иметь несколько иной смысл: *ζημία* получит значение не столько штрафа, сколько возмещения ущерба (и тогда более оправдано приращение доплаты 20 процентов пострадавшему), а выдача раба пострадавшему вместо выплаты *ζημία* также окажется обусловленной необходимостью возместить материальный ущерб хотя бы в размере стоимости раба⁵⁷. И так как преступление раба привело к материальному ущербу и пострадавшего, и его бывшего хозяина, утратившего на него права собственности, то вполне закономерно, что такой раб рассматривался законом как тяжело провинившийся и заслуживающий дополнительного наказания: помимо обычного бичевания его клеймили и продавали на вывоз. Это второе объяснение мне кажется более вероятным, так как в первом случае при-

⁵⁵ См. *Enteuxeis*, *passim*.

⁵⁶ *Enteuxeis*: в дикастерион № 21, 32, 66, 69; лаокритам — № 50, 83; в смешанный суд — № 44, 65, 70.

⁵⁷ В римской судебной практике *poxae dedere* также связано с нанесением материального ущерба; см. А. Покровский. История римского права. СПб., 1913, стр. 290.

⁵³ P. Meyer. *Op. cit.*, S. 245, со ссылкой на кн.: J. Parlsch, *Griechisches Burgschaftsrecht*, Bd. I, Leipzig, 1909, § 135 A.

⁵⁴ E. Berneker. *Op. cit.*, S. 62.

ходится исходить из предпосылки, что статьи о рабах в р. Hal., 1 и в р. Lille, 29 представляют собой фрагменты единого документа — общей судебной диаграммы о рабах, что доказать едва ли возможно.

Что касается лилльского папируса, то его следуют рассматривать не в качестве выписки из городского законодательства, а как фрагменты царской диаграммы о судопроизводстве, может быть, специально подобранные по вопросам, касающимся рабов (привлечение их к суду, использование их в качестве свидетелей, порядок ведения процессов, меры наказания), или диаграммы, исключительно посвященной рабам.

По мнению Бернекера, эта диаграмма различала два вида судебных процессов по делам, связанным с преступлениями рабов: собственно рабский процесс (*δοῦλων ἐπίκλησις*), когда жалоба подается на господина, и процесс, в котором жалоба подавалась на раба как на свободного, господин в нем не участвовал и мог лишь возбудить процесс вновь, потребовав пересмотра дела. «Этот вид расследования жалобы, — пишет Бернекер, — вероятно, был допустим только лишь относительно туземных рабов»⁵⁸. Это весьма интересное (но, к сожалению, ничем более не аргументированное) предположение Бернекера совпадает с высказанным нами мнением, что первый параграф лилльского папируса представляет собой рецепцию местных египетских правовых норм во вновь формирующееся эллинистическое египетское право.

Таким образом, р. Lille, 29 свидетельствует о существовании разных (по крайней мере двух) категорий рабов в Египте, по отношению к одной из которых возможно было предъявление иска об «обиде» *ὡς ἐλευθέρῳ* — или в результате ошибки из-за нечеткости граней социально-экономического положения ответчика (см. выше), или на основании законодательного признания за этой категорией рабов некоторых юридических прав.

Из этого документа вытекает и второй интересный вывод: в птолемеевском Египте отношения между хозяином и рабом подвергались некоторой регламентации со стороны государственной власти: господину запрещается без санкции суда клеймить и пытаться рабов, продавать их на вывоз (см. выше, стр. 221). Как уже указывалось, Уэстерман, отмечая эти особенности правовых норм эллинистического Египта, объясняет причины их появления смещением египетских и греческих элементов⁵⁹. Но отметить факт смещения местных правовых норм и правовых норм, принесенных греками, еще не означает ответить на вопрос, почему одни нормы старого местного права удержались, другие были отменены, почему одни греческие правовые порядки привились, другие — нет. Очевидно, ответ на эти вопросы надо искать в социально-экономической и политической структуре эллинистического Египта в целом.

Но к этому сложному и важному вопросу мы еще вернемся позднее, а сейчас следует лишь заметить, что практика вмешательства государства в отношения между хозяином и рабом, право государства наказывать раба и рассматривать его как юридически ответственное лицо, несомненно, ведут свое происхождение от древнеегипетских правовых норм. Любопытно в этом отношении показание раба-сирийца Карбаала на процессе по поводу ограбления некрополя (время XX династии). По его словам, он вопреки приказанию господина отказался участвовать в краже быка из фиванского некрополя, так как больше боялся судебного наказания, чем наказания своего господина: «И я сказал: ...⁶⁰ не пойду. Я, пришедший из Сирии, буду (отправлен в) Куш? Пусть мой господин найдет меня виновным и изобьет за это»⁶¹. Следовательно, даже в том случае, когда раб, совершая преступление, лишь выполнял волю своего хозяина, он должен был отвечать за свои действия перед судом. Правда, опять следует оговориться, что здесь речь идет об особо тяжком преступлении с точки зрения египетских законов и, возможно, относительно ординарных преступлений существовали иные нормы наказания. И все же нельзя не считаться с этим документом, свидетельствующим, что египетские законы в некоторых случаях рассматривали раба не как *res* или *instrumentum vocale*, а как юридически ответственное лицо.

Но отмечая влияние египетского законодательства на юридические нормы, зафиксированные в лилльском папирусе, и рассматривая этот документ как фрагмент общеегипетской диаграммы, предназначенной в первую очередь для хоры, следует подчеркнуть, что в основе этой диаграммы лежит греческое полисное законодательство.

Третий документ городского законодательства — р. Rend. Nagg., 61 — не вызывает сомнений в своей принадлежности к этой категории документов. Он представляет собой постановление александрийцев⁶² о сооружении золотой статуи Птолемею Филометору, увенчании его золотым венком и совершении жертвоприношений в благодарность за передачу гражданам сборов налога на рабов (*σωματικά τέλη*) и по случаю бракосочетания царя с Клеопатрой Теей. В связи со сбором средств для этих приношений в декрете предписывается произвести регистрацию всех купленных, но не зарегистрированных и всех доморожденных рабов. Указание в тексте постановления о предстоящем сооружении «свадебного стола» Птолемея Филометора и Клеопатры Теи позволяет датировать папирус 175/4 г. до н. э. Подробнее этот документ мы

⁶⁰ Отправка в Куш была одним из тяжелейших наказаний.

⁶¹ Иератический папирус Британского музея № 10052, 12, 8—9, перевод И. М. Лурье, см. в кн.: И. М. Лурье. Указ. соч., стр. 265.

⁶² См. об этом: F. M. Heichelheim. An Alexandrian Decree of 175/174 B. C. — JEA, 26, 1940, p. 155—156.

⁵⁸ E. Berneker. Op. cit., S. 63.

⁵⁹ W. L. Westermann. SSGBA, p. 52.

рассмотрим позднее вместе с соответствующими простагмами Птолемея.

Простагмы и диаграммы Птолемея, касающиеся рабов, можно разделить на несколько видов. Это прежде всего простагмы и диаграммы фискального характера — о регистрации рабов (р. Grad., 1) и о налоге на продажу рабов (р. Hibeh, 29; р. Col. inv. 480); простагма, имеющая своей целью также гарантию фискальных интересов государства, но специфическая по содержанию, — о регистрации незаконно порабощенных лаой Сирии и Финикии (PER inv. 24552=SB, 8008=C.Ord. Pt., 22), судебная простагма (C. Ord. Pt., 45—46); простагмы административно-хозяйственного содержания, где предусматриваются награды рабам за донос о нарушении данного постановления (р. Tebt., 700; BGU, 1730), и, наконец, простагмы о предоставлении права убежища храмам (C. Ord. Pt., 64 и 67).

Рассмотрим прежде всего простагму Птолемея Филадельфа относительно порабощенных лаой Сирии и Финикии, так как она хотя и относится к неегипетским областям царства Птолемея, но в известной мере характеризует общую политику Птолемея по отношению к разным категориям подданных. Этот папирус из собрания эрцгерцога Райнера, опубликованный впервые в 1936 г. Либесни⁶³, многократно переиздавался и комментировался крупнейшими исследователями, что уже само по себе говорит о его важном значении для истории эллинистического Египта.

Папирус содержит два декрета: о регистрации скота и уплате соответствующего налога и о регистрации *σάματα λαϊκά ελεύθερα*. На основании данных, содержащихся в первом декрете, оба документа датируются обычно 25 годом Птолемея Филадельфа, т. е. 261/60 г. до н. э. Декрет о регистрации незаконно порабощенных лаой изучался главным образом в двух планах: как документ, характеризующий политику Птолемея по отношению к их внеегипетским владениям, и как источник, раскрывающий социально-экономическую структуру эллинистического общества. В этом плане представляются наиболее интересными статья Уэстермана⁶⁴ и соответствующий раздел в «Исследованиях по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э.» К. К. Зельина.

Уэстерман рассматривает этот декрет, относящийся к Сирии и Финикии, в связи с египетскими документами того же времени. Он считает, что предписание о регистрации *σάματα λαϊκά ελεύθερα* в Сирии и Финикии последовало после общего декрета о регистрации рабов (следы которого сохранились в р. Hibeh, 29), поскольку эта категория лиц, находящихся на положении рабов, ускользнула от регистрации⁶⁵. Сопоставляя PER inv. 24552 с документами

⁶³ «Aegyptus», XVI, 1936, S. 257—288.

⁶⁴ W. L. Westermann. Enslaved Persons Who Are Free. Rainer Papyrus (PER) inv. 24552. — AJPh, 59, 1938, p. 1—30.

⁶⁵ Ibid., p. 6—7.

из архива Зенона, Уэстерман видит в нем новое доказательство официального признания в Египте практики порабощения за долги и самопорабощения при соблюдении установленных процедур 66. Декрет, по его мнению, свидетельствует о заботе Птолемея о подданных на внеегипетской территории⁶⁷.

К. К. Зельяга⁶⁸, напротив, подчеркивает, с одной стороны, специфику исторической обстановки в Сирии и Финикии в 1-й половине III в. до н. э., обусловившую появление декрета Птолемея Филадельфа, с другой — чисто фискальные, отнюдь не гуманистические цели этого документа. Птолемей Филадельф озабочен обеспечением доходов царской казны от эксплуатации местного земледельческого населения (лаой) и потому запрещает его порабощение частными лицами, но признает законной продажу в рабство с аукциона за долги казне. При всех расхождениях в оценке этого документа оба исследователя отмечают как характерное явление роль государственной власти в санкционировании порабощения.

Принимая во внимание справедливое указание К. К. Зельина на специфику исторической обстановки в Сирии и Финикии, вызвавшую появление этого декрета, все же и при рассмотрении рабовладельческих отношений в Египте имеет смысл использовать этот документ. Текст указа следующий (рис. 3): «По предписанию царя: если кто-либо из (живущих) в Сирии или Финикии купил *σάμα λαϊκόν ελεύθερον* или захватил и удерживает, или каким другим способом приобрел... (пусть зарегистрирует и приведет его?—А. П.) к эконому, назначенному в каждую гипархию, в течение 20 дней со дня объявления простагмы. Если же кто не зарегистрирует или не приведет, то он будет лишен *τοῦ σάματος* и с него взыщут в царскую казну за каждого *σάμα* 6000 драхм, и царь вынесет решение о нем. Донесшему пусть дадут за каждого *σάμα* . . . драхм. Если же кто-либо засвидетельствует, что зарегистрированные и приведенные *σάματα*, когда их покупали, были ойкетами, то пусть они у него останутся. Что касается *σάματα*, купленных на царских аукционах, то они, если (даже) кто-либо (из них) утверждает, что он свободный, пусть остаются во владении купивших. Те из воинов и других (лиц), проживающих в Сирии и Финикии, кто сожительствует с захваченными простолюдниками, пусть не регистрируют (их).

И в дальнейшем пусть никто не покупает и не берет в залог *σάματα λαϊκά ελεύθερα* ни под каким предлогом, кроме (лиц), выставленных на аукцион диойкетом по доходам с Сирии и Финикии, относительно которых взыскание надлежит производить и

⁶⁶ Ibid., p. 8—17. А. Б. Ранович трактует этот документ примерно в том же плане, что и Уэстерман (см. «Эллинизм и его историческая роль». М., 1950, стр. 205—206).

⁶⁷ W. L. Westermann. Enslaved Persons. . . , p. 27.

⁶⁸ К. К. Зельяга. ИИЗОО, стр. 142—143.

с личности, согласно изданному закону об аренде. Если же не (выполняют этого предписания), то подвергаются такому же (как указанный выше? — А. П.) штрафу рапным образом и продающие, и берущие в залог. Донесшим же будет выдано (с каждого проданного. — А. П.) σμα 300 драхм».

В литературе уже обращалось внимание на терминологию этого декрета: в нем ни разу не употребляются обычные для полисного законодательства обозначения рабов δοῦλος и ἀνδρόποδον⁶⁹, Все, подлежащие регистрации, называются σμάτα. Даже в том случае, когда рабский статус регистрируемых предполагается (и может быть подтвержден документально), в декрете применяется по отношению к ним описательное обозначение: σμάτα οὐκ οἰκητικά.

Это выражение, как уже указывалось, находит параллель в οἰκῆται οὐκес первого параграфа р. Lille, 29. Возможно, и здесь отразилась местная терминология, какие-то местные особенности рабовладельческих отношений, близкие к древнеегипетским и потому получившие сходные названия.

Характерно и обозначение свободных: σμα λαϊκόν ἐλεύθερον (стк. 2), σμάτα λαϊκά ἐλεύθερα (стк. 22). Сочетание термина σμα, σμάτα, в папирусах этого времени постоянно применяемого к рабам, с определением ἐλεύθερον производит впечатление соединения двух противоположных начал — рабства и свободы. И, вероятно, не случайно их разделяет второе определение—λαϊκά. По-видимому, только по отношению к λαοί можно говорить о σμάτα ἐλεύθερα или σμάτα οἰκητικά, только в этой среде грани между свободой и рабством стирались и переход из одного статуса в другой происходил достаточно часто, чтобы стать ординарным явлением и получить отражение в терминологии.

При всей многоликости слоя рабов в Греции классического времени⁷⁰ в нем едва ли можно выявить какие-то сословные различия. Структура греческого полиса сравнительно проста, это лишь три сословия: граждане, рабы и метеки, т. е. свободные, но не имеющие гражданских прав. Сословная структура эллинистических государств значительно сложнее и по существу еще не изучена достаточно детально. На местное сословно-классовое деление наслонилось сословное деление греко-македонских завоевателей. Все это не могло не отразиться на правовом сознании и правовых нормах, вырабатывавшихся в новых эллинистических государствах. Этот процесс и нашел в какой-то мере свое отражение в декрете Птолемея Филадельфа относительно Сирии и Финикии.

⁶⁹ Уэстерман объясняет это тем, что речь идет о незаконно поработенных свободных, потому и применяется нейтральный термин σμα (см. W. L. Westermann. Enslaved Persons. . . , р. 22).

⁷⁰ См. Э. Л. Казакевич, Были ли рабами οἱ χωρὶς οἰκοῦντες? — ВДИ, 1960, № 3, стр. 23-42,

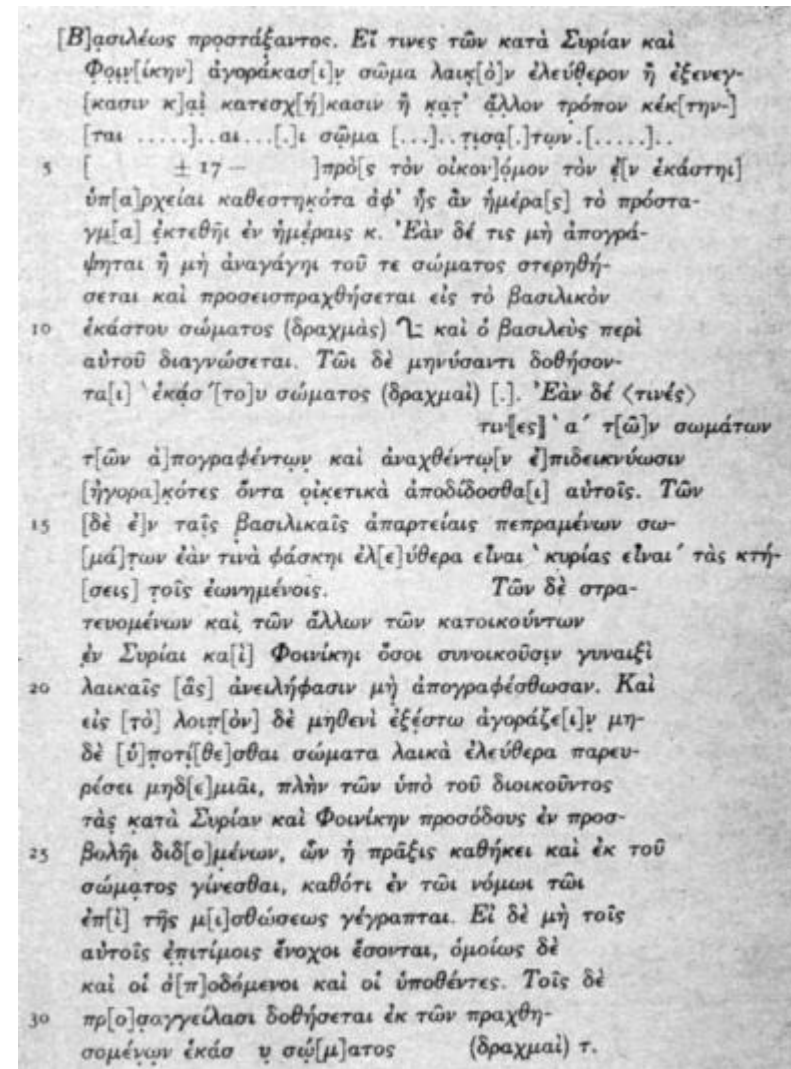

Рис. 3. Указ о сирийских лаой (РΕВ inv. 24552)

В чьих интересах составлен декрет — этот вопрос, как мы видели, уже дебатировался в литературе, но против кого он направлен — на это не обращалось достаточного внимания.

К. К. Зельин перечисляет названные в декрете методы порабощения: 1) покупка, 2) похищение, 3) порабощение человека, отданного в залог, 4) другие способы, ближе не определяемые,⁷¹ и отмечает, что порабощать запрещалось лишь частным лицам. Попытаемся выяснить, нет ли в тексте декрета более определенных указаний на социальную принадлежность этих частных лиц.

Во 2-й и 21-й строках декрета говорится о покупке свободного простолюдина. Кто же мог его продать, помимо продажи с аукциона, что санкционируется законом? Очевидно, тот, кто его захватил или насильственно в ходе военных действий, или обманным путем, или самочинно за долги (т. е. и в этих двух случаях насильственно). Кроме того, простолудин мог продать себя сам. Поскольку декрет, имеющий целью упорядочить жизнь в мирных условиях, прежде всего запрещает на будущее покупать (ἀγοράζειν) σόματα λαϊκά ἐλεύθερα, можно предположить, что наиболее распространенным явлением могла быть или самочинная продажа кредитором должника за долги, или самопродажа. В строках 28—29 говорится, что равным образом подвергаются штрафу καὶ οἱ ἀποδόμενοι καὶ οἱ ὑποθέντες, т. е. продавцы и берущие в залог. Штраф чрезвычайно высок — 6000 драхм, тогда как максимальная цена раба в III в., засвидетельствованная в папирусах, — 300 драхм. Практически такой штраф должен был уstrasить не только людей среднего достатка, но и богатых. Очевидно, декрет в основном и направлен против ростовщиков и скупщиков рабов, разорявших эти области царства Птолемеев.

В то же время в декрете нет ни слова о запрещении закладывать или продавать себя. Более того, декрет предусматривает продажу с аукциона диойкетом по доходам с Сирии и Финикии тех же самых σόματα λαϊκά ἐλεύθερα, относительно которых надлежит производить взыскание не только с имущества, но и ἐκ τοῦ σώματος. При этом в декрете дается ссылка на νόμοι, οἱ *km* τῆς ποσώσεως. О какой аренде шла речь в этих законах — неизвестно, в первую очередь можно предположить аренду царской земли, но не исключено, что νόμοι носили более широкий характер и регулировали все отношения найма и аренды.

Сопоставления этого декрета с документами из архива Зенона, предложенные В. Уэстерманом⁷², показывают, что и в Египте наблюдалась борьба двух тенденций: стремление кредиторов частным порядком перевести должника в положение раба и стремление царской администрации поставить этот процесс под контроль государственных органов.

⁷¹ К. К. Зельин. ИИЗОЕ, стр. 143.

⁷² W. L. Westermann. Enslaved Persons..., p. 16—18.

К. К. Зельин прав в том отношении, что только особые исторические условия Сирии и Финикии привели к возникновению потребности в законодательном вмешательстве царской власти, чтобы пресечь порабощение лаой той частью господствующего класса, чьи интересы не были непосредственно связаны с интересами царской казны. В Египте этот процесс не достигал такой остроты, поэтому декрет Птолемея Филадельфа на фоне всей остальной законодательной деятельности его самого и даже его ближайших преемников, по-видимому, казался их современникам из ряда вон выходящим. Во всяком случае, он произвел достаточно сильное впечатление, чтобы память о нем пережила несколько поколений и нашла отражение в произведении определенно публицистического характера — «Письме к Филократу» Псевдо-Аристее⁷³.

Несомненно, что декрет Птолемея Филадельфа повлек за собою восстановление статуса ἐλεύθεροι для значительного количества σόματα λαϊκά. У Псевдо-Аристее число освобожденных по указу Птолемея иудеев достигает уже громадной цифры — около 200 тысяч⁷⁴. И если в подлинном декрете Птолемея Филадельфа ничего не говорится о выплате компенсации за освобождаемых, то в приведенном у Псевдо-Аристее декрете устанавливается выкуп за каждого освобождаемого в 20 драхм (Ad Philocr. epist., 22).

Таким образом, этот акт вмешательства царской власти в частновладельческие отношения господина и раба в идеологическом преломлении последующих поколений (безотносительно к тем политическим целям, ради которых он использовался в публицистике) приобрел характер грандиозного экстраординарного мероприятия, оправданного только теми высокими морально-религиозными целями, ради которых оно было предпринято, и стремлением царя хотя бы в некоторой степени компенсировать рабовладельцев за счет государственной казны. По существу в этой трактовке декрета Птолемея Филадельфа отражается отрицательное отношение рабовладельцев к такого рода законодательным актам со стороны государства. Но появилась ли эта отрицательная оценка только во II в. до н. э. (как обычно датируют произведение Псевдо-Аристее) или она унаследована от современников декрета — установить едва ли возможно.

Как уже указывалось, Уэстерман считает, что декрет Птолемея Филадельфа относительно регистрации σόματα λαϊκά ἐλεύθερα

⁷³ [Aristeae] Ad Philoeratem epistula. Ed. P. Wendland. Leipzig, 1900. Факт использования Псевдо-Аристеем декрета Птолемея Филадельфа достаточно убедительно доказан Уэстерманом (см. W. L. Westermann. Enslaved Persons. . ., p. 20—26). Подробнее об историческом значении «Письма к Филократу» см.: К. К. Зельин. ИИЗОЕ, стр. 152—157.

⁷⁴ В «Письме» указывается, что общая сумма выкупа, выплаченная из царской казны, составляла около 660 талантов (Ad Philocr. epist., 27), следовательно, было выкуплено не менее 198 тысяч человек.

в Сирии и Финикии появился после общего декрета о регистрации рабов в державе Птолемеев, следы которого он усматривает в р. Hibeh, 29⁷⁶.

О регистрации рабов (с разными целями) идет речь в нескольких документах законодательного характера: в уже названном хибехском папирусе, в р. Grad., 1; р. Col. inv. 480 и в р. Rend. Nag., 61, но установить цель регистрации не всегда удается⁷⁶. Пожалуй, наибольшие споры вызвал р. Grad., 1.

Этот документ дошел в весьма фрагментированном состоянии, место его происхождения неизвестно. В самом документе указана дата — месяц горпийос 17 года правления какого-то из Птолемеев. Документы, найденные вместе с ним, датируются 230—211 гг. до н. э., но по своему стилю р. Grad., 1 относится, скорее, ко времени Птолемея Филадельфа⁷⁷. От первых строчек сохранились лишь обрывки слов. Возможно, вначале шел текст письма, сопровождающий простагму, а затем уже текст простагмы, начало которой также не сохранилось (рис. 4).

Начиная с пятой строки, можно прочесть следующее: «По предписанию царя... αἱ[χ]μύλωτα σώμα[τα]... (следующая строка не сохранилась)... все должны зарегистрировать у (чиновника), назначенного для этого царем, начиная с месяца горпийоса, (жители) Александрии — до месяца диоса, (жители) хоры — до месяца дюстроса, и внести за каждого раба (σώματος) 20 драхм и на издержки прагматеута 4 драхмы...» Далее текст опять фрагментирован, и исследователи читают его по-разному. Согласно чтению М. Ленже, изучавшей оригинал при переиздании его в «Корпусе декретов Птолемеев», последние строчки можно перевести следующим образом: «кроме внесших 60-драхмовый и 40-драхмовый (взнос). Пусть не...»

Первый издатель этого документа — Плауман — считал его фрагментом царского декрета о введении налога на рабов как движимое имущество, обложению которым подвергались главным образом зажиточные круги городского населения⁷⁹. Вилькен выдвинул совсем иное толкование: прочитав в 5-й строке αἱμύλωτα σώματα, он предложил считать этот документ декретом о распро-⁸⁰даже царской казной военнопленных по установленной цене.

⁷⁵ Но как он сам достаточно убедительно доказал в более ранней работе «О рабстве в птолемеевском Египте», в хибехском папирусе говорится о регистрации рабов, подлежащих продаже (см. W. L. Westermann. Uron Slavery... р. 38—39).

⁷⁶ О какой-то регистрации σώματα упоминается также в одном из писем Зенону (PSI, 488).

⁷⁷ См.: C. Ord. Pt., р. 55.

⁷⁸ Она предлагает следующее чтение (стк. 12—13): τλήν των κ[α]ταβεβληχότων τήν (ἐξήκονταδραχμίαν) χαί την τεσσαραχο[ν]ταδραχμίαν. μή ἐξέστω δέ τ[ω]ν⁷⁹. (C. Ord. Pt., 25).

⁷⁹ Р. Grad., S. 9—12, 16—17.

⁸⁰ U. Wilcken. Papyrus-Urkunden. — «Archiv für Papyrusforschung», VI, 1920, S. 365.

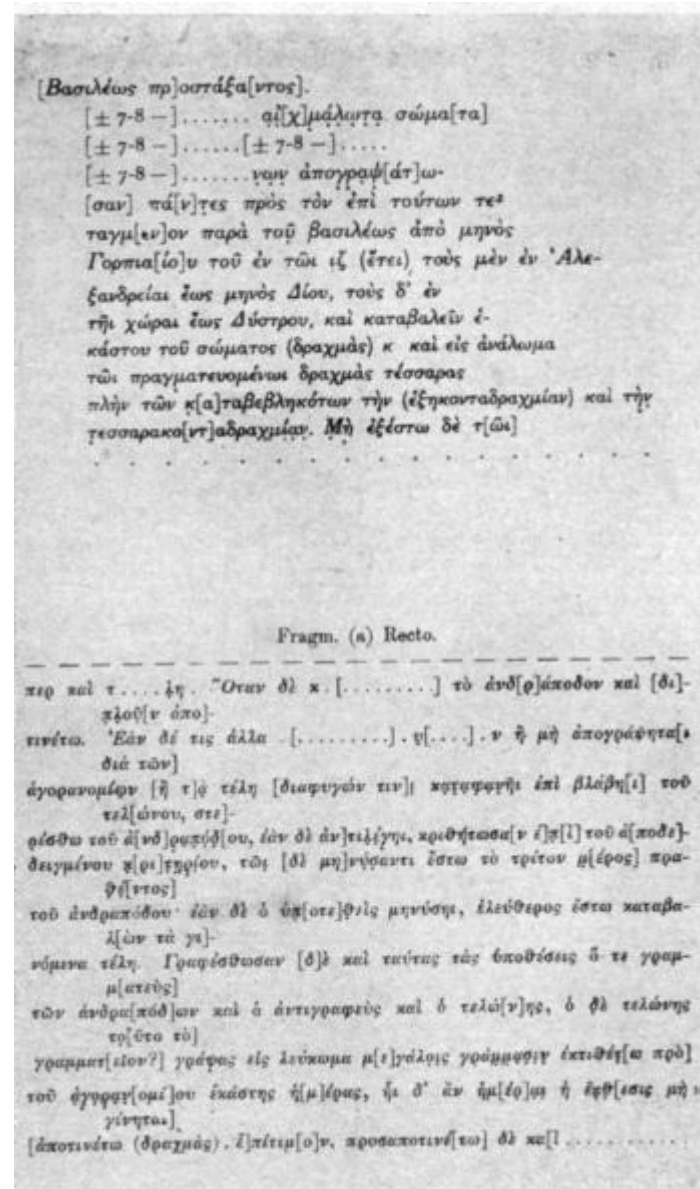

Рис. 4. Указы о регистрации сомата: сверху — р. Grad., 1; внизу — р. Hibeh, 29

Эти две крайние точки зрения затем неоднократно дебатировались другими исследователями⁸¹. Уэстерман, сопоставляя налог на продажу рабов в р. Col. inv. 480 (около 20 драхм с мины) сданными р. Grad., 1, высказывает мнение, что в последнем документе также идет речь о налоге на продажу рабов-военнопленных, которых государство распродает «по дешевке» (job lot) — по 1 мине за человека⁸². М⁸³ Ленже по существу возвращается к точке зрения Плаумана⁸⁴. Хотя она и оговаривается, что лакуны в тексте не позволяют принять ту или иную интерпретацию (и, в частности, с уверенностью говорить о рабах-военнопленных), тем не менее склонна рассматривать взнос в 20 драхм скорее как экстраординарный налог на рабский капитал, чем как пошлину с их продажной стоимости⁸⁴.

Одной из причин, заставляющих даже тех исследователей, которые видят в р. Grad., 1 декрет о налоге на рабов как движимое имущество, считать этот налог экстраординарным, является то обстоятельство, что в практике финансовой организации греческих полисов такой налог не засвидетельствован⁸⁵. Андреаде, разбирая сохранившиеся в литературных источниках и надписях сведения о налогах, имеющих отношение к владению рабами в Афинах и других греческих полисах, приходит к заключению, что общий характер полисных финансов не позволяет считать их прямыми налогами⁸⁶ и что если нельзя целиком отвергнуть гипотезу о существовании прямых налогов на рабов, высказанную некогда Беком, то и доказать ее тоже нельзя⁸⁷.

Но основываться на данных о характере обложения в греческих полисах было бы закономерно, если бы в р. Grad., 1 шла речь об одном из полисов Египта. Что касается державы в целом, то едва ли можно найти внутри греческих государств что-либо подобное сложной податной системе Птолемея. Поэтому, как мне кажется, решение вопроса о существовании в податной системе Египта прямого налога на рабов следует ставить в зависимость не от наличия или отсутствия его в греческих полисах, а от соответствия или несоответствия такого рода обложения финансовой политике Птолемея. Если исходить из этих соображений, то возможность такого налога (по крайней мере в качестве экстраординарного мероприятия) допустима. Поэтому заслуживает внимания ряд наблюдений М. Ленже, используемых ею

⁸¹ Обзор дискуссий по этому документу см.: К. К. Зельин, ИИЗОЕ, стр. 139—141; C. Ord. Pt., p. 55.

⁸² W. L. Westermann. Upon Slavery. . . , p. 34—35.

⁸³ C. Ord. Pt., p. 55—56.

⁸⁴ Ibid., p. 56.

⁸⁵ См., например: W. L. Westermann. Upon Slavery. . . , p. 37.

⁸⁶ A. M. Andreades A History of Greek Public Finance. Cambridge, 1933, p. 150.

⁸⁷ Ibid., p. 284.

для аргументации своей точки зрения. Она указывает, например, что продолжительность срока регистрации — от трех до шести месяцев в зависимости от места нахождения налогоплательщика — свидетельствует, во-первых, о концентрации всех сведений в Александрии и, во-вторых, о многочисленности объектов регистрации. Назначение царем специальных должностных лиц для проведения регистрации и высокая ставка обложения говорят, по ее мнению, об исключительном характере и регистрации, и взимания⁸⁸. Но при этом остаются без объяснения последние две строки: «кроме внесших 60-драхмовый и 40-драхмовый взнос».

⁸⁹ Очень любопытно предложенное Уэстерманом сопоставление строк 13—14 папируса Граденвитца и строк 11—12 р. Col. inv. 480. В этой выписке из царской диаграммы времени Птолемея Эпифана указывается, что с тех, кто покупает раба на условии выплаты всех налогов, взыскивается с каждой мины 20 драхм 1 обол и прополитикон городу с каждого раба — 4 драхмы 1 обол. Если вслед за Уэстерманом предположить, что ставка в 20 драхм с каждого σώματος исходит из округленной наименьшей стоимости раба в 1 мину, то цифры в том и другом документе (практически) полностью совпадают. Следует заметить, что в обоих документах употреблены сходные выражения: в р. Grad., 1 — καταβαλεῖν ἐφ' ἑκάστου σώματος, в р. Col. inv. 480 — ἐφ' ὧι τα τέλη πάντα καταβαλεῖ.

Но еще более интересно сопоставить р. Grad., 1 с упоминавшимся уже декретом александрийцев о сооружении золотой статуи Птолемея Филометора в благодарность за передачу гражданам налога на рабов (р. Bend. Harr., 61). Этот документ датируется 175/4 г. до н. э., т. е. более чем на полвека позже р. Grad., 1. Налоговая система птолемеяского Египта к этому времени уже не только сложилась, но и приобрела какие-то традиционные черты. Однако под влиянием социально-экономических и политических событий на рубеже III и II вв. до н. э., по-видимому, возникла потребность в некоторой перестройке этой системы, если не по линии существенных изменений ее организации, то по крайней мере в направлении перераспределения доходов от налоговых поступлений. На это указывают льготы, предоставляемые храмам, а также документы о налогах, связанных с рабовладением, — р. Col. inv. 480 и р. Bend. Harr., 61.

В литературе этот последний документ рассматривается прежде всего как свидетельство, характеризующее внутреннюю политику правительства Птолемея VI Филометора по отношению к александрийским гражданам. Хайхельхайм, например, видит в нем средство обеспечить экстраординарные расходы правительства, связанные с браком Птолемея Филометора⁹⁰, К. К. Зельин —

⁸⁸ C. Ord. Pt., p. 55—56.

⁸⁹ W. L. Westermann. Upon Slavery. . . , p. 34—35.

⁹⁰ См. F. M. Heichelheim. Op. cit., p. 156.

проявление политики дарования *φιλάνθρωπα*, политики опоры на «эллинов»⁹¹.

Но, отвлекаясь от обстоятельств возникновения этого декрета, попытаемся вникнуть в его содержание. Папирус дошел в очень фрагментированном состоянии (по существу сохранилась лишь правая половина второй колонки текста), но усилиями издателей вторая колонка восстановлена почти полностью. В интерпретации Ф. Хайхельхайма, переиздавшего в 1940 г. папирус с большими дополнениями, содержание документа следующее (рис. 5):

«В добрый час. Совет и народ Александрии постановил: так как царь Птолемей Бог Филометор издал указ. . .» Далее, по мнению Хайхельхайма, идет резюме или полный текст указа Птолемея Филометора: «. . . [В течение 20 дней александрийцы]⁹², живущие в хоре, пусть регистрируют [σώματα, купленных] не по закону, не будучи (при этом) обязанными (платить штраф) — [начиная с 15-летнего возраста, каждого раба], кроме того, проставив в апографе имя матери [детей-рабов]: как только исполнится 15 лет, (они должны привести их [к агораномам], чтобы (агораномы) определили их приметы. Равным образом и [александрийцы всех] принадлежащих им доморожденных рабов [пусть регистрируют у агораномов] в течение 20 дней: тех, кому нет 15 лет, [пусть проставят приметы и] имя матери, а тех, кому больше 15 лет, [(пусть регистрируют) согласно закону]. Опоздавшие же представить апографу [рабов, как предписано], уплатив полису [штраф], пусть регистрируют у агораномов согласно [закону]». Отсюда, как считает Хайхельхайм, начинается текст постановления александрийцев: «[Так как теперь] царь Птолемей Бог Филометор не только [облагодетельствовал наш полис] Александрию и всех людей, но и [передал нам налог на рабов (σωματικά τέλη)], желая гражданам большой пользы, [и проявил] ко всем нам неизменное расположение [и благосклонность], мы постановили [сделать] золотую статую царя (Птолемея целиком) из золота и перечислить (теперь же?) в свадебную [казну царя] (стоимость) этого священного изображения. Согласно этому [наши тезаврофилаки], взяв всю сумму (из тех средств), которые, [как предписано], должны поступить в откуп налогов [от наших сограждан из хоры], [пусть составят счет расходов] таким образом, [как необходимо по закону]. (Постановили также) совершить жертвоприношение [царю] Птолемею Богу Филометору, когда он соорудит [свадебный стол?], увенчать его венком и (принести) жертвоприношение [царице Клеопатре Богине так же, как] Богу Филометору, [как достойно их обоих. . .]».

⁹¹ К. К. Зельин. ИИЗОЕ, стр. 152.

⁹² В квадратных скобках дан перевод восстановленных (или дополненных) частей греческого текста.

Рис. 5. Александрийский декрет о регистрации рабов (р. Rend. Harr., 61)

Как видно из текста папируса, восстановлены и дополнены весьма существенные положения: что именно покупные рабы регистрируются в хоре, что регистрация происходит у агораномов, что царь передал гражданам налог на рабов и что жертвоприношение царю связано с его бракосочетанием. Можно соглашаться или не соглашаться с интерпретацией Хайхельхаймом этого документа в целом, но некоторые сведения, содержащиеся в нем, остаются бесспорными и представляют для нас значительный интерес. Это прежде всего вопрос о регистрации рабов. Если в р. Grad., 1 можно предполагать единовременную перепись рабов в связи с какими-то особыми обстоятельствами, то этот документ с полной очевидностью свидетельствует о регулярной регистрации. При этом речь идет не о засвидетельствовании сделки на покупку раба, а о регистрации рабов как таковых, сопровождав-

шейся, по-видимому, описанием примет каждого раба. Переписи подлежат и покупные, и доморожденные рабы (стк. 6). Как толкует эту часть царского декрета Хайхельхайм, на александрийских граждан до этого указа не распространялась обязанность регистрировать доморожденных рабов. Вводя это постановление, царь одновременно делает уступку, разрешая без уплаты штрафа зарегистрировать рабов, купленных не по закону (т. е. без регистрации и беспошлинно), и передавая александрийцам сбор со своих сограждан налога, уплачиваемого при регистрации⁹³.

Интерпретация Хайхельхайма р. Bend. Nagr., 61 при всей ее убедительности оставляет все же некоторые сомнения в правильности восстановления текста указа Птолемея Филометора. Например, непонятно, почему постановление о регистрации без уплаты штрафа купленных не по закону рабов относится только к александрийцам, живущим в хоре, а предписание регистрировать доморожденных — к александрийцам без указания их местонахождения. Едва ли можно предполагать, что случаи незаконной покупки рабов имели место только в хоре, а в Александрии их не могло быть, или что предписание о регистрации без уплаты штрафа относилось только к живущим в хоре, а на жителей города не распространялось. Затем, если действительно в первой части постановления говорится о купленных рабах, то указание имени матери детей-рабов имеет смысл только в том случае, когда дети-рабы покупались вместе с матерью. Но, как видно из других документов (например, PCZ, 59003), дети могли продаваться отдельно и даже без указания в купчей имени матери. Нет оснований считать, что при незаконных сделках была иная практика продажи детей-рабов.

В сохранившемся тексте царской простагмы (или ее резюме) главный упор сосредоточен на регистрации рабов до пятнадцатилетнего возраста, порядок регистрации взрослых рабов не совсем ясен: в строках 8—9 Хайхельхайм восстанавливает: *τά δέ ἄνω γε (εἰσὶν) [ἀόματα κατὰ τοῦ νόμου]*. Это обстоятельство, а также оговорка, что устанавливается определенный срок для регистрации рабов без наложения штрафа (однако размеры этого штрафа не указываются), позволяют предполагать, что закон о регистрации взрослых доморожденных рабов уже существовал и в данной простагме он лишь дополняется распоряжением о регистрации рабов, не достигших пятнадцатилетнего возраста.

Какую же цель имела регистрация? По-видимому, прежде всего фискальную, так как если даже допустить, что специального налога с «головы» раба не было, то в соответствии с принципами организации птолемеивской налоговой системы, несомненно, взимался налог за самый акт регистрации («на расходы

прагматевта», как указывается в р. Grad., 1). Но помимо фискальных, вероятно, имели значение и административные цели: при регистрации детей-рабов, не достигших пятнадцатилетнего возраста, одновременно составлялось описание примет (см. стк. 7—8).

Делалось ли это на случай побега раба, или в порядке предупреждения возможности со стороны хозяина уклониться от уплаты налога в будущем при продаже раба, или пресечения попыток изменить рабский статус обманным путем — в любом случае это означало административное фиксирование социального положения какой-то части населения. Иными словами, и в этом документе ясно ощущается определенная тенденция в общественном устройстве государства Птолемеев: вмешательство государственной власти в отношения между рабом и рабовладельцем в пользу или во вред каждого отдельного рабовладельца в зависимости от интересов класса в целом.

Данные о регистрации рабов в Египте интересно сопоставить с сообщением в Псевдо-Аристотелевой «Экономике» о регистрации рабов, предпринятой родосцем Антименом в лагере Александра Македонского во время похода на Восток. «Пытаясь добыть денег, — говорится в книге II (1352b, 31 — 1353a, 5), — тех рабов, которые находились в лагере, он предложил всякому желающему регистрировать с любой оценкой, а налог выплачивать по 8 драхм в год, и если раб убежит, то будет возвращена та сумма, в которую он оценил его при регистрации. Таким образом, так как было зарегистрировано много рабов, получилось немало денег. А если раб убегал какой-нибудь, он приказывал сатрапу той (местности), в которой находится лагерь, возвращать его обратно (или) уплатить хозяину сумму его оценки»⁹⁴.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о достоверности этого сообщения, следует отметить, что акт регистрации преподносится здесь в двух аспектах: как средство для взимания с рабовладельцев налога на рабов и как гарантия со стороны государства владельческих прав рабовладельца. В силу взаимной заинтересованности акт регистрации основывается на добровольных началах. Налог взимается не за регистрацию и не с цены раба, а поголовно в размере твердо установленной суммы. Соответствовало ли это сообщение реальной действительности, было ли оно теоретическим проектом или публицистическим отражением существовавшей практики — в любом случае оно свидетельствует о том, что идеи регистрации рабов и налога на рабов как движимое имущество не были чужды экономической мысли эллинистического времени.

Если теперь от декрета александрийцев (т. е. р. Bend. Nagr., 61) мы вернемся к документам III в. до н. э., то данные о регистрации рабов в р. Grad., 1 и р. Hibeh, 29 приобретут несколько

⁹³ F. M. Heichelheim. Op. cit., p. 156.

⁹⁴ Перевод Г. А. Тароняна. — ВДИ, 1969, № 3.

иное значение. Едва ли можно вслед за Уэстерманом считать, что в р. Hibeh, 29 речь идет об откупе налога только на продажу рабов⁹⁵, т. е. о торговой пошлине.

Папирус Hibeh, 29 обычно рассматривается как фрагмент νόμος τελωνικός времени Птолемея Филадельфа. Папирус содержит два самостоятельных документа: на лицевой стороне говорится об откупе налога на рабов, на оборотной — об откупе денежного налога, взыскиваемого с τὰ κτήματα. По мнению Вилькена, возможно, имеется в виду налог на виноградники, так как именно к этой категории имущества в середине III в. до н. э. обычно применялось обозначение τὸ κτήμας⁹⁶.

Содержание интересующей нас первой части документа следующее (см. рис. 4). Начало документа не сохранилось, в первых фрагментированных строках, по-видимому, говорится о взысканиях, налагаемых на откупщика или лиц, связанных с откупом, в случае нарушения условий откупа: «... если бы ... раба, и пусть уплатит в двойном размере. Если же кто... или не запишет в агораномии или, [ускользнув] от налогов, причинит ущерб откупщику, тот лишится раба. Если же он станет возражать, пусть рассматривается дело в назначенном суде. Донесшему же следует третья часть (стоимости) проданного раба. Если же донесет заложник, пусть будет свободным, внеся соответствующий налог. Пусть грамматевс по рабам, антиграфевс и откупщик запишут для себя эти основные положения, откупщик же этот документ, начертив на доске большими буквами, пусть выставляет перед агораномией каждый день. Если же в какой-либо день (доска) не будет выставлена, [пусть уплатит ... драмштрафа] и сверх того уплатит ... и ...»

Уэстерман, предлагая свое толкование р. Hibeh, 29, опирается на упоминание агораномии и на строки 5—7 этого документа, где говорится о награде доносчику в размере одной трети ~~πρόβεντος~~ του ὀδρουσίου и предоставлении свободы заложнику, что, по его мнению, свидетельствует об обложении налогом самого акта продажи рабов и заложников. Кроме того, выражение τοῖς τὸν ὑποκίττον[βιον] он понимает как «списки (рабов)»⁹⁷. В этом толковании, несомненно, отразилось влияние тех сведений, которые содержит р. Col. inv. 480. Но, как уже указывалось, нельзя недооценивать и информацию, доставляемую р. Rend. Harr., 61. Против трактовки Уэстермана можно выдвинуть и некоторые соображения, основывающиеся на том же р. Col. inv. 480. В этой диаграмме во всех случаях продажи рабов, за исключением продажи их государством, предусматривается налог с обоих контрагентов — продавца и покупателя. В р. Hibeh, 29 фигурирует

только одно лицо. Едва ли можно представить себе, что один **И8** контрагентов зарегистрировал сделку и уплатил налог, а другой уклонился от этого. Если же они оба нарушили закон, то и ответственность должна падать на обоих, что, вероятно, и было бы зафиксировано в р. Hibeh, 29.

Упоминание о выплате доносчику трети стоимости проданного раба само по себе также не может служить доказательством того, что речь идет о налоге на продажу рабов. Так как нарушивший этот закон рабовладелец в качестве наказания лишался раба, этот раб, очевидно, продавался с аукциона, чтобы восполнить ущерб, нанесенный откупу, и выплатить награду доносчику.

Очень интересно предписание, касающееся заложников. Почему возникла потребность в специальном предписании такого рода? И почему только по отношению к этой категории несвободных? Можно предположить (особенно имея в виду декрет Птолемея Филадельфа о сирийских ἀγοραὶ λαῶν ἐλεύθερα), что заложники, как и рабы, подлежали регистрации, и при этом также взыскивался какой-то налог. А так как именно эта форма отношений легче всего могла ускользнуть от учета государственных органов, то и появилась необходимость побудить самих заложников заявлять об этом в агораномию. Мера наказания здесь была та же, что и в случае утайки τὸ ὀδρουσίου, а ущерб, нанесенный откупу, возмещал сам доносчик, уплачивая соответствующий налог.

Локализация некоторых операций, связанных с откупом налога на рабов, в агораномии (регистрация рабов, выставление доски с текстом основных положений данного предписания) тоже еще не означает, что налог взыскивается только с проданных рабов. По чтению Хайхельхайма р. Rend. Harr., 61 регистрация доморожденных рабов также производилась в агораномии (стк. 5, 7, 11).

Несколько необычен чиновничий аппарат, связанный с откупом налога на рабов. Согласно Податному уставу Птолемея Филадельфа, откупками ведают эконоμ и антиграфевс нома, в каждый откуп эконоμ назначает ⁹⁸особого антиграфевса, контролирующего деятельность откупщиков⁹⁸. В р. Hibeh, 29, помимо откупщика и антиграфевса, указывается еще ~~ὑποκίττοντες τὸν ὀδρουσίου~~. Возможно, это был специальный чиновник в агораномии, ведавший регистрацией рабов. Была ли такая должность в каждом номе или только в полисах — неясно. В р. Grad., 1, адресованном и хоре, и Александрии, указывается, что регистрация должна производиться назначенными для этого лицами (стк. 8—9). Можно только высказать предположение, что эти назначенные царем лица и есть ~~ὑποκίττοντες τὸν ὀδρουσίου~~.

⁹⁵ W. L. Westermann. Upon Slavery. . . , p. 39.

⁹⁶ L. Mitteis, U. Wilcken. Op. cit., Bd. I, H. 2, S. 306.

⁹⁷ W. L. Westermann. Upon Slavery. . . , p. 39.

⁹⁸ RL, col. 3; см. также: J. Bingen. Contribution au texte du p. Revenue Laws. — SB, Beiheft I. Göttingen, 1952.

В р. Hibeh, 29 ни в этом, ни во втором фрагменте νόμος τελωνικός, относящемся к τα κτήματα, не упоминается эконоμ. В то же время в Податном уставе в разделе, посвященном организации откупов, не упоминается агораномия. Это, конечно, может быть случайным обстоятельством, связанным с плохой сохранностью дошедших до нас документов. Но не исключено предположение, что р. Hibeh, 29 представляет собой документ, регулирующий порядок сдачи на откуп налога на рабов только внутри полиса, но не во всей стране, и этим объясняется его специфика.

Все приведенные выше соображения, ставящие под сомнение концепцию Уэстермана, еще отнюдь не означают, что р. Hibeh, 29 является неоспоримым доказательством существования налога на рабов как на движимое имущество. Как уже говорилось, регистрация могла носить и административный характер (как закрепление определенного сословного состояния) с уплатой лишь пошлины или налога за самый акт регистрации. В какой-то мере решить этот вопрос можно лишь сопоставлением всех документов, касающихся налогового обложения и рабов.

В сохранившихся частях Податного устава Птолемея ФилADELΦA нет никаких сведений о налоге на рабов. Термин δουλος встречается только один раз в той части νόμος τελωνικός, где речь идет о лицах, не имеющих права участвовать в откупках (RL, col. 15). Кроме того, в разделе νόμος δεσότης во фрагментах col. 82b и col. 85 сохранились слова των σωματίων и σώματος, но делать какие-либо заключения на основании этих обрывочных слов (хотя бы, например, видеть в них упоминания о рабах) не представляется возможным.

Наиболее важные и интересные сведения о налогах, связанных с рабами, вернее, только с продажей рабов, дает р. Col. inv. 480, изданный и детально прокомментированный Уэстерманом в его работе «О рабстве в птолемеевском Египте».

В интерпретации Уэстермана этот документ делится на семь параграфов: в первом говорится об обычной торговой сделке с уплатой налога обоими контрагентами, во втором — о покупке раба с аукциона, о чем свидетельствует уплата всех налогов только покупателем, в третьем — о покупке раба с аукциона по встречной или наивысшей цене, в четвертом — о продаже раба практором ксеникон, в пятом — о продаже должников царской казны, в шестом и, вероятно, седьмом — о продаже в рабство должников частных лиц.

В соответствии с его чтением и трактовкой папирус имеет следующее содержание (рис. 6):

«Из диаграммы относительно рабов.

§ 1. Пусть взявший откуп на рабов и антиграфевс взыскивают со стоимости рабов, продажа которых регистрируется в присутствии агораномов, серебром с продавшего — 9 драхм 21/2 оболы с мины, включая однопроцентный сбор, ранее отчислявшийся в до-

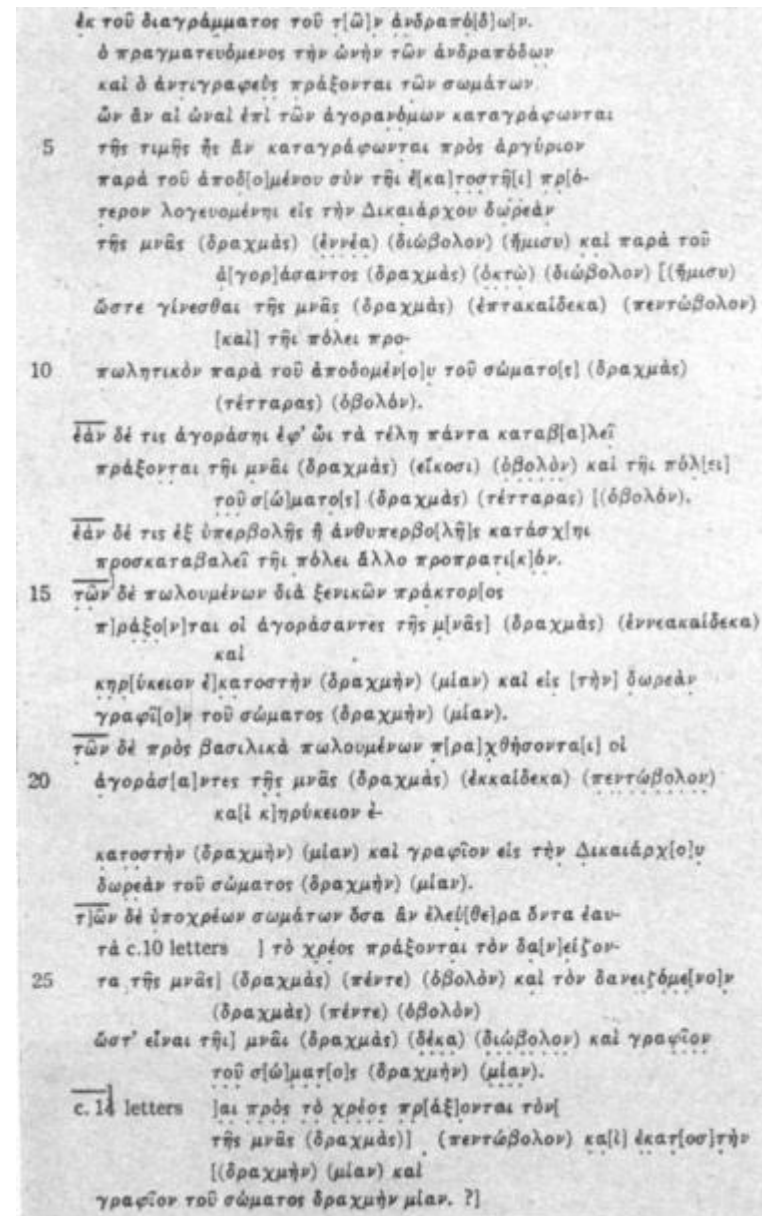

Рис. 6. Законы, регулировавшие торговлю рабами (р. Col. inv. 480)

реа Дикеарха, с покупателя — 8 драхм $2^{1/2}$ обола, таким образом получается с мины 17 драхм 5 оболов и полису прополетикон с продавца за (каждого) раба ¹⁰⁰ 4 драхмы 1 обол.

§ 2. Если же кто-либо купит на условии, что внесет все налоги, пусть с него взыщут 20 драхм 1 обол с мины и полису с (каждого) раба 4 драхмы 1 обол.

§ 3. Если же кто-либо приобрел (раба на аукционе) по высшей или встречной цене, пусть он внесет сверх того полису другой ¹⁰¹ комиссионный сбор (*ἄλλο προπρατικόν*).

§ 4. За продаваемых через практора ксеникон пусть взыскивают с покупателей 19 драхм с мины и однопроцентный сбор за глашатая 1 драхму и в дореа писцовый сбор с (каждого раба) 1 драхму.

§ 5. С проданных (за долги) по отношению к царской казне будет взыскано с покупателей 16 драхм 5 оболов с мины и однопроцентный сбор за глашатая 1 драхму и писцовый сбор в дореа Дикеарха с раба 1 драхму.

§ 6. За рабов-должников с той суммы, которую они, будучи свободными, (получили в) долг, пусть взыскивают с заимодавца 5 драхм 1 обол [с мины] и с должника 5 драхм 1 обол, [так что получается] 10 драхм 2 обола с мины, и писцовый сбор с (каждого) раба (1?) драхму.

§ 7. . . .относительно долга пусть взыскивают... [с мины?... драхм] 5 оболов и однопроцентный... [1 драхма и писцовый с (каждого) раба 1 драхма?]».

Прингсхейм предложил несколько иное понимание первых 14 строк этого документа ¹⁰². По его мнению, эти строки представляют собой единый раздел, состоящий из трех подразделов (или подпунктов), причем во всех трех речь идет о продаже с аукциона рабов, принадлежащих частным лицам: в первом подпункте дано общее положение о взимании налогов при такого рода операциях, а во втором и третьем говорится о частных случаях. Все эти сделки подлежат регистрации в агораномии. В своих выводах Прингсхейм опирается главным образом на стилистическую и логическую структуру документа, а также на упоминание в первом подпункте однопроцентного налога, равнозначного сбору за глашатая (что характерно только для аукциона), и на присутствие во всех трех подпунктах специального налога *προπωλητικόν* (= *προπρατικόν*), который он рассматривает как налог за гарантирование владельческих прав продавца и правильности торговой сделки. Так как вторая часть документа регламентирует продажу рабов государ-

СТВОМ, потребность в гарантии при этих сделках отпадает, то и соответствующий налог (*προπωλητικόν*) не взимается.

Соображения, высказанные Прингсхеймом о логическом единстве первых трех параграфов, достаточно убедительны. Но толкование им *προπωλητικόν*, а также стремление рассматривать все упоминания о налогах на рабов в этом и других документах как налог на продажу рабов ¹⁰³ представляются несколько односторонними.

При всем кажущемся многообразии ставок налога, упоминающихся в р. Col. inv. 480, фактически они сводятся лишь к двум: 16 драхмам 5 оболам и 19 драхмам 1 оболу ¹⁰⁴, если не считать налога на продажу *υποχρέων σωμάτων* (так как из-за фрагментарности строк 28 сл. нельзя установить, ограничивался ли он во всех случаях 10 драхмами 2 оболами или были варианты, позволявшие сопоставлять их с упомянутыми выше ставками налога). Чтобы убедиться в этом, сопоставим все указанные суммы налогов (см. табл. 1 на стр. 250).

Итак, мы видим, что при обычном оформлении сделки между двумя контрагентами через аукцион (§ 1) и при продаже в рабство за долги царской казне (§ 5) откупщики взимают одну и ту же сумму — 16 драхм 5 оболов. Практически одна и та же сумма налога взимается в двух других случаях: при покупке раба (через аукцион) с уплатой всех налогов — 19 драхм 1 обол (§ 2) и при продаже рабов через практора ксеникон (§ 4) — 19 драхм (возможно, что или «1 обол» ошибочно пропущен писцом, или из-за плохой сохранности папируса стерся соответствующий значок). Едва ли такое совпадение случайно.

Прингсхейм ¹⁰⁵, отмечая разницу в размере основного налога в параграфах первом и втором, объясняет это тем, что продажная цена во втором случае была ниже и потому была повышена ставка налога. Но это не более как предположение, к тому же для параграфа четвертого такого объяснения недостаточно. Как известно из р. Lille, 29, через руки практора ксеникон проходили рабы, нанешие какую-то обиду или ущерб свободному и выданные для взыскания своим хозяином. К продаже такой категории рабов объяснение Прингсхейма вполне применимо. Однако в функции практора, по-видимому, входила также распродажа имущества

¹⁰³ Ibid., p. 119—120. Если считать *προπωλητικόν* (= *προπρατικόν*) налогом исключительно «for the warranty against eviction», то его следовало бы взимать с покупателя как с лица, наиболее заинтересованного в гарантии правильности совершенной сделки, однако налог при обычной сделке платит продавец. К тому же такое толкование *προπωλητικόν* противоречит высказанному им же мнению, что *προπρατικόν* взимается с покупателя в связи с удлинением процедуры аукциона (стр. 118).

¹⁰⁴ Формулировка *τά τέλη πάντα καταβαλεῖ* в § 2 предполагает также и уплату однопроцентного налога за глашатая, поскольку продажа производится на аукционе.

¹⁰⁵ F. Pringsheim. Op. cit., p. 118.

⁹⁹ Комиссионный сбор, по Уэстерману.

¹⁰⁰ Уэстерман переводит «с головы».

¹⁰¹ По Уэстерману: еще один.

¹⁰² F. Pringsheim. A Suggestion on p. Columbia, inv. 480 (198—197 B. C.). - JJP, V, 1951, p. 115-120.

Таблица 1

§	Основной налог с 1 минны стоимости раба			προσλητικόν τοῦ εἰρητός	За глашатая 1%	Писцовый сбор (τὸ πορτικόν)
	с продавца	с покупателя	всего			
1	9 др. 2½ об. — 1 др. (10%-ный налог) = 8 др. 2½ об.	8 др. 2½ об.	16 др. 5 об.	4 др. 1 об. (с продавца)	1 др.	
2	—	20 др. 1 об. — 1 др. (10%-ный налог) = 19 др. 1 об.	19 др. 1 об.	4 др. 1 об. (с покупателя)	1 др.	
3	—	То же?	То же?	То же? + προσλητικόν (с покупателя)	То же?	
4	—	19 др.	19 др.	—	1 др.	1 др.
5	—	16 др. 5 об.	16 др. 5 об.	—	1 »	1 »
6	5 др. 1 об.	5 др. 1 об.	10 др. 2 об.	—	—	1 »
7	?	?	?	—	1 др.	1 »

свободных лиц по решению суда за долги или в порядке взыскания штрафа¹⁰⁶. Вероятно, в ведение практора поступали рабы, конфискованные согласно закону (зафиксированному в р. Hibeh, 29) у рабовладельцев, уклонившихся от их регистрации. В этих случаях нет оснований предполагать, что рабы распродавались ниже обычной аукционной цены (например, цены продаваемых с аукциона должников царской казны).

Формулировка в параграфе втором, гласящая, что покупатель уплачивает «все налоги», может означать «все» в смысле — за себя и за продавца и «все» в смысле — не только указанные здесь, но и вообще все налоги, связанные с приобретаемой собственностью¹⁰⁷. В параграфе четвертом и пятом покупатель также уплачивает «все налоги» в первом смысле этого выражения, т. е. за себя и за продавца, но сумма в параграфе пятом равняется 16 драхам 5 оболам, а в параграфе четвертом та же, что и в параграфе втором. Разница между этими ставками налога составляет 2 драхмы 2 обора. Не правильное ли понимать выражение «все налоги» во втором смысле, т. е. предполагать, что к указанным в диаграмме

торговым пошлинам добавляется еще какой-то, может быть, регулярный налог на рабов?

Попробуем сопоставить покупную и продажную цены рабов в условиях всех четырех типов торговых сделок, упомянутых в этой диаграмме. Предположим, что покупаются рабы совершенно одинаковых качеств, стоимость которых равна 100 драхам. Тогда покупатель заплатил бы за одного раба по условиям продажи, сформулированным:

в § 1 (обычная сделка между покупателем и продавцом):

$$100 \text{ др.} + 16 \text{ др. 5 об.} + 108 + 4 \text{ др. 1 об.} + 1 \text{ др.} = 122 \text{ др.}$$

в § 2 (на аукционе с уплатой всех налогов):

$$100 \text{ др.} + 19 \text{ др. (1 об.)} + 4 \text{ др. 1 об.} + 1 \text{ др.} = 124 \text{ др. 2 об.}$$

в § 3 (на аукционе по встречной цене):

вероятно, ту же сумму, что и в § 2, + προσλητικόν.

в § 4 (на аукционе через практора ксеникон):

$$100 \text{ др.} + 19 \text{ др.} + 1 \text{ др.} + 1 \text{ др.} = 121 \text{ др.}$$

в § 5 (на аукционе за должников царской казны):

$$100 \text{ др.} + 16 \text{ др. 5 об.} + 1 \text{ др.} + 1 \text{ др.} = 118 \text{ др. 5 об.}$$

в § 6 (за должников частного лица):

$$100 \text{ др.} + 5 \text{ др. 1 об.} + 5 \text{ др. 1 об.} + 109 + 1 \text{ др.} = 111 \text{ др. 2 об.}$$

Из сопоставления этих цифр ясно вырисовывается тенденция предоставить некоторые льготы покупателям, приобретавшим рабов у государства (§ 5) или через государственные органы (§ 4). Этой тенденции противоречит как будто низкая ставка налога, взимаемого при оформлении сделки между должником и частным лицом. Но, по-видимому, в § 6 идет речь лишь о налогах, уплачиваемых при официальном оформлении права кредитора на порабощение должника¹¹⁰. Поэтому соблазнительно предположить, что в строках 28—29 предусматривается, что в случае продажи должника взыскиваются налоги, связанные с этой операцией: за глашатая, писцовый сбор и торговая пошлина, по-видимому, или в обычном размере — 16 драхм 5 обол, или в размере суммы, недостающей до высшей ставки налога, т. е. 8 драхм 5 обол (в тексте сохранилась лишь цифра 5 обол) с кредитора (?).

Помимо важных сведений о налогах на продажу рабов р. Col. inv. 480 позволяет сделать еще целый ряд интересных наблюдений и выводов. Прежде всего можно отметить три или даже четыре направления, по которым расходятся доходы от налогов на рабов. Главная часть поступлений — от основного налога и налога за

¹⁰⁸ Очевидно, что в покупную цену следует включать и сумму налогов, уплачиваемую продавцом, так как, несомненно, он добавлял ее к стоимости раба¹⁰⁹.

Едва ли можно сомневаться, что налог за должника, если он в результате сделки становится рабом кредитора, выплачивает кредитор.

¹¹⁰ Показательно, что при этом взыскивается только писцовый сбор, следовательно, публичная продажа не имеет места.

³⁰⁶ О функциях практора см.: St. Plodzien. The Origin and Competence of the πρᾶκτορ ξενικόν. — JJP, V, 1951, p. 217—227.

¹⁰⁷ Ср. с документами на покупку других объектов движимой и недвижимой собственности.

глашатая — идет в пользу государства. Некоторая часть налогов от сделок между частными лицами (*προπωλητικόν, προπρατικόν*) перечисляется полису. Какую-то часть дохода государство уступает в порядке «дарения» (*δωρεά*) одному из приближенных к царскому двору лиц — Дикеарху: ранее он имел в качестве *δωρεά* одно-процентный сбор за глашатая, а по этому декрету за ним остается писцовый сбор по 1 драхме с каждого проданного раба. И, наконец, вероятно, какой-то доход получали и откупщики налогов на рабов.

Как уже указывалось, этот документ дает почти исчерпывающее представление о типах торговых сделок, связанных с приобретением рабов. Это, во-первых, простой акт купли-продажи между двумя контрагентами (при посредничестве служащих полисного аукциона или агоры), во-вторых, покупка по встречной или наивысшей цене рабов в ходе аукциона (устраиваемого, по-видимому, по желанию продавца рабов), в-третьих, покупка на аукционе, устраиваемом практором ксеникон, в-четвертых, покупка на аукционе должников царской казны¹¹¹ и, в-пятых, приобретение раба путем порабощения за долги заложника с оформлением соответствующей сделки официальными лицами.

Если первые три типа сделок по существу сводятся лишь к перераспределению рабов между рабовладельцами, то покупка должников царской казны и оформление владельческих прав на заложника служат источниками пополнения сословия рабов.

Значение этого свидетельства для характеристики социального строя птолемеевского Египта впервые было отмечено Уэстерманом, издавшим р. Col. inv. 480. Он пытался найти исторические корни этой правовой практики прежде всего в нормах греческого права, однако приведенные им ссылки доказывают лишь возможность ее существования в Греции, но едва ли позволяють предполагать какое-то влияние или заимствование. Правильнее, мне кажется, видеть в этом легализацию традиционных местных социальных и имущественных отношений. Хотя по сообщению Диодора долгое рабство и было отменено Бокхорисом (Diod., I, 79), оно не могло полностью исчезнуть, так как в общественной структуре Египта не было тех условий (какие, например, мы находим в гражданском коллективе Афин), которые гарантировали бы правовое положение каждого члена общества. Не следует ли сопоставить этот акт Бокхориса, несомненно, обработанный в соответствующем направлении греческой исторической традицией, с «декретами

¹¹¹ Из документа как будто бы вытекает, что существовали три вида аукционов: 1) чисто коммерческий, или городской, аукцион, вероятно, находившийся при агораномии; 2) аукцион, связанный с деятельностью судебных органов, которым ведал практор ксеникон; 3) аукцион, связанный с финансовой администрацией или находившийся в ее ведении, ибо, по-видимому, практор ксеникон не имел отношения к продаже в рабство должников царской казны.

человеколюбия» II—I вв., при издании которых Птолеми, по-видимому, использовали опыт своих предшественников?

Р. Col inv. 480 и р. Rend. Harr., 61 — последние по времени составления из дошедших до нас законодательных документов, касающихся специальных рабов. В последующих декретах Птолемея рабы и рабовладельческие отношения упоминаются лишь попутно, хотя некоторые из них («декреты человеколюбия») адресованы как будто бы ко всем слоям населения страны.

В письме Птолемея (VII?) и Клеопатры (II?) жителям Кирены (датируемой 144—141 гг.) цитируется простагма, в которой запрещается налагать арест на спорное и не имеющее хозяев имущество, в том числе на рабов (*οίκέτας*)¹¹². В простагме Птолемея Эвергета II и Клеопатры III¹¹³ о роспуске каких-то организаций и продаже их имущества, относящейся к периоду между 131—125 гг. до н. э., устанавливаются следующие награды за донос: «свободный (*ελεύθερος*) пусть возьмет третью часть имущества уличенного, раб же (*ὁ δὲ δούλος*) пусть будет свободным (*ελεύθερος ἔσται*) и сверх того получит шестую -часть». Аналогичное предписание содержит простагма Клеопатры VII и Птолемея XIII от 50 г. до н. э. о снабжении Александрии хлебом и овощами: донесший о нарушении этой простагмы «пусть возьмет третью часть имущества уличенного, если же раб, то пусть будет свободным и получит к тому же шестую часть» (*ἐὰν δὲ δοῦλος ἡ, ελεύθερος τ' ἔσται καὶ προσλήψεται τὸ ἕκτον*)¹¹⁴.

Можно отметить, что в рассмотренных выше более ранних документах, там, где речь шла о доносах, о нарушении законодательных предписаний, касающихся рабовладельческих отношений, рабы или совсем не принимались в качестве доносчиков (например, в декрете о незаконном порабощении сирийских лаой — PER inv. 24552), или донос разрешался тем из них, кто юридически еще не утратил статуса свободного (например, незарегистрированные заложники в р. Hibeh, 29). Здесь же, в делах, касающихся отношений их «хозяев с государством, рабам за донос гарантируется не только свобода, но и некоторое материальное вознаграждение.

От II—I вв. до н. э. дошли декреты Птолемея о предоставлении права убежища ряду храмов: Серапеуму в Мемфисе, храму Гора в Атрибисе, храмам местных божеств в комах Фаюма — Теадельфии, Птолемаиде, Эвгемерии, Магдоле¹¹⁵. Трудно сказать, во всех ли храмах право асилии распространялось и на рабов, лишь в надписи из Эвгемерии специально оговаривается, что никто

¹¹² SEG, IX, 1, № 5 = C. Ord. Pt., 45-46.

¹¹³ P. Tebt., 700 = C. Ord. Pt., 50.

¹¹⁴ BGU, 1730 = SB, 7419 = C. Ord. Pt., 73.

¹¹⁵ См. C. Ord. Pt., 62—70. Надписи о праве убежища в храме без упоминания рабов см. также: SB, 1161, 1178, 3926, 5219, 5827, 6152—6156, 6236, 7259.

не имеет права вытаскивать из храма беглых рабов (τοὺς δούλους τοὺς κατὰφεύγοντας — С. Ord. Pt., 69—70).

Для декретов II—I вв. характерно также ограничение административных санкций (и в том числе взыскания ἐκ τῶν οὐσιῶν) по отношению к некоторым слоям населения, в первую очередь к обеспечивающим функционирование государственного хозяйства (царским земледельцам, работникам монополий). С одной стороны, это можно рассматривать как попытку ограничить тенденцию распространения долгового рабства, а с другой, — как свидетельство широкого развития этой формы порабощения.

Теперь попытаемся подвести итог нашему рассмотрению законодательных документов птолемеевского Египта, касающихся рабов. Совокупность всех дошедших до нас простагм, диаграмм и νόμοι говорит о том, что регулирование рабовладельческих отношений занимало определенное место в деятельности всех органов государственной власти Птолемеев — и судебных, и финансовых, и чисто административных. Регистрация рабов (р. Grad., 1; р. Hibeh, 29; PER inv. 24552), в том числе и доморожденных (р. Rend. Harr., 61), контроль за торговлей (р. Col. inv. 480) и вывозом рабов (р. Lille, 29), оформление или санкционирование сделок закабаления должников частными лицами (р. Col. inv. 480), прямая продажа в рабство должников царской казны (р. Col. inv. 480; PER inv. 24552), взимание налогов, связанных со всеми этими операциями (р. Hibeh, 29; р. Col. inv. 480; р. Grad., 1; р. Rend. Harr., 61), разбор судебных дел по поводу преступлений рабов и выполнение судебных решений, относящихся к личности раба (р. Lille, 29; р. Hal., 1), некоторые ограничительные меры против произвола чиновников и частных лиц и порабощения за частные долги нерабского населения (PER inv. 24552, «декреты человеколюбия» — р. Tebt., 5, р. Kroll и декреты о предоставлении права убежища храмам) — таковы те функции государственного аппарата, которые засвидетельствованы в дошедших до нас документах.

Даже на основании этой, возможно, не исчерпывающей информации можно предполагать, что «рабский вопрос», т. е. вопрос о месте рабов в структуре общества и государства, уже возник в птолемеевском Египте к середине III в. до н. э. если не для общества в целом, то для его правящих кругов (что и нашло свое выражение в ряде законодательных мероприятий). Причиной его возникновения послужили, по-видимому, столкновение форм греческого и древнеегипетского рабства, расхождения в юридических нормах того и другого и стремление приспособить эти нормы к той новой социальной структуре, которая складывалась в Египте в результате греко-македонского завоевания.

В литературе принято считать, что в основе дошедших до нас юридических документов птолемеевского Египта лежит греческое право, подвергнутое некоторой переработке под влиянием местных

древнеегипетских правовых норм¹¹⁶. И одновременно те же авторы утверждают, что греки не внесли существенных изменений в социальное устройство Египта. Из этого следует, что правовые документы, основанные на греческом праве, могли отражать только отношения внутри греческих полисов Египта и пришлых элементов египетского общества.

Но, как мы видели при разборе отдельных документов, почти все они найдены на территории хоры, целый ряд содержащихся в них предписаний прямо адресован всему населению Египта. Поэтому, как мне кажется, следует подойти к вопросу с несколько иной стороны: рассматривая юридические нормы не сами по себе, а как проявление определенных форм рабовладельческих отношений, попытаться выявить, что было общего в формах рабства и правовых нормах Греции и Египта и в чем они расходились.

К сожалению, для эпохи, непосредственно предшествовавшей времени Птолемеев, древнеегипетских юридических памятников, относящихся к рабам, и вообще документов о правовом положении рабов почти не сохранилось.

Поэтому, сознавая всю проблематичность и шаткость такого рода сопоставлений, возьмем для сравнения дошедшие до нас законодательные документы сходных по политическому и социальному строю переднеазиатских государств — хеттские законы и кодекс Хаммурапи. И в том и в другом документах достаточно отчетливо прослеживаются две тенденции: рассматривать рабов, с одной стороны, как имущество, принадлежащее частным лицам, с другой, — как подданных государства. Первая тенденция находит свое выражение в статьях об увечье, нанесенном чужому рабу¹¹⁷, о краже и незаконных сделках относительно рабов¹¹⁸, о беглых рабах¹¹⁹, о торговле рабами¹²⁰, о лечении рабов¹²¹. Уже в этих статьях наряду с отчетливым мотивом раб—имущество проскальзывают моменты, позволяющие видеть в рабах низшую категорию подданных государства, за смерть или увечье которых устанавливается определенное наказание преступнику независимо от согласия или несогласия господина. Еще более определенно это выражено в статьях о семейных отношениях¹²²: регулируя право наследования имущества от смешанных браков, государство тем самым закрепляло законом право раба иметь семью и владеть каким-то имуществом. И, наконец, в статьях хеттских законов о наказаниях за преступления рабы выступают

¹¹⁶ См., например: W. L. Westermann. SSGRA, p. 52; R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 B. C. — 640 A. D. 2nd ed. Warszawa, 1955, p. 21.

¹¹⁷ KX, 199, 213—214, 219, 231, 252; X3, I, 2, 4, 8, 12, 14, 16, 18.

¹¹⁸ KX, 7, 15; X3, I, 20—21.

¹¹⁹ KX, 16—20; X3, I, 22, 24.

¹²⁰ KX, 278—281; X3, II, 1766, 177.

¹²¹ KX 217 223.

170—171,

175—176.

как юридически ответственные лица, отвечающие за Нанесенный ущерб своим имуществом¹²³, и лишь в случаях, когда раб не в состоянии возместить ущерб (например, поджог дома), возмещение возлагается на господина или ему предоставляется право выдать виновного раба¹²⁴, который в обоих случаях, помимо того, подвергается увечью.

В то же время меры наказания, предусмотренные законами за одни и те же преступления для свободных и рабов, подчеркивают разницу в статусе тех и других: там, где наказание свободного ограничивается штрафом, раб подлежит увечью (КХ, 205; ХЗ, I, 95, 99) или даже смерти (например, за воровство против свободного). Тем самым закрепляется положение рабов внизу социальной лестницы. Особенно жестоко караются нарушение статуса и выступление раба против господина (ХЗ, II, 173; КХ, 282).

Однако кодексы переднеазиатских государств не устанавливают непереходимой грани между статусом свободного и раба, скорее наоборот: в статьях о военнопленных (КХ, 32), о заложниках (КХ, 114—119), о временном переходе в рабство свободной женщины, вышедшей замуж за пастуха или надсмотрщика (ХЗ, I, 35; II, 175), о наказании рабством неверной жены (КХ, 141) переход свободного на положение раба санкционируется законом.

Едва ли в этом следует видеть только свидетельство неразвитости рабовладельческих отношений, как это было принято считать в нашей историографии 40—50-х годов. Нельзя скидывать со счета иную (по сравнению с греческими полисами) государственную организацию переднеазиатских государств, а следовательно, и иную цель законодательства. Здесь сравнительно небольшая группа свободных, принадлежащая к наиболее зажиточной части общества, стремится путем юридического закрепления существующих социально-экономических отношений упрочить свое привилегированное положение и обеспечить подчинение всех остальных категорий свободного, полусвободного и рабского населения.

Иная структура греческого полиса выдвигала и иную цель законодательства, особенно отчетливо прослеживающуюся именно в рабском вопросе. В Греции, вернее в Афинах (так как при характеристике правовых норм, касающихся рабства, обычно исходят из афинского законодательства), как указывают специалисты по греческому праву, не было какой-то определенной системы законоположений относительно рабов. Жерне, например, пишет, что в Афинах рабское право или оставалось архаичным и придерживалось традиционных процедур, когда не было причин для

¹²³ ХЗ, I, 93, 95, 97.

¹²⁴ ХЗ, I, 99: «Если раб подожжет дом, то его хозяин должен дать возмещение вместо него. Они должны отрезать у раба нос и уши и... отдать его назад хозяину. Если же тот (хозяин) не даст возмещения, то тем самым он лишается его (раба)» (перевод В. В. Иванова. — «Хрестоматия по истории древнего Востока». М., 1963, стр. 319).

изменений, или приспособлялось эмпирически к новой ситуации, которую порождала экономическая реальность¹²⁵.

В том виде, в каком его можно воссоздать на основании литературных памятников, афинское законодательство так же, как вавилонское или хеттское, подходило к вопросу о рабах с двух позиций: как к имуществу частных лиц и как к одному из элементов, входящих в социальную структуру государства. Однако отношение к рабам как к частному имуществу граждан превалировало в афинском праве: раб был объектом всякого рода соглашений и сделок (зalog, аренда, продажа и т. п.)¹²⁶, торговля рабами облагалась налогом. Раб не был юридическим лицом: за ущерб, причиненный рабом, нес ответственность господин, хотя, как указывает Жерне, развитие афинской экономики вносило коррективы в это положение и вынуждало фактически признавать юридическую дееспособность раба по договорным обязательствам¹²⁷. Афинские законы не признавали за рабом права иметь семью, за преступления он подвергался телесным наказаниям, за нанесение ему побоев иск предъявлял его господин, с согласия господина раба подвергали пытке для получения свидетельских показаний. Лишь некоторые из афинских законов позволяют рассматривать раба как личность, а не имущество хозяина: в случае убийства господина другим лицом и учинения над рабом оскорбительного насилия. Государство, кроме того, привлекает к ответственности господина в случае убийства раба (как за неумышленное убийство) и предоставляет свободу рабу без согласия господина (но с компенсацией?) за заслуги перед полисом во время военных действий или за донос о государственных преступлениях. Все указанные случаи непосредственного включения раба в орбиту афинского права связаны лишь с чрезвычайными обстоятельствами и не дают основания приравнивать положение афинского раба к положению подданного.

Разница в статусе раба и свободного, вернее, раба и гражданина полиса, настойчиво подчеркивается в афинском законодательстве. Законы Солона, запрещавшие закабаление за долги и продажу в рабство детей и женщин, были, по-видимому, одним из первых шагов в разграничении статуса гражданина полиса и неграждан¹²⁸. Эту же цель преследуют законы о браке и наследовании афинского гражданства¹²⁹, законы против лиц, похищавших и продававших

¹²⁵ L. Gernet. *Droit et societe dans la Grece Ancienne*. Paris, 1955, p. 151.

¹²⁶ L. Beauchet. *Op. cit.*, p. 432—433.

¹²⁷ L. Gernet. *Op. cit.*, p. 160—164.

¹²⁸ О законах Солона, касающихся рабства, см.: Я. А. Ленцман. Рабы в законах Солона. — ВДИ, 1958, № 4, стр. 51—69.

¹²⁹ Афинские законы предоставляли детям, рожденным от родителей разного статуса, право на личную свободу, но не право наследования гражданского статуса. Об этом и упомянутых ниже законах см.: L. Beauchet. *Op. cit.*, IV, ch. II, § 3; ch. III, § 1.

в рабство свободных (γραφή ἀνδραποδισμοῦ), законы об обращении в рабство чужестранцев, обманным путем присвоивших статус гражданина (γραφή ξενίας), и метеков или вольноотпущенников, отказавшихся от простата (γραφή или δίκη ἀπροστασίου), законы, запрещавшие рабам присутствовать на народном собрании, посещать палестры и гимнасии, заниматься ваянием и т. д.

Все эти законы гарантировали гражданскому коллективу в целом и каждому гражданину государства в отдельности привилегированное положение по отношению ко всем негражданам, т. е. лицам, исключенным из этого коллектива, противостоящим ему, и в первую очередь к рабам. Основой этих гарантий была полисная организация, т. е. более или менее демократическое устройство государственного аппарата.

Очевидно, что различия в политической и социальной структуре греческих и переднеазиатских государств (к которым с достаточным основанием можно отнести и Египет) порождали расхождения в правовых представлениях этих обществ. Спецификой эллинистических государств было сочетание элементов деспотии и полисного устройства; естественно, что эта особенность нашла свое выражение в правовых нормах, регулировавших рабовладельческие отношения. Именно это явление мы и наблюдали в законодательстве птолемеевского Египта, касающемся рабов.

С одной стороны, в нем отчетливо проступают черты, близкие греческому праву: гарантия свободного статуса александрийских граждан (р. Hal., 1) и права собственности рабовладельца на раба (р. Rend. Harr., 61), отношение к рабу как к имуществу, которым полностью распоряжается хозяин (продажа — р. Col. inv. 480, залог — PER inv. 24552, выдача для пытки или наказания — р. Lille, 29) и за поведение которого (так же как за поведение скота) хозяин несет ответственность (р. Hal., 1; р. Lille, 29). Раб не является юридическим лицом и за подсудные действия подвергается телесному наказанию при согласии хозяина без суда (р. Hal., 1; р. Lille, 29).

Но правовые нормы, складывавшиеся в царстве Птолемея, в первую очередь должны были отражать интересы правящей верхушки, тесно связанной с государственным аппаратом. Поэтому во всех дошедших до нас юридических памятниках можно проследить стремление рассматривать и рабовладельцев, и рабов как подданных государства и вытекающую отсюда тенденцию вмешательства государства в отношения между рабом и рабовладельцем. Эта тенденция находила выражение и в прямом аннулировании акта порабощения ἀδικία λαϊκῶ ἐλευθέρω в Сирии (PER inv. 24552), и в запрещении клеймить и продавать рабов на вывоз без соблюдения каких-то условий или санкции государственных органов (р. Lille, 29), и в предписаниях о регистрации купленных и доморожденных рабов (р. Grad., 1; р. Rend. Harr., 61), и в предоставлении свободы рабам за доносы о нарушении их

хозяевами царских декретов (р. Tebt., 700; BGU, 1730), и в декретировании храмам права убежища для беглых рабов (см. стр. 253). Акт регистрации рабов одновременно можно рассматривать и как юридическое признание статуса раба в качестве низшей категории подданных.

В то же время законодательное закрепление права взыскания с личности свободного (р. Col. inv. 480; Mich. Zen., 70), легализация долгового рабства (р. Col. inv. 480), предоставление определенной категории рабов права выступать в качестве юридического лица (р. Lille, 29, lin. 1—12) свидетельствуют о растязжимости грани между свободой и рабством в египетском обществе. Эта двойственность и противоречивость законодательства Птолемея — очевидное доказательство сложности и противоречивости реальных экономических и социальных отношений в эллинистическом Египте.

Глава II

РАБЫ В АРХИВЕ ЗЕНОНА

Пожалуй, самым сложным и наиболее спорным вопросом в проблеме развития рабовладельческих отношений в эллинистическом Египте является вопрос о роли рабского труда в хозяйстве диойкета Аполлония по данным архива Зенона.

Архив Зенона — богатейший по количеству документов и по охвату объектов и времени деятельности его владельца источник среди греко-римских папирусов. В настоящее время опубликовано около 1750 документов из этого архива, и, по-видимому, еще не все фонды исчерпаны¹. Зенон, сын Агреофонта из Кавна, находившийся в течение пятнадцати с лишним лет на службе у диойкета Аполлония, заботливо собирал и хранил все имевшие к нему какое-либо отношение деловые бумаги и письма, выполнял ли он обязанности агента в Сирии, Палестине и Малой Азии (261—259 гг. до н. э.) или личного секретаря Аполлония (258—257 гг. до н. э.), управлял ли его хозяйством в Арсиноитском и Мемфисском номах (256—246 гг. до н. э.) или в качестве частного лица (после отставки Аполлония) жил в Филадельфии (246—239 гг. до н. э.)².

¹ Полную сводку изданий папирусов из архива Зенона см. в кн.: С1. Preaux. Les Grecs en Egypte α'apres les archives de Zenon. Bruxelles, 1947, p. 87—90; A. Swiderek W «panstwie» Apolloniosa. Warszawa, 1959, str. 316—317.

² Периодизацию деятельности Зенона см.: A. Swiderek Op. cit., str. 23—25. О карьере Зенона см.: р. Mich. Zen., Introduction, p. 15—50.

Со времени первых публикаций папирусы из этого архива стали объектом внимательнейшего изучения и в общих трудах по истории птолемеевского Египта и даже эллинизма в целом³, и в специальных работах, посвященных организации земледелия, ремесла, торговли, государственного аппарата и социальной структуре египетского общества. В любой из этих работ в той или иной форме ставится вопрос о месте крупных земельных владений типа дореа Аполлония в экономике Египта и о характере рабочей силы, использовавшейся в такого рода хозяйствах.

Впервые этот вопрос с достаточной остротой был поставлен М. Ростовцевым в книге «Большое поместье в Египте в III в. до н. э.»⁴. Исходя из концепции сознательного преодоления Птолемеями феодального строя фараоновского Египта (находившегося ко времени греко-македонского завоевания в состоянии упадка) путем укрепления централизованного государства и внедрения греческих (^капиталистических) принципов организации хозяйства, М. Ростовцев считает земельные дарения средством в достижении этой цели. По его мнению, «*δωρεά* являются сочетанием дарения исключительно большого надела земли (клера) и некоторых прав над населением и землей одной или нескольких деревень»⁵. По отношению к населению дарственной территории владелец дореа наделен теми же правами, что и местная администрация (комархи, топархи, комограмматевсы или топограмматевсы), но, как и она, не обладает судебными правами. Дореа не имеют ничего общего с феодальными держаниями фараоновского Египта, так как, отдавая местное население в административное распоряжение предприимчивых владельцев дореа, Птолемеи тем самым обеспечивали введение новых методов в сельское хозяйство и промышленность. К таким методам Ростовцев, по-видимому, относит широкое применение рабского труда в ремесленных мастерских. В большинстве случаев Ростовцев присоединяется к Эдгару в переводе слов *παῖς*, *παῖδις*, *παῖδιον*, *οὐραία* термином «раб». Поэтому он рисует картину широкой предпринимательской деятельности Зенона и Аполлония в области шерстоткацкого производства, основанного на эксплуатации рабов.

Концепция Ростовцева о роли рабского труда в хозяйстве Аполлония была оспорена Уэстерманом в работе «О рабстве в птолемеевском Египте»⁶ на том основании, что документы о шерстоткацких мастерских Аполлония, на которые опирался Ростовцев, истолкованы им тенденциозно. По мнению Уэстермана,

упоминающиеся в этих документах *παῖδιον* были или свободными или рабынями, используемыми в домашнем хозяйстве. В сводной работе о рабстве для энциклопедии Паули—Виссова Уэстерман, обосновывая свою точку зрения об ограниченности применения труда рабов в Египте сферой домашнего обслуживания, указывает, что в архиве Зенона имеется не более тридцати бесспорных упоминаний рабов и притом преимущественно домашних слуг.

Возражения Уэстермана заставили Ростовцева несколько смягчить категоричность выводов, однако и в своей капитальной работе по истории эллинизма он настаивает на том, что нет оснований отрицать применение в хозяйстве Аполлония рабского труда наряду с наемным, добавляя еще несколько документов с упоминаниями о рабах к списку, приведенному Уэстерманом, и подчеркивая, что нечеткость терминологии в переписке Зенона мешает более определенному решению этого вопроса. После работ Ростовцева и Уэстермана вопрос о роли рабского труда в хозяйстве Аполлония в западной литературе по существу не пересматривался, в основном была воспринята концепция Уэстермана (см., например, упомянутые работы К. Прэо, А. Свидерек).

В нашей литературе архив Зенона был подвергнут обстоятельному анализу в работе О.О. Крюгера «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте», вышедшей в 1935 г. Выдвинутая им точка зрения об определяющем значении рабских форм эксплуатации непосредственных производителей в хозяйствах типа дореа Аполлония и вообще в экономике Египта получила поддержку в последующих работах советских историков (А. Б. Рановича, Н. Н. Пикуса, В. В. Струве). Как уже указывалось (стр. 204), В. В. Струве предлагал рассматривать как временных рабов упоминающихся в архиве Зенона *ἐργάται*. Н. Н. Пикус, посвятивший специальную статью пайдискам шерстоткацкой мастерской Аполлония⁷, прошел мимо дискуссии Уэстермана и Ростовцева по поводу их социального положения. Постулируя рабовладельческий характер эксплуатации рабочей силы в хозяйстве Аполлония, он по существу не подверг анализу соответствующие документы из архива Зенона. К. К. Зельин, более осторожно оценивающий роль рабства в Египте, в своей монографии о земельных отношениях в Египте II—I вв. до н. э. уклонился от специального рассмотрения архива Зенона, как выходящего за рамки его исследования.

Вопрос о характере труда и формах эксплуатации в хозяйстве Аполлония во всем его объеме может быть поставлен и решен

³ См., например: С. I. Preaux. *L'economie royale des Lagides*. Bruxelles, 1939, passim.; М. Rostovtzeff. *SEHAW*, p. 255—421; А. Б. Ранович. *ЭЛЛИНИЗМ И его историческая роль*. М.—Л., 1950, стр. 187 сл.

⁴ М. Rostovtzeff. *A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C.* Madison, 1922.

⁵ Ibid., p. 142.

⁶ W. L. Westermann. *Upon Slavery in Ptolemaic Egypt*. New York, 1929.

⁷ W. L. Westermann. *Sklaverei*. — *RE*, Suppl. VI, 1935 Sp. 932.

⁸ М. Rostovtzeff. *SEHAW*, p. 1393—1394.

⁹ ИГАИМК, вып. 108, стр. 7—114.

¹⁰ Там же, стр. 64, 88, 112.

¹¹ Н. Н. Пикус. *Пайдиски шерстоткацкой мастерской Аполлония*. — *ВДИ*, 1952, № 1, стр. 84—89.

лишь в специальном монографическом исследовании всего колоссального материала, содержащегося в архиве Зенона, в сопоставлении с другими современными ему документами. В этой работе мы намерены остановиться лишь на некоторых вопросах, связанных с использованием рабского труда, и привлечь к ним внимание исследователей, отнюдь не претендуя на их решение.

Прежде всего заслуживает серьезного исследования терминология, характеризующая в архиве Зенона разные категории работников безотносительно к их профессиям.

Весьма любопытно, что в том огромном количестве документов, которое включает в себя архив, совершенно не встречаются обычные для Греции обозначения рабов *δουλος* и *ἀνδράποδον* и лишь два-три раза упоминаются *οἰχῆται*, хотя, как мы видели, эти термины употребляются в официальных документах. По-видимому, это обстоятельство не случайно. Употребляемые в переписке обозначения тех работников, которых по их положению с той или иной долей вероятности можно отнести к категории рабов, крайне неопределенны¹². Наиболее часто используются термины *παῖς*, *παῖδες*, *παῖδιον*, *παῖδάριον*. Вторым по распространенности можно считать термин *σώματα*, встречающийся иногда в форме *σώματα*. Многозначность каждого из этих слов позволяет а priori предполагать, что за ними могут скрываться и рабские, и родственные, и просто деловые отношения.

Несколько более определенно по своему социальному содержанию обозначение работающих словом *ἐργάται*. По общепринятому мнению этот термин применяется к категории наемных работников, преимущественно поденных. Наряду с ним существует специальный термин для наемных работников (по соглашению?) — *μισθοῦτοι* (например, PCZ, 59443, 59751, 59782). Как правило, эти термины относятся к людям, не принадлежащим к рабскому сословию. По-видимому, нет оснований считать рабами и упоминающихся в архиве Зенона *ὑπρέται*: в большинстве случаев лица, названные гиперетами, выполняют какие-то административные функции в качестве помощников должностных лиц.

Таким образом, все названные термины сами по себе не позволяют определить достаточно точно социальное положение лица, к которому они относятся. Поэтому, чтобы выяснить статус человека, обозначенного тем или иным термином, необходимо либо в каждом отдельном случае сопоставить все имеющиеся в архиве данные об этом человеке, либо, если этих данных недостаточно или речь идет о безымянных лицах, попытаться выяснить, в рамках какой системы понятий употребляются интересующие нас термины.

¹² На неопределенность терминологии ссылались и Уэстерман, и Ростовцев, и другие исследователи, занимавшиеся архивом Зенона. Этим, собственно, и вызвана разная трактовка одних и тех же документов. 59077=SB,

В этом отношении наибольший интерес представляют те документы, где встречаются не один, а два-три разнородных термина. Таких документов в архиве Зенона достаточное количество, чтобы попытаться получить какие-то выводы.

Вероятно, целесообразно отдельно рассмотреть документы, относящиеся к первому периоду деятельности Зенона, когда он был связан с хозяйством Аполлония в Александрии, и документы фаумского периода его жизни, характеризующие отношения в хоре. В папирусах, датированных 260—258 гг., имеется ряд документов о залоге, покупке и бегстве рабов. Социальный статус этих лиц не вызывает сомнения, поэтому термины, употребляемые в данных документах, можно рассматривать как некоторую отравную точку для анализа других, более сложных и неясных случаев. Рассмотрим наиболее важные из этих документов.

В 259 г. Зенон покупает для себя девочку-вавилонянку 7 лет по имени Сфрагис, обозначенную в договоре о покупке *ἡ παιδίονη* (PCZ, 59003). В том же или следующем году Зенон отправляет несколько писем по поводу возвращения или выкупа сбежавших рабов, незадолго до этого купленных в Марисе и скрывающихся у брата их прежнего хозяина (PCZ, 59015). Фразеология Зенона в этих письмах достаточно выразительна: когда он говорит в общей форме о покупке рабов, то употребляет слово *σώματα*; так, в письме к Эпикрату: *ἐπιδημήσαντες ἐν Μαρίσῃ ἐπρίσμεθα* ἐκ τῶν Ζαδὴλου σώματα... Когда же говорит о конкретных сбежавших рабах, то называет их *παῖδες*: *οἱ παῖδες οἱ ἀποδράντες* (в письме Пасиклею), *τοὺς ἀποδράντας παῖδας* (в письме Пезистрату), *παῖδες*... *τίνες* *τ[υ]χά[ν]ουσιν ἀποσχωρήσαντες* (в письме Эпайнету).

В письме к Зенону Филота (по-видимому, какое-то должностное лицо в Газе) сообщает, каким образом он уладил конфликт, возникший по поводу нескольких рабов, купленных для Аполлония, называя их в одном случае *σώματα* (*περί τῶν σωμάτων τῶν σποχωρησάντων ἐκ τοῦ Γαζαίου Λιμένος*), в другом *τά σώματα*: *σχωρήσαντα τά σώματα ἐπὶ τὸν Αἰμέναν*¹³.

В 257 г. Тубий сообщает об отправке Аполлонию евнуха и четырех мальчиков-рабов в возрасте 7—10 лет с описанием их примет: *ἀλέσταλκά σοι ἄγοντα Αἰνέαν εὐνοῦχον ἕνα καὶ παῖδάρια... τέσσαρα*¹⁴. К этому же времени относится письмо Крота Зенону, в котором упоминается о пайдиске (*ἡ παιδίονη*), находящейся в качестве залога у некоего Алексиса, имеющего какое-то отношение к торговле маслом¹⁵.

Другая группа документов этого времени, в которой встречаются те же термины, связана с разного рода выдачами слугам или лицам, в какой-то мере причастным к хозяйству Аполлония

¹³ PCZ, 59804=PSI, 602=p. Col. Zen., 3.

¹⁴ PCZ, 59076=SB, 6796.
6718.

в Александрии. Выдачи были трех видов: продуктами — вином, маслом, хлебом (σιτομετρία), одеждой (ὑασιμόν) и деньгами (ὀψώνιον). Кроме того, в отчетах учитываются расходы на дрова для варки пищи и на купанье. В документах на выдачу ситометрии отдельно названы лица, получающие пшеничный и ячменный хлеб, но все они объединены одним словом σόματα. Так, в PCZ, 59698 записано: «ячменная крупа и печеный хлеб, израсходованный на „людей“, кроме тех, кому выдана пшеница» (ἀλλ[φί]τα καὶ πηπτά σ[ί]τα τοῦ [ἀν]ήλωμένου εἰς τ[ῆ]ν σόμα[τα], χωρὶς οἷς ἐδίδο[το] πυρός); в PCZ, 59699 verso: τοῖς παρὰ . . . [σό]μασιν σιτομετρία и далее перечисляются лица, получившие определенное количество пшеницы; в PCZ, 59676: «ежедневно выдаваемый хлеб по дому следующим „людям“» (ἐστὶν ὁ ἀνηλωμένος σ[ί]τος καθ' ἡμέραν τοῖς κατὰ τ[ῆ]ν οἶκον σόμασιν ἀκολουθοῦ[σιν]) и далее идет список людей с пометкой о количестве выданного печеного хлеба (по ὧγ хойника). Имена, указанные в списках, иногда совпадают с именами лиц, известных из других папирусов как агенты Аполлония и, по-видимому, не принадлежащих к категории зависимых людей (например, Пейсиклес, Менипп, Главкий, Хармон в PCZ, 59676). Возможно, что во время путешествий Аполлония или пребывания его вне египетских агентов в Александрии все они находились на довольствии в его хозяйстве. Напротив, периодические выдачи пшеницы (PCZ, 59699 — в размере от $\frac{3}{4}$ до $1\frac{1}{2}$ артаб в месяц) говорят о самостоятельном ведении домашнего хозяйства получателями, но не дают определенного представления об их социальном положении. Только когда упоминаются выдачи ячменного хлеба, можно предполагать рабский статус получателя, как, например, в PCZ, 59698. Этот папирус интересен и в другом отношении. По-видимому, он представляет собой счет расходов на содержание лиц, сопровождавших Аполлония в путешествии (во второй колонке и на обратной стороне упоминается Птолемида, но неясно, какая именно). После уже цитированной выше записи о выдаче ячменной крупы и печеного хлеба далее указывается, что было израсходовано 6 драхм на покупку дров для варки пищи «людям» (εἰς τὰ σόματα ὥστε χύτραν εἶναι) и какая-то сумма εἰς βαλάντιον τοῖς παιδαρίοις. Обратная сторона папируса содержит счет на выдачу вина. Какое-то количество οἶνος получили четыре человека, находящиеся при Аполлонии; кроме того, было выдано παιδάρια за 4 месяца 8 мер кислого вина (ὄξινου σκλούσια η) и сколько-то παιδία. Таким образом, счет на вино как бы уточняет, что скрывается под термином σόματα, которые получали ячменную крупу и печеный хлеб. Судя по количеству израсходованного вина, παιδάρια означает не детей, а взрослых рабов.

Документы на выдачу ὑασιμόν не дают достаточно определенных указаний о положении лиц, получавших одежду.

В PCZ, 59028 Сатира пишет Зенону, что она и ее мать не получают назначенный им Аполлонием гиматисмон уже второй

год, просит напомнить об этом Аполлонию, а заодно и о задержке в выплате опсониона. Себя Сатира называет τὸ κοράσιον — «девушка». Возможно, что ее письмо оказалось необходимое воздействие, и 20 ксандика 29 г., а затем 20 дайсиу того же года (т. е. в 257 г. до н. э.) Сатира-кифареда (κίθαριδής) получила два хитона из виссона (PCZ, 59087). В этом же документе зарегистрирована выдача в 28 г. в Никии по распоряжению Зенона виссонового хитона Эфиопу, четырьмя месяцами позднее еще кому-то (имя не сохранилось). В 29 г. в Александрии кроме кифареды Сатиры виссоновые хитоны получили Аминта и Перистера. Кто такая Перистера — неизвестно, что касается Аминты, то это, возможно, македонянин Аминта, автор ряда писем Зенону, занимавший видное положение в хозяйстве Аполлония в Александрии. О получении гиматисмона и опсоннона говорится также во фрагменте письма Пиласиса от 25 горпия 29 г. (PCZ, 59100), но о нем больше никаких сведений нет. О присылке хитона и ὑάσιον для Пирра пишет Зенону Гиероклес, но в данном случае это не называется ὑασιμόν. Хотя в одном из документов Пирр обозначен как παιδάριον (PCZ, 59398), из рассматриваемого папируса вполне очевидно, что он не был рабом, так как его готовили для выступления в палестре.

Таким образом, документы о гиматисмоне при дворе Аполлония не содержат ни интересующих нас терминов, ни достаточных указаний на определенное социальное положение получателей.

Более интересны документы об опсонионе, дополняющие в какой-то мере данные о ситометрии. В основном это переписка по поводу выплаты опсониона персоналу, обслуживающему хозяйство (или дом) Аполлония в Александрии во время его отсутствия. В октябре 258 г. до н. э. Аристей извещает Аполлония, что по распоряжению Аминты он выплатил опсонион оставшимся «людям» (δεδώκαμεν ὀψώνιον τοῖς σόμασιν τοῖς ἀπολελειμμένοις) за два месяца и плотнику Каллианакту за три месяца (PCZ, 59027). В марте 257 г. Аминта сообщает Зенону: «И прежде я писал тебе, что „люди“ надоедают нам с требованиями опсониона (τὰ σόματα ἐνοχλεῖ ἡμᾶς τὰ ὀψώνια ἀπαιτοῦν[τα]), и теперь требуют выплатить им, если они должны соблюдать порядок» (PCZ, 59043). Весьма характерна псметка на обороте папируса: [Ἀμύντο]ν περὶ τῶν [ὀψωνίων] τοῖς παισίν. Она как бы уточняет, о каких «людях» идет речь в письме. Примерно в мае 257 г. Зенон получил сообщение от Аристея о том, что он в соответствии с приказаниями Зенона и Аминты выплатил опсонион за такие-то месяцы Диогнету, Гермоклесу, Сатире, Артемидору¹⁶ и садовнику, имя которого не сохранилось (PCZ, 59059). В пометке на обороте папируса

¹⁶ Артемидор назван ἑλεάτρος, но Эдгар полагает, что этот человек не идентичен Αρτεμίδωρος ἐπὶ τῆς οἰκίας (PCZ, 59398) и что в данном случае речь идет об ἐδέατρος.

содержание письма резюмируется так: Ἀριστεύς περί τῶν ὀφειλῶν τῶν τοῖς ὁφίσασιν. Есть основания предполагать, что это именно те ὁφίστα, которые надоедали Аминте с требованиями опсониона. Но почему в этом случае в резюме письма они обозначены термином ὁφίστα, а не παῖδες? Может быть, указание имен уже само по себе было достаточной конкретизацией, определяющей их социальную принадлежность? Из перечисленных в этом папирусе лиц только Сатира встречается в документах на получение и симметрии (PCZ, 59699, 59700) и гиматисмона (PCZ, 59087), но ни один из них не позволяет безоговорочно отнести ее к категории рабов, хотя в целом ее положение в той мере, как оно вырисовывается из папирусов, ближе к положению привилегированной рабыни, чем свободной женщины.

Таким образом, и документы об опсонионе подтверждают высказанное раньше предположение, что только в тех случаях, когда обозначение какой-то группы ὁφίστα сопровождается уточнением или дополнением οἱ παῖδες, можно с большой долей уверенности считать, что речь идет о рабах. Но можно ли утверждать, что термин παῖς или производные от него (без сочетания со словом ὁφίστα) всегда обозначают рабов? Уже из приведенных выше документов очевидно, что термин παιδάριον применялся и к свободным и к рабам. Так, в PCZ, 59698 данные о потреблении кислого вина παιδαρίους позволяют понимать под этим термином рабов. Об употреблении παιδάριον в возрастном смысле с полной определенностью свидетельствуют PCZ, 59644, 59292 и p. Col. Zen., 6.

Из других документов 260—257 гг., в которых встречается этот термин, можно указать на PGZ, 59677, содержащий счет на выдачу или денег по 1 халькусу или каких-то продуктов по 1 хойнику или 1 хусу (обозначение χ, можно расшифровать по-разному) нескольким матросам и παιδάρια. Одинаковые нормы выдачи позволяют предполагать, что под παιδάρια подразумеваются не дети, а рабы. В маленьком фрагменте, содержащем, по мнению издателя, список товаров, доставленных Аполлонию от Андротела указаны παιδάρια ἄρονα B (PCZ, 59678). Даже независимо от правильности толкования документа в целом употребление множественного числа среднего рода при одновременной конкретизации этого понятия означает, что в термин τα παιδάρια вложен не возрастной, а социальный смысл.

Можно сделать предположительный вывод о том, что в ранних документах слово τα παιδάρια употребляется преимущественно для обозначения рабов, однако не исключена возможность использования его и в возрастном смысле по отношению к свободным.

Наименование ἡ παιδίση в документах дофаумского периода жизни Зенона появляется только по отношению к женщинам, рабское состояние которых не вызывает сомнения, если не счи-

тать упоминания в письмах Аддайоса о παιδίση шерстоткающих мастерских Аполлония в Мемфисе (PSI, 485, 854; SB, 7636).

Сложнее обстоит дело с термином παῖς. Помимо рассмотренных документов это слово неоднократно встречается в деловой переписке. Рассмотрим папирусы, поддающиеся более или менее удовлетворительному толкованию. В отчете, составленном, вероятно, одним из агентов Аполлония (но не Зеноном) об операциях во время поездки в Сирию, среди других расходов указывается: τοῦ παιδός (δραχμῶν) ρίβ (PCZ, 59010). Очевидно, 112 драхм израсходованы на покупку раба. В письме об отправке для Аполлония лошадей упоминается Κοτὴν τὸν παῖδα, которому, по-видимому, поручено их доставить (PCZ, 59030). Несомненно, речь идет о взрослом человеке, находящемся в положении слуги, вероятно, рабе. В письме Аполлонию относительно блюда, одолженного Деметрию, Аминта, оправдываясь, ссылается на то, что Деметрий был ограблен неким Лисимахом и лишился дорожного провианта καὶ τὸν παῖδα (PCZ, 59044). Конструкция фразы περιουσιῶναι ὑπὸ Λυσισάχου τοῦ ληστοῦ τὰ μεθόδιον καὶ τὸν παῖδα позволяет думать, что и в этом случае подразумевается раб. Сообщая о бегстве повара, Аминта советует Зенону известить об этом всех слуг—τοῖς τε πα τοῖς παῖ (PSI, 329); едва ли здесь возможен какой-либо иной смысл. Аполлоний (во время поездки?) поручает Зенону для сохранности масла назначить сторожей: καταστήσει τὸν παῖδον τοῖς τηρήσοντας (p. Col. Zen., 14). Здесь возможно разное значение выражения τὸν παῖδον: и рабов, и мальчиков, и вообще слуг. Прометий, посылая Аполлонию какие-то венки для царя (или для продажи?), одновременно отправляет и Хармона τὸν παῖδα, чтобы он позаботился обо всем (PSI, 489). В данном случае установить, был ли Хармон рабом Прометия, можно только в результате сопоставления с другими документами. Во фрагменте письма по поводу снаряжения судна говорится о потребности в грамотном мальчике или рабе (τὸν τε γραμματικόν ἢ μὲν παῖδα [ἐπι]τηδείους εἶναι), последнее кажется более вероятным. В p. Mich. Zen., 18 Менее сообщает об аресте Стахиса: τὸν παρὰ Ζηνοδόρου παῖδα. Конструкция παρὰ с родительным падежом довольно часто встречается в папирусах и означает не происхождение от кого-то, а представительство от лица такого-то (например, PCZ, 59006, 59094 и др.). Вероятно, и здесь Стахис — слуга, может быть, раб Зенона. Такой же характер отношений вытекает и из выражения Νέων[α] τὸν πα[ρ']ἡμῖν παῖδα в одном из фрагментов серии писем, относящихся ко времени деятельности Зенона в Палестине (PCZ, 59011).

Из всех разобранных случаев употребления слова παῖς достаточно отчетливо вырисовывается, что им совершенно не поль-

¹⁷ PCZ, 59540, папирус очень фрагментирован, точный смысл письма неясен.

зуются для определения родственных отношений или указания на происхождение человека. Для этого обычно применяют выражение $\delta \upsilon \acute{o} \varsigma \tau \acute{o} \nu \delta \epsilon \acute{\iota} \nu \alpha$ (см., например, PCZ, 59029: $\tau \acute{o} \nu \tau \acute{o} \upsilon \text{ 'Hpa}\chi\lambda \epsilon \acute{\iota} \delta \omicron \upsilon \nu$; 59037: $\pi \alpha \rho \acute{\alpha} \tau \acute{o} \upsilon \Delta \alpha \nu \acute{\alpha} \omicron \upsilon \nu$ и т. п.)¹⁸. Как правило, не употребляется это слово и в возрастном смысле. Его основная служебная роль сводится к определению социального положения лица, к которому оно относится. $\text{O } \pi \alpha \varsigma$ — это слуга, но какой слуга: свободный или раб?

В рассмотренных выше документах слово $\pi \alpha \varsigma$ встречается в связи с тремя категориями понятий: 1) отражающими право собственности на личность человека (покупка человека — PCZ, 59010 или бегство купленного человека — PCZ, 59015); 2) отражающими обязанность господина полностью содержать подчиненных ему людей (ситометрия, гиматисмон, опсонион); 3) отражающими право на распоряжение трудом подчиненных людей. Если бы термин $\pi \alpha \varsigma$ встречался только в системе понятий второй и третьей категорий, то естественно было бы переводить его словом «слуга», без дальнейшего правового уточнения. Но использование того же термина в системе первой категории понятий позволяет сделать предположительный вывод, что словом $\pi \alpha \varsigma$ обозначали слугу рабского статуса и применение этого обозначения к лицам другого статуса произвольно принижало их положение до рабского, т. е. предполагало наличие отношений личностной зависимости.

В качестве довода в пользу этого предположения можно сослаться на характерное для папирусов употребление слова $\text{u}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\iota}\varsigma$. Гиперет это чаще всего помощник, служитель, мелкий чиновник административного, судебного или налогового аппарата¹⁹. Гипереты упоминаются в числе штата откупных компаний в Податном уставе Птолемея Филадельфа (BL, col. 12—13). Но в том же уставе говорится о запрещении участвовать в откупах рабам (RL, col. 15), следовательно, гиперетами откупщиков могли служить только свободные люди.

Х. Купишевский и И. Моджиевский, посвятившие специальное исследование функциям гиперетов в аппарате греко-римского Египта, отмечают, что в папирусах слово $\text{u}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\iota}\varsigma$ помимо специального значения употребляется и в общем смысле, обозначая «лицо, находящееся на службе у другого» (в примечании они приравнивают его к латинскому термину *minister*). Именно в таком

¹⁸ Терминологическое значение слова $\pi \alpha \varsigma$ особенно ясно выражено в более позднем документе (PCZ, 59332, датируемом 248 годом до н. э.), где Коррагос пишет о посланном им к грамматевсу Левкиппу $\pi \alpha \acute{\iota} \delta \alpha \theta \rho \acute{\alpha} \sigma \omicron \nu \alpha$ по поводу невыплаты опсониона за 37 г. и одновременно сообщает, что его сын Аттал ($\delta \upsilon \nu \acute{\iota} \circ \varsigma \mu \omicron \upsilon \nu \text{ 'A}\tau\tau \acute{\alpha} \lambda \omicron \varsigma$) получил опсонион за 38 г.

¹⁹ Н. K u p i s z e w s k i, J. M o d r z e j e w s k i. $\text{I}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\iota}\varsigma$. Etude sur les fonctions et le r\ole des hyperetes dans l'administration civile et judiciaire de l'Egypte greco-romaine. — JJP, XI—XII, 1957—1958, p. 144—165.

смысле²⁰ им пользуются, по их мнению, Зенон и его корреспонденты²¹.

Однако едва ли можно утверждать, что применение термина $\text{u}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\iota}\varsigma$ в архиве Зенона однозначно. Довольно отчетливо прослеживаются три оттенка в его употреблении: гипереты — это служащие судебного (гиперет практора—PCZ, 59460) и финансового аппарата (гиперет откупщика—PCZ, 59041, 59357; гиперет ситолога — PCZ, 59497), затем гипереты в штате или в хозяйстве Аполлония, занимающие определенное служебное положение (например, гиперет Феодор — PCZ, 59062, 59089; безымянные гипереты — PCZ, 59196, 59682, может быть, 59832; PSI, 343, 434 и др.), и, наконец, гипереты в значении «помощники», «обслуживающий персонал» в каком-либо ремесленном производстве: например, гиперет ткачей (PSI, 599). Мне кажется, что в таком же смысле следует понимать и р. Col. Zen., 52, где Неэсис пишет Зенону об отправке для керамической мастерской в Филадельфии четырех гиперетов и шести эргатай. Едва ли в этом случае следует противопоставлять гиперетов, постоянных рабочих, временным — эргатай, как это делают издатели документа. Скорее речь идет о «помощниках», имеющих специализацию, и просто рабочих. В таком же смысле употребляется в подобных обстоятельствах и глагол $\text{u}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\epsilon}\omega$. $\text{U}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\eta}\sigma \alpha \nu \tau \epsilon \varsigma$, т. е. «обслуживавшими» или «помогавшими» каменщикам, называются эргатай в PGZ, 59176. Аполлоний через Зенона и Панакестора отдает распоряжение пастухам $\text{u}\pi\eta\rho\epsilon\tau\acute{\epsilon}\iota \nu$ «помогать», «служить» Марону, ведающему милетскими овцами (PCZ, 59195).

Очевидно, что гипереты государственного аппарата принадлежали к категории свободных людей. По-видимому, к той же социальной категории можно отнести и гиперетов, занимавших какие-то управленческие должности в дореа Аполлония. Положение гиперетов ремесленников более неопределенно: ими могли быть и свободные и рабы. Но поскольку этот термин, если сопоставлять его употребление с употреблением $\pi \alpha \varsigma$, встречается только в системе понятий второй и третьей категорий и никогда не связывается с представлениями о праве собственности на личность работника, к тому же постоянно применяется для обозначения служебного положения свободных людей, постольку нет никаких оснований видеть в нем обозначение определенной социальной группы.

Итак, на основании рассмотренных документов 260—256 гг. можно как будто бы сделать вывод, что в повседневном употреблении Зенона и его корреспондентов основным термином для обозначения рабов было слово $\pi \alpha \varsigma$ и производные от него 21. Дея-

²⁰ Ibid., p. 142—143.

²¹ Как доказывает И. Д. Амосин, в переводе Библии на греческий язык, сделанном в III—II вв. до н. э., основными терминами для выражения кон-

тельность Зенона в этот период в основном сводилась к разного рода торговым сделкам и участию в управлении придворным штатом Аполлония. Формы отношений между разными социальными слоями в этой среде были достаточно определены.

С переездом в Филадельфию главным объектом его внимания стала организация производственного процесса на землях Аполлония и землях, арендованных Зеноном в собственных интересах. С изменением характера деятельности изменились и круг лиц и формы отношений, с которыми Зенону приходилось сталкиваться. Это в какой-то мере должно было отразиться и на терминологии самого Зенона и его новых корреспондентов: она становится более сложной и еще более неопределенной. Поэтому, чтобы разобраться в ней, следует, как мне кажется, использовать в качестве критерия или дополнительного аргумента выводы, вытекающие из рассмотренных выше документов.

Рассматривать терминологию в корреспонденции Зенона филадельфийского периода его жизни в отрыве от формы использования (или эксплуатации) тех лиц, к которым она применяется, едва ли целесообразно. Поэтому перейдем к основному вопросу, вызывающему столько споров в научной литературе, — вопросу о роли рабов в хозяйстве или, точнее, в дореа Аполлония (т. е. в хозяйстве, организованном на дарственных землях).

Архив Зенона охватывает весьма разнообразные стороны экономической жизни Филадельфии и Фаюма в целом: ирригационные работы и освоение новых земель, земледелие во всех его отраслях, скотоводство, строительство Филадельфии, некоторые виды ремесленного производства (ткацкие и гончарные мастерские, каменоломни), торговлю, откуп и сбор налогов и т. д.

Анализ хозяйственной деятельности Зенона, сделанный издателями и исследователями зеноновского архива, показывает, как трудно разграничить его действия в качестве управляющего дореа Аполлония и его личное предпринимательство в области аренды земель, скота, управления имуществом других лиц, в финансовых мероприятиях²². И все же следует сделать попытку ограничиться документами, связанными с дореа, чтобы выяснить степень и формы применения рабского труда именно в этом типе хозяйства.

Дарственные земли Аполлония в районе Филадельфии составляли большой сплошной массив в 10 000 арур, т. е. 2756 га. Но этим, по-видимому, не исчерпывались его земельные владения в Фаюме, находившиеся в ведении Зенона²³.

кредного рабства служили те же термины *παῖς*, *παιδία* и *οἰκέτης* (см. И. Д. Амусин. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты. — ВДИ, 1952, № 3, стр. 46–47).

²² См. р. Mich. Zen., p. 27; Cl. Preaux. Les Grecs en Egypte. . . , p. 24, 33; A. Swiderek. Op. cit., str. 47–48.

²³ См. M. Rostovtzeff. A Large Estate. . . , p. 72–91.

В 259–225 гг., как следует из р. Lille, 1, были произведены реконструкция и расширение оросительной системы филадельфийского участка и появилась возможность расширения полезных земель. Архив Зенона свидетельствует о том, что на дарственных землях велось (выражаясь современным языком) многоотраслевое хозяйство: наряду с зерновыми культурами (пшеница разных сортов, ячмень) сеялись кормовые травы, разводили огородные культуры, значительная часть земли была отведена под сады и виноградники, какая-то площадь ежегодно (по *διαγραφῇ ὁρίου*) засеивалась масличными культурами, и, наконец, немалую роль играло разведение овец (в том числе милетских) и свиней.

Во всех отраслях, по-видимому, практиковались два метода ведения хозяйства: сдача в аренду мелким или более или менее крупным держателям (вероятно, жителям соседних поселений — как египтянам, так и грекам) и производство работ силами постоянных и наемных работников дореа²⁴. При первом методе ведения хозяйства если даже и применялся рабский труд, то едва ли этот факт мог найти отражение в архиве Зенона, за исключением того случая, когда администрация предоставляла арендатору необходимую рабочую силу, но тогда это также характеризовало лишь состав работников дореа, а не арендаторов. Поэтому все документы, имеющиеся в нашем распоряжении и в той или иной мере характеризующие состав рабочей силы, относятся преимущественно к той категории, которой распоряжалась и которую учитывала администрация дореа.

И в документах, относящихся к земледелию и скотоводству, и в документах, связанных с ремеслом и ирригационными и строительными работами, встречаются термины *παῖς* (и производные от него) и *οἰκέτης*. Но можно ли отнести людей, обозначенных этими терминами, к категории рабов? Соответствующие папирусы сравнительно немногочисленны, часто фрагментарны и трудны для понимания. От их интерпретации зависит то или иное решение поставленного вопроса, и, как уже указывалось, в литературе он решался по-разному, одни и те же документы истолковывались с различных позиций, и исследователи приходили к диаметрально противоположным выводам. Попытаемся еще раз пересмотреть эти документы, отнюдь не претендуя на окончательное решение вопроса.

Классификация рабочей силы, применяемой в дореа Аполлония, дается в двух папирусах: PCZ, 59751 и р. Col. Zen., 75. В первом документе речь идет, по-видимому, об ирригационных работах, так как упоминается сдача работ в подряд (*εργολαβία*); что практиковалось главным образом при строительстве и ремонте оросительной системы. Содержание его следующее: «Фаофи 20. Через Дионисодора. В северной стороне 11 (человек), а именно:

24 См. р. Mich. Zen., Introduction, p. 33.

помесячных (**καταμήνιοι**) 2, остальных 9. Подряд на работы... (имя не сохранилось. — А. П.). И в южной стороне через Гермогена. Помесячных: Протарх, Афтевс, Ктесон. Наемник (**μισθωτός**) 1. **Παῖδες**: Спинтер, Торакс, Сатир».

Таким образом, здесь указаны три или даже четыре категории работников: 1) помесячные, 2) наемные на условиях какого-то соглашения или договора, 3) **παῖδες** и 4) прочие. Может быть, под словом **λοιποί** скрываются вторая и третья категории, а возможно, имеются в виду поденщики.

Второй папирус — р. Col. Zen., 75 — более обстоятельный по своему содержанию, важен во многих отношениях. Это составленный Зеноном счет всех расходов на оплату и содержание постоянных и временных работников дореа и общий баланс расходов и прибыли (рис. 7). Документ оформлен следующим образом: идет поименный список 14 человек, большинство которых встречается в других папирусах с определением **παῖς** (в числе их и упомянутые выше Спинтер, Торакс и Сатир); отмечается, что каждый из них получает ежемесячно опсонион в размере 1 драхмы 4 оболов (и дается итог за год) и гиматисмон в год 14 драхм. Отдельно указаны еще 2 человека, получающие более высокий опсонион: Аполлонид — 3 драхмы, Офелион — 2 драхмы 3 оболы, кроме того, последний получает масла на 1 драхму и высокий гиматисмон — 25 драхм, и еще двое получают по 1 драхме и 2 оболы. Все перечисленные лица получают ситометрию, данные о размере и стоимости которой, к сожалению, не сохранились. Далее идет безличное перечисление работников: **μισθοῖοι** 2 человека, получающие вместе 5 драхм в месяц, виноградари (**οἰπτελοῦργοι**), число которых не приводится, получают 20 драхм в месяц и помесячные рабочие (**καταμήνιοι**), получающие каждый ежемесячно 4 драхмы. Ситометрия им не полагается.

Таким образом, и здесь мы видим те же три основные категории: **παῖδες**²⁵, **μισθοῖοι**, **что** равнозначно **μισθωτοῖ**, и **καταμήνιοι** (причем рабочих последних двух категорий вместе значительно меньше, чем **παῖδες**); остается неясным лишь характер **οἰπτελοῦργοι**. К сожалению, оба документа не датированы, можно лишь приблизительно отнести их к 256—248 гг. Сопоставим их с другими документами, в которых нет такой четкой классификации, но зато дается более конкретная картина.

От времени предшественника Зенона в управлении дореа Панакестора (258—256 гг.) сохранились соглашения между ним и представителями рабочих о производстве работ за определенную сумму. В одном из них (PSI, 560) 23 человека (**σώματα**) Акантополитов (?) берутся вырубить кустарник и сжечь прощлогодный на условии уплаты каждому 2 драхм; одновременно с ними и на

Fragment of papyrus document (p. Col. Zen., 75) showing a list of names and payments. The text is written in a cursive script and includes a list of names and their corresponding payments in drachmas and obols. The fragment is numbered 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35 on the left margin. The text is partially obscured by a vertical crease and some ink bleed-through from the reverse side.

Рис. 7. Годовой отчет Зенона (р. Col. Zen., 75)

²⁵ Уэстерман считает их свободными постоянными работниками дореа, получающими жалование и содержание; см. р. Col. Zen., 75, note.

тех же условиях эту работу будут выполнять еще 15 человек, интересы которых представляет в соглашении Хесортан, сын Пасита. Но ни срок работы, ни объем ее в соглашении не указаны. Так как из других документов известно, что за такого рода работу поденщикам платили по $\frac{3}{4}$ оболы, то, вероятно, соглашение предусматривало работу в течение не менее двух недель. Второе соглашение (PSI, 507) между Панакестором и Аполлофаном, действующим от имени еще троих *οἰκιστῶν*, предусматривает, что они получат причитающееся им жалование (*ὀφίον*) за два месяца в размере 16 драхм и 2 артабы пшеницы каждому, т. е. по 8 драхм и 1 артабе в месяц. Характер работы здесь не указан. По-видимому, соглашение составлено по окончании работы, и имеется в виду оплата помесячных рабочих. Во всяком случае, в обоих документах в термин *οἰκιστῶν* вложен чисто технический смысл: «столько-то человек».

Очень интересен большой счет ежедневных расходов и поступлений денег, датированный фармути-пахонс 255 г. (PCZ, 59176). По составу получателей денежные выплаты за работу можно разделить на четыре категории: помесячная оплата лицам, указанным поименно, ежедневные выплаты *ἐργάταις*, ежедневные выплаты *πρόδροις* и ежедневные выплаты лицам, указанным поименно. Помесячную оплату получают каменщики, работавшие на сооружении моста, их два разряда: Гор и Тагут получают по 8 драхм и 1 хусу вина каждый, а Сисин и Кимай — только по 2 драхмы 3 оболы. Чем вызвана такая неравномерность оплаты — уровнем ли квалификации или различиями в социальном положении, едва ли можно установить. Три драхмы в месяц получает Деметрий, работающий на поливке, 2 драхмы 3 оболы — помощник (*υποοὐρῶς*) садовника Птолемей и 2 драхмы — Мосхион, помощник Комописа (род занятий его не указан). Из прочих указанных поименно лиц (все они носят греческие имена) 11 человек получают опсонион в размере от 1 драхмы до 1 драхмы 3 оболы и 3 человека (Афенион, Аполлоний и Птолемей), названные помощниками Гермогена, — совсем мизерный опсонион от $\frac{3}{4}$ оболы до оболы.

Опсонион в размере от 1 драхмы 3 оболы и ниже никак нельзя считать единственным источником существования его получателей, так как 1 артаба пшеницы, обычная норма потребления хлеба взрослым человеком в течение месяца, стоила тогда не менее 1 драхмы (в р. Col. Zen., 54 Зенон указывает цену в 1 драхму 2 оболы). Следовательно, или эти лица получали сверх того ситомерию от Зенона или кого-то еще, или это приплата к каким-то еще доходам.

Данный вывод получает подтверждение при сопоставлении опсониона с оплатой поденщиков в том же папирусе. Поденщики — *ἐργάταις* — заняты на временных подсобных работах, не требующих никакой квалификации. Поденщик подвозит (на чужом осле)

или подносит солому для рабочих, заготавливающих кирпичи, получая за это сначала обол, а потом $\frac{3}{4}$ оболы; поденщики помогают каменщикам, выносят землю, складывают в один угол коноплю. За все эти работы им платят по 1 оболу в день каждому. Если прикинуть, сколько они получают в месяц при ежедневной работе, то получается около 4 драхм, т. е. примерно та сумма, которую указывал Зенон для помесячных рабочих.

Другая категория поденно оплачиваемых рабочих — *παιδία*. Они вместе с эргатай помогают каменщикам; при этом в одном случае получают, как и эргатай, по 1 оболу, в остальных — по $\frac{1}{2}$ оболы. Один раз они вычерпывают воду, тоже получая $\frac{1}{2}$ оболы; каждый раз их по 2 человека. Прямых доказательств, что это подростки, нет, так как их работа характеризуется так же, как и работа эргатай; объем ее не определяется, некоторым косвенным свидетельством является половинная оплата. Но не исключена возможность считать их чужими рабами, привлеченными к поденной работе.

И, наконец, в одном случае перечислены поименно 6 человек, получившие поденную оплату по 1 оболу (Сострат, Эней, Павсаний, Зоил, Аполлоний, Гор). Были ли это те, постоянно упоминающиеся в этом счете эргатай или это случайно привлеченные люди, выяснить не представляется возможным.

Следует заметить, что деньги на оплату эргатай, помогавшим каменщикам в каменоломне, получает каменщик Гор; для поденщика, занятого доставкой соломы кирпичникам, деньги получает погонщик осла Зопирион, работавший вместе с ним или только предоставлявший осла. О характере оплаты труда Зопириона нет никаких сведений.

Таким образом, классификация рабочей силы здесь менее четкая, поэтому установить, к каким категориям принадлежали лица, получающие помесячную оплату, можно лишь предположительно, сопоставляя их заработок с данными о размерах оплаты в р. Col. Zen., 75. Так, каменщики Сисин и Кимай, работающий на поливке Деметрий, помощник садовника Птолемей, помощник Комописа Мосхион по размеру оплаты приближаются к категории *μισθίοι*, оплата каменщиков Гора и Тагута заметно превышает опсонион, указанный для помесячных рабочих (самый высокий в р. Col. Zen., 75); оплата остальных, получающих опсонион, примерно совпадает с опсонионом *παιδῶν*.

Как уже говорилось, эргатай не упомянуты в годовом отчете Зенона, если только не подразумевать под 20 драхмами, выдаваемыми ежемесячно виноградарям, деньги, предназначенные на оплату поденщиков. Посмотрим, что говорят другие документы об этой категории работников. Эргатай названы в отчетах кормчих (*κυβερνήταις*) о погрузке и разгрузке судов (PCZ, 59013, 59014, 59276, 59705); за погрузку тары для вина *ἐργάτης* получил $\frac{3}{4}$ оболы (PCZ, 59705). Эргатай встречаются на строительных работах

в качестве подсобных рабочих, подносящих кирпич (PGZ, 59480), просеивающих песок и камни, доставляющих землю и щебень (PCZ, 59761). В первом случае они получают сделанную оплату из расчета 6 драм за 10 000 штук кирпича (~~οικονομοι~~ за то же количество уложенного кирпича получают 7 драм), во втором — поденную по 1^x/г обол в день. В эргатай нуждается владелец (?) керамической мастерской Неэсис (р. Col. Zen., 52; PCZ, 59271), но характер их работы и оплата в документах не указываются.

Чаще всего применение труда эргатай связано с сельскохозяйственными работами. В 257 г. за подсыпку земли на дамбу 10 эргатай получают по 1 оболу в день (PCZ, 59111), столько же получают эргатай через Евтиха (принадлежащего к ~~παίδες~~ Зенона) по р. Mich. Zen., 116, только один из них получил почему-то 1/2 обол. Характер работы в этом случае неизвестен. В PCZ, 59729 Лабос получил 7 драм 3 обол на оплату 60 эргатай, расчищавших землю для пахарей, из расчета ³/₄ обол каждому в день. В PCZ, 59788 эргатай, выравнивавшие землю, получили по 2 обол, а вскапывавшие лопатой и мотыжившие — по 1 оболу. В р. Col. Zen., 97 эргатай ~~τος κοπιδοῦ τῆν κοπὴν~~, т. е. косившим траву²⁶, в течение трех дней на 8 человек выплачено 6 драм, т. е. по 1¹/_г обол в день. Берлинские остраки из Филадельфии содержат поденный учет эргатай на разного рода работах: выравнивании (BGU, 1527), вскапывании сухой земли (там же) и садовой (BGU, 1531), орошении (BGU, 1518), обработке участков, засаженных луком (BGU, 1512) и тмином (BGU, 1526). В некоторых случаях указаны выплаченные суммы²⁷, но установить размер оплаты не представляется возможным.

Очень близки по своему содержанию к разобранным выше документам об эргатай два папируса, содержащие счета на ежедневную выплату рабочим, обозначенным просто ~~οἰκισται~~. Это PCZ, 59517 и р. Wisc., 1. В первом документе указывается, что от 4 до 12 ~~οἰκισται~~ с 25 тота по 15 фаофи заняты сбором и сжиганием хвороста, вырубкой кустарника, орошением; на всех работах они получают по ³/₄ обол в день. В р. Wisc., 1, датированном 255—254 г., оплата более дифференцирована. За очистку и выжигание горьких земель и за прополку сезама уплачивается по ³/₄ обол, за очистку маленького канала и вскапывание вручную (вспахиванию мешает яма) — по 1 оболу на человека. Работавшие на

очистке и выжигании горьких земель ~~παίδες~~ получают по ¹/₂ обол. Деньги выплачиваются суммарно на всех ~~οἰκισται~~ ответственным лицам или представителям Оннуфрию, Паситису, Керкиону, количество рабочих 10—20 человек. Очевидно, в обоих документах речь идет о поденщиках.

Таким образом, из приведенных документов вытекает, что эргатай выполняли или подсобную или простую, не требующую какой-либо квалификации²⁸ работу. Оплата их труда колеблется от ³/₄ до 1 1/2 обол в день²⁸ в зависимости от большей или меньшей затраты физической силы (поднос кирпича — 1 1/2 обол, прополка — ³/₄ обол). При такой оплате эргатай мог заработать в месяц от 3 1/2, до 6 1/2, драм. Иными словами, использование наемных поденных рабочих в дореа Аполлония в среднем обходилось в месяц в 5 драм на человека.

Рассмотрим теперь размер оплаты наемных работников, работающих ежемесячно или постоянно на основе каких-то соглашений и имеющих квалификацию. Выше уже указывалось (стр. 274), что Аполлофан и его три товарища в 257/6 г. получают ежемесячно каждый по 8 драм и 1 артабе пшеницы, т. е. больше 9 драм, столько же каменщики Гор и Тагут (8 драм и 1/2 хуса вина). Ткачи (~~κρίνται~~) соглашались работать на условии уплаты каждому в день 1¹/₂ обол, т. е. 7—7 1/2 драм в месяц (PSI, 599), столько же получали специалисты по изготовлению кирпичей (PSI, 1002 от 252 г.: по 1 1/2 обол в день при условии изготовления 160 штук кирпича; р. Col. Zen., 36 от 254 г.: 15 драм за 10 000 штук, т. е. за 2 месяца работы). Никий, специальность которого неясна, но связана с какими-то перевозками, получает в 258/7 г. опсонион также в размере 7 1/2 драм.

Не совсем обычна оплата рабочих в р. Col. Zen., 104. Это счет с указанием количества людей (~~οἰκισται~~), работавших ежедневно с конца тота до 9 атюра на условиях уплаты каждому за день по 2 обол и 2 халькуса. Следовательно, в месяц они получали около 11 драм. О характере работы в папирусе нет никаких указаний, известно лишь, что рабочих (всего их было, по-видимому, 8 человек) привез, спустившись по реке, Клеон; сам он получает ту же оплату. Судя по сезону, это время спада воды и подготовки к посеву. Возможно, что Клеон привез специалистов по строительству или ремонту ирригационных сооружений. Уэстерман высказывает предположение, что в их жалование включена стоимость доставки или плата за использование привезенного ими с собой инвентаря²⁹.

²⁶ По переводу Уэстермана (а, может быть, вырубавшим кустарник? OT ἡ χοπάς ошибочно τῆν κοπὴν вместо χοπάδα?).

²⁷ В BGU, 1512 указывается общее количество человеко-дней, выработанных на луковом поле с 13 эпифа по 14 месоре: эргатай — 473 и ~~παίδες~~ — 12, за что уплачено, по чтению издателей, 4876 драм, т. е. получается более чем по 10 драм в день каждому ~~ἐργάταις~~. Такая поденная оплата просто невероятна. Правильнее понимать знак, обозначающий денежную единицу, как халькус, тогда выплата по 10 халькусов, или по 1 1/4 обол, вполне согласуется с данными папирусов.

²⁸ Сводка размеров оплаты наемного труда по материалам архива Зенона дана в работе Хайхельхайма (F. Heichelheim. Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus. Jena, 1930, S. 123) и дополнена Уэстерманом во введении к р. Col. Zen., 104. Но в нее включены и данные об оплате ~~παίδες~~.

²⁹ Р. Col. Zen., v. II, р. 125.

Следовательно, использование труда свободных рабочих, имеющих определенную квалификацию и оплачиваемых преимущественно в денежной форме, по данным отдельных документов обходится в дореа Аполлония не менее 7—7 1/2 драхм, т. е. почти вдвое превосходит цифру (4 драхмы), указанную в годовом отчете Зенона. Или в отчете дана усредненная величина (возможно, большинство из упомянутых работников лишь временно, 2—3 месяца, заняты в дореа), или она показывает чистый расход на рабочую силу за вычетом стоимости тех услуг, которые администрация дореа предоставляла рабочим (например, бритье — 1/2 обола в месяц — PCZ, 59176, жилье, баня и т. п.), а затем удерживала из их заработка.

Рабочие, обозначенные в отчете Зенона $\mu\iota\sigma\theta\iota\omicron\iota$, получают опсонион 2 1/2 драхмы, но, кроме того, им, как и $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$, выдается ситометрия. Размер ее, очевидно, отличается от ситометрии $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$, так как в р. Col. Zen., 75 они указываются отдельно. К сожалению, цифры, относящиеся к ситометрии, в этом документе не сохранились. Если исходить из месячной нормы выдачи пшеницы для $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$ в PCZ, 59333 на человека зерном — 1 1/8 артабы, печеным хлебом — 30—45 хойников, то стоимость ситометрии, по-видимому, составляла около 1 драхмы 3 оболов в месяц (при цене на пшеницу в 1 драхму 2 обола за артабу, см. р. Col. Zen., 54, датированный 250 г.). Можно, как кажется, предположить, что стоимость ситометрии $\mu\iota\sigma\theta\iota\omicron\iota$ была не выше, а скорее, ниже ситометрии $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$. Если это так, то $\mu\iota\sigma\theta\iota\omicron\iota$ — наиболее низкооплачиваемая категория работников дореа: их оплата менее 4 драхм и приблизительно равна самому низкому заработку эргатай. Наниматься на длительный срок на таких условиях мог человек, лишенный каких-либо других средств существования или попавший в зависимость. Как уже указывалось, если исходить из размеров опсониона в PCZ, 59176, к этой категории рабочих можно отнести каменщиков Сисина и Кимая, помощника садовника Птолемея, ведающего поливкой Деметрия, Мосхиона, помогавшего Комапису. Имена Мосхион и Деметрий встречаются также в списках на получение ситометрии (PCZ, 59699; р. Col. Zen., 77), но едва ли их можно идентифицировать.

И, наконец, перейдем к рассмотрению наиболее нечетких по терминологии и потому вызывающих разные толкования категорий работников — $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ и $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$. Рабочие, обозначаемые словом $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$, встречаются в счетах на оплату и реестрах рабочей силы как особая категория наряду с эргатай и помещаю оплачиваемыми рабочими. Так, в PCZ, 59176 они вычерпывают воду, вместе с эргатай помогают каменщикам, в PCZ, 59729 заняты на прополке, в р. Wisc., 1 $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ так же, как и эргатай, очищают горькие земли и сжигают на них мусор, но на другом участке; в BGU, 1512 вместе с эргатай работают на поле, засаженном луком, в BGU, 1518 часть работает носиль-

щиками корзин, часть подносит корни, в то время как эргатай работают на спуске воды, в BGU, 1531 вместе с эргатай вскапывают сухую землю в саду.

В большинстве случаев количество $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ невелико — 2, 6, 9 человек, лишь в распоряжении Керкиона находится большая партия $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$: в PCZ, 59729 — 20 человек, в р. Wisc., 1 — 30 человек. На каких бы работах ни были заняты $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$, оплата их всегда поденная и всегда одного и того же размера — 1/2 обола в день каждому. Следовательно, использование $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ в течение месяца будет стоить не более 2 1/2 драхм.

При рассмотрении терминологии в ранних зеноновских документах отмечалась двойственность в употреблении этого слова, т. е. применение его в возрастном и социальном смыслах. По-видимому, та же двойственность имеет место и здесь. Когда 2—4 $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ работают вместе с большой партией эргатай (например, в PCZ, 59176), выполняя, может быть, более легкую работу (что, кстати, установить достаточно определенно не удастся), то можно видеть в них просто подростков. Оплата их труда в 1/2 обола находит параллель в такой же оплате женского труда у ткачей (PSI, 599: ткачи пишут о поденной оплате им в 1/2, обола, а женщине — 1/2 обола), в ситометрии женщин и $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ сирийцев, уменьшенной в три раза по сравнению со взрослыми мужчинами (PCZ, 59292: мужчины получают 3 хойника ячменя, женщины и $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ — 1 хойник).

В то же время нельзя исключить возможность перевода этого слова термином «рабы». Например, 20 или 30 $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$, находившихся в распоряжении Керкиона и выполнявших ту же работу, что и эргатай (р. Wisc., 1, очистка и выжигание горьких земель), скорее подходят под категорию рабов, чем мальчиков. В одном из документов (PCZ, 59378) название $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ относится к работникам, находящимся в штате дореа: виноградарь Алким просит Зенона согласно их договоренности предоставить ему $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$, так как наступило время работы. Выплачивать им гиматисмон, по его мнению, должен Зенон. Из письма следует, что Алкиму выгоднее использовать $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$, обещанных Зеноном, чем нанимать $\mu\iota\sigma\theta\iota\omicron\iota$ ($\omicron\upsilon\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \delta\epsilon\iota\ \mu\iota\sigma\theta\iota\omicron\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\mu\beta\alpha\lambda\epsilon\iota\upsilon\nu$). Если расходы на $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ ограничивались выплачиваемой им поденной платой, то это был действительно наиболее дешевый вид рабочей силы. Но если даже наниматель обязан был предоставлять им ситометрию, то и тогда их оплата не превышала содержание $\mu\iota\sigma\theta\iota\omicron\iota$.

Главным препятствием для трактовки $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ как рабов является факт поденной оплаты. Действительно, если считать $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ принадлежащими Зенону или Аполлонию, то абсурдность такой трактовки очевидна. Но, понимая это слово в возрастном смысле, мы одновременно представляем $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ как постороннюю, наемную рабочую силу. Почему же нельзя $\pi\alpha\iota\delta\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ в смысле «рабы» также считать посторонней рабочей силой, нанятой Зено-

ном? Нельзя сделать такое заключение, если исходить из убеждения, что рабов в Египте было немного и они использовались только для домашних услуг, и можно, если держаться противоположной точки зрения. Различные переводы этих папирусов специалистами, стоящими на разных позициях, — лучшее тому доказательство. Но кто же прав, вопрос пока остается открытым.

Годовой отчет Зенона (р. Col. Zen., 75) начинается с перечисления 14 работников, получающих ежемесячно опсонион и ситомерию и ежегодно гиматисмон. Имена их неоднократно встречаются в счетах на выдачу хлеба, денег, упоминаются в деловой переписке Зенона. Большинство из них один-два раза называются *παῖς*, Эдгар обычно переводит это обозначение словом *slave*, Уэстерман — боу. А. Свидерек, посвятившая специальный раздел своей работы людям дореа Аполлония, категорически утверждает, что *παῖδες* в применении к постоянным работникам нельзя понимать в смысле «раб». По ее мнению, это свободные люди, «помощники» или «подчиненные» Зенона³⁰.

Такой вывод кажется как будто бы вполне обоснованным. В счетах на ситомерию они указываются вместе, часто даже впереди семьи Зенона (например, PCZ, 59333), получают всегда пшеничный хлеб по 1 1/2 хойника в день (сам Зенон иногда получает 1 хойник — PCZ, 59333, хотя другие члены его семьи — по 1 1/2 хойника). Многие из них выступают в папирусах как «агенты» Зенона, т. е. выполняют поручения, связанные с разного рода торговыми сделками, доставкой продуктов, передачей распоряжений и контролем за их исполнением, получают деньги для оплаты рабочих, по-видимому, даже контролируют их работу. Их письма, адресованные Зенону, начинаются обычной формулой: «такой-то приветствует Зенона» — и по тону не отличаются от деловых писем лиц, чья принадлежность к свободному сословию не вызывает сомнения. Но некоторые из этих *παῖδες* используются на простых сельскохозяйственных работах, в качестве грума или «привратника». И тем не менее, судя по отчету Зенона, все они оплачиваются одинаково.

Присмотримся повнимательнее к размеру их оплаты. Согласно р. Col. Zen., 75, каждый из них ежемесячно получает 1 драхму 4 обола опсониона. Цифры, относящиеся к ситомерии, к сожалению, утрачены. Из других документов известно, что ситомерия обычно состояла из 1 1/2 хойника пшеничного хлеба в день, в месяц это составляло 45 хойников, или 1^x/8 артабы. В документе, весьма близком по времени к рассматриваемому нами годовому отчету, в р. Col. Zen., 77 (датируемом издателями 248—245 гг.), стоимость 1 артабы пшеничного хлеба, включая его изготовление, устанавливается в 4 обола³¹, следовательно, месячная

³⁰ А. Свидерек. *Op. cit.*, стр. 107 н.

³¹ В р. Col. Zen., 77, представляющем собой счет на ситомерию и денежные выплаты, стоимость муки для выпечки 1 артабы хлеба указывается

ситомерия одного постоянного работника стоила 4 обола 4 халькуса. Если сумму в 14 драхм, выдаваемую в качестве гиматисмона, разделить на 12 месяцев, то получается 1 драхма 1 обол. Таким образом, содержание в течение месяца перечисленных поименно работников обходилось: 1 драхма 4 обола — опсонион, 4 обола 4 халькуса — ситомерия, 1 драхма 1 обол — гиматисмон. Итого: 3 драхмы 3 обола 4 халькуса.

Если сопоставить эту сумму с другими величинами в том же документе, то окажется, что она на 1—2 обола выше стоимости содержания *μισθός* (если им не выплачивался гиматисмон) и на 2 с лишним обола ниже оплаты помесечных рабочих. Еще более поразительные результаты дает сравнение с конкретными данными об оплате разных категорий работников в других документах. Получается, что оплата *παῖδες* равнялась лишь самой низкой оплате *ἐργάται*, была вдвое ниже оплаты ткачей и кирпичников и в два с половиной раза ниже оплаты каменщиков. Иными словами, «агенты» и «помощники» Зенона, по терминологии А. Свидерек, т. е. лица, занимающие административные должности, оплачивались ниже даже неквалифицированных рабочих, вскапывавших землю, подносявших кирпичи и т. п., — факт парадоксальный, в особенности для Египта, где подсобные рабочие, несомненно, вербовались из местного населения, а принадлежность «помощников» и «агентов» Зенона к греко-македонскому населению у Свидерек и других исследователей, придерживающихся той же точки зрения, не вызывает сомнения. Не потому ли этот факт и не привлек к себе внимания этих исследователей, что объяснить его с их позиций было бы очень затруднительно?

Можно, конечно, предположить, что труд квалифицированных ремесленников оплачивался выше, чем труд «агентов». Но этому предположению противоречит один из более поздних документов (р. Col. Zen., 90, 243/2 г.), относящийся к бывшему дореа Аполлония. В гипомнеме Зенодора (о возмещении стоимости числящихся за ним мотыг), который, как считают издатели, занимал ранее должность *ὁ ἐπὶ τοῦ ὀβήρου* в Филадельфии, указывается размер невыплаченного ему жалования за 2-й и 3-й годы правления Эвергета. По этим данным Зенодор (принадлежность его к свободным людям не вызывает сомнения, так как числящаяся за ним задолженность подлежит взысканию практором) получал ежемесячно: опсонион — 5 драхм, элайометрия — 2 котилена масла или 4 обола деньгами и гиматисмон в год 20 драхм

в 2 1/2 обола, оплата за выпечку — 1 1/2 обола — всего 4 обола. В примечаниях к этому документу Уэстерман пишет, ссылаясь на Хайхельхайма (F. Heischelheim. *Op. cit.*, S. 119—120), что цена 1 артабы пшеницы в архиве Зенона колеблется от 1 до 2 1/2 драхм; цена ниже 1 драхмы указывается лишь в арендных договорах. В данном случае низкую цену он объясняет прямым поступлением хлеба из складов дореа.

(т. е. 1 драхма 4 обола в месяц), итого 7 драхм 2 обола, т. е. в два с лишним раза больше оплаты «агентов» Зенона.

А нельзя ли взглянуть на этих «агентов» и «помощников» с противоположной точки зрения, т. е. предположить в них рабов, но рабов не Зенона, а Аполлония?

Такое предположение хорошо объясняет низкую оплату их труда и характер оплаты (опсонион, ситометрия, гиматисмон). Оно не противоречит и формам их взаимоотношений с Зеноном: поскольку они рабы диойкета Аполлония, по отношению к которому сам Зенон является подчиненным, и их связь с Аполлонием, пожалуй, даже прочнее, чем Зенона и Аполлония, то естественно, что в отношениях с Зеноном они могли держать себя как помощники, подчиненные, но не как люди, целиком находящиеся в его власти. Находит объяснение и ситометрия пшеничным хлебом: это не рядовые рабы, предназначенные для физической работы, а достаточно обученные и способные слуги, посланные в помощь Зенону для организации хозяйства на дарственных землях.

Но, может быть, в папирусах связанных с этими лицами, имеются факты, опровергающие данное предположение? Попробуем проследить это в отношении тех из них, кто хотя бы один раз встречается с определением *παῖς*. Как уже указывалось, в PCZ, 59751 названы три *παῖδες*, работающие вместе с помесечными работниками и одним *μικροτός*. Это Спинтер, Торакс и Сатир. Все трое перечислены в годовом отчете Зенона. С именем Торакса связан еще один характерный документ — описание примет (PCZ, 59070). В этом папирусе говорится: «Торакс, килиец, длинные волосы медового цвета, круглое лицо, рубец под левой и правой бровью и под глазом, 18 лет». Издатель считает, что это описание примет вызвано бегством раба, но так как Торакс назван в более позднем документе (р. Col. Zen., 75), то правильное предположить по аналогии с PCZ, 59076, что описание было составлено при его покупке.

Имя Сатира впервые появляется в PCZ, 59398 от 258/7 г.: в счете, составленном Артемидором, помечено, что ему (и еще двум *παδορίου*, Пирру и Доксаю) выдано на празднование в честь Арсиной $\frac{1}{2}$ обола. В 252 г. он упоминается в распоряжении Зенона, адресованном трапезиту (?) Артемидору: Николай, представитель эконома, получил от Сатира 3 драхмы, по-видимому, в счет каких-то взносов с дореа (PCZ, 59825). В 249 г. в счете на доставку зерна из Арсиноитского нома в Александрию указывается, что Сатир получил 312 драхм 3 обола, с какой целью, не ясно (PCZ, 59320). В 247 г. (PCZ, 59341) Зенон просит кого-то вернуть взятую на время лошадь Сатира (*τὴν Σάτιρον τοῦ παρ' ἐμοῦ*). Характерно, что к постороннему лицу обращается Зенон, а не Сатир. В 248—245 гг. Сатир упоминается в списках на выдачу ситометрии (р. Col. Zen., 77) и в годовом отчете Зенона (р. Col. Zen., 75). В 246/5 г. в счете на выдачу хлеба (PCZ, 59569):

Сатир выдает пекарям 4 артабы пшеницы, самого Сатира в списке на ситометрию нет, но во фрагменте того же папируса, содержащем лишь список имен, он указан. В папирусах, датирующихся лишь приблизительно 256—246 гг., Сатир упоминается в PCZ, 59749, где через него выдана оплата эргатай, работавшим на горохе, 2 драхмы за 4 дня. В расчетах между Зеноном и кормчим указывается, что последний передал Сатиру для Зенона 1 драхму (PCZ, 59753). Какие-то деньги получает Сатир в PCZ, 59795.

Все эти документы по существу распадаются на две группы: выдачи Сатиру на его личное потребление и получение им и выплата каких-то сумм, связанных с дореа, причем лишь один раз указывается крупная сумма. Никаких данных, определенно противоречащих рабскому статусу Сатира, обнаружить не удается.

Третий из названных в PCZ, 59751 *παῖδες* Спинтер помимо списка постоянных работников в р. Col. Zen., 75 упоминается в списках на ситометрию в фармути и пахоне 248 г. (PCZ, 59333) и в хойах и фармути 246/5 г. (PCZ, 59569), получая в обоих случаях по $1\frac{1}{2}$ хойника пшеничного хлеба. В PCZ, 59704 с 13 по 15 атюра (какого года — неизвестно) ему выплачен в три приема опсонион в размере 1 драхмы 2 $\frac{1}{2}$ обола (3 обола + 2 обола + 3 $\frac{1}{2}$ обола). В 246 г. Спинтер имел какое-то отношение к перевозкам грузов по воде: в письме Зенону (PCZ, 59343) он сообщает, что представитель государственной администрации принуждает спускать судно, а они еще не получили часть груза. В PCZ, 59705 в отчете о расходах во время плаванья (?) указываются полученные суммы — от кормчего 8 драхм и от Спинтера 1 драхма 5 оболов. В упоминавшемся уже расчете между Зеноном и кормчим (PCZ, 59753) вместе с Сатиром назван и Спинтер, которому выдано 20 драхм, по-видимому, для передачи Зенону. В PCZ, 59691 в гипомнеме о денежных расчетах говорится о какой-то операции (выплате или получении?), совершенной при посредничестве Спинтера. Все приведенные документы носят тот же характер, что и документы, касающиеся Сатира, и не содержат каких-либо данных, явно противоречащих предположению о его рабском статусе. Но один папирус несколько осложняет картину. В р. Col. Zen., 77 в списке на ситометрию имя Спинтера упоминается трижды (стк. 10—11 — *Σπίνθηρ ὀκονότης*; стк. 15—16 — *Σπίνθηρ δ' οκονόμος* и стк. 21 — *παδορίον Σπίνθηρος*).

Перечисление в первых 18 строках лиц, получающих ситометрию, подытожено фразой *γίνονται παῖδες* ἰς, в число этих *παῖδες* входят и Спинтер-ткач и Спинтер-эконом. Очевидно, что должность «эконом» здесь имеет не публичное, а частнохозяйственное значение, так как, во-первых, царский чиновник по имени Спинтер нигде больше не засвидетельствован и, во-вторых, перечис-

ление его наряду с παῖδες Аполлония едва ли допустимо. В то же время наличие должности эконома в хозяйстве Аполлония засвидетельствовано другими документами: сам Зенон в одном из папирусов назван οἰκονόμος (PCZ, 59048). Спинтера, упоминавшегося в рассмотренных выше документах, по характеру деятельности логичнее отождествить со Спинтером-экономом, чем со Спинтером-ткачом. Остается третий случай — упоминание Спинтера в связи с παιδαρίον. Безымянный παιδαρίον не входит в состав παιδαρία, неоднократно встречающихся в счетах на ситометрию, так как он указан отдельно от них. В других случаях, где в списках на ситометрию упоминается Спинтер, которого мы идентифицировали со Спинтером-экономом, παιδαρίον Σπίνθηρος не упоминается. Закономерно предположить, что этот παιδαρίον принадлежит Спинтеру-ткачу или имеет какое-то другое отношение к нему (возможно, его подручный подросток).

Итак, интересующий нас Спинтер в этом случае выступает в должности эконома (и снова входит в категорию παιῖδες). Такое разнообразие его функций в хозяйстве Аполлония на протяжении 5—6 лет (рабочий на ирригационных работах — лицо, связанное с перевозками по воде, — эконом) не только не противоречит предположению о его рабском статусе, а скорее, подтверждает его.

Неоднократно встречается в архиве Зенона Нумений с определением παῖς (кроме р. Col. Zen., 77, см. также PCZ, 59720 и р. Mich. Zen., 86). Наиболее ранний документ с именем Нумения — это его письмо Зенону, датированное 257 г. (PCZ, 59541), по поводу встречи Аполлония в Мемфисе, о чем он получил распоряжение от самого Аполлония. Нумений спрашивает Зенона, где Аполлоний намеревается провести празднества в честь царя и на какой день египетского календаря этот праздник приходится. Статус автора этого письма установить нельзя, очевидно лишь, что он подчинен Аполлонию и что плохо разбирается в соотношении македонского и египетского календарей или, как предполагают издатели, знает только египетский календарь.

На основании других папирусов, в которых упоминается Нумений, можно предположить, что было два человека, носящих это имя и подчиненных Зенону: стражник (φυλακίτης— PCZ, 59475, 59520) и конюх (ἵπποκόμος — PSI, 371, 527, 545). В PCZ, 59720 παῖς Нумений получает 2 драхмы на проезд с двумя лошадьми (?). По-видимому, Нумений-παῖς этого папируса идентичен Нумению-конюху. В р. Col. Zen., 77 среди 17 παιῖδες, получающих ситометрию, указаны два Нумения (стк. 5 и 8) без дополнительных уточнений (как, например, в случае со Спинтером), тем не менее едва ли это можно считать опiskeй, так как счет сбалансирован. Мог ли быть филакит в числе παιῖδες? Сочетание понятий παῖς и φυλακίτης в архиве Зенона встречается: так, автор PSI, 570 от 252/1 г. пишет Зенону, чтобы он разослал имеющихся в его распоряжении филакитов по комам — в каждую кому одного παῖς,

чтобы обеспечить надлежащую безопасность: ἀποστείλας τοὺς ὑπὸ σε φυλακίτας εἰς ἡν ἂν κάμνη ἢ ὁ παῖς, ὅπως τύχη τῆς προσπαύσης ἀσφαλείας].

Едва ли здесь слово παῖς употреблено в возрастном смысле, более естественно обычное для прочих документов социальное значение. Можно предполагать, что из подчиненных Зенону παιῖδες некоторые использовались в качестве филакитов (вероятно, для охраны каких-то хозяйственных объектов, принадлежащих Аполлонию), в том числе и второй Нумений. Характерно, что в списки на выдачу ситометрии обычно включается лишь один Нумений (см., например, PCZ, 59569; PSI, 580). В PCZ, 59333 Нумений фигурирует и в числе получателей ситометрии и в качестве поставщика хлеба; вероятно все же, что это один и тот же Нумений-конюх, доставлявший откуда-то зерно для хлебопекарни. В годовом отчете Зенона также назван лишь один Нумений, очевидно, конюх. Он же, по-видимому, получает для какой-то цели 24 серебряных драхмы в PCZ, 59691. О каком-то Νοῦμῆνιου τοῦ παιδὸς упоминается также в памятной записке Ясона, адресованной Гермону (р. Mich. Zen., 86); Эдгар склонен идентифицировать его с Нумением-конюхом. Обязанности конюха вполне совместимы с рабским статусом и в сочетании с применением к тому же лицу термина παῖς достаточно определенно характеризуют его общественное положение. Что касается Нумения-филакита, то нельзя полностью исключить предположение о принадлежности его к категории рабов, но и нельзя считать это доказанным.

В счете на расходы Артемидора в 258/7 г. (PCZ, 59398) в числе трех παιδαρία, получивших деньги на празднование в честь Арсинои, кроме Сатира были указаны Пирр и Доксай (первый получил 1 драхму, второй — 3 обола). Доксай назван также в числе 17 παιῖδες, получивших ситометрию в 248—245 гг. (р. Col. Zen., 77 recto). На протяжении этих 10—13 лет Доксай неоднократно упоминается в архиве Зенона. Он числится во всех документах на ситометрию (PCZ, 59333, 59569; PSI, 580), в р. Col. Zen., 77 verso он получает 3 обола, возможно, в счет опсониона. По-видимому, Доксай играл заметную роль в хозяйстве дореа, так как его имя появляется в связи с разными отраслями хозяйства. Так, в отчете Деметрия о расходовании денег, полученных за смолу (PCZ, 59417), указывается, что выдано Доксаю на керамическую мастерскую 10, затем 20 драхм, ему же на расходы по дому — 26 драхм и для передачи τῷ Ροδίππῳ παιδί — 12 драхм, кроме того, по распоряжению Докса 5 драхм передано Никию на сбор винограда. Очевидно, в это время Доксай выполнял функции казначея. В письме к Агрону Зенон просит передать через Докса деньги за горшки (р. Mich. Zen., 81). В другом папирусе говорится о мотыгах, одолженных у Докса (PCZ, 59600): автор письма жалуется, что он брал две, а не три

мотыги, как утверждает Доксай, и ссылается в качестве свидетеля на Евтиха. В одном из документов Доксаю поручается что-то сопровождать (PGZ, 5Y585). После отставки Аполлония и ликвидации его хозяйства на дарственных землях мы встречаем Доксая в числе немногих *παίδες*, оставшихся у Зенона. Судя по его письму, датированному 243 г. (PCZ, 59354), он пользуется доверием Зенона, может быть, даже выполняет обязанности управляющего. Он сообщает о состоянии дел и выполнении разнообразных поручений: об отправке Зоилу (эконому?) 2 козлят и 30 перепелов, о поисках Пирра, об отправке Несту пчелиных сот, о продаже смоквы, о посевах ячменя. Возможно, к этому же периоду жизни Доксая относятся документы, касающиеся аренды козьих стад (р. Mich. Zen., 67 и PCZ, 59429). В обоих случаях он, по-видимому, действует как представитель Зенона. В отчете козопаса Гермия (PCZ, 59429) указывается, например, что Доксай получил деньги от Никия за 2 козлят и что он же взял 1 козу, чтобы вскармливать газель. Очевидно, Гермий полагает, что лицо, для которого он составляет отчет (т. е. Зенон), санкционировало или санкционирует действия Доксая.

Все эти документы говорят о значительной деловой активности Доксая: он сравнительно самостоятелен в своих действиях, распоряжается денежными и материальными ценностями, но ценности эти принадлежат не ему, а Аполлонию или Зенону. И так как не дошло ни одного документа, где бы он выступал от своего лица в частноправовых сделках, то нет достаточных оснований считать его свободным наемным работником, тогда как свидетельства противоположного характера — низкая оплата, определение его положения терминами, применявшимися к рабам, — позволяют предполагать в нем раба-«агента», раба-управляющего.

Несколько сложнее обстоит дело с Пирром. Помимо годового отчета Зенона Пирр упоминается в числе работников, получающих ситометрию, еще только один раз (PCZ, 59333). Из других документов архива можно установить, что в деловых отношениях с Зеноном находились Пирр-охотник (*κυνηγός* — PCZ, 59292, 59328, 59747), Пирр-*ὑεωρύς* (PCZ, 59430) и Пирр-*παῖς* (PCZ, 59326). Пирр-охотник получает опсонион от Зенона в размере $2\frac{1}{2}$ драхм (PCZ, 59747), его жена и дочь получают ситометрию в фаофи 250 г. в размере 1 артабы 5 хойников пшеницы (PCZ, 59292), в 248 г. Пирр-охотник занят перевозками сыра и других продуктов от Ясона (PCZ, 59328). С именем Пирра-земледелец, очевидно, связан большой счет на оплату земледельческих работ и продуктов, может быть, расчет по аренде (PCZ, 59268), счет на выдачу ячменя (PCZ, 59293), выплата денег за сельскохозяйственные продукты в денежном счете 249 г. (PCZ, 59326), расписки Зенона в уплате Пирром ренты с арендованных им свиней у брата Зенона Эфармоста (PCZ, 59362). Пирр-*παῖς* передает 80 драхм Проиту в уплату за коня (PCZ, 59326); на него, по-ви-

димому, ссылается автор письма Зенону в PCZ, 59635, сообщая, что, по словам Пирра, нет вина на ежедневное употребление; возможно, ему же выдаются три топора в PCZ, 59783. В упоминавшемся уже счете Артемидора на праздничные выплаты трем *παῖδῶν* (PCZ, 59398) можно считать Пирра идентичным Пирру-*παῖς*.

Но кроме приведенных есть еще ряд папирусов (PCZ, 59060, 59098, 59327, 59507, 59783 и др.), содержание которых не позволяет достаточно определенно идентифицировать названного в них Пирра с одним из этих трех лиц. Так, например, в 256/7 г. идет переписка между Зеноном и Гиероклесом по поводу Пирра, обучающегося в палестре и находящегося на содержании Зенона (PCZ, 59060, 59098). PCZ, 59507 представляет собой гипомнему Зенону от Пирра по поводу задержки в выплатах ему и его матери опсониона, ситометрии и гиматисмона с просьбой предоставить ему хижину, которую ранее занимал Аполлодор. Возможно, в этих документах говорится о Пирре-охотнике. Этот свободный в правовом отношении человек, по-видимому, в какой-то мере экономически зависел от Зенона и выполнял для него работы по своей специальности (PCZ, 59747), его семья находилась на довольствии у Зенона. Это и дает основание предполагать, что PCZ, 59060, 59098 и 59507 относятся именно к нему. Но не исключена возможность считать автором PCZ, 59507 Пирра-*παῖς*.

Наиболее интересны и достаточно определенно характеризуют положение *παίδες* документы с упоминанием Евтиха.

Имя Евтиха встречается главным образом в документах 252—246 гг. В большом счете расходов и поступлений по земельному участку, находящемуся в ведении или аренде у Пирра, указывается, что Пирр получил от Евтиха 8, 20 и 12 драхм (PCZ, 59268), в другом денежном счете от 249 г. (PCZ, 59326) через Евтиха выдано в долг Эпикрату-галикарнасцу 20 драхм. В одном из документов Евтих (*ὁ παρὰ Ζήνωνος*) получил 3 мины железа (или железных изделий — PCZ, 59782). В письме по поводу мотыг, одолженных Доксаем, автор ссылается в качестве свидетеля на «привратника» Евтиха (PCZ, 59600). В PCZ, 59633 Евтих упомянут в связи с доставкой меда, в р. Col. Zen., 77 verso ему выдан 1 обол, по-видимому, на дорожные расходы по доставке плодов смоковницы в Мемфис. Он упоминается в счете на ситометрию за фаофи и хойах 246/5 г. (PCZ, 59569) и в годовом отчете Зенона (р. Col. Zen., 75).

Но наиболее любопытные документы — это черновики петиции Зенона царю по поводу права собственности на дом, который оспаривает у Зенона некая Арсиноя (PCZ, 59620 и 59621). Суть дела в следующем: по словам Зенона, он построил этот дом, дал материал и оплатил работу строителям через своего *παῖς* Евтиха. Евтих жил в нем с Арсиной, свободной женщиной, и, по-видимому, имел от нее детей. А теперь Арсиноя заявила о праве соб-

ственности на этот дом, ссылаясь на то, что он получен от государства. Евтих сбежал (αὐτός τε ἀνεχώρησεν) в Серапейон в Мемфис (где его содержит Арсиноя) и не может быть привлечен в качестве свидетеля. Стратег Арсиноитского нома Агенор решил вопрос в пользу Арсинои, поэтому Зенон просит пересмотреть дело обязательно с привлечением в качестве свидетеля Евтиха. В этом документе рабский статус Евтиха выявляется, по моему мнению, вполне определенно: отношения Евтиха и Арсинои не названы браком, хотя они имели детей (ἐμπροσθεν αὐτῇ. σμεινὰ καὶ τέκνα αὐτοῦ ὑπάρχουσιν ἐ; αὐτῆς); в деле **О** праве собственности на дом перед судом выступает Арсиноя, а Евтих рассматривается только как свидетель, а не ответчик. Он сбежал (ἀνεχώρησεν) и скрывается в храме, так как только таким образом может уклониться от вызова в суд. Дело, по-видимому, происходит уже после отставки Аполлония, дореа перешло в ведение государства, рабы, вероятно, были распроданы или как-то иначе сменили хозяина, и. часть из них, в том числе Евтих, попали к Зенону.

Интересно отметить еще один штрих в положении Евтиха: ему был предоставлен какой-то домик, где он жил своей семьей со свободной женщиной, имея от нее детей, причем в петиции нет даже намек на какие-либо претензии Зенона на этих детей. Все это не подходит к обычным представлениям о греческом рабе, но, вероятно, вполне допустимо для рабовладельческих отношений Египта.

Из остальных лиц, перечисленных Зеноном в годовом отчете, Акаб, Пор и Хармид встречаются только в документах на выдачу ситометрии. Баллион, помимо этого, упоминается с обозначением *παις* в счете на получение (или доставку?) мешков (PSI, 427). Под именем Теон в переписке Зенона фигурируют, очевидно, два человека: навклер (PCZ, 59015, 59242, 59446) и *παις* (PSI, 395: распоряжение Зенона от 241/40 г. о выдаче денег Эвдему и Θεῶνι τῷ παιδί). Возможно, об этом же *παις* идет речь в документах, относящихся ко времени деятельности Зенона в дореа Аполлония, где Теон назван в связи с работами на винограднике (PCZ, 59378, 59782) и другими сельскохозяйственными работами (PCZ, 59292, 59748). Последние два документа можно толковать двояко: в PCZ, 59292 Теон мог получать пшеницу и ячмень для посева в качестве арендатора, а в PCZ, 59748 получать деньги как эргатай. Но те же семена и деньги он мог получать в качестве надсмотрщика за определенным участком работы. На это, как кажется, намекает выдача ему вместе с семенами εἰς ἔργα 20 артаб ячменя с пшеницей (κριθοπύρος).

Главкий появляется в документах впервые в 257 г. (р. Col. Zen., 63) в счете на ежедневные расходы в должности переводчика. В документах на ситометрию он числится наряду с другими *παῖδες* (PCZ, 59569, 59676; р. Col. Zen., 77). В большом счете расходов пшеницы и ячменя (PCZ, 59292) указывается,

что Главкий получает зерно для вьючного скота и на потребление. В отчете Зенона, по-видимому, к Главкию относится зачеркнутое *οἰτολοῦς*. В переписке Зенона после ликвидации дореа Аполлония Главкий выступает как активный помощник Зенона в его хозяйственных и финансовых операциях (PCZ, 59357, 59412, 59511; PSI, 438, 439, 527). Возможно, в его статусе произошли какие-то изменения.

Хейлон помимо годового отчета упоминается в счете на ситометрию от 248 г. (PCZ, 59333). Из других документов известно, что в 248 г. он был занят доставкой шерсти и овечьих шкур внутри хозяйства Аполлония, какое-то время ведал выдачей сельскохозяйственного инвентаря (PSI, 629; PCZ, 59783), затем, уже, по-видимому, после ликвидации дореа, доставкой вина (PSI, 666; PCZ, 59771) или изготовлением сосудов для вина (р. Col. Zen., 81).

Все приведенные выше данные³² об использовании *παῖδες* в хозяйстве Аполлония вполне укладываются в рамки деятельности раба-«агента» и находят параллели в рабовладельческих отношениях Греции IV в. до н. э. Напомним проанализированные Э. Л. Казакевич сведения афинских ораторов о рабах-«агентах»: Кердоне и Мане, нанимавших людей для сбора урожая (Dem., LIII, 21), Алке, управлявшей доходным домом (Isac., VI), Мидасе, заведывавшем парфюмерной лавкой (Hiperid., C. Athenog.), навклере Лампиде, выполнявшем разного рода торговые операции (Dem., XXXIV)³³. В то же время такой характерный момент в положении *παῖδες* Аполлония, как резкая смена занятий (например, Евтих то привратник, то торговый агент; Сатир и Спинтер то заняты на сельскохозяйственных работах, то выполняют какие-то поручения, связанные с выплатой денег, причем Спинтер в одном из документов назван экономом), трудно объяснить, если считать их свободными наемными работниками, и поэтому исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, вынуждены предполагать наличие нескольких лиц с одинаковыми именами. В ряде случаев это так и есть на самом деле: выше говорилось о нескольких лицах, носивших имя Пирр, о двух Спинтерах и двух Нумениях. Но не всегда ссылки на это обстоятельство оправданы. Если же исходить из предположения о рабском статусе *παῖδες*, то разносторонность их использования вполне закономерна и не требует специальных объяснений.

Наряду с *παῖδες*, представлявшими своего рода администрацию дореа, в хозяйстве Аполлония, возможно, были рабы более низкой категории, использовавшиеся только как физическая рабочая сила. Их содержание не нашло отражения в годовом отчете Зе-

³² Аналогичные сведения можно привести и о других «агентах» Зенона, встречающихся с обозначением *παις*, например о Сосе, Баннайосе и др.

³³ Э. Л. Казакевич. О рабах-агентах в Афинах. — ВДИ, 1961, № 3, стр. 3—21.

нона, так как, очевидно, оно учитывалось при вычислении дохода от того объекта, где использовался их труд. Так, в фрагменте докладной, адресованной Зенону (PCZ, 59633), автор ее сообщает, что παῖδες не выполнили приказа об изготовлении кирпичей из-за наступления периода оросительных работ (διὰ τὸ δὲ ποτῆριον εἶναι ἐν ἔχειναι τοῖς καίροις), теперь же они приступили к этой работе. Очевидно, до этого они были заняты на ирригационных работах.

Из упоминавшегося выше письма виноградаря Алкима (PCZ, 59378) следует, что на работах в винограднике выгоднее было применять труд рабов (термин παῖδάρια тут, очевидно, имеет только социальный смысл), чем наемных работников. К категории παῖδες, по-видимому, следует отнести и сирийцев, работавших на виноградниках в 250 г. Судя по тем скудным данным, которые сохранились о них в папирусах, их было несколько семей, включавших всего 7 мужчин, 2 юношей и 15 женщин и детей. Они получали ситометрию ячменем: мужчины по 3 хойника, юноши по 2, женщины и дети по 1 хойнику, суммарно 1 артабу ячменного хлеба ежедневно (PCZ, '59292, lin. 52—57, 464, 466, 468, 470, 472). В р. Mich. Zen., 49 указывается, что мужчинам, женщинам и детям (παῖδαρίοις) выплачен опсониион за хойах и фаофи, но данные о его размере не сохранились. Может быть, о тех же сирийцах идет речь в документе, датированном 244 г. (р. Col. Zen., 87). Помощник Эвклеса, эпистата бывших дарственных земель Аполлония в Филадельфии, сообщает своему начальнику о состоянии дел по сбору налогов пшеницей с земледельцев и в конце письма затрагивает вопрос о сирийцах: ἄλλα τοὺς Σύρους παῖδας οὐς γράφετε ἐν τῷ ἀπυλογισμῷ τῶν σαρδάων τοὺς μὲν τοὺς ἀμπελικοῖς εἶναι, τοὺς δὲ πρὸς τῇ γεωργίᾳ, οὐκ οἶμαι σὲ ἀγνοεῖν διότι ἀπηγγέμενοι [εἴσι. .]. На этом папирус обрывается.

Уэстерман здесь, как и в других⁴ случаях, трактует παῖδες как постоянных наемных работников³ и переводит следующим образом: «but as to the Syrian laborers, of whom you state in the list of the workmen» и т. д. Он как будто бы не связывает их с сирийцами из PCZ, 59292 и р. Mich. Zen., 49. Однако приведенный выше материал, мне кажется, довольно убедительно показывает, как мало оснований считать παῖδες свободными наемными работниками. Еще с большей натяжкой такое понимание παῖδες можно применить к сирийцам. Если бы речь шла о жителях Σύρων χώρης, то можно было бы ожидать или οἱ ἀπὸ Σύρων χώρης или οἱ τῶν Σύρων. Предположение же о наличии присланных откуда-то артелей свободных наемных работников из сирийцев, пожалуй, менее реально, чем сопоставление сирийцев, о которых идет речь в письме к Эвклесу, с сирийцами более ранних документов и отнесение их к категории рабов.

34 P. Col. Zen., v. II, p. 96: «the regular paid hands» (буквально: «регулярно оплачиваемых работников»).

Возможно, что термин παῖδάρια, несколько раз упоминающийся в связи с овцеводством, не всегда носит возрастной смысл. Так, в письме Панакестору и Зенону об отправке в Филадельфию Марона, сведущего в разведении милетских овец, Аполлоний дает указание предоставить Марону в обучение четырех παῖδαρίων (PCZ, 59195). Здесь, как мне кажется, допустим и возрастной и социальный смыслы этого слова. То же самое можно сказать о словоупотреблении Асклепиада в гипомнеме о распределении овец, полученных им от παῖδάρια (PCZ, 59406), и автора PCZ, 59642, рекомендующего использовать какого-то παῖδαρίου в качестве погонщика осла или пастуха овец (προβατοβοσχός).

В области всякого рода ремесленного производства в хозяйстве Аполлония, судя по сохранившимся документам, на первом месте, по-видимому, стоял наемный труд свободных ремесленников. Выше приводились документы, свидетельствующие о наемных каменщиках, кирпичниках, строителях домов, ткачах. Это вполне объяснимо: во вновь организуемом хозяйстве, в основе своей зерновом, при незначительных размерах обслуживающего персонала едва ли была потребность в содержании постоянных рабов-ремесленников узких профессий. Масштабы Филадельфии как греческого поселения, вероятно, также были еще недостаточны, чтоб организовывать здесь эргастерии, работающие на рынок. Упоминающаяся в PCZ, 59742 керамическая мастерская в Филадельфии обслуживала в первую очередь потребности виноградарей, принадлежащих Аполлонию. По данным р. Col. Zen., 52, в ней работали наемные работники (ἐργάται, ὑπηρεταί), прямых указаний на использование рабского труда не встречается.

В списке на ситометрию в р. Col. Zen., 77 среди παῖδες назван ткач Спинтер и его παῖδαρίου, но это лишь единственный случай; в других папирусах идет речь о наемных работниках, если не считать документов, связанных с шерстоткацкой мастерской в Мемфисе, но ее нельзя считать частью филадельфийского хозяйства Аполлония.

Итак, в итоге нашего рассмотрения категорий работников, применявшихся в дореа Аполлония, можно высказать следующие соображения. Наиболее дешевой рабочей силой являются παῖδες (или παῖδάρια — когда этот термин употребляется не в возрастном смысле), применявшиеся в разных отраслях хозяйства как в качестве низшей администрации и деловых агентов, так и на простой физической работе. Примерно так же оплачивается работа μισθοῖοι или μισθῶτες, но они, по-видимому, сравнительно мало применяются в хозяйстве дореа. Относительно высокая оплата квалифицированных ремесленников окупается стоимостью произведенных ими товаров. Наиболее дорогостоящей рабочей силой, учитывающая малую экономическую эффективность их труда, являются эргатаи, поденщики. Этот последний вывод подрывает, как мне кажется, положение В. В. Струве о широком применении

в Египте труда эргатай — временных рабов. Высокая оплата поденщиков говорит, во-первых, о том, что потребность в них превышала предложение — значит, их было не так уж много, и, во-вторых, о том, что они зарабатывали в среднем значительно больше, чем стоил прожиточный минимум сравнительно привилегированных *παῖδες* Аполлония; следовательно, приравнивать их к рабам в отношении степени эксплуатации едва ли есть основания.

Соотношение стоимости разных категорий рабочей силы в дореа Аполлония позволяет сделать вывод, что для экономики птолемеевского Египта характерен низкий уровень товарных отношений в области производства: наемный труд оказывается невыгодным по сравнению с трудом, основанным на принуждении, т. е. трудом *παῖδες* (и, возможно, *μισθοί*).

Эти наблюдения относятся лишь к одной форме эксплуатации земель — непосредственной организации производства силами работников дореа (постоянных и временных). Но, как уже указывалось, это была не единственная и, пожалуй, даже не главная форма. Преобладающая часть земель раздавалась в аренду крупным и мелким держателям, и это, очевидно, было наиболее выгодным методом эксплуатации. При минимальных затратах на основе только одного права собственности (или владения?) на сдаваемую в аренду землю Аполлоний при посредстве Зенона получал большие доходы. Так, по материалу р. Col. Zen., 54 в 256 г. Зенон сдал в аренду трем грекам 100 аруп (27, 56 га) пахотной земли из владений Аполлония на условии выплаты ренты по $7\frac{1}{8}$ артабы пшеницы с аруры, в денежном выражении это составляет 8 $\frac{1}{2}$ драхмы (из расчета по 1 драхме 2 обола за 1 артабу пшеницы). Зенон, кроме того, предоставил арендаторам семенную и денежную ссуды, которые они должны были возвратить помимо выплаты ренты. Однако в данном случае или арендная плата была слишком завышена по сравнению с реальным урожаем этого года, или арендаторы не смогли обеспечить обработку всей арендованной земли, но результаты оказались неблагоприятными для Зенона: ему было выплачено зерна лишь немногим больше, чем он предоставил в качестве семенной ссуды, и по прошествии нескольких лет, не получив долга, он вынужден был предъявить иск. Независимо от итогов рассматриваемого арендного договора он дает некоторое представление о масштабах доходности земель, сдаваемых в аренду³⁵. К сожалению, эти данные нельзя сопоставить с цифрами, приведенными в годовом отчете Зенона (Р. Col. Zen., 75), так как неизвестно, с какой площади *καταπεφουμέννης γῆς* исчислен в нем доход; можно лишь

предположить, исходя из словоупотребления, что имеются в виду земли, занятые под сады и виноградники.

Наряду со сдачей земли в аренду отдельным лицам в хозяйстве Аполлония практиковалась также сдача в аренду больших участков земель коллективам мелких арендаторов, жителей соседних ком (SB, 7986; PSI, 502). В этом случае получение арендной платы было, так сказать, более «гарантировано» возможностью применения мер административного контроля и взыскания, как об этом достаточно наглядно свидетельствует письмо Панакестора Аполлонии и Зенону от 257/6 г. (PSI, 502), сообщающее об анахоресисе земледельцев-арендаторов из-за неприемлемой для них оценки урожая, установленной по указанию Аполлония. Здесь речь идет об иной категории эксплуатируемого населения — *χωροῦοι βασιλικοί*, рассмотрение которой выходит за рамки нашего исследования. Хочется лишь отметить тот факт, что и вторая форма эксплуатации земель дореа — аренда — тоже строится на сочетании товарных отношений и принуждения.

И в заключение несколько слов об историческом месте такого типа хозяйства, как дореа Аполлония. Мы не найдем ему аналогий ни в Греции V—III вв. до н. э., ни в Риме этого времени. В Греции, насколько можно судить по трактатам, касающимся ведения частного хозяйства, такого масштаба усадьбы, как дореа Аполлония, не встречались. Хозяйство Исхомаха в «Экономике» Ксенофонта состоит из городского дома и нескольких усадеб, находящихся на расстоянии немногих, вероятно одного-двух, часов ходьбы от города (Хен., Оес, XI, 15; XX, 26). Для управления хозяйством ему достаточно иметь ключницу (*ἡ ταῖα*) в городском доме и одного управляющего (*ἐπίτροπος*) в каждой усадьбе из числа специально обученных рабов (XII, 3). Управляющему подчинены люди, непосредственно занятые на сельскохозяйственных работах (XIII, 3), по-видимому, преимущественно рабы, так как основное внимание в соответствующих главах «Экономики» сосредоточено на вопросе, как обеспечить добросовестную и прилежную работу рабов.

Вероятно, о хозяйствах такого же характера идет речь и в Псевдо-Аристотелевой «Экономике», так как в ней настойчиво подчеркиваются скромные размеры частного хозяйства и его рабовладельческая основа. «Из имущества главное и самое необходимое — это то, что лучше всего и пригоднее всего в хозяйстве — человек, — пишет автор первой книги. — Поэтому прежде всего от рабов нужно добиваться усердия. Рабы бывают двух видов — управляющие и работники»³⁶.

Частное хозяйство, по мнению автора второй книги (II, 1346a, 12—14), имеет три вида доходов: от земли, от промыслов и от де-

³⁵ По подсчетам Шнебеля средняя норма арендной платы равнялась 6 артабам с аруры (M. Schnebel. Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten. München, 1925, S. 150). См. также: О.О. Крюгер, Указ. соч., стр. 74.

³⁶ P s. - Aristot., Оес, I, 1344a, 23—26. Перевод Г. А. Тароняна. — ВДИ, 1969, № 3.

нежных операций, но наиболее прочным является доход от земли. Лаконский и персидский способы ведения хозяйства предполагают длительное хранение и постепенное расходование всех необходимых продуктов, произведенных в хозяйстве, тогда как аттический (особенно пригодный для мелких хозяйств) состоит в том, что все продают, а затем покупают по мере надобности (I, 1344b, 31 sq.).

Метод прямой эксплуатации земли с помощью рабского труда, вероятно, был наиболее типичным для греческой экономики, но ей были известны также и другие формы ведения хозяйства: сдача в аренду индивидуальным арендаторам, применение наемного труда. Однако масштабы греческих частных хозяйств едва ли могут идти в сравнение с дореа Аполлония, и эти количественные различия оказались столь значительными, что вызвали качественные изменения в организации и структуре хозяйства Аполлония.

В Риме IV—начала III в. до н. э. господствующей формой было, по-видимому, мелкое частное хозяйство, основанное на применении труда рабов совместно с трудом свободных членов семьи землевладельца. Едва ли для этого времени можно говорить о появлении латифундий и даже вилл типа катоновской³⁷.

Следовательно, в греко-римском мире дореа Аполлония не имеет аналогий и может рассматриваться как новая форма организации частного хозяйства. Существовал ли такой тип хозяйства в Египте в доэллинистический период, установить при современном состоянии источников и изучения Египта времени ливийско-саисской и персидской династий не представляется возможным. Можно лишь отметить одну особенность в организации хозяйства Аполлония, которая едва ли могла иметь место в предшествующую эпоху, — внедрение элементов товарных отношений. Эта особенность находила свое выражение в сочетании аренды — и традиционных форм эксплуатации полувладельцев держателей царской (а в данном случае дарственной) земли, наемного труда — и принудительной вербовки этих наемных рабочих. Специфика исторической обстановки могла породить и такую особенность организации хозяйства дореа, как создание из достаточно обученных рабов административного персонала, подчиненного главному управляющему всем имением из числа доверенных Аполлония лиц гражданского статуса. Эти рабы-«агенты» распоряжались наемными и договорными работниками из местного (туземного и, возможно, эллинского) населения и занимали привилегированное положение в рамках дореа. На их авторитет нередко ссылаются арендаторы и жители соседних деревень (PCZ, 59600, 59491), им предоставляется отдельное жилище (PCZ, 59620, 59621), они могли иметь семьи и даже жен не рабского статуса.

³⁷ См. В. И. Кузищин. Земледелие и землевладение в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1966, стр. 21.

Эти особенности организации хозяйства Аполлония, столь необычные на фоне греко-римского мира той эпохи, в какой-то мере перекликаются с методами ведения и управления хозяйством в Римской империи I—II вв. Так, в хозяйстве Плиния Младшего мы находим и рабскую поместную администрацию³⁸, положение которой имеет сходные черты с положением *παῖδες* Аполлония, и сочетание методов прямой эксплуатации земель со сдачей ее в аренду полувладельцам колонам³⁹. Конечно, нельзя говорить об однородности этих двух типов хозяйства, но, несомненно, они имели некоторые сходные или даже идентичные структурные элементы, обусловленные общими закономерностями развития птолемеевского и римского обществ.

Глава III

РОЛЬ РАБСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЕГИПТА

Архив Зенона очень ярко и разносторонне характеризует деятельность Зенона и его агентов и жизнь Филадельфии — одного из крупных новых поселений греков в Фаюме в середине III в. до н. э. Наша информация о других районах Египта в III в. и в последующие века правления династии Птолемеев, к сожалению, не так полна и многообразна, и это в какой-то мере определяет более скудный и случайный характер документов, относящихся к рабству.

Помимо архива Зенона в папирусах почти не сохранилось прямых указаний на использование рабов в сельском хозяйстве. В обширной переписке «архитекторов» Клеона и Феодора, ведавших ирригационными работами в Фаюме в 50—40-х годах III в., неоднократно упоминаются большие партии *ᾠδοῦντες*, занятых на ремонте и строительстве оросительных сооружений (см., например, р. Petrie, II, 13 (5), (15); III, 40, а, b; 43 (2) и др.), но нет каких-либо оснований видеть в них рабов. По-видимому, в большинстве случаев это артели египтян из местных жителей или присланные из соседних районов, работающие в принудительном или,

³⁸ Следует, однако, отметить, что рабская поместная администрация в римских виллах сложилась как аппарат надзора за рабами. См. В. И. Кузищин. Внеэкономическое принуждение и создание поместной администрации в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. — «Вестник МГУ», 1965, № 5, стр. 74; он же. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966, стр. 258—269.

³⁹ См. В. И. Кузищин. Хозяйство Плиния Младшего (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в. н. э.). — ВДИ, 1962, № 2, стр. 27—55.

возможно, повинностном порядке в течение нескольких месяцев. В зависимости от условий работы устанавливается определенная норма выработки на каждого человека и оплата (например, в р. Petrie, III, 40, а, в выработка колеблется от $1\frac{1}{4}$ до $2\frac{3}{4}$ аойлий на человека, оплата по 1 оболу). Подтверждение этому находим в р. Petrie, III, 43 (2), где рабочие сначала обозначены как $\epsilon\rho\gamma\alpha\tau\alpha$, а затем указывается количество $\sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$ и сколько выработал каждый $\epsilon\rho\omega\sigma\tau\epsilon\sigma\epsilon\upsilon\sigma\iota\tau\alpha\ \tau\omega\ \sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$. В своем письме Клеону Панакестор, управлявший дарственными землями Аполлония в 258 г., напоминает об обещании Клеона прислать $\pi\lambda\acute{\iota}\rho\omega\mu\alpha$ — флотскую команду — для ремонта каналов в дореа Аполлония. Из кого состояла эта команда, установить трудно. Можно предположить, что на ирригационных работах использовались также $\delta\epsilon\omega\iota\omega\tau\alpha\varsigma$, присланные диоикетом в распоряжение местных властей <см. р. Petrie, II, 13 (3) = 111, 42, с>¹.

Еще меньше сведений о характере рабочей силы, применяемой в сельском хозяйстве, мы имеем из других районов Египта. Видимо, о завершении ирригационных работ какими-то $\sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$ говорится в письме на имя эконома, датированном 242/1 г. до н. э. (UPZ, 157 из Фиваиды). По аналогии с папирусами Петри можно предполагать работы литургического характера. Не поддается определению характер труда $\sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$, встречающихся в очень фрагментированном отрывке деловой переписки III в. до н. э. из Фиваиды, где упоминаются виноградники ($\tau\acute{\alpha}\ \chi\tau\eta\mu\alpha\tau\alpha$) и период орошения (BGU, 1003). BGU, 1507 содержит счет оплаты эргатай и упряжек скота за работу во время молотбы. О. О. Крюгер, анализирувавший этот документ в своей работе о сельском хозяйстве в эллинистическом Египте, склонен видеть в них рабов на том основании, что деньги на оплату этих эргатай получил некий Гор^{1а}. Но в документах архива Зенона такая ситуация, когда деньги для оплаты эргатай получал кто-то или из агентов Зенона или из представителей эргатай, довольно обычна (см. выше стр. 276). Вероятно, с сельскохозяйственными работами связан и счет из какого-то местечка в Среднем Египте (р. Hibeh, 110), датированный приблизительно 270 г. Здесь $\sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$ получают от 1 до $2\frac{1}{2}$ обол в день и, вероятно, являются или поденными, или помесечными рабочими.

Среди документов II в. до н. э. сохранился большой счет от 181/80 г., связанный с сельскохозяйственными работами в Фаюме (?) (р. Mich. III, 200). Характер работ неясен, указывается лишь количество рабочих, занятых ежедневно в течение первой и по-

следней декад фаофи и атюра. В большинстве случаев названы две категории рабочих: $\epsilon\rho\gamma\alpha\tau\alpha$ и $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$, причем, как правило, эргатай больше, чем $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$, лишь в трех случаях их число одинаково. Наибольшее количество одновременно работающих $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$ — 18 человек, число эргатай колеблется от 2 до 37 человек. Судя по сезону года, работы были связаны или с обработкой земли под посев, или с прополкой. Об оплате труда в этом документе ничего не говорится. Под $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$ здесь можно подразумевать рабов: помимо термина на это указывает и сравнительно большое (17—18 человек) количество $\pi\alpha\acute{\iota}\delta\epsilon\varsigma$, работавших вместе с эргатай 3 и 4 атюра. К этому же времени относится счет из Тептюниса на расходы, связанные с сельским хозяйством, где упоминаются эргатай и $\sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$, но обозначает ли термин $\sigma\delta\mu\alpha\tau\alpha$ тех же самых эргатай или под этим словом подразумеваются рабы, с определенностью установить нельзя (р. Tebt., 886).

Среди более поздних документов косвенным указанием на применение рабского труда в земледелии является клаузула демотических арендных договоров, предусматривающая обязанность арендатора «заполнять» или обрабатывать пашню своим инвентарем, своим скотом, своими «людьми». Других более или менее определенных данных о рабском труде в сельском хозяйстве обнаружить пока не удалось. Вероятно, в значительной мере это объясняется случайностью дошедшей до нас информации (не встречаются, например, документы, относящиеся к крупным земельным владениям типа дореа Аполлония). Но в какой-то мере эта скудость источников отражает характер социально-экономической обстановки в Египте начиная с середины II в. до н. э. и до римского завоевания.

Еще более скудны сведения о роли рабского труда в ремесленном производстве. В хозяйстве Аполлония в Филадельфии, как уже говорилось, по-видимому, не было специальных ремесленных мастерских, хотя рабы-ремесленники упоминаются. Более определенные сведения сохранились о ремесленных мастерских, принадлежавших Аполлонию в Мемфисе. Зенон ведет активную переписку с Артемидором, ведавшим мастерской по изготовлению ковров, и Аддаiom, ведавшим шерстоткацкой мастерской. В той и другой мастерской работали $\pi\alpha\iota\delta\iota\omega\mu\alpha$ (PCZ, 59142, 59191) и мужчины-ткачи (PSI, 854; PCZ, 59484), положение которых терминологически нигде не определяется. Относительно $\pi\alpha\iota\delta\iota\omega\mu\alpha$ известно лишь, что они получали опсонион (о задержке в выплате которого неоднократно идет речь) и элайометрию (PSI, 59854). Артемидор просит Зенона прислать ему и $\pi\alpha\iota\delta\iota\omega\mu\alpha$ на праздник

¹ О характере рабочей силы на ирригационных работах и в каменоломнях см. К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, стр. 68—76.

^{1а} О. О. Крюгер. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. — ИГАИМК, вып. 108, 1935, стр. 88.

² См. В. В. Струве. Значение некоторых демотических папирусов ГМИИ им. А. С. Пушкина для истории и культуры птолемеяского Египта. — «Доклады советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме». М., 1963; он же. Общественный строй эллинистического Египта. — ВП, 1962, № 2, стр. 67—95.

Исиды топливо и свинью для жертвоприношений (PCZ, 59191). Какая-то **παίδισκη** просит выдать ей или опсонион или шерсть вместо опсониона (PSI, 605). Другая **παίδισκη**, работавшая не в мастерской, заверяет Зенона, что она не хочет убежать (**ἀναχωρήσαι**) от Зенона, подобно другим **παίδισκαι**, которые, если их обидят, убегают (PSI, 667).

Всего этого недостаточно, чтобы определить статус **παίδισκαι**. Свидетельством прямым, но тоже недостаточным в пользу их рабского состояния может служить самый термин **παίδισκη**, который постоянно употребляется в документах о продаже, залоге и побегах рабынь. Косвенное доказательство можно почерпнуть из документов, характеризующих положение работавших вместе с пайдисками мужчин. Так, Иолла, работавший под начальством Аддаи, жалуется Зенону, что по приказанию Аддаи он был так высечен, что с него сползает кожа (причем экзекуцию выполняли какие-то египтяне) и что он хотел бежать к Зенону, но Зенодор его не отпустил (PCZ, 59080). В письме Зенону от ткача ковров Паита (PCZ, 59484) этот последний сообщает о преступлении подчиненного ему ткача Нехтембеса, который изготовлял недоброкачественные одеяла, обманывал при взвешивании их, подбивал других ткачей к неповиновению и собирался бежать. За все это Паит отвел его в **δεσμοτήριον** и советует Зенону, рассмотрев дело, отрубить преступнику руки. Судя по этому письму, и расследование и наказание преступника целиком находится в руках частных лиц: в первом случае Аддаи, во втором — Зенона, причем наказание носит очень суровый характер, едва ли применимый к свободному человеку за такие же проступки. Это позволяет сделать вывод, что статус ткачей был если не полностью рабский, то, во всяком случае, очень близкий к нему. Едва ли положение работавших вместе с ними **παίδισκαι** было лучшим.

Таким образом, в споре Ростовцева и Уэстермана о характере труда в шерстоткацких мастерских Аполлония ближе к истине стоит, как кажется, М. И. Ростовцев, хотя его концепция широкого развития рабских эргастериев в годы правления первых трех Птолемеев не находит подтверждения в других документах, помимо архива Зенона.

В документах из дореа Аполлония в Филадельфии неоднократно упоминаются каменщики, работавшие на строительстве моста. Это свободные ремесленники, получавшие высокую оплату и обслуживаемые подсобными рабочими из числа эргатай или **παιδάρια**. В папирусах Петри, относящихся к тому же времени, сохранились более детальные сведения об этой категории ремесленников. В ведение «архитектора» Клеона входили не только строительство каналов, плотин и шлюзов, но и добыча камня, необходимого для ирригационных работ. Поэтому в его распоряжении было несколько артелей каменщиков, работавших в разных местах. По письмам каменщиков к Клеону с разного рода жалобами и пре-

тензиями можно установить, что среди них были разные категории рабочих. Одни называют себя **ἐλεοθέροι λατόμοι**, ссылаются на какие-то договорные обязательства со стороны дийкетета Аполлония и грозят, что в случае их невыполнения рабочие отдадут в залог железный инструмент (р. Petrie, II, 13 (1)). Очевидно, это свободные квалифицированные ремесленники, нанятые на определенных условиях. Другая артель каменщиков, работающая в Пастонте, по-видимому, на вырубке (т. е. добыче) камня, жалуется, что они не имеют **σώματα** для расчистки песка и вынуждены бездействовать, а им хочется поскорее закончить работу и уйти [р. Petrie, II, 4 (9)]. В этом случае, очевидно, каменщики выполняют повинность и, возможно, даже не являются профессионалами. Под **σώματα** в их письме подразумеваются подсобные рабочие. Может быть, на такие работы направлялись рабы или осужденные, но самый термин в этом письме еще не дает основания утверждать это с полной определенностью.

Папирусы Petrie, II, 4 (1) и (2) указывают, как кажется, на третью категорию каменщиков, находившихся в ведении Клеона. Первый документ представляет собой жалобу десятников каменщиков (**οἱ δεκατάρχαι τῶν λατόμων**) на надсмотрщика работ (**ἐργοδιωκτής**) Аполлония, поставившего их на твердый камень, не предоставив при этом достаточного количества железного инструмента. Во втором папирусе Аполлоний сообщает Клеону о достигнутой договоренности с десятниками относительно количества железных клиньев, которые будут выданы каждому десятнику и его **παιδάρια**, и далее идет перечисление десятников **σὺν παιδάρίοις** с указанием общего количества людей и полагающихся им клиньев (примерно 1 клин на 5 человек). Едва ли здесь термин **παιδάρια** употребляется в возрастном смысле, так как работа по обтесыванию и укладке камня³ слишком тяжела для широкого применения детского труда. Характерны и некоторые другие детали этих документов: Клеон и надсмотрщик Аполлоний имеют дело не со всеми каменщиками (как в других случаях), а лишь с десятниками. Вопрос о количестве железных клиньев, которые можно выдать десятникам, по-видимому, имеет особое значение, так как в решении его принимает участие гиподийкет Диотим⁴. По тону письма совершенно очевидно, что эти каменщики находятся в более приниженном положении, чем упомянутые выше категории каменщиков. Все это дает основание предполагать, что термин **παιδάρια** отражает в этом случае социальное положение каменщиков и обозначает партию рабов, военнопленных или осужденных, работающих под присмотром десятников.

³ О характере работы в **ἐκβατήρια** (т. е. на пристани), где трудились эти каменщики, можно судить лишь предположительно.

⁴ Об идентификации упомянутого в письме Аполлония Диотима и гиподийкетета Диотима см.: M. Rostovtzeff. A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C. Madison, 1922, p. 147.

Широкие масштабы ирригационных работ в Фаюме обусловили применение разных форм труда каменщиков. Из других районов Египта есть сведения лишь о каменщиках Кинопольского нома. В р. Hibeh, 71 (245/4 г.) Антиох — вероятно, какое-то официальное лицо — пишет Дориону, ссылаясь на Айсидема, об анахоресисе каменщиков из каменоломни в Кефалайе (περί των ἀναχωρηκότων σωμαίων ἐκ τῆς ἐν Κεφαλαίᾳ λατομίας) и просит разыскать и прислать их под стражей. Были ли эти **σώματα** свободными лицами, отбывающими повинность, или принадлежали к какой-то категории несвободных — очевидно, что в обоих случаях труд их носил принудительный характер в такой мере, что заставлял прибегнуть к одной из наиболее распространенных в Египте форм протеста.

Среди папирусов II и I вв. до н. э. не сохранилось более или менее значительных документов, свидетельствующих о массовом применении рабского труда в ремесленном производстве. В счете на строительные работы (BGU, 1290) указывается оплата за подсобные работы παιδάρια, помогавшим каменщикам и домостроителям: παιδάρια подносили глину, таскали корзины; их оплата в полтора-два раза меньше оплаты эргатай, месивших глину и катавших камни. Возможно, принимая во внимание разную степень трудности выполняемой работы, в этом случае идет речь о подростках, а не о рабах. Встречаются отдельные упоминания о рабах-ремесленниках определенной квалификации: валяльщике шерсти (р. Tebt., 890), ткачехе (р. Osl., 40), гончаре (SB, 6319), банщиках (р. Tebt., 798). Скудость данных о рабах-ремесленниках в значительной степени следует отнести за счет случайного характера дошедших до нас папирусов, относящихся преимущественно к небольшим поселениям, где едва ли существовали условия для более или менее массового ремесленного производства, рассчитанного на рынок. Рабы-ремесленники, обслуживающие хозяйство своего господина, могут скрываться за общим названием слуг — παιδες, παιδίσκαι, οἰκέται.

О рабах-слугах без определенной специализации в папирусах говорится сравнительно часто. Рабы выполняют отдельные поручения своих господ: они переносят или перевозят письма (р. Hibeh, 47; PCZ, 59030) и деньги, их посылают к знакомым, чтобы привезти ту или иную вещь (PCZ, 59148, 59273; р. Col. Zen., 91), они сопровождают своих господ в баню (р. Tebt., 798), в поездке (PCZ, 59044) и т. д.

В папирусах III и II вв. сохранились счета, подобные зеноновским, на выдачу παιδες или παιδάρια ситометрии или опсониона. Так, в р. Hibeh, 121 (250 г.) учитывается выдача масла παιδίοις и эргатай, в р. Tebt., 701 привратник и погонщик осла получают ситометрию на атиор: первый — 1% артабы пшеницы, второй — $3\frac{1}{4}$ артабы олюры. На восковых табличках из Птолемеис Хорму (SB, 7451) учитывается выдача хлеба, пива и мо-

лока (в денежном выражении) παιδάρια и παιδες. В р. Tebt., 116 указывается сумма денег, выданная на одежду для παιδία, в р. Tebt., 885 и р. land., 146 также речь идет о каких-то денежных выдачах παιδάρια.

Завещания и некоторые другие документы III в. дают представление о количестве рабов у клерухов, принадлежащих в основном к среднему слою египетского общества. Дошедшие до нас завещания с упоминанием рабов в большинстве своем относятся к 238—235 гг. до н. э. и происходят из Фаюма. Рабы обозначаются или термином παῖς и παιδίσκη или οἱ ὑπάρχοντα μοι σκῆπτα с указанием их пола. В некоторых завещаниях оговаривается предоставление рабам свободы после смерти завещателя (р. Petrie, I, 14 и 15; III, 8 и II).

Количество рабов у завещателей невелико: так, ликиец Пейсий, сравнительно зажиточный человек, завещает дом в Александрии, двух рабов и рабыню с ее дочерью сыну Писикрату, а еще одну рабыню и дом в коме Бубастос в Фаюме — жене Аксиотее, дочери Гиппия-ликийца (р. Petrie, I, 12). Менипп, сын Дейниаса, завещает Семеле шесть παιδία (р. Petrie, I, 16); не менее четырех рабов (двух женщин и сколько-то σκῆπτα ἀρσενικά) завещает жене и дочери от первого брака Филон, сын Гераклида (р. Petrie, III, 7). В завещании Диона из Гераклеи отпускается на свободу παιδίσκη Меланида вместе с ее сыном, отцом которого, по-видимому, является сам Дион (р. Petrie, I, 25). По одному рабу упоминается в завещаниях Деметрия, сына Дейона (р. Petrie, I, 14) и Афродисия из Гераклеи (р. Petrie, III, 19, с), два или больше — в завещании Аммония (р. Petrie, III, 11).

Завещания интересно сопоставить с другими документами, сообщающими данные о количестве рабов. В налоговой декларации Лептина-писидийца, сохранившейся в папирусах из Гхорана в Фаюме (р. Lille, 27, время Эвергета или Филадельфа), названы 7 членов семьи и 16 παιδες. Лептин принадлежал к привилегированной части клерухов — димойритах. В надписи из Гермополя Магна на могиле Петосириаса (SB, 6306) перечислены поименно 7 παιδες Мифрона, пришедшие в храм. Надпись датируется III в. до н. э. В петиции или меморандуме неизвестного лица из Кинопольского нома (р. Hibeh, 203, 240—230 гг. до н. э.) говорится о проданных им двух рабах и еще об одном принадлежавшем ему рабе, незаконно отведенном в тюрьму.

Таким образом, все сохранившиеся от III в. до н. э. сведения о количестве рабов в одной семье (не касаясь хозяйства дионикета Аполлония) не превышают двух десятков человек; если эти цифры сопоставить с числом свободных в тех семьях, которым принадлежат рабы, то получается не более двух рабов на каждого свободного. При этом нельзя забывать, что речь идет о среднем слое египетского общества, сравнительно зажиточном и привилегированном (и, вероятно, не очень многочисленном).

Документы II в. до н. э. дают примерно ту же картину. В упоминавшемся уже счете на сельскохозяйственные работы (р. Mich. III, 200) наибольшее количество единовременно работавших $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$ не превышало 18 человек. Дритон, сын Панфила, из Патириса в Фиваиде, завещает четырех $\sigma\beta\epsilon\tau\chi\acute{\alpha}$ $\sigma\phi\iota\sigma\tau\alpha$, из них двух (рабыню и ее сына) он завещает сыну от первой жены, а двух других рабынь — пяти дочерям от второго брака (р. Grenf., I, 21). По брачному контракту Олимпиадоры, дочери Дионисия, с Антеем-афинянином приданое невесты состоит из 95 медных талантов и рабыни ($\pi\alpha\iota\delta\iota\sigma\chi\eta$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\alpha$) с сыном (р. Giess., 2, Фаюм). В заявлении стратиота Гераклида на имя стратега Гераклеопольского нома указывается, что в результате раздела военной добычи, захваченной во время какой-то внутренней войны в селении Тебетной, он получило согласия товарищей четырех пленных (р. Hamb., I, 91). В письме Менона брату Гермократу (р. Grenf., I, 43, из Фиваиды) автор письма приветствует жену и дочь Гермократа и их $\pi\alpha\iota\delta\iota\sigma\chi\eta$ и ее дочь.

Вероятно, владельцы рабов, упоминающиеся в этих документах, также принадлежат к средним слоям египетского общества. Из завещания Дритона, например, следует, что он занимал должность гиппарха, владел несколькими участками земли (размер которых, однако, неизвестен), в том числе виноградником. Следует заметить, что если документы III в., дающие представление о количестве рабов, в основном происходят из Фаюма и прилежащих к нему районов Среднего Египта, то для II в. мы имеем документы и из Фиваиды. Число рабов в одной семье согласно папирусам II в., пожалуй, еще более скромно, чем в III в., характерно также преобладание рабынь с детьми, а следовательно, применение их в основном в домашнем хозяйстве.

Рабы иногда насильственно захватывались во внешних или внутренних войнах (см., например, р. Hamb., I, 91), но чаще они приобретались путем покупки. Правительство Птолемеев и полисы, как показано в I главе, регламентировали порядок оформления купли-продажи рабов и извлекали немалые доходы от обложения этих сделок. В папирусах сохранился ряд свидетельств о покупке и продаже рабов. По данным архива Зенона, диойкет Аполлоний и сам Зенон приобретали рабов главным образом в Сирии (PCZ, 59003, 59010; PSI, 406; SB, 6772). Судя по завещаниям, у клерухов также были рабы сирийцы (р. Petrie, I, 12). О продаже рабов говорится в р. Hibeh, 203 (Кинопольский ном, 240—230 гг.), PSI, 1402 (Гераклеополь Магна, II в. до н. э.), SB, 5164 (без даты), в р. Mich. II, 121 verso (42 г. до н. э.). В последнем документе регистрируются сделки на продажу $\pi\alpha\iota\delta\iota\sigma\chi\eta$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\alpha$, $\pi\alpha\iota\delta\iota\omicron\nu$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\iota\acute{\alpha}$ ν , $\pi\alpha\iota\delta\iota\sigma\chi\eta$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\alpha$ $\sigma\beta\iota\sigma\tau\epsilon\nu\eta$, а также три соглашения относительно $\tau\rho\acute{\omicron}\phi\iota\sigma\varsigma$ $\delta\omicron\upsilon\lambda\iota\acute{\alpha}$. Для середины III в. Уэстерман сделал сводку продажных цен на рабов: по его данным средняя стоимость раба в это время равнялась

примерно 120 серебряным драхма⁵. Для более позднего времени данные о цене рабов не сохранились.

Не менее часто рабы служили объектом залога для получения займа или гарантии уплаты за полученный товар. Такого рода операции неоднократно совершали Зенон и его контрагенты: в одних случаях Зенон отдавал в залог рабов (PCZ, 59077 — $\pi\alpha\iota\delta\iota\sigma\chi\eta$ заложена в уплату за масло), в других он предоставлял денежный заем под залог рабов или рабынь (PCZ, 59355, 59356, 59606; PSI, 529; SB, 6772). От II в. также дошли документы о заеме денег под залог рабов: в р. Tebt., 970 раб заложен за 12 талантов, а в р. Hamb., I, 28 рабыня за 200 талантов (?). По-видимому, труд заложенных рабов засчитывался в счет погашения процентов с долга.

Как уже указывалось, рабы были одним из основных объектов наследства, их дарили (PCZ, 59076), давали в приданое (р. Giess., 2), право собственности на раба оспаривалось в суде (р. Merton, II, 59). Один раб мог принадлежать двум и более совладельцам (см., например, завещание Дритона, по которому две рабыни переходили во владение его пяти дочерей, — р. Grenf., I, 21).

Раб был имуществом, но едва ли по данным папирусов можно заключить, что раб в египетском обществе считался вещью. Даже в законодательных актах Птолемеев заметна тенденция рассматривать раба как низшую категорию подданных (см. выше, стр. 258 сл.). В общественных отношениях это выражалось в нечеткости грани между рабством и свободой, в дифференциации положения рабов, в определении одним и тем же понятием бегства раба и ухода с места жительства и работы местного населения, в одинаковом праве убежища в храмах для свободных и рабов.

Рассматривая данные о хозяйстве Аполлония, мы отмечали резкие различия в положении рабов-«агентов» и рядовых рабов, используемых на простой физической работе⁶. По отношению к первым, вероятно, применялись иные санкции, чем, например, к ткачу Иолле или рабу-ливийцу, для исправления которого хозяину советуют обычное средство — выпороть (PSI, 403). Но даже применение физических мер воздействия не ставило рабов в Египте в положение, резко отличное от положения свободного, так как телесным наказаниям подлежали и низшие слои свободных (см. выше, стр. 223). Регистрация рабов и описание примет также не были чем-то исключительно рабским: в Египте учитывались (и регистрировались) все налогоплатель-

⁵ W. L. Westermann. SSGRA, p. 36.

⁶ Такое расслоение рабов, вероятно, было характерно не только для хозяйства Аполлония, но и для всех знатных и богатых домов, так как общественный строй птолемеевского Египта, особенно в первые десятилетия его существования, порождал потребность у господствующей верхушки опираться в своей хозяйственной деятельности на людей, лично с ними связанных.

щики, а при денежных сделках в соответствующих документах описывались приметы контрагентов. Выдача рабам опсониона (а опсонион, как указывалось, получали и рабы-«агенты» и сирийцы) автоматически предполагает признание их права на владение каким-то минимальным имуществом, т. е. права на пекулий. Эти особенности в положении рабов в птолемеевском Египте становятся более заметными и объяснимыми, если сопоставить их с известиями о положении другой близкой к рабам категории несвободного населения — военнопленных.

В папирусах III в. до н. э. неоднократно появляется термин *αἰχμάλωτοι*. Это слово некоторые исследователи читают в простогме Птолемея II, предписывающей регистрацию *οἰκιστᾶ* (р. Hibeh, 29). *Αἰχμάλωτοι* дважды упоминаются в налоговых документах из Фаюма: в первом фрагменте говорится о возвращении в казну клера Алкета, который назван *ὁ τῶν ἀπὸ τῆς Ἀσίας αἰχμάλωτων*, во втором сохранились лишь слова *τῶν αἰχμάλωτων τοὺς ὑπολειπμένους*. В корреспонденции базиликограмматевса из Магдолы (р. Lille, 3) содержится распоряжение Орсенуфию отмерить *αἰχμάλωτοι* «ячменя (из урожая) четвертого года 192 артабы и (из урожая) . . . года 101 артабу, всего 293 артабы, аур 176 1/6». По-видимому, речь идет не о ситометрии, а о выдаче семян на посев. Эти документы дают основание предполагать разные методы использования военнопленных в Египте: не только обращение в рабов и распродажу или использование в рудниках и каменоломнях⁷, но и наделение их земель и превращение в зависимых земледельцев. Свидетельства об этом сохранились и у древних авторов: Диодор сообщает, что после победы над Деметрием Полиоркетом при Газе Птолемей I отправил захваченных в плен воинов в Египет и приказал распределить их по номархиям (*ἐπὶ τὰς νομαρχίας διέλεῖν* — Diod., XIX, 85, 4). У Псевдо-Аристия говорится о том, что Птолемей I расселил в хоре по крепостям (*ἐν τοῖς φρουρίοις*) 30 000 мужчин, отобранных из пленных иудеев (Ps.-Arist., Ad Philocr. epist., 12). Наделение земель военнопленных при отсутствии свободных земель (даже для поселения клерухов) возможно было только в случаях освоения новых территорий. С этим, вероятно, связано появление ком сирийцев (*Σύρων κόμη*) возле Филадельфии (PCZ, 59727) и Тебтуниса (р. Tebt., 701). Но, несмотря на исключительность такого рода мероприятий, принципиальная возможность их осуществления выходила за рамки представлений о греческой правовой практике в отношении военнопленных.

Из рабского состояния в Египте, как и всюду, человек мог выйти двумя путями: путем отпуска на свободу и путем бегства.

Сведения об отпуске на свободу и вольноотпущенниках в папирусах очень скудны. По существу из папирусов известна лишь одна форма отпуска на свободу — путем завешания, да и то соответствующие разделы в завешаниях очень фрагментированы и не дают сколько-нибудь полного представления об условиях предоставления свободы. В элефантинских папирусах сохранились два документа, гарантирующие свободу гетере Элафион в форме ложного выкупа (р. Eleph., 3 и 4). В Канопе найдена надпись вольноотпущенника Исидора Эпафродита (SB, 1603). О праве обслуживать вольноотпущенников храма Амона в Фивах спорят перед судом два парасхита⁹ (UPZ, 194 от 119 г. до н. э.). Декларация, подтверждающая свободное происхождение какого-то юноши, по-видимому вскормленника, сохранилась в тебтунисских папирусах II в. до н. э. (р. Tebt., 811). Этим и исчерпываются сведения об отпуске на волю. Очевидно, вольноотпущенничество не играло значительной роли в социальной жизни Египта.

Значительно больше сохранилось документов о бегстве рабов. Много убегает рабов у диойкета Аполлония: одни бегут сразу после покупки в Сирии (PCZ, 59804=PSI, 602=р. Col. Zen., 3; PCZ, 59015), другие позднее, в Египте (PSI, 329, 637), четверо убежало после отставки Аполлония. Зенону пишут его друзья и знакомые с жалобами на бегство рабов (PCZ, 59837, 59335). О беглых рабах упоминается и в документах II в. (UPZ, 69, 70, 121; р. Hamb., I, 91; р. Merton, II, 59). Государственные чиновники содействовали поимке беглых рабов, выставляя объявления с приметами беглеца, но розыск вел хозяин своими средствами (см., например, переписку Зенона по поводу бегства рабов, купленных в Марисе, — PCZ, 59015). Беглые рабы иногда прихватывали с собой ценные вещи, которые также указываются в объявлении как примета для опознания.

Бегство рабов обозначается обычно тем же термином, что и уход с работы замлельцев и ремесленников — *ἀναχώρησις*. Это иногда мешает определить, о ком идет речь — свободном или рабе. Бегут часто в храм (PCZ, 59621; р. Hamb., I, 91). В принципе, вероятно, раб мог укрыться в каждом храме, обладающем правом убежища¹⁰, но в некоторых надписях специально оговаривается право укрывать *τοὺς δούλους τοὺς καταφεύγοντες* (надпись из Эвгемерии — р. Fau., р. 47—50). Однако храм не был безусловно надежным убежищем для беглецов, так как жрецы имели право решать вопрос о выдаче его хозяину¹¹.

В источниках не сохранилось каких-либо сведений об участии рабов в народных движениях в Египте. Рассказывая о вос-

⁹ Парасхит — низший служитель храма, участвовавший в бальзамировании покойников.

¹⁰ Надписи о предоставлении убежища храму см. выше, стр. 253.

¹¹ R. Taubenschlag. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri 332 B. C. — 640 A. D. 2nd ed. Warszawa, 1955, p. 240.

⁷ См. также примечания к Enteuxeis, 54 и р. Tebt., 793.

⁸ См. К. К. Зельин. М. К. Трофимова. Формы зависимости. . ., стр. 59—60, 65—66.

станиях в Александрии или хоре, Полибий и Диодор употребляют термины *λαοί* и *πλήθος*¹². В сообщениях о дворцовых переворотах или заговорах рабы-слуги упоминаются как верные помощники своих господ (например, ойкеты Скопаса — Polyb., XVIII, 53, *πασιόσσι* Ойнанфы, матери Агофокла, — Polyb., XV, 29).

Подведем некоторые итоги рассмотренных нами сведений о рабстве в Египте. Папирусы дают весьма противоречивую картину социально-экономической значимости рабства в эллинистическом Египте. Как показано в I главе, среди юридических памятников птолемеевской эпохи законодательство о рабах занимает сравнительно большое место. Это заставляет предполагать важную роль рабовладельческих отношений в социальной структуре государства Птолемеев. Но в то же время в необъятном количестве деловых документов этого времени папирусы, касающиеся рабства, составляют очень скромную, можно даже сказать мизерную, долю. Из этого естественно вытекает вывод о том, что в экономической жизни страны рабство не имело существенного значения. Такое же двойственное представление складывается и при анализе содержания тех папирусов, где речь идет о рабах: данные о применении рабского труда в сельском хозяйстве и ремесле очень скудны и неопределенны, а вместе с тем ясно вырисовывается тот факт, что рабы являются неотъемлемой частью повседневной жизни и быта средних и высших слоев населения Египта.

Сообщения древних авторов также противоречивы: Псевдо-Аристей (*Ad Phiiocg. epist.*, 27) и Иосиф Флавий (*Ant.*, XIII, 12) называют неправдоподобно большую цифру уведенных в рабство иудеев во время войн первых Птолемеев. Тот же Псевдо-Аристей и Диодор (см. выше, стр. 304) говорят о поселении части плененных в качестве клеругов. Полибий, характеризую состав населения Александрии, делит его на три класса: египтян, наемных воинов и александрийцев-граждан, ни словом не упоминая о рабах (XXXIV, 14).

Конечно, нельзя не принимать во внимание случайность и неполноту дошедшей до нас информации, но прежде всего следует предполагать, что состояние наших источников в той или иной мере отражает реальную противоречивость рабовладельческих отношений в Египте.

Рассмотренные выше документы об использовании рабов в сельском хозяйстве тонут в огромном количестве сведений об эксплуатации местного сельского населения, получившего в законодательстве Птолемеев статус *γεωργοί βασιλικοί*, т. е. юридически свободных земледельцев, обязанных обрабатывать находящуюся в их владении царскую (=государственную) землю, нести соответствующие повинности и платить налоги. Так же

¹² Polyb., XV, 26-29; XXXIV, 14; Diod., XXXI, 15a.

и в области ремесленного производства: единичные документы о ремесленных мастерских с использованием труда рабов в хозяйстве Аполлония не идут ни в какое сравнение с материалом папирусов о царских монополиях на целые отрасли ремесла (например, маслоделие), основанных на эксплуатации *υποτέλεις*. Статус этой категории работников хотя и содержит элементы экономической и внеэкономической зависимости (отсутствие средств производства, прикрепление к месту работы, ограничения в передвижении и т. п.), но коренным образом отличается от рабского тем, что *υποτέλεις*, как *И γεωργοί βασιλικοί*¹³, лично свободны *И* не являются чьей-либо собственностью¹⁴. Таким образом, вполне закономерен вывод о преобладании в экономике Египта эксплуатации труда свободного населения, однако и в этой форме эксплуатации, как показали исследования, большую роль играло внеэкономическое принуждение¹⁵.

Анализ документов из архива Зенона позволяет сделать заключение, что использование наемного труда свободных людей — поденщиков (*ἐργάται*) и квалифицированных ремесленников (каменщиков, ткачей и т. п.) было значительно менее выгодно, чем применение труда рабов. Соотношение месячной оплаты труда ремесленника средней квалификации и содержание раба-«агента» приблизительно составляло 7 : 4. Но на приобретение и обучение раба была затрачена какая-то сумма, которая лишь постепенно погашалась в процессе его использования, иными словами, если при эксплуатации раба весь прибавочный продукт труда оставался в руках рабовладельца, то какая-то часть его шла в погашение цены раба (антиципированной и капитализированной прибавочной стоимости, по терминологии К. Маркса¹⁶). Поскольку по данным папирусов эксплуатация царских земледельцев и *υποτέλεις* преобладала над другими видами эксплуатации, т. е. была экономически более эффективной, то, очевидно, степень эксплуатации (т. е. отношение прибавочного труда к необходимому) этих категорий работников была выше, чем наемного труда, и, по-видимому, ниже рабского на величину, не превышающую той части прибавочного труда, которая шла на погашение цены раба. В этом соотношении степени эксплуатации труда рабов, наемных работников и труда царских земледельцев и *υποτέλεις*, возможно, и следует искать причину ограниченного использования рабского труда в основных отраслях производства. При одинаковой выгоды для хозяйства обоих видов труда использование труда зависимых земледельцев и ремесленников снимало с собственника

¹³ Подробнее о статусе *γεωργοί βασιλικοί* и *υποτέλεις* и формах их эксплуатации см. в кн.: К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости. . . , стр. 51—118.

¹⁴ См. А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, стр. 195—196; К. К. Зельин. ИИЗОЕ, стр. 106, 110—111, 305.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 373.

земли и ремесленных орудий заботу о воспроизводстве рабочей силы, так как в условиях Египта даже столь высокая степень эксплуатации позволяла работникам содержать семью. Поэтому широкое применение рабской силы в земледелии и ремесле, видимо, было бы возможно в Египте лишь при значительно более низких, чем существовавшие в эллинистическом мире, ценах на рабов. Но и в этом случае оно натолкнулось бы на традиционно сложившиеся формы экономических отношений, коренное изменение которых означало бы крушение всей социальной структуры египетского общества.

Однако сказанное отнюдь не означает, что использование рабов неизбежно ограничивалось сферой бытового обслуживания. Архив Зенона достаточно наглядно показывает, как просачивается рабский труд на разных стадиях производственного процесса в те виды хозяйственной деятельности, в которых он успешно мог конкурировать с трудом свободных: организацию и управление (рабы-«агенты», десятники или надсмотрщики), обслуживание (повара, кладовщики, привратники, конюхи и т. п.), охрану и связь (филакиты, посыльные), подсобные работы. Вероятно, аналогичное положение было и в менее крупных хозяйствах, где не возникала необходимость в ведении тщательной документации, позволяющей уловить следы использования рабов. Во всяком случае, встречающееся в договорах обязательство контрагентов обеспечить обработку арендованной земли, заполнив ее «своими людьми», позволяет предположить, что эта формула означает не только членов семьи арендатора или наемных работников¹⁶.

Социально-экономическое значение рабства не исчерпывалось применением рабского труда в основных и подсобных отраслях производства. В общественной жизни Египта оно играло большую роль, чем можно было бы ожидать, исходя только из данных о его месте в экономике. Повседневность упоминаний о *αἰῶνα*, *παῖς* и *παῖδες* в документах частнопроводного характера (завещаниях, брачных договорах, займах под залог имущества) и в деловой переписке говорит о том, что рабы были одним из основных видов богатства. В условиях птолемеевского Египта, где владение землей (особенное в III в. до н. э.) в значительной мере было обусловлено военной или гражданской службой, владение рабами как богатством, ничем не обусловленным, приобретало большую социальную значимость. Подтверждением этому наблюдению служат неоднократные декреты Птолемея о регистрации рабов и налогах на сделки, объектом которых служили рабы: государство стремилось и этот вид богатства подчинить интересам фиска.

¹⁶ В. В. Струве. Значение некоторых демотических папирусов ГМИИ. . . , стр. 25—27; ср. К. К. Зельин, ИИЗОЕ, стр. 84 сл.

Правовые документы позволяют проследить еще один аспект влияния рабства на социально-экономические отношения в Египте. Как уже отмечалось, законодательная активность Птолемея была порождена столкновением греко-македонских и египетских правовых норм и сама по себе не является безусловным доказательством возросшей роли рабства в социальной структуре Египта. Только в сочетании с другими документами царские декреты помогают проследить, в какой мере античные формы рабства привились в эллинистическом Египте. Вместе с тем юридические памятники неопровержимо засвидетельствовали характернейшую черту эллинистического общества — отсутствие резкой грани между свободным состоянием и рабством. Законы Птолемея санкционировали превращение свободного человека в раба за долги казне или частному кредитору, т. е. в результате экономической несостоятельности. Но до нас не дошло каких-либо сведений о законах, регулирующих отпуск на свободу, к тому же и частнопроводные документы о вольноотпущенниках крайне скудны. Это дает основание предположить, что основное развитие социально-экономических отношений шло по пути закабаления свободных, а не по пути перехода рабства в другие формы зависимости.

И, однако, если посмотреть папирусы в хронологическом разрезе, то число документов, содержащих прямые сведения о рабах, а также историческая важность этих документов постепенно уменьшаются. Одновременно относительно возрастает количество упоминаний о гиеродулах, парамонэ¹⁷, появляется категория вскормленников. И общее уменьшение количества документов, и изменения в их содержании, несомненно, в известной мере отражают какие-то глубокие изменения в социальной структуре египетского общества. Хочется поставить вопрос, не происходило ли в птолемеевском Египте постепенное поглощение принесенных греками форм рабовладельческих отношений местными традиционными формами эксплуатации, лишь слегка видоизменившимися под влиянием общего социально-экономического сдвига, происшедшего в Средиземноморье после походов Александра Македонского? Думается, что на этот вопрос должны дать ответ документы о рабовладельческих отношениях в Египте в эпоху Римской империи.

¹⁷ *ἱερόδουλοι* — лица, зависящие от храмов, но статус которых нельзя приравнивать к рабскому. *Παραμονή* — договор, по которому нанимающийся на работу или вольноотпущенник брал на себя обязательства, сопряженные с личной зависимостью. Подробнее о гиеродулах и парамонэ см. в кн.:

К. К. Зельин, М. К. Трофимова. Формы зависимости..., стр.

и 100—102.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

ВДИ — Вестник древней истории
 «Вестник МГУ» — Вестник Московского государственного университета
 ВИ — Вопросы истории
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 КХ — Кодекс Хаммурапи—. «Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства». Перевод и комментарий под ред. И. М. Дьяконова (ВДИ, 1952, JV: 3—4)
 ХЗ — Хеттские законы — «Хрестоматия по истории древнего Востока». М., 1963
 AJA — American Journal of Archaeology
 AJPh — American Journal of Philology
 Ath. Mitt. — Mitteilungen des deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
 BCH — Bulletin de Correspondance Hellénique
 Börner. Freilassung — F. Börner. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom, Bd. II. Die sogenannte sakrale Freilassung. . . Wiesbaden, 1960
 «Class. Phil.» — Classical Philology
 «Class. Rev.» — Classical Review
 Еф. Арх. — Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική
 FHG — C. Müllerus. Fragmenta Historicorum Graecorum, I—V. Parisiis, 1841—1870
 «Hellenica» — L. Robert. Hellenica. Recueil d'epigraphie, de numismatique et d'antiquités grecques, t. I—XIII. Paris, 1940—1961
 JEA — Journal of Egyptian Archaeology
 JHS — Journal of Hellenic Studies
 JRS — Journal of Roman Studies
 JJP — Journal of Juristic Papyrology
 JRS — Journal of Roman Studies
 KP — J. Keil, A. Premerstein. Berichte über Reisen in Lydien. — «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», Phil.-hist. Klasse»
 Liddell—Scott — H. G. Liddell, R. Scott. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1961
 RA — Revue Archeologique

RE — A. F. Pauly—G. Wissowa—W. Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
 REG — Revue des Etudes Grecques
 M. Rostovtzeff. SEHWW — M. Rostovtzeff. The Social and Economic History of Hellenistic World, I—III. Oxford, 1941
 W. L. Westermann. SSGRA — W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955

Публикации папирисов

BGU — Aegyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden. Berlin, 1895
 C. Ord. Pt.—M. T. Lenger. Corpus des ordonnances des Ptoleemes. Bruxelles, 1964
 Dikaionmata — см. P. Hal.
 Enteuxeis — Ἐντεῦξεις. Requetes et plaintes adressees au roi d'Egypte au IIIe siecle avant J.-C. Ed. O. Gueraud, v. 1—2. Le Caire, 1931, 1933
 P. Amh. — B. P. Grenfell, A. S. Hunt. The Amherst Papyri, p. II. Oxford, 1901
 P. Col. inv. 480 — W. L. Westermann. Upon Slavery in Ptolemaic Egypte. New York, 1929
 P. Col. Zen. — Zenon Papyri: Business Papers of the Third Century B. C. dealing with Palestin and Egypt, v. I. Ed. W. L. Westermann, E. S. Hasen-oehrl; v. II. Ed. C. W. Keyes, H. Liebesny. New York, 1934, 1940
 PCZ — C. C. Edgar. Zenon Papyri, v. I—V. «Catalogue general des Antiquites egyptiennes du Musee du Caire». Le Caire, 1925—1940
 P. Eleph. — O. Rubensohn. Elephantine Papyri. Berlin, 1907
 PER inv. 24552 — H. Liebesny. Ein Erlass des Königs Ptolemaios II. Philadelphos über die Deklaration von Vieh und Sklaven in Syrien und Phönikieu. — «Aegyptus», XVI, 1936
 P. Fay. — B. P. Grenfell, A. S. Hunt, D. G. Hogarth. Fayüm Towns and their Papyri. London, 1900
 P. Giess. — O. Eger, E. Kornemann, P. M. Meyer. Griechische Papyri im Museum des Oberhessischen Geschichtsvereins zu Glessen, I—III. Leipzig—Berlin, 1910—1912
 P. Grad. — Griechische Papyri der Sammlung Gradenwitz. Hrsg. von G. Plau-mann. Heidelberg, 1914
 P. Grenf. I — An Alexandrian Erotic Fragment and Other Greek Papyri Chiefly Ptolemaic. Ed. B. P. Grenfell. Oxford, 1896
 P. Grenf. II — New Classical Fragments and Other Greek and Latin Papyri. Ed. B. P. Grenfell, -A. S. Hunt. Oxford, 1897
 P. Hal. — Dikaionmata: Auszüge aus Alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen in einem Papyrus des philologischen Seminars der Universität Halle. Ed. Graeca Halensis. Berlin, 1913
 P. Hamb. I — Griechische Papyrusurkunden der Hamburger Staats-und

Universitätsbibliothek. Hrsg. P. M. Meyer, H. 1—2. Leipzig—Berlin, 1911, 1924

P. Hibeh — The Hibeh Papyri, p. 1. Ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt; p. II, Ed. Turner, M. T. Lenger. London, 1906, 1956.

P. Iand. — Papyri Iandanae. Ed. K. Kalbfleisch cum discipulis, fasc. I—VIII. Leipzig—Berlin, 1912—1938

P. Kroll — L. K o e η e n. Eine ptolemaische Königsurkunde (p. Kroll). — «Klassisch-Philolog. Studien», H. 19. Wiesbaden, 1957

P. Lille — P. J o u g u e t, P. C o l l a r t, J. L e s q u i e r, M. X o u a l. Papyrus grecs («Institut papyrologique de l'Université de Lille»), v. I—II. Paris, 1907—1928

P. Merton — A Descriptive Catalogue of the Greek Papyri in the Collection of W. Merton. Ed. H. I. Bell, C. H. Roberts, v. I—II. London, 1948, 1959

P. Mich. Zen. — Zenon Papyri in the University of Michigan Collection. Ed. C. C. Edgar. Ann Arbor, 1931

P. Mich. II — Papyri in the University of Michigan Collection, v. II. Papyri from Tebtunis, p. 1. Ed. A. E. R. Boak. Ann Arbor, 1933

P. Mich. III — v. III. Miscellaneous Papyri. Ed. J. G. Winter. Ann Arbor, 1936

P. Osl. — Papyri Osloenses. Ed. S. Eitrem, L. Amundsen, fasc. I—III. Oslo, 1925—1936

P. Petrie — The Flinders Petrie Papyri. Ed. J. P. Mahaffy, J. G. Smyly, v. I—III. Dublin, 1891—1905

P. Rend. Harr. — J. E. Powell. The Rendel Harris Papyri of Woodbrook College. Birmingham—Cambridge, 1936

PSI — Papiri greci e latini (Publicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto). Ed. G. Vitelli, M. Norsa и другие, v. IV—IX. Firenze, 1917—1929

P. Tebt. — The Tebtunis Papyri. Ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. G. Smyly и другие, v. I—III. London, 1907—1938

P. Wise. — W. L. Westermann. A New Zenon Papyrus of the University of Wisconsin. — JEA, IX, 1923=SB, 6797

RL — Revenue Laws of Ptolemy Philadelphus. Ed. B. P. Grenfell. Oxford, 1896

SB — Sammelbuch griechischer Urkunden aus Aegypten, begonnen im Auftrag der Strassburger wissenschaftlichen Gesellschaft von F. Preisigke und F. Bilabel, fortgeführt von E. Kiessling. Strassburg—Berlin—Wiesbaden, 1915 слл.

UPZ — U. W i l c k e n. Urkunden der Ptolemäerzeit, B. I, T. 1—4. Leipzig—Berlin, 1922—1927

IGRR — G. C a g η a t. Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes, IV. Paris, 1927

IPr. — F. H i l l e r v o n G a e r t r i n g e n. Die Inschriften von Priene. Berlin, 1906

LBW — Ph. L e B a s, W. H. W a d d i n g t o n. Voyage archeologique en Grece et en Asie Mineure, t. III. Paris, 1870

OGIS — G. D i t t e n b e r g e r. Orientis Graecae Inscriptiones Selectae, v. I—II. Lipsiae, 1903, 1905

RIJur. Gr. — R. D a r e s t e, B. H a u s s o u l l i e r et Th. R e i n a c h. Recueil des inscriptions juridiques grecques. Paris, 1891—1905

RC — C. B. W e l l e s. Royal Correspondance in the Hellenistic Period. New Haven, 1934

SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum

SGDI — H. C o l l i t z, F. B e c h t e l, O. H o f m a η η. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, B. I—IV. Göttingen, 1884—1915

Syll.¹ — G. D i t t e n b e r g e r. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. altera, v. I—III. Lipsiae, 1898—1901

Syll.¹ — G. D i t t e n b e r g e r. Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. tertia, v. I—IV. Lipsiae, 1915—1924

Публикации надписей

CIG — A. B o e c k h. Corpus Inscriptionum Graecarum. Berlin, 1828—1877

FD, III — Fouilles de Delphes, t. III. Epigraphie. Paris, 1929

IG — Inscriptiones Graecae

УКАЗАТЕЛИ

I. УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Древние авторы

- [Arist.], Ad Philocr. epist. — 208, 235, 304, 306
 Aristot., Pol., II, 7, 6—18; II, 9, 5-16, 17;
 Appian., Mithr., 62—191
 Arrian., Anab., I, 16, 4—116; III, 6, 5-153
 Arrian., Ind., 18, 4—153
 Athen., III, 126e—115; IV, 128a—129a—115; V, 216a—19; VI, 264c—24; VI, 267b—218; XV, 694d—154
 Cic., Tusc., III, 22—127
 Dem., Phil., III, 34—77; XXXIV—289; Ull., 21-289; LIX, 29—32-86
 Diod., XI, 84, 7—18; XIV, 17, 9—10—76; XIV, 34—19; XV, 57, 1—76; XV, 75—20, 76; XVI, 25—1—20; XVI, 28, 3—20; XVI, 33, 3—37; XVII, 3, 3—77; XVIII, 4—19; XVIII, 11, 1—77; XVIII, 38—77; XIX, 52—114; XIX, 66, 2, 67, 3—68, 1—77; XIX, 85, 4—304; XXX, 6—127; XXXI, 15a—306; XXXIV, 1, 79—252; XXXIV, 2 19—190
 Eut'rop., IV, 6-7—127; IV, 20—191
 Flor., Ep., I, 30—127; I, 35—191
 Front., Strat., II, 5, 19—77
 Hecat. Milet., FHG, fr. 75-99
 Hell. Oxyr., XVIII, 2-19
 Her., II, 10—88
 Hiperid., C. Athenog. — 289
 Ios. Fl., Aut., XIII, 12-306
 Isae., VI—289
 Iust., XXXVI, 4, 6—191
 Liv., XXVI, 24-80; XXXI, 40, 4—124; XXXI, 41—42—70; XXXI, 43, 5-7—79; XXXVII, 5—7—37; XXXIX, 25—125; XXXIX, 47, 2—126; XLIII, 4, 7, 8—127; XLIII, 7, 10; 8, 7, 13—127; XLIII, 19, 1—126, XLIII, 19, 12—126; XLIII, 20, 3—126; Per., 59—191
 III Maccab., 3, 11—29; 7, 1—9—208
 Oros., V, 9—190; V, 10—191
 Pausan., III, 9, 9—11—19; X, 16, 16—79; X, 20, 3—77
 Plato., Leg., IV, 777a, c—45; VIII, 848—150
 Plato., Rep., IX, 578d—45
 Plin., NH, IV, 34—113; V, 105—159; VIII, 196, XIII, 70. XXXVI, 115—154
 Polyae., Strat., VIII, 46—20
 Polyb., II, 3—77; II, 5-6—98
 II, 7, 5—98; IV, 3—4—81
 IV, 8, 10—77; IV, 6, 1—81
 IV, 16, 9—10—37; IV, 18, 29—79; IV, 34, 9—79; IV, 75, 7—10—125; IV, 80, 16—80; V, 8—80; V, 9, 3—78; V, 36, 1—80; V,

- 95, 11—12—37; IX, 34, 7—79; IX, 39, 3—80; XI, 5, 5—80; XI, 6, 3—80; XII, 5—11—17; XIII, 1—78; XV, 26—29—306; XVIII, 1—17—126; XVIII, 5, 8—38; XVIII, 22, 4—6—77; XVIII, 53—306; XXIII, 10, 4—5—125; XXX, 14—78; XXXIV, 14—306; XXXVI, 10, 2—5—127; XXXVI, 17, 5—54; XXXIX, 24—124
 Plut., Alex., 49—77
 Plut., Arat., 31—79
 Plut., Cleom., 18—79
 Plut., Eum., 8—139, 184
 Ps.-Aristot., I, 1344a, 23—b, 18—46; I, 1344b, 31 sq.—294; II, 1346a, 12—14—293; II, 1349a, 3—8—188; II, 1352a, 31—1353a, 5—243
 Strabo., VII, 7, 5—98; VII, fr. 20 и 22—ИЗ; VII, fr. 23—114; VIII, 3—21—38; IX, 4, 7—77; XIV, 1, 38—190, 192
 Suid., s. v. Heracl. — 136
 Thuc., I, 5—18; I, 103—18; II, 9, 2—18; II, 68—94; II, 30, 1—88; II, 80, 5—6—93; II, 102, 3—6—88; III, 94, 4—5—75; III, 94—98—75; III, 95, 3—19; III, 101—102—19
 Val. Max., III, 2, 12—193
 Vell. Patere., II, 4, 1—191
 Xen., Hell., II, 1, 19—139; III, 5, 3—19; IV, 2, 17—19; IV, 6, 14—76; VI, 5, 23—20
 Xen., Mem., II, 5, 2—27
 Xen., Oec., III, 10—43; XI, 15, XII, 3, XX, 26—293
 Zonag., I, 22—127
 Leipzig — Berlin, 1912, Л6 369—215
 p. Amh., II, 31—223
 PER inv. 24552-218, 230-233, 253, 254, 258
 p. Col. inv. 480—218, 230, 236, 239, 244, 246-249, 251-254, 258, 259
 p. Col. Zen., 3—263; 6—266; 14—267; 52-269, 276, 291; 54-274, 278, 292; 63-288; 75-271-273, 275, 278, 280, 282, 292; 77 — 278, 280, 282—285, 287, 288, 291; 81—289; 90—282; 104—277
 PCZ 59003—242, 263, 302; 59006—267; 59010—268, 302; 59011—267; 59013—275; 59014—275; 59015—263, 268, 288, 305; 59027—265; 59028—264; 59029—268; 59030—267, 300; 59041—269; 59043—265; 59044—267, 300; 59048—284; 59059—265; 59060—287; 59062—269; 59070—282; 59076—263, 282, 303; 59077—263, 303; 59080—298; 59087—265, 266; 59089—269; 59098—287; 59100—265; 59111—276; 59142—297; 59148—300; 59176—274, 278, 279, 279; 59191—297, 298; 59195—269, 291; 59196—269; 59242—288; 59268—286, 287; 59271—276; 59273—300, 59276—275; 59292—266, 279, 286, 288, 290; 59293—286; 59320—282; 59326—286, 287; 59327—287; 59328—286; 59333—278, 280, 285, 286, 289; 59335—305; 59341—282; 59354—286, 59355—303; 59356—303; 59357—269, 289; 59362—286; 59369—219; 59378—279, 288, 290; 59398—265, 282, 285, 287; 59406—291; 59412—289; 59417—285; 59429—286; 59430—286, 59443—262; 59446—288; 59460—269; 59475—284; 59480—276; 59484—297, 298; 59497—267; 59507—287; 59511—289; 59517—276; 59520—284; 59540—267; 59541—284; 59569—282, 285, 287, 288; 59576—288, 59585—286; 59600—285, 287, 294, 303; 59620—287, 294, 59621—287, 294, 305; 59632—269; 59633—290; 59635—287, 59642—291; 59644—266; 59669—285; 59676—264; 59677—266, 59678—266; 59683—287; 59691—283, 285; 59698—264, 266

Папирусы

- BGU, 1003—296; 1290—300; 1507—296; 1512—276, 278; 1518—276, 278; 1526—276; 1527—276; 1531—276, 279; 1730—219, 230; 1847—223
 C. Ord. Pt., 22—218, 230; 25—236; 27—215; 46—230; 46—218, 55—236, 238; 56—238, 239; 62—253; 64—230; 67—230; 69—254; 70—253, 254; 73—253
 P. Meyer. Juristische Papyri. Berlin, 1920, № 71—215
 L. Mitteis u. V. Wilcken Grundziige u. Chrestomathie der Papyrskunde, Bd. II, H. 2.

* Указатели составлены М. К. Трофимовой.

- 59699—264, 266, 278; 59700—266; 59704—283; 59705—275, 283; 59720—287; 59727—304; 59729—276, 278, 279; 59742—291; 59747—286, 287; 59748—288; 59749—283; 59751—262, 271, 272, 282; 59753—283; 59761—276; 59771—289; 59782—262, 287, 288; 59783—287, 289; 59788—276; 59795—283; 59804—265, 305; 59825—282; 59832—269; 59839—305; 59920—284
- p. Eleph., 3, 4—305
- p. Fay., 22—208; 47—50—305
- p. Giess., 2—302
- p. Grad., 1—230, 236—239, 241, 243, 245, 254, 258
- p. Grenf., 1, 21—302, 303; I, 43—302
- p. Hall., 1—208, 209, 211, 215, 221, 225, 226, 228, 254, 258
- p. Hamb., I, 91—302, 305
- p. Hibeh., 28—208; 29—218, 230, 236, 237, 243—246, 250, 253, 254, 304; 71—300; 110—296; 121—300; 203—301
- p. Kroll — 254
- p. Lille, 1—271; 3—304; 27—301; 28—215; 29—208, 209, 215, 217, 219—221, 223—226, 228, 249, 254, 258, 259
- p. Merton, II, 59—303, 305
- p. Mich. Zen., 18—267; 49—290; 67—286; 70—215, 259; 81—285; 86—284; 116—276; III, 200—296, 302
- p. Osl., 40—300
- p. Petrie, I, 12—302; I, 14—301; I, 15—301; I, 16—301; I, 25—302; II, 4 (1), II, 4 (2), II, 4 (9), II, 13 (1)—299; II, 13 (3)—296; II, 13 (5), II, 13 (15)—295; III, 7—310; III, 8, 11—301; III, 11—301; III, 19 (c)—301; HI, 40a, b—295, 296; III, 42 (c)—296; III, 43 (2)—295, 296
- p. Rend, Harr., 61—209, 229, 236, 239, 245, 253, 254, 258
- PSI, 329—267; 343—269; 271—284; 395—288; 403—303; 406—302; 427—288; 434—269; 438—289; 439—289; 485—267; 488—236; 489—267; 502—293; 507—274; 527—284, 289; 529—303; 545—284; 560—272; 599—269, 277, 279; 570—284; 580—285; 602—263; 605—298; 629, 666—289; 854—267, 297; 1002—277; 9854—297
- p. Tebt., 5—223, 254; 116—301; 700—218, 230, 259; 701—300, 304; 798—300; 811—305; 885—301; 890—300
- RL — 245, 246, 268
- SB, 1161, 1178—253; 1603—305; 1730—253; 3926—253; 5164—302; 5219, 5827—253, 6152—6156, 6236—253; 6306—301; 6319—300; 6718—263; 6772—302, 303; 6796—263; 7259—253; 7636—267; 7986—293; 8008—23;
- UPZ, 69, 70, 121—305; 157—290 194—305
- p. Wisc., 1—276, 278, 279
- X3 — 256
- KX — 255, 256

Надписи

Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. — ВДИ, 1939, № 3—40

Никитский. ОЗЛН, стр. 35—48; стр. 45—62; стр. 46—64; стр. 46—47—44; стр. 51—56—63; стр. 52—56—58; стр. 65—33, 41, 66; стр. 65—69—29, 67; стр. 112—115—30; стр. 114—43; стр. 131—132—57; стр. 119—148—40, 67; стр. 131—132—57; стр. 151—152—37

AE, 1955, p. 52, 1—57, 58, 60, 74; 1955, p. 53, 2—73; 1955, p. 53, 3—72; 1955, p. 58, 4—74; 1955, p. 60, 6—26, 57; 1955, p. 60, 7—74; 1955, p. 65, 8—74

Ath. Mitt., IX, 1884, S. 58—169; XXVII, 1902, S. 125, № 143—152

W. H. Buckler, D. M. Robinson. Greek Inscriptions from Sardes. — AJA, XVI, 1912, № 1 — 136, 144; XVI, p. 35—174

BCH, 1898, 354, 1—74; X, 1886, p. 124—133—117; XVI, 1892, p. 427, № 58—166; XXIV, 1900, p. 375, № 15—138; XLVI, 1922, p. 420 сл. — 154

£. jg 59. 2 72 73

«Clara Rhodos», IX, 1938, p. 183—156; IX, 1938, p. 183 сл. — 169

CIG, 2054—196

FD, III, III, 214—47; HI, HI, 337 340, 341—122; III, III, 385—119 III, IV, 178—79

IG, V, I, 1427—143; IX, I¹, 178—50 331—32, 39, 50, 61, 71, 73 333—16, 17; 349—57; 350—57 58, 72; 351—26, 72, 73, 74 357—74; 359—33, 38, 44, 73 360—41, 74; 361—32; 364—23 74; 365—38, 74; 366—74; 368 A B—48; 368A—58, 75; 369—54 370—23; 372—60, 73; 373—72 374—31, 36, 41, 55, 60, 62, 72 73, 75; 375—34, 40, 41, 43, 44 73, 75; 376—31, 73; 377—31 72; 1066—30, 35, 36, 60; 1067—1069—73; 1070—58, 75; 1072—25; IX, I², 95—85; 96a—83—85; 96b—83; 97—85; 98—86; 100, 101—84; 102, 104, 105, 108—86; 107—83; 109, 110a—83; 137—83; 137e—83, 87; 180—79; X, I, 2, 248, 394a и b—92; 417—91; 583—90; XII, I, 383—152; 762—140; XII, II, 539—139

IGRR, III, 137—196; III, 422—166; III, 801—154; IV, II, 25 сл., 69—139; IV, 135—153; IV, 289—149, 192, 193; IV, 330—142; IV, 535—198; IV, 557—197; IV, 571—171; IV, 733, 736—139; IV, 914—152, 188; IV, 1087—167; IV, 1257—153; IV, 1371—198

IPr., № 1—142, 168; № 3—169, 181, 182; № 14—181, 182, 186; № 15—181, 182, 186; № 16—181, 182 186; № 17—150; № 18—138, 151 № 39—151; № 108, 109—149 № 112, 113, 118—149

JHS, XXIV, 1904, p. 21, № 4—167 Klaff., S. 5—84; S. 5, 1—82; S. 5—7—82; S. 16a—82, 83; S. 16b—82, 83

KP, I, 22—140; III, S. 18 сл., № 18—197

Ler., I, 25—57, 60; I, 40, 1—54; I, 91, 1—74; I, 91b—29, 74, 75; I, 92—26; I, 92, 1—39, 48; I, 92, 11—39; I, 92, Ha—32, 54, 73; I, 92, lib—73; I, 92, Ilia—72, 74; I, 95a—33, 49; I, 96b—49, 60, 73; I, 117, 3—73; I, 129, 3—73, 74; I, 132—75; I, 143—53, 60, 72; II, 172—51, 52, 74

LBW, III, 337, 338, 379—166; III, 404—148; III, 495—139; III,

668—199; III, 851—197; III 860—863—171

M a s., Ic—43; If—48, 72; Ig — 73; V—43; Via—73

Na, 1—32, 49, 74; 2—40, 49, 60, 65, 74; 3—40, 57, 60, 74; 4—44, 57, 64, 74; 5—33, 41, 49, 73; 6—31, 39, 49; 7—57, 72, 74; 9—57, 58, 63; 10—49; 11—30, 49, 72—12—38, 57, 69, 74; 13—40, 49, 74; 14—30, 49, 73; 15—41, 49, 60, 73; 16—31, 49, 60, 74; 17—73; 18—49, 60, 73; 19—30, 32, 33, 38, 49, 66, 72; 20—28, 36, 57, 58, 60, 67, 74; 21—30, 60, 72; 22—74; 23—31, 39, 49, 60, 73; 24—73; 25—57, 73; 26—30, 49, 72; 28—32, 49, 74; 29—40, 58, 67, 73; 30—31, 49, 73; 31—31, 49, 72; 33—37, 57, 74; 34—72

OGIS, 1—142, 175, 178; 2—166 13—166; 55—155; 56—143 215—138, 151, 153, 154; 218—136, 137, 138; 221, 1—172, 155 221, III—172; 221, I—IV—170 225—144, 145, 165, 169, 176 229—157; 262—90; 309—139 329—138; 336—165; 338—142 148, 154, 155, 192; 339—193 351—151; 483—137, 150, 166 484—139, 150; 502—171; 524—139, 153; 532—138; 666—156 736, 747—138; 764—139; 773—188

«ПРАКТИКА», 1952, стр. 298—300—109

RC, № 8—182; № 8B—186; № 10—13—144, 170; № 18—20—144, 176, 177; № 54—193; № 62—154; № 70—168; № 104—105—167

REG, X, 1897, p. 446—117; LXIV, 1951, p. 171—173—118

RUur. Gr., II, p. 61—95; II, p. 244—52; II, 284—35; II, p. 287—55; II, p. 234—235—98

SEG, II, 2, 580—166; II, 2, 551—151; II, 2, 579—184; II, 2, 580—166; III, 433—25; IV, I, 177, 178—156; IV, I, 259—143; XII, 272—53; XII, 278—27, 33, 47, 53, 60, 70; IX, I, 5—218; XII, 279—27, 33, 47, 53, 60; XII, 291—31; XII, 293—54, 73; XIV, 469—32, 40, 49

SGDI, 1349—1352, 1354, 1356—109; 1422—55; 1908, 1997—47; 2071—123; 2097—51, 70, 73; 2265—50; 4592—96; 5532—169, 181; 5533e—166, 178

Syll.,² 347—142; 365—139; 846—139,
140, 154; 848—123; 855—27, 28,
44
Syll.,³ 47—16, 17, 24; 520—81; 535—
81; 578—139; 622—38; 622A—50,
54; 622B—50, 73; 633—167;

671B—139, 155; 742—148; 760—
142; 763—153; 798—139, 888—
143; 1000—90, 153; 1205—50, 71
Wilhelm, 119—31, 74; 1206—
52; 121—74

Лера Л. 12, 14, 17—23, 25, 30, 31,
36, 39, 40, 41, 45, 47, 50—53,
58—60, 62—67, 69—71, 77
Лотце Д. 53, 135
Лурье С. Я. 19, 222, 229

Маркс К. 307
Майер П. 215, 216, 219, 220, 223—226
Макаронас 112
Макриди Т. 111, 112
Мастрокостас Е. 14
Миттейс Л. 201, 215, 223, 244
Меджи Д. 131
Моджиевский И. 268
Монсо П. 95
Мурыгина Н. Ф. 127

Нахмансон Е. 14, 31, 44
Никитский А. В. И, 14, 23, 29, 30,
33, 38, 44, 48, 50, 52, 54, 57, 58
Нильссон М. П. 103, 107

Оберхуммер Е. 88
Омоль 52
Оссулье 55

Павловская А. И. 12
Папазоглу Ф. 110, 113, 126
Парч 215, 224—226
Персон 154
Периханян А. Г. 135, 136, 148, 166—
168, 183
Пикар 112, 125
Пикус Н. Н. 261
Плауман 236, 238
Покровский А. 227
Прингсхейм 248, 249
Прео 201, 259, 260, 261, 270
Ллодзень 250

Рамсей 149, 193, 198
Ранович А. Б. 130, 132—134, 141,
144, 145, 153, 158, 165, 167, 169,
174, 175, 177, 201, 231, 261, 307
Робер Ж. 90, 187
Робер Л. 118, 151, 156, 187, 189,
191, 198
Робинсон 136, 144, 146, 174, 175,
183, 184
Ростовцев М. И. 54, 60, 78, 81, 114,
116, 117, 124, 125, 129—132,
139, 141—145, 147, 148, 151,
153, 162, 164, 165, 167, 177,
179, 189, 190—192, 200, 201,
260, 262, 270, 298, 299

Свенцицкая И. С. 12, 133, 141, 143,
158, 165, 172, 174, 179, 180,
182, 183

Свидерек А. 259, 261, 270, 280, 281
Сегре М. 156, 169, 173
Соболевский С. И. 42
Соколовский Ф. 90, 197—199
Струве В. В. 164—166, 203, 204,
206, 219, 261, 292, 297, 308

Таронян Г. А. 204, 243
Тарн В. 60
Таубеншлаг Р. 49, 122, 223, 255, 305
Тод 76
Томпсон 218, 219
Трофимова М. К. 26, 204, 296, 304,
307, 309

Уголини Л. М. 99, 107—109
Уэллз 124, 125, 141, 167, 168, 170,
177

Уэстерман В. Л. 12, 28—30, 34, 45,
47—49, 55—57, 59, 61, 82, 84,
85, 90, 124, 200, 212, 214, 221,
228, 230—232, 234—236, 238,
244, 246, 248, 255, 260—262,
276, 277, 280, 281, 298, 302, 303

Фласельер Р. 75—80
Фогт 191
Фолькман 36, 79, 125, 127
Франк П. 92
Франк Т. 159
Фукар 191

Хазлук Ф. 167, 179, 180, 195—198
Хвостов В. М. 109
Хайхельхейм Ф. М. 229, 239, 241,
242, 245, 277

Хезе Л. 113
Хилинский К. 128, 129
Хиршфельд 88
Худ М. 114

Шапо В. 141
Шмидт Р. В. 9, 120, 121
Шнебель 201, 292
Шпигельберг 219

Эдгар 265, 280
Энгельс Ф. 307
Эргель 201

Юлкина О. И. 191

II. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Амусин И. Д. 269, 270
Андреадес А. 238
Андроник М. 118

Бакир А. М. 218
Баклер 136, 144, 146, 174, 175, 183
Бёмер Ф. 12, 23, 31, 35, 45, 48, 51,
55, 83, 91, 92, 96, 98, 107—110,
118, 132

Берар 17
Бергер А. К. 207
Бернекер Э. 225, 226, 228
Бикерман Е. 130, 131
Бинген 245
Блаватская Т. В. 96
Блаватский В. Д. 171
Боше Л. 214, 257
Брутон Т. Р. С. 159, 191

Вавржинек В. 189, 191, 192, 194,
195, 199
Ваддингтон В. 166, 197
Валлон А. 41
Вебер М. 129
Белков В. И. 41, 84
Вилл Э. 89
Вилькен В. 201, 215, 223, 236, 244
Вильхельм А. И. 14, 31, 74
Вудворт 118

Габихт Х. 90
Гвардуччи М. 107, 108
Граков Б. Н. 40

Дадли Д. Р. 191
Дегер Ф. И. 191
Джонс А. 131, 132, 141
Диттенбергер В. 11, 34, 39, 55, 136,
137, 151, 153, 166, 172
До Ж. 11, 14, 39, 50—56, 58, 59,
94, 113—114, 124

Доме 113

Дунаевская И. М. 256

Евангелиду Д. Е. 94
Жерне 256, 257
Жуковский П. М. 160—162

Завадский Т. 172
Зельин К. К. 26, 36, 43, 59, 120, 164,
201—204, 206, 216, 230, 231,
234, 235, 238—240, 261, 296,
304, 307—309

Казакевич Э. Л. 218, 222, 232, 289
Кальдерини 28, 43
Канья 149, 193
Кардинали Дж. 143, 152, 191
Кейль И. 199
Клаффенбах Г. И, 58, 75, 76, 79,
81—83, 87, 88, 90, 92
Колобова К. М. 136, 147
Корсунский А. Р. 12
Кошакер 123
Крюгер О. О. 201, 261, 292, 296
Кузишин В. И. 294, 295
Купишевский Х. 268
Куторга М. С. 52
Кэри 88

Ландау А. 178
Ланкоронский Ш. 155
Ларсен Дж. 94
Латышев В. В. 76
Лауффер 25
Ле Ба Ф. 166, 197
Левек П. 92
Ленже М. Т. 207, 208, 236, 238
Ленцман Я. А. 12, 137, 138, 185,
189, 218, 257

анахоресис 293, 300, 305
 антиграфевс 244—246
 асилвя 253
 аукцион 231, 234, 245, 246, 248—252
 беглые рабы 205, 254, 255, 259
 военнопленные (αιχμάλωτοι) 31, 32, 37, 50, 78—80, 115, 116, 125, 126, 189, 236, 238, 256, 302, 304
 вольноотпущенники 35, 45, 49, 50, 52—55, 60, 86, 87, 119, 121, 122—124, 126, 148, 149, 155, 156, 192—194, 258, 305
 имущество вольноотпущенников 44, 51, 52, 54, 120
 вскормленники 26, 68, 83, 305
 ВЪЗОВ рабов в суд (δούλων ἐπίκλησις) 222—228
 выкуп на волю 27—32, 33, 35, 39, 43, 45—48, 51—54, 56, 58, 83, 92 109 116
 гаранты 23, 61—70, 72, 109
 гетеры 85, 86, 153
 гиеродулы 219, 309
 гиматисмон (ἱματισμόν) 264—266, 268, 272, 280—282, 287
 гипереты 268, 269
 «декреты человеколюбия» (φιλόανθρωπα) 208, 252—254
 дикийомата (δικαιώματα) 207, 209—216, 220, 225—227
 дикастерион 226, 227
 двойкет 210, 234, 259, 282, 296, 299 302 305
 ДОЛГОВОЕ рабство 185, 203, 234, 246, 248, 252, 254, 257, 259
 домашнее рабство 150, 151, 187
 доморожденные рабы 26, 30—35, 42, 43, 49, 64—66, 72—75, 83—87, 121, 229, 240, 242, 245, 254, 258
 дореа (δωρεά) 252, 260, 269—272, 277, 278, 280, 281, 288, 289, 292—294, 296, 297
 заложники 244, 245, 252, 256
 катойки 135, 141, 142, 144, 148, 149, 156, 157, 181
 лаой 129—131, 133, 134, 144—146, 163—165, 169, 170, 172, 174—178, 181, 183, 190, 202, 203, 216, 230—232, 235, 253, 306
 манумиссии 13, 23—31, 34, 35, 43—61, 83, 85, 87, 91, 107—109,

116, 117, 119, 120—122, 124
 манумпссы 27, 30, 31, 43, 46, 51, 53—55, 59, 60, 85, 86, 92, 107—109
 метойки 134, 144, 148, 157
 опсонион 264—266, 268, 272, 274, 275, 278, 280—282, 285, 287, 290, 297, 298
 откуп налогов 244—246, 248—251
 отпущение-продажа 14, 28, 47, 50—52, 55, 61—71, 84, 86, 92
 парамонэ 26, 29—32, 36, 46, 48, 55—58, 60, 62—69, 85, 107, 109, 122, 123, 215, 309
 паройки 134, 135, 141, 144, 148, 149, 155—157, 182, 186, 192—194
 пенесты 25
 пираты 32, 36, 38, 48, 81, 91, 98
 покупные рабы 24, 25, 34—36, 42, 43, 84, 85
 практор ксеникон 246, 248—250, 252, 281
 простагма 207, 208, 216, 230, 231, 236, 242, 253
 рабский рынок 31, 33, 36, 37, 41, 81, 90, 117, 125, 126, 153, 185
 рабы-агенты 280, 281—291, 294, 303, 304, 307, 308
 рабы городские 130, 149, 152
 рабы государственные 82, 83, 151, 156
 рабы-ремесленники 26, 32, 39, 123
 рабы «родом из хоры» 83, 84
 рабы частные 26, 82, 83, 130, 151, 155
 ситомерия 264—266, 268, 272, 274, 278—283, 285—288, 290, 300
 статус рабов 46
 «тело» (σώμα) 46, 56, 61, 82, 86, 98, 119, 121, 138—140, 146, 149, 150, 154, 185, 213—216, 218, 219, 231, 232, 235—237, 239, 240, 246, 254, 260, 262—266, 271, 272, 274, 276, 277, 295—297, 299, 300, 304
 торговля рабами 203, 238—252, 257, 258, 263, 302
 цена рабов 27—34, 37, 39, 43, 55, 62—70, 83—87, 121, 153, 205
 эконома 231, 245, 246, 282—284, 286, 289, 296
 этнический состав рабов 31—41, 84, 91, 125, 127

ἀδίκημα 216, 220, 224—227
 ἀνδράποδον (андрапод) 135, 137, 138, 140, 144, 146, 149, 182, 185, 188, 189, 216, 218, 232, 244, 245, 262
 γεωργοὶ βασιλικοὶ (царские земледельцы) 293, 306, 307
 γραφή ἀνδραποδιομοῦ 258
 γραφή ἀπροστασίον 258
 γραφή ξενίας 258
 γυναικεῖα σώματα 153
 δημόσιοι δούλοι 139, 149, 152, 188
 δημόσιος 134, 137, 139, 140, 148, 153
 διάγραμμα 208, 209, 216, 220—222, 225, 228—230, 246, 250, 251, 254
 δεσмотήριον 298
 δοῦλος 134, 136—138, 140, 146, 147, 149—151, 182, 185, 192, 206, 211, 212, 216, 218, 232, 246, 253, 254, 262
 ἐργάται (поденщики) 203, 204, 261, 262, 269, 274—279, 281, 283, 288, 291, 296, 297, 300, 307
 ἐξελεόθεροι 148, 154
 ἔχω 165, 167—169
 ζημία 227
 θρεπτός 152
 κατοικία 141, 157
 κατοικοῦντες 141—144, 155, 168, 175, 178—180
 χτάομαι 165, 166, 169
 χτήμα 154, 165—167, 169, 170, 244, 246, 296
 λαοὶ βασιλικοὶ 164, 170, 172—174, 176,

178, 185
 μισθωτός (-μισθιος) 262, 272, 275, 278, 279, 281, 282, 291, 292
 νόμοι 220, 234, 254
 νόμος πολιτικός 208—211, 214—216, 222, 226
 νόμος τελωνιχός 208, 244, 246
 οἰχέτης (οἶκετ) 135—137, 139, 140, 144, 146, 149, 150, 157, 176, 182—184, 216, 218—220, 223, 231, 262, 300, 302
 παιδάριον 260, 262—266, 274—279, 282—285, 287, 290, 291, 298—301
 παιδίσκη 139, 154, 260—264, 266, 267, 297, 298, 300, 302, 306, 308
 παιδοφόλαξ 152
 παῖς 137, 139, 140, 260, 262—264, 266—269, 271, 272, 276, 278, 280—292, 295, 297, 300—302, 308
 πολλῖται 211, 213
 προγράμματα 207, 208
 προπωλητικόν 239
 σώματα λαϊκά ἐλεόδερα 230—232, 234, 245, 258
 σωματέμπορος 139, 153
 σωματικά τέλη 229, 240
 υπάρχω 153, 169, 175
 υποτελείς 307
 υπόχρεων σωματῶν 249
 χώρα (chora) 129, 134, 147, 148, 156, 166, 169, 170, 172, 182, 186—188, 193, 203, 205, 222, 229, 240, 242, 245, 255, 306

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	5
Т. В. Блаватская	
ИЗ ИСТОРИИ РАБОВЛАДЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМ- ЛЯХ ГРЕЦИИ	
Введение	9
Глава I. Данные о рабовладении в Локриде Озольской эллинисти- ческого времени	14
Глава II. Материалы о рабовладении в эллинистической Этолии	75
Глава III. Сведения о рабах в Акарнании в III—II вв. до н. э.	88
Глава IV. Рабовладельческие отношения в Эпире	92
Глава V. К вопросу о развитии рабовладения в Македонии в III— II вв. до н. э.	110
Е. С. Голубцова	
РАБСТВО И ЗАВИСИМОСТЬ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ	
Введение	128
Глава I. Категории зависимого населения эллинистической Малой Азии	134
Глава II. Рабство и зависимость в городах эллинистической Малой Азии	147
Глава III. Формы зависимости сельского населения Малой Азии	158
Глава IV. Социальные движения в эллинистической Малой Азии	186
А. И. Павловская	
РАБСТВО В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ЕГИПТЕ	
Введение	200
Глава I. Рабы в законодательстве Птолемеев	206
Глава II. Рабы в архиве Зенона	259
Глава III. Роль рабства в экономической и общественной жизни Египта	295
Список сокращений	310
Указатели	
I. Указатель источников	314
II. Указатель имен	318
III. Предметный указатель	320
Указатель греческих терминов	321

*Татьяна Васильевна Блаватская,
Елена Сергеевна Голубцова,
Александра Ивановна Павловская*

**Рабство в эллинистических государствах
в III—I вв. до н. э.**

***Утверждено к печати
Институтом истории АН СССР***

Редактор ***Л. П. Маринович***
Редактор издательства Ф. Н. ***Арский***
Художник ***Н. Б. Старцев***
Технический редактор Т. ***В. Алексеева***

Сдано в набор 31/1 1969 г. Подписано к печати
9/X 1969 г. Формат 60х90 1/16 Бумага М 1. Усл.
печ. л. 20,25. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 1300 экз.
Тип. зак. 98. Т-11298, Цепя 1 р. 54 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12